

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**«Актуальная археология 3.
Новые интерпретации археологических данных»**

Тезисы международной научной конференции молодых ученых

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**«Актуальная археология 3.
Новые интерперетации археологических данных»**

Тезисы международной научной конференции молодых ученых
Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2016

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Оргкомитет конференции:

к.и.н. О. И. Богуславский (ИИМК РАН),
Е. С. Ткач (ИИМК РАН), к.и.н. А. А. Бессуднов (ИИМК РАН),
В. В. Терехина (ИИИМК РАН), И. Ю. Хрусталева (Государственный
Эрмитаж), О. В. Григорьева (ИИМК РАН), К. В. Горлов (ИИМК РАН),
А. С. Дятлов (СПбГУ)

Редакторы и составители:

к.и.н. В. А. Алёшкин (ответственный редактор),
Е. С. Ткач, к.и.н. А. А. Бессуднов

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьёв

На обложке: Реконструкция внешнего облика человека со стоянки Костенки 2 (Замятинская) (Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXVIII. М. С. 238)

ISBN 978-5-9907148-8-5

УДК 902/904
ББК 63.4

© ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От оргкомитета15

Археология эпохи камня: материалы и подходы

**Сырьевые комплексы стоянки Криничная
в среднем Посожье: предварительные результаты17**
Ашейчик В. В. (Минск)

**Верхнепалеолитический памятник Малая Сья
(Кузнецкий Алатау)21**
Барков А. В. (Новосибирск)

**Новые подходы к изучению керамики
Хуторской стоянки24**
Батуева Н. С. (Пермь)

**Стоянка Белая Сорока 1 на нижней Припяти:
переосмысление источника27**
Вашанов А. Н. (Минск)

**Анализ кремневого инвентаря с памятников
Береговой-1 и Береговой-231**
Велент-Щербач С. С. (Минск)

**Новые подходы и интерпретации в изучении
степного неолита34**
Гилязов Ф. Ф. (Самара)

Перстни из детского погребения со стоянки Сунгирь37
Денисова А.Н. (Владимир)

**Новые подходы и интерпретации в изучении стоянки
Курпеже-Молла в Северном Прикаспии40**
Дога Н.С. (Самара)

Грот Ахцу - новый памятник каменного века в Сочинском Причерноморье: первые результаты	43
<i>Дятлов А.С. (Санкт-Петербург)</i>	
Предварительные результаты сравнительного технико-технологического анализа новоильинской и красноостовской керамики	47
<i>Ересько О.В. (Самара)</i>	
Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка)	51
<i>Канделаки Д.А. (Гагра)</i>	
Изучение и интерпретация подъемных комплексов Прибрежного Дагестана (по материалам палеолитического памятника Дарвагчай-карьер-2)	54
<i>Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. (Новосибирск)</i>	
Основные категории костяного инвентаря памятников эпохи раннего металла Кольского полуострова	57
<i>Киселева А. М., Мурашкин А. И. (Санкт-Петербург)</i>	
О культурной принадлежности стоянки Пушкари I	63
<i>Кононович Е. Ю. (Санкт-Петербург)</i>	
Планиграфический аспект использования отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой (предварительные результаты)	67
<i>Ларионова А. В., Степанова К. Н. (Санкт-Петербург)</i>	
Неолитизация в Южной и Центральной Америке: новейшие исследования и подходы	73
<i>Леванова Е. С., Хохрякова С. А. (Москва)</i>	
Пространственный анализ структуры верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II	76
<i>Медведев С. П. (Москва)</i>	
Ретушеры верхнего слоя стоянки Каменная Балка II	80
<i>Медведев С. П. (Москва), Степанова К. Н. (Санкт-Петербург)</i>	

Поселение Огурдино как источник для изучения мезолита Прикамья	83
<i>Митрошин Е. Н. (Пермь)</i>	
Природно-климатические условия Притоболья с эпохи неолита до средневековья (по материалам поселения Оськино Болото)	86
<i>Насонова Э. Д. (Новосибирск)</i>	
Опыт применения методов историко-культурного подхода к изучению форм сосудов	89
<i>Никитина А. В. (Самара)</i>	
Новые подходы к изучению и интерпретация памятника Комбактэ в Северном Прикаспии	94
<i>Попов А. С. (Самара)</i>	
Новые подходы и интерпретации в изучении средневожской неолитической культуры	97
<i>Сомов А. В. (Самара)</i>	
Бивневые отщепы с усечением из коллекции верхнепалеолитической стоянки Сунгирь	100
<i>Солдатова Т. Е. (Москва)</i>	
Жилища эпохи раннего металла: история и перспективы изучения	104
<i>Тимушева И. М. (Сыктывкар)</i>	
Керамический комплекс эпохи неолита памятника Старый Дедин 4	108
<i>Ткачева М. И. (Минск)</i>	
Новые методы в изучении ямочно-гребенчатой керамики Примокшанья	111
<i>Толыгина И. Г. (Самара)</i>	
Изделия из технических сколов в каменной индустрии поздней ушковской культуры: предварительный обзор данных	115
<i>Федорченко А. Ю. (Магадан)</i>	

Новые находки каменных украшений в VI палеолитическом слое стоянки Ушки-I (Камчатка)	119
<i>Федорченко А. Ю. (Магадан)</i>	
Палеолитическое жилище на Косой Шивере-2 (Западное Забайкалье)	122
<i>Филатов Е. А. (Чита)</i>	
Возможности «керамической» хронологии	125
<i>Хаванский А. И. (Москва)</i>	
Некоторые результаты исследования памятников шнуровой керамики на р. Россонь	129
<i>Холкина М. А. (Санкт-Петербург)</i>	
Результаты петрографического исследования керамики среднего неолита – раннего энеолита Карелии (рубеж V–IV – начало III тыс. до н.э.)	132
<i>Хорошун Т. А. (Петрозаводск)</i>	
Использование окаменелостей древним населением центральной части Русской равнины в эпохи неолита и бронзы (к постановке вопроса)	136
<i>Храмцова А. А. (Москва)</i>	
Возможности реконструкции неолитических построек (по материалам поселения Сертея XIV)	142
<i>Хрусталева И. Ю. (Санкт-Петербург)</i>	
Исследование местонахождения Атапуэрка – важный этап в изучении Homo heidelbergensis	147
<i>Шулимова Е. А. (Краснодар)</i>	
Локальные особенности культур лесного неолита в Белорусском Понеманье на примере изучения керамики	151
<i>Юрецкий С. С. (Минск)</i>	

Вопросы изучения памятников эпохи бронзы

Некоторые аспекты технико-типологического анализа керамики позднего неолита – бронзового века КНР154
Гирченко Е. А. (Новосибирск)

Металлические наконечники стрел эпохи палеометалла Казахстана157
Елибаев Т. А. (Караганда)

Морфологический анализ целых форм сосудов срубной КИО с территории Майнского района Ульяновской области162
Ионова Е. А. (Ульяновск)

Отпечатки ткани на керамических сосудах бронзового века как источник по истории древнего ткачества: проблемы, возможности166
Медведева П. С. (Челябинск)

Классификация рвов могильника Старый Сад (Барабинская лесостепь, восточный вариант пахомовской культуры)169
Селин Д. В. (Новосибирск)

К вопросу о природно-сырьевых ресурсах территории северо-западного ареала развитого Триполья в верховьях р. Горыни173
Терёхина В. В. (Санкт-Петербург)

Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья176
Гутаева И. Ж. (Санкт-Петербург)

К вопросу о методике исследования социальной структуры ямной культуры Волго-Уральских степей по материалам погребальных комплексов183
Файзуллин А. А. (Оренбург)

К вопросу об изучении Селенгинских писаниц бассейна р. Уды (Забайкалье)186
Федоров С. В. (Иркутск), Пономарева И. А. (Санкт-Петербург)

**Металлические орудия труда с поселений позднего
бронзового века Уральско-Мугодjarского региона191**
Фомичев А. В. (Орск)

**Планиграфия и стратиграфия импортной керамики на
поселении Кент195**
Шаламбаева С. М. (Караганда)

**Технико-технологический анализ керамики
поздняковской культуры из поселения Шава-1197**
Швецова А. А. (Нижний Новгород)

Информативность источников стоянок раннего железного века и античного мира

**Информационный потенциал погребальных конструкций
при рассмотрении приемов домостроительства
(на примере «домов мертвых» населения Марийского
Поволжья)201**
Воробьева Е. Е. (Йошкар-Ола)

**К исследованию памятников городищевой культуры
в нижнем течении р. Ока (Владимирская область)203**
Галкин Т. О. (Владимир)

**Вопросы атрибуции архитектурных
фрагментов из Мирмекия208**
Колосов В. П. (Санкт-Петербург)

**Классификация полнофигурных изображений вепря
в скифо-сибирском зверином стиле210**
Леонтьева А. С. (Москва)

Ожерелья Гочевского некрополя213
Лясковская Л. Е. (Санкт-Петербург)

**Новые критерии для интерпретации массовой гробницы
G-4924 из античного Виминация217**
Микич И. Ж. (Белград)

**Некрополь Древнего Мерва: история исследования
и проблема интерпретации захоронений219**
Михеева А. А. (Москва)

**Танаис в I – первой половине II в. н.э.:
к постановке вопроса223**
Преснова Н. Н. (Москва)

Сяньбэй и стремена226
Трубникова В. Б. (Санкт-Петербург)

**Чернолаковая керамика из раскопок дома
эллинистического времени в XIX квартале
Херсонеса Таврического229**
Ушакова К. С. (Севастополь)

Изучение средневековых памятников Евразии: общие проблемы, локальные материалы

**Опыт реконструкции сооружений первого
строительного горизонта городища Ендырское I234**
Абакумова О. С. (Екатеринбург)

**Пенджикент в предмонгольское время:
новые исследования238**
Аминов Ф. Ш. (Санкт-Петербург)

**Изучение гончарной посуды конца XVI – XIX веков
из раскопок города Тобольска243**
Балюнов И. В. (Тобольск)

**Особенности поселений эпохи раннего средневековья
(V–VIII вв. н. э.) Новосибирского и Томско-Нарымского
Приобья (по материалам исследований 1960-1990-х гг.)245**
Демахина М. С. (Новосибирск)

**Монеты XVI-XVII вв. с территории Земляного города в
Старой Ладогe (по материалам раскопок 1999–2013 гг.)249**
Григорьева Н. В., Горлов К. В. (Санкт-Петербург)

Идентификация погребенных Тихвинского некрополя Царевококшайска: опыт перекрестного анализа археологических и письменных источников (предварительные итоги)	256
<i>Калыгина Ж. С. (Йошкар-Ола)</i>	
Анализ орнамента керамики неволинской культуры Среднего Поволжья (на примере Чертова городка и поселения Подгоры I)	259
<i>Каравашкина Е. А. (Ульяновск)</i>	
Археологические исследования церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино	262
<i>Ковалева И. В., Филатов Е. А. (Чита)</i>	
Вышивка оловянным бисером в традиции древней мордвы	266
<i>Королева М. С. (Саранск)</i>	
Ювелирные мастерские Владимиро-Суздальского княжества (на примере черневых браслетов-наручей)	270
<i>Корниенко А. И. (Санкт-Петербург)</i>	
Образы коня и птицы в древнерусских подвесках первой трети II тыс. н.э.	274
<i>Кузнецова В. Н. (Санкт-Петербург)</i>	
Новая типология погребений кочевников IX-XIV вв. степного Приуралья	277
<i>Матюшко И. В. (Оренбург)</i>	
Перстни и браслеты древнерусского типа из средневековых памятников Пермского Предуралья	281
<i>Моряхина К. В. (Пермь)</i>	
О кожевенном промысле Царевококшайска в XVII-XIX вв. (по результатам раскопок в Йошкар-Оле)	284
<i>Огородников А. Д. (Йошкар-Ола)</i>	

Гравировка на щитковосерединных перстнях Пермского Предуралья	287
<i>Пермякова А. В. (Пермь)</i>	
Новые данные для реконструкции головного убора женщин Верхнего Повиля (по материалам раскопок курганного могильника Навры в 2015 году)	290
<i>Плавинский Н. А., Степанова М. И. (Минск)</i>	
Соотношение лепной и круговой керамики в раннесредневековых памятниках верховьев Зеравшана	295
<i>Пулотов А. Г. (Пенджикент)</i>	
Технология изготовления керамических сосудов могильника Шекшова 9 (предварительные результаты)	300
<i>Угулава Н. Д. (Москва)</i>	
Классификация колчанов кочевого населения степей Волго-Уралья в IX-XIV вв.	303
<i>Харламов П. В. (Оренбург)</i>	
Визуальные методы анализа христианской мелкой пластики из металла	309
<i>Чуракова А. Ю. (Санкт-Петербург)</i>	
Керамический комплекс г. Царевококшайска (Йошкар-Олы): новые подходы	313
<i>Яранцева Н. С. (Йошкар-Ола)</i>	
Основные итоги изучения древнерусского женского головного убора	315
<i>Яскович А. С. (Минск)</i>	
История науки и использование междисциплинарных методов в археологии	
Вклад П. С. Уваровой в развитие отечественной археологии	320
<i>Баскова В. А. (Москва)</i>	

Статистический анализ следов горения на грунте: возможности и перспективы	323
<i>Бычков Д. А. (Новосибирск)</i>	
Проблема функциональной классификации древних орудий труда в археологии	327
<i>Вальков И. А. (Барнаул)</i>	
Применение палеоруслового метода в археологических исследованиях	330
<i>Демаков Д. А. (Пермь)</i>	
Мультидисциплинарный подход в региональной археологии (по материалам Оренбургской археологической экспедиции)	334
<i>Евгеньев А. А. (Оренбург)</i>	
О методике создания базы данных амфорного материала	338
<i>Жужлов А. А. (Самара)</i>	
Опыт использования ГИС-технологий для пространственного анализа археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (эпоха бронзы – средневековье)	341
<i>Никулина А. В. (Новосибирск)</i>	
Аспекты исследования и сохранения Великой Абхазской стены	344
<i>Кайтан Ш. Г. (Сухум)</i>	
Обсуждение проблемы объекта и предмета археологии на заседании теоретической секции Пленума по итогам полевых исследований 1971 г.	346
<i>Палиенко С. В. (Киев)</i>	
Полевая методика отечественной археологии во второй половине XIX – начале XX вв.	349
<i>Прокопенко Д. Л. (Санкт-Петербург)</i>	

Изотопные методы в исследовании дольменной культуры эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа	352
<i>Ришко С. А., Трифонов В. А., Лохов К. И. (Санкт-Петербург)</i>	
Литолого-петрографический анализ каменного инвентаря из поселений эпохи бронзы Береговского археологического микрорайона	356
<i>Русланов Е. В., Русланов В. В. (Уфа)</i>	
Методические принципы определения охранной зоны Гочевского археологического комплекса (Курская область)	359
<i>Симоненков А. В. (Курск)</i>	
Применение электронно-зондовой микроскопии к изучению состава формовочных масс глиняной посуды на примере гончарной керамики древних карелов	364
<i>Сумманен И. М., Чаженгина С. Ю., Светов С. А. (Петрозаводск)</i>	
Опыт применения комплексного подхода при изучении костюма кочевого населения Южной Сибири и сопредельных территорий конца IX–III вв. до н.э. (историографический обзор)	367
<i>Усова И. А. (Санкт-Петербург)</i>	
Условия обитания поздненеоплейстоценовой мегафауны Западного Забайкалья по данным C-N изотопного состава костных остатков из археологических комплексов Хотык и Каменка	371
<i>Хубанова А. М. (Улан-Удэ), Клементьев А. М. (Иркутск), Посохов В. Ф., Мурзинцева А. Е., Хубанов В. Б. (Улан-Удэ)</i>	
Список сокращений	376

От оргкомитета

Материалы настоящего сборника являются результатом проведения конференции молодых ученых, которая продолжает цикл научных встреч, возобновленных в Санкт-Петербурге в Институте истории материальной культуры РАН в 2013 г. В 2013 и 2014 гг. они привлекли большое внимание молодых исследователей Санкт-Петербурга, Москвы и других городов России и ближнего зарубежья — Перми, Барнаула, Казани, Кишинева, Баку и др.

Большинство археологов начинают свой научный путь с изучения архивных материалов и археологических коллекций, хранящихся в музейных фондах. Им приходится сталкиваться с такими задачами, как создание классификации и типологии, установление планиграфического и стратиграфического распределения материала, а зачастую и культурной принадлежности исследуемого памятника, уточнение хронологии и периодизации культур и этапов и т.д. Молодым исследователям приходится пересматривать старые концепции и заниматься поиском новых интерпретаций. Обмен полученным опытом и обсуждение достигнутых результатов является, несомненно, важнейшим этапом научного исследования.

Таким образом, выбранная тема конференции «Новые интерпретации археологических данных» позволила максимально охватить этот круг проблем и включить в его обсуждение исследователей разных направлений: от древнейшего каменного века до материалов позднего средневековья. Прошедшие дискуссии отражены в разделах «Археология эпохи камня: материалы и подходы», «Вопросы изучения памятников эпохи бронзы», «Информативность источников стоянок раннего железного века и памятников античного мира», «Изучение средневековых памятников Евразии: общие проблемы, локальные материалы».

Как известно, интерпретация археологического материала во многом зависит от выбранных методов его исследования, поэтому, учитывая активное вхождение в науку нового поколения исследователей, важно обращать внимание на проблемы методологии. Этому направлению посвящен раздел настоящего сборника «История науки и использование междисциплинарных методов в археологии».

Оргкомитет выражает огромную благодарность всем участникам конференции, а также организаторам (в подготовке данной конференции активное участие принимали сотрудники Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского государственного университета) и всем заинтересованным лицам, без помощи которых данная конференция не состоялась. Мы искренне рассчитываем на заинтересованность коллег и будущее продолжение наших встреч в стенах Института истории материальной культуры.

Археология эпохи камня: материалы и подходы

Сырьевые комплексы стоянки Криничная в среднем Посожье: предварительные результаты

*Ашейчик В. В. (Институт истории НАН Беларуси, г. Минск)
vitali.asheichyk@gmail.com*

Белорусское Поднепровье, и в особенности бассейн р. Сож, изобилует кремневым сырьем, которое встречается в обнажениях меловых пород по склонам речных долин и в размывах моренных отложений. Местный серый крапчатый кремль верхнемелового времени известен в археологической литературе как «сожский». Это сырье занимало доминирующее положение в кремневых индустриях региона на протяжении всей преистории. В то же время в археологических коллекциях встречаются и находки из импортного кремня. В эпоху мезолита последний играл особую роль в комплексах бутовской культуры (Колосов, 2015. С. 34–35). Так, практически полностью из приносного мелового кремня выполнен инвентарь стоянки Дедня. Бутовские находки из аналогичного сырья известны еще на ряде памятников Посожья. Одним из них является стоянка Криничная, расположенная в 1,2 км юго-западнее д. Горки Чериковского р-на Могилёвской области, на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож. Памятник открыл в 1928 г. К. М. Поликарпович. В 1972, 1984, 1986 гг. его исследовал В. Ф. Копытин, в 1977 и 1978 гг. – О. Л. Липницкая. Общая вскрытая площадь стоянки составляет около 400 м², при ее раскопках получено свыше 13,7 тысяч кремневых находок.

Публикуя результаты исследований 1977 г., О. Л. Липницкая (1979. С. 32–33) обратила внимание на то, что большинство находок изготовлено из сожского кремня, тогда как для производства большей части пластин использовано отличное от него сырье. А. В. Колосов, в свою очередь, отмечал, что изделия из приносного кремня составляют около 2 % от общего количества артефактов (т.е. около 230 из 11312 учтенных), а индустрия стоянки является результатом адаптации бутовских традиций кремнеобработки к местному сырью (Колосов, 2007. С. 155; 2015. С. 34–35, 106).

Автор данного доклада поставил целью сравнить изготовленный из разного сырья бутовский инвентарь с точки зрения его технологии и типологического состава. Для исследования были выбраны материалы из раскопок 1977–1978 гг., хранящиеся в Институте истории НАН Беларуси.

По данным, извлеченным из публикаций и отчетов О. Л. Липницкой, на протяжении двух сезонов в раскопах площадью 130 м² было получено более 2100 находок из кремня. В настоящее время для изучения доступны 1749 единиц. Они и подверглись анализу.

Как уже отмечалось ранее, на стоянке представлены два основных вида сырья. Первый, приносной меловой полупрозрачный кремень отличается преимущественно светло-серым цветом, порой с голубоватым оттенком, и пятнами матовой светло-серой непрозрачной массы. Некоторые находки сохраняют участки тонкой и относительно гладкой корки. Второй вид представлен сожским кремнем, выходы которого, по данным В. Ф. Копытина, находятся в обнажениях террасы в непосредственной близости от стоянки. Это сырье темно-серого цвета имеет крапчатую текстуру за счет многочисленных точечных белых включений. Исходные конкреции представлены гальками и мелкими валунами, покрывающая их корка сильно эродирована. Выразительные отличия в цветности, текстуре, микротекстуре на просвет, свойстве корки, характере патинирования позволили уверенно определить сырьевую принадлежность большинства артефактов, вплоть до чешуек и мелких осколков. Из приносного кремня сделано 785 находок (44,9 % от общего числа проанализированных), из сожского – 703 (40,2 %). Еще 261 находка (14,9 %) отнесена к группе артефактов, выполненных из сырья, которое невозможно определить. Большинство из них составляют обожженные или сильно патинированные экземпляры. В незначительном количестве представлены изделия из кремня, отличающегося от двух, описанных выше, видов сырья.

Выделенные сырьевые комплексы имеют различную технико-морфологическую структуру (рис. 1), а также неодинаковы с точки зрения технологии первичного расщепления и типологического состава.

Среди артефактов, изготовленных из приносного кремня, количественно доминируют пластины и их фрагменты (304 ед.). Все они исключительно регулярны, с практически идеально параллельными краями, прямым профилем и стабильной толщиной на всем протяжении. Для их получения использовали одноплощадочные конические нуклеусы кругового скалывания, площадки которых активно подправляли в ходе эксплуатации, а для получения заготовок применяли технику отжима. В коллекции представлен один сработанный экземпляр и один фрагмент такого нуклеуса. Большинство отщепов (251 ед.) и чешуек (103 ед.) происходит от формирования и подправки нуклеусов. Только «сколов-таблеток» найдено по меньшей мере 15 экземпляров. Среди пластин представлены также

Рис. 1. Стоянка Криничная, материалы 1977–1978 гг. Количественное распределение кремневого инвентаря по технико-морфологическим категориям и сырьевым группам: С – сырье без следов обработки; Н – нуклеусы и нуклевидные обломки; От – отщепы; Пл – пластины; Ч – чешуйки (<2 см); МО – мелкие неопределимые обломки (<2 см); Об – неопределимые обломки (> 2 см); Ор – морфологические орудия

ребристые сколы (17 фрагментов). Орудийный набор включает серию микропластин с притупленным краем (12 ед.), резцами на углу сломанных пластин (6 ед.), концевыми скребками. Среди последних имеются два одинарных на пластинах, один на отщепе и один двойной на пластине. Кроме того, участки краевой ретуши различной протяженности имеют девять отщепов и десять пластин и их фрагментов.

Комплекс из сожского кремня с технологической точки зрения неоднороден. Нуклеусы от пластин и/или отщепов представлены одно-, дву- и многоплощадочными экземплярами, расщепление которых велось в технике удара. В небольшом количестве встречены также биполярные ядрища. Пластинчатые заготовки нерегулярны, в количественном отношении уступают отщепам. Орудия из сожского кремня представлены меньшим количеством находок, а их типы не находят соответствия среди артефактов, изготовленных из приносного сырья. Скребки (11 ед.) не

образуют устойчивых серий. Они представлены как концевыми, так и боковыми формами, а для их изготовления использованы нерегулярные пластины и отщепы. Еще один скребок на обломке комбинирован с резцом. Кроме того, в рассмотренной части коллекции имеются фрагмент наконечника стрелы на пластине с плоской вентральной ретушью в черешковой части; две проколки – на фрагменте нерегулярной пластины и на обломке; четыре орудия с выемками; три пластины и обломок с ретушью; скол лезвия рубящего орудия (?).

Описанные материалы позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, по характеру технологии первичного расщепления и типологическому составу комплекс изделий из приносного сырья соответствует традициям бутовской культуры. Во-вторых, бутовская индустрия стоянки Криничная базируется исключительно на высококачественном приносном кремне. Остальная часть материалов стоянки, по всей видимости, является смешанной, состоящей из разновременных компонентов. Один из них представляют изделия, характерные для финальнопалеолитической свидерской культуры – черешковый наконечник, один целый и два фрагмента двухплощадочных нуклеусов встречного скалывания для получения пластин. Однако, культурная и хронологическая принадлежность большей части артефактов из локального сырья остается не ясной, но она определенно не связана ни со свидерской, ни с бутовской индустриями.

Второй вывод предварителен, поскольку основан на результатах анализа меньшей части археологической коллекции памятника. Тем не менее, если он подтвердится и в ходе дальнейших исследований, то выдвинутая А.В. Колосовым гипотеза о зависимости бутовской индустрии памятников Посожья от высококачественного мелового кремня получит в свою пользу дополнительные аргументы.

Список литературы

- Колосов А. В., 2007. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья // Романовские чтения – 3: сб. тр. междунар. науч. конф., 23–24 нояб. 2006 г. Могилев. С. 154–156.
- Колосов А. В., 2015. Финальный палеолит и мезолит Посожья. Могилев.
- Липницкая О. Л., 1979. Мезолитическая стоянка Криничная // КСИА. № 157. С. 32–36.

Верхнепалеолитический памятник Малая Сыя (Кузнецкий Алатау)

*Барков А. В. (Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, г. Новосибирск)
barkovalex@bk.ru*

Верхнепалеолитическое местонахождение Малая Сыя расположено в Южной Сибири (Ширинский район республики Хакасия), на стыке восточных предгорий Кузнецкого Алатау и Минусинской котловины. Памятник относится к бассейну Чулыма и приурочен к среднему течению реки Белый Июс. Координаты центральной точки местонахождения равны 54°24'1.96» С.Ш., 89°26'34.64» В.Д.

Первые археологические работы на памятнике провел Н. Д. Оводов в 1974–1975 гг. (Муратов и др., 1982). Затем местонахождение исследовал отряд ИИФФ СО РАН под руководством В. Е. Ларичева (1975–1981 гг.). В 1992 и 2001 гг. В. Е. Ларичев и Ю. П. Холюшкин выполнили археологические работы по уточнению стратиграфии культуросодержащих отложений памятника (Ларичев, Холюшкин, 1992; Холюшкин, 2009). В 2013 г. отряд ИАЭТ СО РАН, возглавляемый Л. В. Лбовой, возобновил раскопки местонахождения, что было вызвано отсутствием однозначного определения его культурно-хронологического возраста (Лбова и др., 2013).

Стратиграфия отложений памятника и их предварительный анализ позволяют отнести культуросодержащую пачку к каргинскому времени и определить, что литологический слой с культурными остатками формировался в диапазоне от 40–45 до 23–25 тыс. л. н. Радиоуглеродные даты также соотносят комплекс с каргинским временем (29–34 тыс. л. н.), причем большинство дат, как ранее опубликованных, так и новых, находятся в пределах 29–30 тыс. л. н. (Лбова и др., 2015)

Коллекция памятника насчитывает около 13 тысяч экз. Первичное расщепление направлено на получение пластинчатых заготовок скалыванием их преимущественно с параллельных моно- и бифронтальных нуклеусов (63 экз.). В меньшей доле в коллекции представлены ортогональные нуклеусы (29 экз.). Среди находок также имеются малочисленные, но устойчивые серии торцовых (7 экз.) и радиальных (4 экз.) ядрищ. Орудийный набор характеризуется преимущественно орудиями на пластинах: концевыми скребками (57 экз.), комбинированными орудиями (скребок-остроконечник) (14 экз.), остроконечниками (27 экз.), выемчатыми

орудиями (19 экз.), проколками (10 экз.), стамесковидными орудиями (8 экз.), ретушированными пластинами (180 экз.). Менее распространены орудия на отщепах (острия –17 экз.), ретушированные отщепы – 99 экз.), скребла – 8 экз.). Значимую часть коллекции составляют галечные орудия: чопперы и чоппинги (7 экз.), струги (2 экз.), наковальни (3 экз.), отбойники и ретушеры (20 экз.), гальки со следами забитости (48 экз.). Редко встречаются боковые скребки (2 экз.), долотовидные орудия (2 экз.), ножи с обушком (2 экз.).

Коллекция артефактов из органических материалов (кость и рог) демонстрирует стандартный набор инвентаря верхнепалеолитических памятников. Орудия коллекции представлены теслами (3 экз.), шильями (3 экз.), ложилами (3 экз.) и наконечниками (11 экз.), а также обломками трубчатых костей с насечками.

В коллекции местонахождения присутствуют и предметы персональной орнаментации, изготовленные из серпентинита. Здесь представлены артефакты, демонстрирующие единую технологическую цепочку от подбора и опробования сырья, до придания изделию окончательной формы и его орнаментации.

Среди синхронных памятников региона наибольшее сходство Малая Сья обнаруживает с коллекцией памятника Сабаниха (26–23 тыс. л. н.), расположенного на расстоянии примерно 100 км. от Малой Сьи на левом берегу Енисея в отрогах Батеневского кряжа. По мнению Н.Ф. Лисицына, в коллекциях памятников прослеживается значительно сходство. Так, первичное расщепление направлено на получение пластинчатых заготовок скалыванием их преимущественно с монофронтальных нуклеусов параллельного скалывания с одной или двумя ударными площадками. Примерно в равных пропорциях представлены ортогональные, торцовые и радиальные ядрища. В орудийном наборе обеих индустрий преобладают пластины с ретушью и концевые скребки на пластинах. И там, и тут имеются схожие формы: комбинированные орудия (скребко–остроконечник), проколки с маленьким жальцем, стамесковидные орудия. Объединяет комплексы и значительная доля галечных орудий, немногочисленность боковых и округлых скребков, скребел, отсутствие бифасиальных изделий. Значительным является и сходство костяных орудий двух памятников (Лисицын, 2000).

Таким образом, Малая Сья является памятником, который выделяется на фоне синхронных индустрий Минусинской котловины. Наибольшее

сходство индустрия Малой Сьи находит в материалах памятника Сабаниха, что позволяет вновь поставить уже поднимавшийся в литературе вопрос об их однокультурности, (Лисицын, 2000). Однако, для его решения необходимо уточнение хроно-стратиграфической позиции комплексов, а также получение дополнительных технико-типологических данных.

Список литературы

- Ларичев В. Е., Холюшкин Ю. П., 1992. Палеолитическая стоянка Малая Сья // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников Юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). Красноярск. С. 109–122.
- Лбова Л. В., Барков А. В., Харевич В. М., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Кукса Е. Н., 2013. Позднепалеолитическое местонахождение Малая Сья: итоги полевых исследований 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск. Т. XIX. С. 104–109.
- Лбова Л. В., Панов В. С., Зенин В. Н., Барков А. В., 2015. Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. XXI. С. 103–106.
- Лисицын Н. Ф., 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.
- Муратов В. М., Оводов Н. Д., Панычева В. А., Сафарова С. А., 1982. Общая характеристика палеолитической стоянки Малая Сья в Хакасии // Археология Северной Евразии. Новосибирск. С. 41–45.
- Холюшкин Ю. П., 2009. Поселение Малая Сья – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск. С. 137–145.

Новые подходы к изучению керамики Хуторской стоянки¹

*Батуева Н. С. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
nadiabat@yandex.ru*

Хуторская стоянка является самым известным неолитическим памятником Предуралья и рассматривается как эталонная стоянка камской неолитической культуры.

Она была открыта в 1952 г. В. П. Денисовым (Памятники ..., 1994. С. 25). Памятник находится на южной оконечности Чашкинского озера – старицы р. Кама, на высоком дюнообразном всхолмлении, в 9 км к северу от г. Березники. Стоянка была исследована в 1954, 1975–76 гг. В. П. Денисовым, а в 2006 и 2008 гг. – Е. Л. Лычагиной. В ходе работ было изучено 1145 м². памятника, обнаружено более 11000 артефактов и два жилища эпохи неолита (Крыласова и др., 2014. С. 9).

На основе исследований Хуторской стоянки О. Н. Бадер выделил хуторской (развитый) этап камской неолитической культуры, считая, главными характеристиками его керамической посуды: полуяйцевидную форму сосудов, широкое распространение венчиков с наплывом на внутренней стороне, использование примеси шамота и песка в формовочной массе; орнаментацию гребенчатым штампом, плотность орнаментальных композиций, широкое использование «шагающей гребенки» при декорировании сосуда (Бадер, 1978).

Целью данной работы является анализ керамики стоянки из раскопок 2006, 2008 гг. с использованием современных методов изучения.

Аналитические исследования осуществлены в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским и выделенной им структуры гончарного производства (Бобринский, 1978).

Для технико-технологического анализа были отобраны 13 сосудов. Полученные аналитические данные позволили выделить основные типологические черты изучаемой коллекции. К типологическим чертам

¹ Работа проведена при поддержке гранта РФНФ, проект № №15-11-59001 Комплексное исследование материальной культуры памятников каменного века в районе Чашкинского озера. Пермский край.

относятся: цвет сосудов, толщина их стенок, форма венчиков, и описание орнамента.

Посуда Хуторской стоянки, имеющая преимущественно песочный цвет (10 сосудов – 78%), характеризуется толстыми стенками, от 0,8 см и толще. Еще одной важной чертой, отличающей посуду, является форма венчиков. В коллекции обнаружены девять венчиков, восемь из которых (почти 90 %) имеют скошенный верх. Наплывы по внутренней стороне скошенных венчиков отмечены на шести сосудах (70 %), еще у двух отмечены уплощенные торцы (22 %).

Вся посуда украшена гребенчатым орнаментом, при этом использованы почти в равных количествах естественные (челюсти мелких грызунов и рыб, а также кости рыб и хищников) – 55 % и искусственные (приспособления, изготовленные рукой человека) – 45 % орнаменты. Орнамент на сосуды наносили четырьмя способами (прокатывание, оттискивание, отступление и протаскивание). Чаще всего узор создавали с помощью прокатывания мелкого или крупного гребенчатого штампа (восемь случаев – 38 %), нередко встречается оттиснутый узор (шесть случаев – 28 %). Такой способ нанесения орнамента как отступление был представлен в виде «качалки» и обнаружен на двух сосудах (9 %). Лишь в одном случае встречено протаскивание (5 %).

Помимо гребенчатого выявлен ямочный узор, который могли наносить как округлым предметом (три случая – 15 %), так и углом гребенчатого штампа (один случай – 5 %).

Анализ формовочной массы и исходного сырья проведен при помощи микроскопа МБС-9 на базе ЛАЭИ ПГГПУ.

Для изготовления посуды гончары Хуторской стоянки использовали илестые глины (30%) и глины (70%). Сырье брали во влажном состоянии, причем в исходном сырье отсутствовали частицы песка, то есть предпочитали илестые и «жирные» глины.

Формовочные массы керамики можно разделить на две группы: с несмешанным двухкомпонентным составом и смешанным многокомпонентным составом (Цетлин, 2012). К первой группе относится сочетание «глина + шамот», которое свойственно девяти сосудам, что составляет почти 70 % формовочной массы изучаемой коллекции. Во вторую группу включены сочетания: «глина + шамот + органический

раствор», присущее трем сосудам (23 %) и «глина + шамот + дробленая глина», зафиксированный для одного сосуда (7 %).

Таким образом, проведенные нами исследования, позволяют уточнить не только основные черты керамики Хуторской стоянки, но и посуды развитого этапа камской неолитической культуры. К ним относятся: толстые стенки посуды; широкое распространение скошенных внутрь с напылом венчиков; гребенчатая орнаментация; применение способа нанесения орнамента прокатыванием; использование различных типов гребенчатых орнаментов; употребление «жирных» глин во влажном состоянии и состава «глина + шамот», при составлении формовочной массы.

В итоге хотелось бы отметить, что наше исследование подтвердило правильность типологических характеристик керамики хуторского типа, предложенных О. Н. Бадером. Дополненные технологическим анализом они могут быть использованы при анализе керамики других памятников хуторского (развитого) этапа камской неолитической культуры.

Список литературы

- Бадер О. Н., 1978. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. Вып. 153. С. 72–74.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В., 2014. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь.
- Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района / Под ред. А. Ф. Мельничука, Н. Е. Соколовой, В. А. Цыпуштановой. Усолье, 1994.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.

Стоянка Белая Сорока 1 на нижней Припяти: переосмысление источника

*Вашанов А. Н. (Институт истории НАН Беларуси, г. Минск)
vashanau@gmail.com*

После аварии на Чернобыльской атомной электростанции значительные территории на юго-востоке Беларуси оказались в зоне радиоактивного загрязнения. Районы, вошедшие в состав Полесского государственного радиационно-экологического заповедника, по-прежнему недоступны для проведения полномасштабных полевых исследований. Поэтому на сегодняшний день важным является повторное обращение к коллекциям, накопленным в результате предшествующих исследований.

Памятник Белая Сорока 1 размещается на расстоянии 1,2 км на северо-запад от бывшей д. Белая Сорока (Наровлянский р-н, Гомельская обл.), на первой надпойменной террасе правого берега р. Припять. Стоянка была открыта в 1962 г. В. Ф. Исаенко, затем обследовалась им в 1963 и 1972 гг. (Исаенко, 1963; 1964; 1973). В июне 2013 г. в рамках программы по инвентаризации памятников археологии стоянку посетили А. Н. Вашанов и А. Г. Тимофенко.

Продолжительное время коллекция собранных на ней кремневых изделий рассматривалась в качестве гомогенного комплекса эпохи мезолита. Первооткрыватель стоянки В.Ф. Исаенко относил памятник к раннему периоду микролитической культуры, распространенной в юго-восточной части Беларуси (Исаенко, 1966а. С. 29; 1966б. С. 335). Польский исследователь С. К. Козловский рассматривал материалы Белой Сороки в составе выделенных им комплексов типа Кудлаевка (Kozłowski, 1972. S. 110).

На данный момент в фондах Национального исторического музея Республики Беларусь и Института истории НАН Беларуси хранится коллекция материалов из исследований 1962, 1963, 1972 и 2013 гг., которая насчитывает 591 находку (535 каменных артефактов, 47 фрагментов лепной керамики, 9 черепков круговой керамики).

На основании макроскопических признаков в коллекции было выделено шесть видов сырья: 1) балтийский моренный кремль темно-серого цвета; 2) балтийский моренный кремль светло-серого цвета; 3) сожский

крапчатый кремь; 4) житомирский кремь медово-желтого цвета, 5) житомирский кремь темно-коричневого цвета; 6) кварцит.

Технико-типологический анализ позволяет сделать вывод о культурной и хронологической неоднородности каменного инвентаря, в составе которого можно выделить ряд комплексов.

Самыми ранними материалами являются фрагмент наконечника стрелы (рис. 1: 1), и пластина с негативами встречного скалывания (рис. 1: 2), которые соответствуют традициям свидерской культуры финального палеолита.

Значительное количество артефактов связано с мезолитической кудлаевской культурой. Группа нуклеусов представлена одноплощадочными, двухплощадочными и многоплощадочными формами для производства нерегулярных пластин и отщепов (рис. 1: 3). Все предметы находятся на крайней стадии утилизации. Дебитаж представлен нерегулярными пластинами и отщепами. Микролитический набор составляют следующие типы: острия типа Ставиного (рис. 1: 4–9), ланцетовидные острия (рис. 1: 10–11), треугольник (рис. 1: 12), микропластинки с притупленным ретушью краем (рис. 1: 13–16). Другие орудия представлены скребками на отщепах и нерегулярных пластинах (рис. 1: 20), скрбачами, резцами, проколками (рис. 1: 18–19). В технике обработки преобладают отвесная и крутая типы ретуши. В коллекции присутствует также один микрорезец (рис. 1: 17).

Материалы еще одной мезолитической культуры – песочноровской – представлены массивной трапецией на отщепе (рис. 1: 21), несколькими скребками и немногочисленным дебитажем.

Репрезентативен также комплекс изделий, который можно датировать поздним мезолитом/ранним неолитом. Сюда относятся фрагменты одноплощадочных нуклеусов для производства регулярных пластин, дебитаж, средневысокая трапеция (рис. 1: 22), различные типы орудий на пластинах (рис. 1: 23–25). Данный комплекс характеризуется высокой долей регулярных пластинчатых заготовок.

Необходимо отметить, что каждый из выделенных выше комплексов связан с определённым видом сырья. Так, кудлаевские материалы изготовлены из балтийского моренного кремня двух видов, кроме этого не исключена вероятность использования кварцита. Темно-серый балтийский

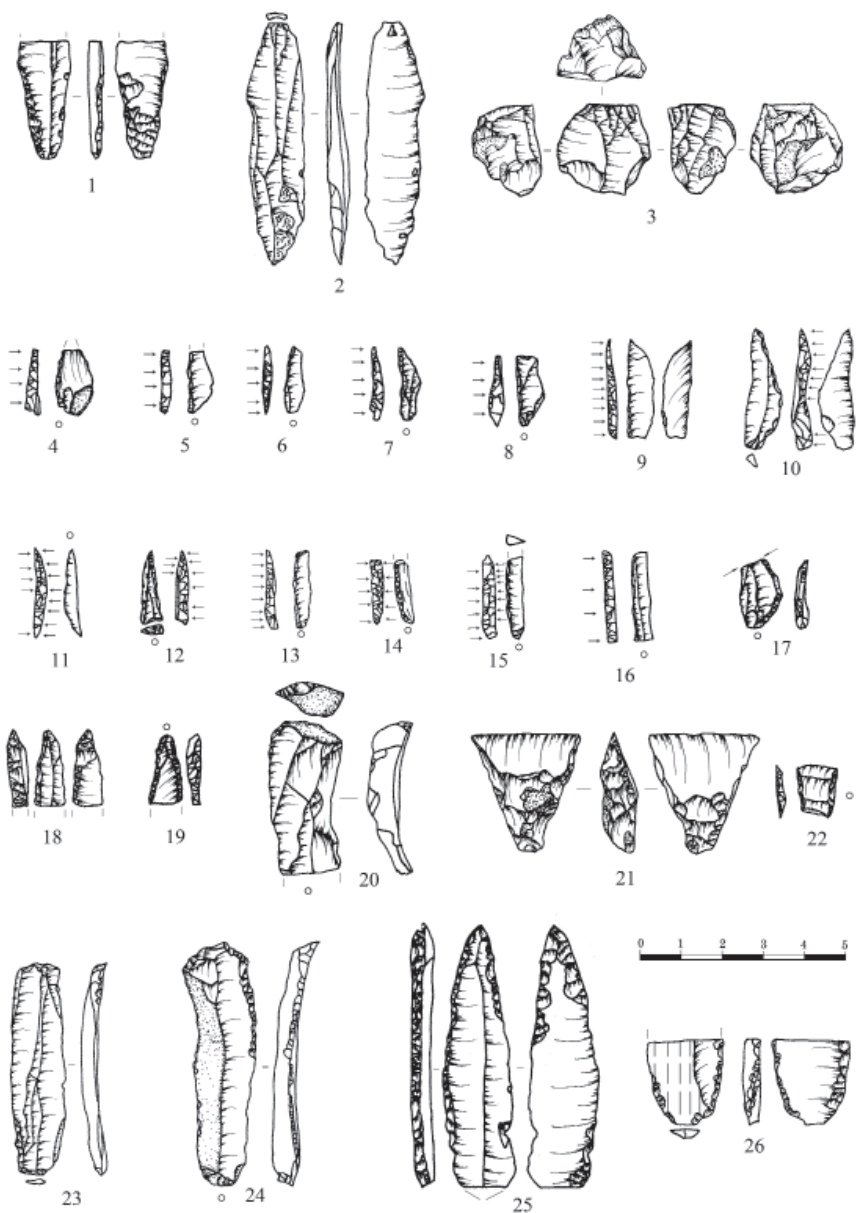

Рис. 1. Стоянка Белая Сорока 1. Кремневый инвентарь

кремь использовался также в свидерской культуре, однако размеры артефактов и качество кремня, могут свидетельствовать в пользу не моренного происхождения использованного сырья. Песочноровские материалы выполнены из житомирского медово-желтого кремня. Находки, относящиеся к позднему мезолиту/раннему неолиту, изготовлены из житомирского тёмно-коричневого кремня.

Артефакты из сожского крапчатого кремня в коллекции немногочисленны, отсутствие характерных элементов не позволяет провести их культурную и хронологическую идентификацию.

Керамика, найденная на памятнике, относится к восточнополесскому варианту днепро-донецкой культуры, а также к среднеднепровской и тшинецкой культурам. С неолитическим периодом связан и фрагмент кремневой пластины со следами шлифовки на дорсальной поверхности (рис. 1: 26). К сожалению, наличие патины не позволяет определить вид сырья, из которого было изготовлено орудие.

Таким образом, первоначальные выводы исследователей об однородности материалов памятника не подтверждаются имеющимся материалом. В то же время, связь выделенных культурно-хронологических комплексов с разными видами сырья позволяет говорить о гомогенности каждого из них.

Список литературы

- Исаенко В. Ф., 1963. Отчёт о полевых исследованиях в 1962 г. // ЦНА НАНБ. Фонд АНД, оп. 1, № 158, 158а.
- Исаенко В. Ф., 1964. Отчёт о полевых исследованиях в 1963 г. // ЦНА НАНБ. Фонд АНД, оп. 1, № 160, 160а.
- Исаенко В. Ф., 1966а. Мезолит и неолит Припятского Полесья // Древности Белоруссии. Минск. С. 22–53.
- Исаенко В. Ф., 1966б. Мезолит Восточного Полесья // Вопросы истории и археологии. Минск. С. 328–329.
- Исаенко В. Ф., 1973. Отчёт о полевых исследованиях в Витебской области и на территории Полесья в 1972 г. // ЦНА НАНБ. Фонд АНД, оп. 1, № 415.
- Kozłowski S.K., 1972. Zespoły typu kudłajewka // Światowit. T. XXXIII. S. 107–120.

Анализ кремневого инвентаря с памятников Береговой-1 и Береговой-2

*Велент-Щербач С. С. (Институт истории НАН Беларуси,
г. Минск)
skarlett_07@mail.ru*

Археологический комплекс Береговой включает в себя два разновременных памятника, расположенных около поселка Береговой Гродненского района Гродненской области. Они были локализованы В.С. Обуховским и В. Л. Лакизой в 1999 г. и изучены в 2003 и 2008 гг. во время исследований зоны строительства Гродненской ГЭС.

Поселение Береговой-1 площадью около 3,2 га размещено на правобережной террасе р. Неман, в 0,6 км южнее одноименного поселка. Площадка террасы разрезана ярами на отдельные участки (А, Б, В).

Во время исследований памятника было собрано 1002 кремневых артефакта. Самую большую часть коллекции составляют продукты дебитажа (63,27 %) – пластины (120 экз.), отщепы (462 экз.), пластинчатые отщепы (30 экз.), сколы (3 экз.), технические сколы (19 экз.). Отщепы (46,11 %), большей частью первичные аморфной формы, имеют меловую корку. Пластины и их фрагменты (11,98 %) представлены как микропластинками толщиной до 2 мм и шириной до 10 мм, так и массивными экземплярами длиной 70–80 мм. Примерно в равном количестве найдены регулярные и нерегулярные пластины. Технические сколы (1,9 %) составляют самую маленькую группа находок. Речь идет о ребристых пластинах, сколах оживления площадки нуклеуса и сколах подправки фронта.

Продукты первичного расщепления представлены нуклеусами и их фрагментами (20 экз.), что составляет 1,2 % от общего количества кремневых артефактов. Известны одно и многоплощадочные нуклеусы аморфных форм, от которых откалывали пластины, пластины и отщепы. Выявлены два типа площадок нуклеусов: натуральные и сформированные боковым сколом. Подобные типы нуклеусов белорусские исследователи связывают с ранним – средним неолитом (припятско-неманская культура и лысогорский этап неманской культуры) (Исаенко, 1970а. С. 51–54; 1970б. С. 72–74; Чарняўскі, 1979. С. 84–87; Чарняўскі, Ісаенка, 1997. С. 146–151) и с культурными традициями позднего неолита (Чарняўскі, Ісаенка, 1997. С. 146–151).

Орудия труда и артефакты со следами вторичной обработки представлены на памятнике весьма широко. Их доля составляет 13,07 % (131 экз.). Здесь обнаружены наконечники, скребки, скобели, ножи, ножевидные пластины, ретушированные пластины, отщепы и обломки. Треугольные наконечники стрел со слегка вогнутым основанием характерны для лысогорского и доброборского этапа неманской культуры и круга культур шнуровой керамики (Чарняўскі, 1979. С. 55–67; Чарняўскі, Ісаенка, 1997. С. 149–151; Лакіза, 2008. С. 112; Balcer, 1983. Р. 228–229). Среди скребков на отщепах выделяются концевые и боковые. Первые наиболее характерны для эпохи позднего мезолита – среднего неолита (Исаенко, 1970а. С. 53–54; 1970б. С. 72–74; Чарняўскі, 1979. С. 52, 58; Чарняўскі, Ісаенка, 1997. С. 146–151), вторые – для раннего неолита – бронзового века (Чарняўскі, Ісаенка, 1997. С. 146–151; Лакіза, 2008. С. 110–118).

Особый интерес вызывает серп-нож. Он обработан плоской распространенной зубчатой ретушью. Его рабочий край сильно сработан и заполирован. Такой тип орудий характерен для Белорусского Понеманья эпохи позднего неолита – бронзового века (Лакіза, 2008. С. 110).

В целом, набор кремневых артефактов памятника Береговой 1 свидетельствует о том, что интенсивное заселение здесь началось еще в позднем мезолите – раннем неолите, и продолжалось до бронзового века.

Поселение Береговой-2 размещено на надпоймовой террасе в 0,2–0,3 км южнее памятника Береговой-1. Небольшие яры делят памятник площадью 0,6 га на три части (А, Б, В).

Во время исследований поселения были найдены 83 кремневых артефакта. Продукты дебитаж составляют более половины коллекции – 54,22 %. Речь идет о первичных и вторичных отщепах (40,96 %), регулярных и конвергентных пластинах и их фрагментах (13,25 %).

На поселении найдено всего три нуклеуса. Один из них представлен небольшим фрагментом, который был подвергнут сильному термическому воздействию. Два другие, двуплощадочные со встречной системой скалывания, служили для получения пластин и отщепов. Один нуклеус имеет призматическую формы, второй – аморфную. Их площадки сформированы боковым сколом. Такие типы нуклеусов можно связать с носителями припятско-неманской культуры и лысогорским этапом неманской культуры (Чарняўскі, 1979. С. 84–87; Чарняўскі, Ісаенка, 1997. С. 146–151).

Наличие на памятнике комбинированных орудий В. Ф. Исаенко связывает с культурными традициями среднего и позднего неолита (1970. С. 72–74).

Остальные артефакты со следами вторичной обработки имеют широкое культурно-хронологическое бытование и не могут быть достоверно интерпретированы.

Таким образом, археологический комплекс Береговой является совокупностью археологических многокультурных памятников, обживание которых началось в позднем мезолите – раннем неолите. Основным сырьем для изготовления орудий служил серый балтийский кремль. Анализ кремневого инвентаря и выделенные типы орудий позволяют связать рассматриваемые памятники с культурными традициями припятско-неманской и неманской культур, частично – с культурными традициями позднего неолита – бронзового века.

Автор выражает благодарность В. Л. Лакизе за предоставленные материалы для обработки.

Список литературы

- Исаенко В. Ф., 1970а. Мезолит: Общественно экономическое развитие // Очерки по археологии Беларуси. Ч. 1. Минск. С. 50–55.
- Исаенко В. Ф., 1970б. Неолит: Хозяйство и поселения // Очерки по археологии Беларуси. Ч. 1. Минск. С. 67–108.
- Лакіза В. Л., 2008. Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння. Мінск.
- Чарняўскі М. М., 1979. Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск.
- Чарняўскі М. М., Исаенко У. Ф., 1997. Нёманская культура // Археалогія Беларусі. Т. 1. Мінск. С. 145–170.
- Balcer B., 1983. Wytwórczość narzędzi krzemienych w neolicie ziem polski. Wrocław.

Новые подходы и интерпретации в изучении степного неолита

*Гилязов Ф. Ф. (Самарский государственный
социально-педагогический университет, г. Самара)
filatgiljazov12@gmail.com*

Эпоха неолита имеет большое значение в истории первобытного общества, так как в это время появляется глиняная посуда и производящее хозяйство. Одним из таких районов, где фиксируются эти новации, является Нижнее Поволжье. Однако на всем пространстве степного Поволжья было известно лишь два неолитических памятника.

Первая из них, стоянка Орловка, дала название соответствующей культуре (Мамонтов, 1974). Особо значимо то, что на этом памятнике были обнаружены кости домашних животных, что позволило исследователям ставить вопрос о наличии производящего хозяйства в степном неолите. Стоянка была изучена более сорока лет назад, ее культурный слой был в значительной мере разрушен, а находки немногочисленны. По данным А. И. Юдина, кремневый наконечник стрелы треугольной формы и энеолитическая керамика, отнесенные первоначально к материалам Орловки, представляют иной комплекс и свидетельствуют о смешанном характере памятника. Это позволяет предположить, что domesticiрованная фауна может быть связана с энеолитическим комплексом.

Лишь в середине 1980-х гг. началось исследование второго памятника степного неолита – Варфоломеевской стоянки (Юдин, 1988), где удалось выделить несколько слоев, материал которых дал основание для характеристики хронологических этапов орловской культуры (Юдин, 2004). Варфоломеевская стоянка стала опорным памятником степного неолита. Особое значение имели находки здесь костей домашней овцы в слое 2А, что позволило сделать вывод о наличии скотоводства в позднем неолите данного региона. Однако, изучение стоянки связано с определенными трудностями.

Как отмечает В. В. Ставицкий (2014), проблемный характер выделения слоев Варфоломеевской стоянки, видимо, связан с тем, что ее ранние напластования оказались в значительной степени повреждены в результате хозяйственной деятельности поздненеолитического населения. Следовательно, допустим вывод о том, что она не может претендовать на

статус памятника с эталонной стратиграфией. В связи с этим возникли проблемы в определении периодизации и хронологии данного памятника, а, соответственно, и всей орловской культуры.

Хронология орловской культуры базировалась на семи радиоуглеродных датах, полученных для трех слоев Варфоломеевской стоянки: основание нижнего слоя – 6980 ± 200 лет ВР; слой 2Б – 6400 ± 230 ВР и 6090 ± 160 ВР; слой 2А – 5430 ± 60 ВР, 5390 ± 60 ВР, 5270 ± 50 ВР и 5220 ± 50 лет ВР. В верхнем слое стоянки была обнаружена воротничковая керамика прикаспийской культуры раннего энеолита, которую исследователи относят к первой половине IV тысячелетия до н.э., что вступает в противоречие с датами слоя 2А. Вызывал вопрос и значительный хронологический разрыв (700 лет) между датировками слоя 2Б и 2А.

Все эти проблемы источниковедческого и хронологического характера требовали своего решения, столь необходимого для изучения неолита Нижнего Поволжья и сопредельных территорий.

Способствовать разработке этих вопросов могут как новые качественные источники, так и новые методы исследования полученных материалов. Одним из них стал радиоуглеродный анализ органики в керамике. На основании его были скорректированы даты Варфоломеевской стоянки: слой 2Б – 7100 ± 110 ВР, 7070 ± 90 ВР, 7034 ± 41 ВР, 6980 ± 90 ВР и 6850 ± 40 ВР; слой 2А – 6693 ± 39 ВР, 6650 ± 150 ВР, 6540 ± 80 ВР, 6544 ± 38 ВР и 6363 ± 150 лет ВР; верхний слой – 5810 ± 80 ВР и 5800 ± 150 лет ВР (Выборнов и др., 2013). Эти даты совпали с датами, полученными в результате анализа нагара на керамике.

Таким образом, специалисты получили основание для вывода о точности методики датирования по наличию органики в керамике. Итак, самым приемлемым интервалом существования слоя 2Б является диапазон от 7100 до 6800 лет ВР, а слоя 2А – от 6700 до 6400 лет ВР. Полученные результаты необходимо было перепроверить на новых качественных источниках.

Одним из них стала расположенная на правом берегу реки Б. Узень стоянка Алгай в Александрово (Гайский район Саратовской области). Она изучается А. И. Юдиным и А. А. Выборновым с 2014 года. Культурный слой памятника мощностью около 1 м залегал в суглинке. В результате раскопок горизонтами толщиной 5 см удалось получить новую качественную информацию (Выборнов и др., 2015; Гилязов, 2015), причем

уровень 140 см имеет дату 6800 ± 40 ВР и 6820 ± 80 лет ВР; уровень 130 см – 6654 ± 80 лет ВР; уровень 110 см – 6605 ± 32 ВР и 6360 ± 250 лет ВР; уровень 100 см – 6490 ± 40 ВР, 6318 ± 33 ВР и 6245 ± 32 лет ВР; уровень 50–60 см – 5720 ± 120 лет ВР.

Таким образом, хронология данных комплексов фиксируется в интервале от 6800 до 5800 лет ВР. Материалы стоянки Алгай, возможно, существовавшей в течение тысячи лет, относятся к одной культуре. Следовательно, новые подходы к изучению ранее полученных материалов и анализ новых источников позволяет по-иному представить хронологию орловской культуры.

Список литературы

- Выборнов А. А., Андреев К. М., Барацков А. В., Кулькова М. А., Кольцов П. М., Юдин А. И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б., 2013. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Т.15. № 5. Самара. С. 254–260.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Гослар Т., Дога Н. С., 2015. Новые данные по неолиту – энеолиту Нижнего Поволжья // Известия СНЦ РАН. Т. 17. №3. Самара. С. 235–241.
- Гилязов Ф. Ф., 2015. Новая стоянка раннего неолита степного Поволжья // XLVII Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Сб. науч. статей / Отв. ред. В.Н. Рассадин. Кострома. С. 7–10.
- Мамонтов В. И., 1974. Поздненеолитическая стоянка Орловка // СА. № 4. С. 254–258.
- Ставицкий В. В., 2014. К вопросу о хронологии раннего неолита степного и лесостепного Поволжья // История и археология. № 10. С. 40–45.
- Юдин А. И., 1988. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев. С. 142–172.
- Юдин А. И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов.

Перстни из детского погребения со стоянки Сунгирь

Денисова А. Н. (Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, г. Владимир)
paltseva@vladmuseum.ru

Стоянка Сунгирь – уникальный археологический памятник верхнего палеолита Восточной Европы, одной из отличительных особенностей которого является большое количество различных украшений из кости, в том числе перстней из бивня мамонта. При всей известности памятника, эти изделия сунгирской стоянки не публиковались подробно.

В данной работе рассматриваются предметы, обнаруженные в детском захоронении и определенные изначально как перстни. К перстням отнесено так же изделие из бивня мамонта, найденное на черепе мальчика. В публикациях О. Н. Бадера этот предмет назван браслетом (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998. С. 77), однако, учитывая его размеры и форму, украшение может быть включено в группу перстней.

Сейчас в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранятся шесть перстней полной или почти полной формы (с небольшими утратами) и фрагменты еще двух перстней. Среди рассматриваемых предметов можно выделить два типа: изделия с разомкнутыми концами и неразомкнутые.

1. Перстни с разомкнутыми концами (2 экз.)

К первому типу отнесены изделия с разомкнутыми концами. Они представляют собой тонкие пластинки, вырезанные из бивня мамонта. На концах предметов просверлены отверстия.

Вопрос о назначении отверстий на украшениях, которые, предположительно, носили на пальцах, остается открытым. Такие сверлины, как и на пластинчатых браслетах, могли служить для продевания через них нитей из сухожилий, которыми стягивали концы предмета. Однако если изделие с разомкнутыми концами использовалось как перстень, то эта система крепления не очень удобна для ношения. Возможно, изначально подобные пластины служили для закрепления волос или частей головных уборов.

2. Неразомкнутые перстни (3 экз.)

Ко второму типу отнесены предметы с сомкнутыми концами. Они вырезаны из цельного куска бивня и имеют форму замкнутого кольца.

Перстни второго типа не имеют отверстий. Оставшиеся четыре изделия не могут быть отнесены ни к одному из типов в виду их плохой сохранности.

Фрагменты перстня, обнаруженные на левой руке девочки и числящиеся в музейном фонде под разными номерами, являются частями одного предмета. Это зафиксировано в полевой описи, а так же прослеживается по внешним признакам. Цвет и форма данных изделий свидетельствует о том, что они представляют собой фрагменты одного перстня. Однако эти обломки не собираются до полной формы. Следы отверстий на рассматриваемом изделии не прослеживаются, однако его фрагменты слишком малы и сверлины могли располагаться на утраченных частях украшения.

Еще два перстня с правой руки мальчика состоят из множества мелких частей, причем лишь часть их склеена. Один из перстней сейчас состоит из четырех фрагментов. Другой предмет склеен в два фрагмента.

Таким образом, из четырех фрагментов перстней, которые не были отнесены ни к одному из типов, в итоге складываются два предмета почти полной формы и один фрагмент.

Проблема атрибуции перстней осложняется тем, что информация о них в разных источниках противоречива. В публикации О. Н. Бадера отмечено, что все находки, не отнесенные ни к одному из типов, являются неразомкнутыми, но в данный момент однозначно говорить об этом нельзя ввиду того, что эти находки являются лишь частями украшений и отверстия могли находиться на утраченных фрагментах перстней. Так же, согласно полевой описи, на левой руке мальчика зафиксирован разомкнутый перстень. Однако в публикации он не упоминается. Зато в книге сказано о неразомкнутом перстне на правой руке девочки, хотя, судя по полевой описи, на этой руке никаких украшений не было.

Вопрос об изготовлении перстней так же представляет большой интерес. Судя по форме изделий и следам на их поверхности, для обработки разных групп предметов применялись различные техники.

Разомкнутые перстни изготовлены тем же способом, что и пластинчатые браслеты из бивня. Технологию производства подобных предметов подробно описал М.М. Герасимов в работе, посвященной обработке кости на стоянке Мальта (Герасимов, 1941. С. 83). Заготовку для изделия вырезали из массивной пластины бивня мамонта. Далее ее полировали и просверливали отверстия для шнуровки.

Неразомкнутые перстни должны были делать иначе. Для этого могли употреблять «кольцеобразные пластины» в качестве заготовок. Подобную технологию использовали на стоянке Авдеево (старый и новый объекты).

Перстни из детского захоронения имеют практически одинаковый светло-коричневый цвет иногда с небольшими темными вкраплениями. Окрашены ли они так изначально или это случилось из-за их пребывания в слое охры, сейчас определить невозможно. Следы охры на перстнях расположены неравномерно, они могли остаться и в случае длительного соприкосновения украшений с окрашивающим веществом, и в случае обработки пластин охрой как абразивом при шлифовке.

Подводя итоги, можно сказать, что перстни представляют собой очень интересное и во многом уникальное явление. Рассмотренные предметы подразделяются на два типа: перстни с разомкнутыми концами и неразомкнутые перстни. Изделия с разомкнутыми концами изначально могли использоваться как заколки для волос или частей головного убора. Один из двух таких предметов располагался на черепае мальчика.

В зависимости от типа перстни изготавливали различными способами. Для каждой группы предметов использовали разные заготовки и техники. Цвет изделий зависит не только от условий их залегания в погребении. Некоторые из украшений могли быть окрашены охрой изначально.

Большая часть данных изделий найдена в погребении мальчика (семь из восьми, по данным описи), причем почти все они обнаружены на его правой руке. Перстень выявлен так же на левой руке девочки.

Список литературы

Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда)
/ Отв. ред. Н. О. Бадер. М., 1998.

Герасимов М. М., 1941. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта
// ИА. № 2. М.; Л. С. 65–85.

Новые подходы и интерпретации в изучении стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии¹

*Дога Н. С. (Самарский государственный
социально-педагогический университет, г. Самара)
natalidoga@yandex.ru*

По мнению ученых, процесс одомашнивания животных в Северном Прикаспии проходил в эпоху раннего энеолита. В 1986 г. была исследована стоянка Курпеже-Молла в Астраханской области. Здесь была обнаружена керамика и каменный инвентарь, относимый исследователями к прикаспийской культуре: керамика имела примеси толченой раковины моллюсков в тесте; воротничок на внешней стороне венчика сосуда; орнамент в виде отпечатков гребенчатого штампа, оконтуренных прочерченными линиями; орудия труда из кварцита. Стоянка не имеет сохранившегося культурного слоя, а артефакты залегают несколькими скоплениями (Барынкин, Васильев, 1988. С. 58–60). Также обнаружены кости животных, принадлежавшие, по определениям И. Е. Кузьминой, особям только диких животных. Следует отметить, что процесс одомашнивания в этом регионе она связывала с хвалынским населением (Кузьмина, 1988. С. 182). В тоже время, благодаря новым определениям фаунистических остатков, выполненным П. А. Косинцевым по материалам стоянки Курпеже-Молла, было установлено, что часть из них принадлежала domesticiрованным животным (доклад на конференции в июне 2011 г. в Самаре). Поэтому возникает вопрос: связано ли появление скотоводства в Северном Прикаспии с хвалынской энеолитической культурой или с более ранней прикаспийской. Для его решения требуются новые подходы к изучению ранее полученных материалов и интерпретация новых источников.

В ходе подробного анализа материалов стоянки Курпеже-Молла выявлено около 350 фрагментов керамики, из которых лишь 250 относятся к прикаспийской культуре. Среди остальных черепков представлены обломки сосудов с признаками, относящимися к хвалынской культуре: примесь толченых раковин моллюсков; округлая форма днищ сосудов; орнамент в виде рядов ногтевидных насечек, разделенных волнистыми линиями. В коллекции насчитывается около 200 каменных орудий. Наряду с кварцитовым материалом, который традиционно считается прикаспийским, имеются находки из прозрачного темного и матового

¹ Работа выполнена по проекту 33.1195.2014/к госзадания Минобрнауки РФ.

светло-серого кремня. Из него выполнены изделия, характерные для орудийного набора хвалынской культуры: наконечник треугольной формы с усечённым основанием и концевые скребки на крупных пластинах (Барынкин, 1992. С. 27). Таким образом, материал стоянки Курпеже-Молла относится к разным культурным и хронологическим группам. При анализе остеологической коллекции памятника П. А. Косинцев, помимо кулана, сайги, тарпана и других диких животных, определил кости мелкого рогатого скота (Vybornov et al., 2015. Р. 69). Возникает вопрос с каким культурным комплексом стоянки они были связаны. Коллекция находок, относимая к прикаспийской культуре, значительно превосходит инокультурные материалы, что может являться косвенным свидетельством принадлежности костей domesticiрованных животных носителям прикаспийской культуры. Не менее сложна и проблема связи прикаспийской культуры с неолитом или энеолитом. И. Б. Васильев и А. И. Юдин относили прикаспийскую культуру к периоду раннего энеолита (Васильев, 1981. С. 96; Юдин, 2010. С. 81). Сторонником синхронности памятников прикаспийской и хвалынской культур является П. П. Барынкин (Барынкин, 1992. С. 21). Прояснило ситуацию лишь радиоуглеродное датирование фрагментов керамики, обнаруженной на памятниках прикаспийского типа Буровая 41 и Курпеже-Молла. Полученные даты укладываются в промежуток от середины до конца VI тыс. до н. э. (Моргунова, 2011. С. 56). Однако, этот вывод требовал дополнительной аргументации на основе новых качественных источников.

В этой связи важны материалы прикаспийской стоянки Орошаемое I в степном Поволжье. В ходе раскопок здесь была обнаружена орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа керамика светло-коричневого цвета с примесью толченой раковины в тесте. Большинство ее венчиков имели форму «воротничка». Каменная индустрия памятника состоит преимущественно из орудий, выполненных из кварцита. Она включает наконечники в форме «рыбки» и «флажка», скребки, острия и пластины. Следовательно, стоянка Орошаемое I, имеющая хорошо сохранившийся культурный слой, является «чистым» памятником прикаспийской культуры. Примечательно, что впервые для памятника подобного типа в слое был обнаружен остеологический материал. По определениям П. А. Косинцева, среди костных останков в коллекции представлены domesticiрованные овца и коза (Выборнов и др., 2015. С. 238). Новые даты, полученные, в том числе, на АМС по костям овцы: 5667 ± 100 ВР и 5806 ± 26 ВР хорошо согласуются с датой прикаспийского памятника Кумыска в степном Поволжье: 5870 ± 70 ВР (Юдин, 2010. С. 160). Таким образом, новые подходы к уже известным материалам,

а также информация, полученная в результате исследования новых источников, позволяют сделать предварительные выводы о том, что прикаспийская культура бытовала от середины VI до начала V тыс. до н. э. (калиброванные значения), а ее носители занимались разведением мелкого рогатого скота.

Список литературы

- Барынкин П. П., Васильев И. Б., 1988. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР: Сб. статей / Отв. ред. А.С. Синюк. Воронеж. С. 58–73.
- Барынкин П. П., 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Васильев И. Б., 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Гослар Т., Дога Н. С., 2015. Новые материалы неолита Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. №3. Самара. С. 235–242.
- Кузьмина И. Е., 1988. Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия: Сб. статей / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев. С. 173–189.
- Моргунова Н. Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург.
- Юдин А. И., 2010. Стоянка Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов.
- Vybornov A., Kosintsev P., Kulkova M., 2015. The origin of farming in the Lower Volga Region // Documenta Praehistorica. XLII. P. 67–75.

Грот Ахцу - новый памятник каменного века в Сочинском Причерноморье: первые результаты

*Дятлов А. С. (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург)
dyatlov.andrew@mail.ru*

Новый памятник каменного века был открыт весной 2014 г. сочинским краеведом, сотрудником сочинского отделения РГО А. С. Кизиловым. Летом того же года он был предварительно осмотрен Причерноморской палеолитической экспедицией ИИМК РАН под руководством С. А. Кулакова.

Грот располагается недалеко от с. Монастырь Адлерского р-на г. Сочи, в долине р. Мзымты, при входе в теснину Ахцу, на высоте 12 м над уровнем реки.

Во время работ летом 2014 г. были собраны находки с современной поверхности, а также по склону осыпи отложений грота (коллекция предметов насчитывала 137 предметов).

Исследования грота продолжились в 2015 г., во время которых на памятнике был заложен шурф (1 x 2 м). Во время работ было выделено 13 литологических слоев, причем верхние шесть содержат культурные отложения, включающие кремневые, обсидиановые и «диабазовые галечные» изделия, а также фаунистические остатки (рис. 1). Нижележащие слои 7–13 археологически стерильны.

Краткую характеристику культурных слоев памятника целесообразно начать с самого верхнего слоя 1 (все нижеупомянутые названия каменных изделий с вторичной обработкой приводятся в соответствии с общепринятой системой классификации орудий каменного века (Амирханов, 1986; Григолия, 1977; Brezillon, 1968; Demars, Laurent, 1992; Tixier, 1963).

Кремневый инвентарь слоя 1 представлен обломками сколов, отходами первичного расщепления, призматическим нуклеусом, отщепами, пластинами и пластинками, изделиями с вторичной обработкой: сколами с нерегулярной ретушью, острием, комбинированным орудием (микроскребок + выемчатое). Единичны находки изделий из «галки диабаз». Следует отметить находку дистальной части костяного остряка.

→
с

0 10 20 см

Условные обозначения: ▲ — изделия из кремня ■ — весть
● — изделия из диабазы ○ — галька
□ — глыбы известняка

Рис. 1. Разрез западной стенки шурфа 01 в гроте Ахцу

Слой 2 главным образом состоит из кремневых обломков сколов и отходов производства. Единичные орудия представлены проколкой, угловым резцом, «пьесо кайе» и заготовками с нерегулярной ретушью, а также сколами со следами использования (?). Изделия из «диабазовой гальки» включают в себя обломки сколов и сколы – заготовки (пластины, отщепы). Один предмет на данный момент интерпретируется как «стамеска», изготовленная на гальке.

Слой 3 представляет собой цементированную брекчию, включающую единичные находки изделий из кремня и «диабазы»: обломки сколов, пластину, скребок концевой, трапецию и пластину с нерегулярной краевой ретушью.

Слой 4 содержит кремневые изделия в виде обломков сколов, отходов производства, нуклеусов, сколов – заготовок (отщепы, пластины, пластинки). Предметы с вторичной обработкой представлены двумя сегментами, прямоугольником, концевыми скребками, «ножами», пластинкой с притупленным краем (ППК), сколами с ретушью. Впервые появляются изделия из обсидиана: скребок и обломок скола с ретушью. По сравнению с вышележащими слоями увеличивается количество изделий из «диабазовой гальки». К ним относятся обломки сколов, отщепы, а также «нож», изготовленный на пластине из «диабазы».

Слой 5 является наиболее мощным и самым насыщенным находками. В ходе исследований, он был разделен на 3 условных уровня их залегания. Слой содержит большое количество кремневых изделий: отходы производства, предметы первичной обработки, сколы – заготовки и предметы с вторичной обработкой. К последним относятся скребки концевые, скребки округлые, ППК, тронкированная пластина, пластины и отщепы с ретушью. Возрастает количество обсидиановых предметов. Среди них выделены: обломок скола, сколы – заготовки (пластинка), пластинки с ретушью и скребок высокой формы. Значительное место среди каменного инвентаря занимают изделия из «диабазовой гальки» – обломки сколов, сколы – заготовки (отщепы), оббитые гальки.

Слой 6 представлен обломками сколов, отходами производства, сколами – заготовками и изделиями с вторичной обработкой: скребками, проколкой, отщепами и пластинами с ретушью. Изделия из обсидиана единичны. Как и в вышележащем слое 5, предметы, изготовленные из «диабазовой гальки» представлены большим числом – это обломки галек, оббитые гальки и гальки со следами использования (?), сколы – заготовки из «диабазы».

Интерпретация данных, полученных в ходе камеральной обработки материала, а также поиск аналогий памятнику на данном этапе исследований проблематичны. Это связано с рядом препятствий.

Во-первых, вскрытая площадь стоянки слишком мала – отсюда и относительно небольшое количество материала и, как следствие, отсутствие серий культурно и хронологически определяющих форм. Во-вторых, не добыты естественно-научные данные. В-третьих, это связано со спецификой материала, о чем сказано ниже.

Инвентарь всех слоев памятника на данный момент не соотносится ни со стоянками позднего/финального палеолита и мезолита Северного макросклона Кавказа (Губский навес № 1, навес Чыгай) (Амирханов, 1986; Бадер, 1984; Голованова, Дороничев, 2012; Леонова, 2015), ни с известными памятниками Сочинского Причерноморья и Грузии (Бадер, 1984; Замятнин, 1957; Var-Yosef et al., 2011; Nioradze, Otte, 2000). Это связано с тем, что ни в одной из перечисленных стоянок верхнего палеолита не было выявлено сочетания кремневых орудий и обработанных галек, включающих такие формы, как «стамески», топоры и т.д. Более того, ни в одном из этих памятников не обнаружены сколы – заготовки из «диабазы» или галечных материалов. Кремневый орудийный инвентарь также отличен от сопредельных стоянок: отсутствуют характерные для этой эпохи микроострия, тронкированные пластинки и ППК единичны. Пластинчатые сколы в индустрии грота Ахцу занимают подчиненное положение и уступают в количестве отщеповым заготовкам.

Отсутствие керамики и шлифованных орудий, активное использование обсидиана, возможно, объясняется мезолитическим/ранненеолитическим возрастом стоянки. Памятник данного времени со схожей индустрией (отсутствие характерных для верхнего палеолита – мезолита форм орудий, отсутствие шлифованных орудий, использование оббитых галек, «отщеповый» характер заготовок) известен в Грузии. Это стоянка открытого типа Палури, расположенная в Цаленджихском р-не, в среднем течении р. Ингури (Григолия, 1977). Однако, для определения культурно-хронологической позиции грота Ахцу необходимы его дальнейшие исследования.

Список литературы

Леонова Е. В., 2015. К проблеме хронологии и культурной variability каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо –

Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре. М. С. 77 – 88.

Ofer Bar-Yosef, Anna Belfer-Cohen, Tengiz Mesheviliani, Nino Jakeli, Guy Bar-Oz, Elisabetta Boaretto, Paul Goldberg, Eliso Kvavadze, Zinovi Matskevich, 2011. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity*, 85: 331 – 49.

Breizillon M.N., 1968. *La Denomination des objets de pierre taillee*. Paris, 1968.

Demars P.-Y., Laurent P., 1992. *Types d'outils lithiques du Paleolithique superieur en Europe*. Paris. Presses du CNRS.

Nioradze M.G., and Otte M., 2000. *Palcolithique superieur de Georgie // L'Anthropologie*. 104. Pp. 265-300.

Tixier J., 1963. *Typologie de l'epipaleolithique en Maghreb*. Paris, 1963, 209 p.

Предварительные результаты сравнительного технично-технологического анализа новоильинской и красномостовской керамики¹

*Ересько О. В. (Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара)
olgayer@mail.ru*

О. Н. Бадер выделил в Прикамье новоильинскую (Бадер, 1961. С. 62), а В. В. Никитин – в Среднем Поволжье красномостовскую (Никитин, 1984. С. 33; 1996. С. 79) энеолитические культуры. При рассмотрении морфологических признаков красномостовского и новоильинского керамических комплексов у них выявлен ряд схожих черт: формы сосудов, элементы и мотивы орнамента. Не случайно Л. А. Наговицин рассматривал красномостовские памятники как локальный вариант новоильинских (1993. С. 64). Самая большая типологическая близость наблюдается между красномостовскими и нижекамскими новоильинскими комплексами (Ересько, Шалапинин, 2015. С. 510). Данные радиоуглеродного датирования подтверждают одновременность существования этих культур.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1195. 2014/К.

Стало очевидным, что на сугубо типологическом уровне вопрос об их близости не находит своего решения, в связи с чем необходимы новые методы исследования. Одним из них является технико-технологический анализ керамического инвентаря.

Изучение технологии изготовления керамики проводилось с позиции историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским. (Бобринский, 1978; 1999). В исследовании рассмотрены венчики и орнаментированные стенки отдельных сосудов.

Микроскопическому анализу были подвергнуты 60 образцов из культурного слоя памятника новоильинской культуры Сауз II, и 40 образцов из культурного слоя шести стоянок, относящихся к красномостовской культуре: Дубовская VIII, Красный Мост II и III, Сосновая Грива III, Ахмылово II, Майданская.

Исходное пластичное сырье (далее ИПС) (табл. 1). Микроскопическое изучение керамики новоильинской и красномостовской культур позволило выявить два вида ИПС: илестые глины и глины. Илестые глины являются пластичным сырьем, в котором встречаются в небольшой или единичной концентрации мелкие остатки перегнивших растительных тканей, отпечатки нитевидных водорослей длиной до 1–2 см, отдельные включения чешуи или костей рыбы. В глинах признаки близости сырья к водоемам полностью отсутствуют (Васильева, 2015. С. 19).

Таблица 1. Исходное пластичное сырье

Культура	ИПС: илестые глины				ИПС: глины				Всего
	Жирные		Тощие		Жирные		Тощие		
	Ж1	Ж2	T1	T2	Ж1	Ж2	T1	T2	
Ново-ильинская	8 13 %	14 23 %	11 18 %	2 3 %	17 30 %	6 10 %	2 3 %	– –	60 100 %
Красномостовская	18 45 %	16 40 %	2 5 %	2 5 %	– –	1 2,5 %	– –	1 2,5 %	40 100 %

При характеристике приемов отбора сырья большое значение имеет определение запесоченности сырья (наличие или отсутствие в нем песка), влиявшей на его пластичность. В каждом виде ИПС выделены две группы:

«жирные» и «тощие». Они подразделены на подгруппы. «Жирные»: 1) Ж1 незапесоченные (высокопластичные) глины с полным отсутствием видимого под микроскопом песка; 2) Ж2 – слабозапесоченные (пластичные), содержащие песок в основном, менее 0,2 мм и единичные включения песка до 0,5 мм. «Тощие»: 1) Т1 – среднезапесоченные (среднепластичные) с пылевидным песком и немногочисленными зернами песка 0,2–0,5 мм; 2) Т2 – запесоченные, с большим содержанием зерен песка до 1 мм.

В производстве керамики рассматриваемых культур преобладает использование илстых глин, причем гончары отдавали предпочтение высокопластичному сырью.

Подготовка формовочной массы (далее ФМ) (табл. 2). Культурные традиции на данной стадии могут характеризоваться сведениями о рецептах, включающих ИПС и искусственные добавки. В качестве искусственных добавок выделены следующие: шамот – минеральная примесь, полученная в результате дробления старых сосудов; органический раствор – различные клеящие природные вещества растительного и животного происхождения.

Таблица 2. Формовочная масса

Культура	ФМ: шамот + органический раствор						ФМ: орг. раствор	Всего
	Концентрация			Размерность шамота				
	1:3	1:4	1:5	0,1- 0,5 мм	0,6-2 мм	2,1-5 мм	Ж1	
Ново- ильинская	16 27 %	24 39 %	18 30 %	– –	39 65 %	19 31 %	2 4 %	60 100 %
Красно- мостовская	3 7,5 %	2 5 %	35 87,5 %	21 52 %	9 23 %	10 25 %	– –	40 100 %

Приемы составления ФМ изучены на подвидовом уровне: концентрация и размерность минеральных примесей. Концентрация минеральных примесей подсчитана по методике А. А.Бобринского (Бобринский, 1999. С. 38). В гончарстве изучаемых культур использовали некалиброванный шамот, поэтому в таблицах указаны наиболее крупные размеры зерен шамота, прослеженные в образце.

На ступени подготовки ФМ выделены две традиции: 1) с шамотом и органическим раствором; 2) с органическим раствором. Первая из них характерна для гончарства обеих культур, вторая отмечена лишь для одного образца новоильинской культуры.

Большинству изученных материалов присуща небольшая концентрация минеральных примесей (1:4, 1:5). В производстве посуды данных культур, преимущественно использовали шамот мелкого размера (до 2 мм). Образцы с включением крупных фракций шамота (2,1–5 мм) составляет примерно треть изученных материалов.

На основе проведенного технико-технологического анализа керамики новоильинской и красномостовской культур можно сделать следующие предварительные выводы. Во-первых, абсолютное большинство изученных фрагментов красномостовской посуды изготовлено из илистой глины (95%), при этом большая часть (85%) выполнена из пластичного сырья. В то же время посуда новоильинской культуры характеризуется разнородностью гончарной традиции: в 57% применялась илестая глина, а в 43% – глина. Кроме того в трети изученных образцов новоильинской посуды пластичное сырье использовали в дробленном состоянии, а на памятниках красномостовского типа сырье употребляли только в естественном увлажненном состоянии. Во-вторых, в красномостовской посуде доминирует незначительная концентрация шамота (1:5 – 87,5%), при этом более чем в половине образцов выявлены мелкие фракции (до 0,5 мм – 52%). В то же время для посуды новоильинской культуры характерна различная концентрация шамота. В изученных образцах новоильинской керамики не обнаружено мелких фракций шамота (до 0,5 мм), в них преобладают включения средних (65%) и крупных размеров (31%).

Проведенный анализ свидетельствует об однородности и устойчивости керамических традиций населения, оставившего красномостовскую посуду, тогда как керамическая традиция носителей новоильинской культуры отличается существенной неоднородностью, что указывает на владение ими различных приемов отбора ИПС и рецептов составления ФМ. Данные факты демонстрируют существенные различия в гончарных традициях красномостовского и новоильинского населения.

Таким образом, применение новых методов к ранее полученным материалам позволяет получить качественно иную информацию для интерпретации соответствующих источников.

Список литературы

- Бадер О. Н., 1961. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии академии СССР. М. Вып. 2. С. 60–75.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Колл. моногр. Самара. С. 5–109.
- Васильева И. Н., 2015. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Тез. Междунар. симпозиума. М. С. 16–23.
- Ересько О. В., Шалапинин А. А., 2015. Сравнительный анализ новоильинской и красномостовской керамики // Известия СНЦ РАН. Самара. Т. 17. № 3(2). С. 507–513
- Наговицин Л. А., 1993. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. С. 59–76.
- Никитин В. В., 1984. Красномостовские поселения финального неолита (предварительный анализ) // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск. С. 31–43.
- Никитин В. В., 1996. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола.

Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка)

Канделаки Д. А. (г. Гагра)
david_kandelaki@mail.ru

На протяжении всей истории изучения неолита Восточного Причерноморья сложилось несколько основных базовых представлений о его характере:

1. Неолитизация Восточного Причерноморья имеет местные корни, но она развивалась здесь крайне медленно, что дало основание говорить о «присваивающе-производящем» неолите (Небиеридзе, 1986).

2. Неолит в Восточном Причерноморье не имеет местных корней и сравнительно поздно привнесен сюда в «законченном виде» из Передней Азии (Федоров, 1973).

3. Неолит в Восточном Причерноморье изначально отсутствует, мезолит здесь сменяется непосредственно энеолитом (Трифонов, 2009; Мешвелиани, 2013).

Столь противоречивые представления о характере неолита рассматриваемого региона связаны с изменениями во взглядах ученых на сущность таких понятий, как неолит и неолитизация, в том числе и применительно к Восточному Причерноморью. Речь идет, во-первых об археологической и социально-экономической составляющих понятия неолит и неолитизация; во-вторых, о соотношении темпов неолитизации (то есть эпохи неолита) и природно-климатических процессов; в-третьих, о создании на основе двух первых позиций универсальных понятий «неолит» и «неолитизация».

Разумеется не может быть и речи о некоем «универсальном» определении понятия «неолит» применительно к областям, где он существовал. Такой дефиниции попросту нет, ибо даже в классических ближневосточных центрах неолит разнороден.

Каково же реальное состояние проблемы? По мнению автора, неолит и неолитизация (неолитическая революция) всегда строго коррелируют с региональными природно-климатическими процессами. Там, где климатические изменения носили резкий характер, общество более остро переносит «адаптационный стресс» («феномен неолитического стресса» по автору), и тем ярче выражен в своих классических формах «неолит» и «неолитизация» (Долуханов, 1979). Тем самым, неолитизация является, скорее, выражением адаптивной реакции общества на уровень природно-климатических изменений в каждом конкретно взятом регионе.

Другая сторона проблемы связана с определением хронологических рамок неолитизации, а также правомерности дефиниции «неолитическая революция» как таковой, и самого понятия «неолит». В связи с этим следует подчеркнуть, что, во-первых, зарождение земледелия и скотоводства уже

намечается в мезолите, да и не везде неолит сопровождается производящей экономикой (Неолит Северной Евразии, 1996). Во-вторых, необходимо иметь в виду, что скорость процессов неолитизации, если брать в качестве примера традиционные ближневосточные центры, скорее похожа на эволюцию, нежели на революцию. В-третьих, предполагается, что нет жесткой связи между неолитизацией и самим неолитом. Нигде в чистом виде они не совпадают (Трифонов, 2009). У них нет четких рамок, они отчасти размыты во времени и пространстве, и по своему содержанию крайне аморфны.

Эти обстоятельства мешает определению неолита и как археологического понятия. В лучшем случае можно говорить о «мезо-неолитической» или даже лучше сказать «раннеголоценовой» эволюции, и в неолите (если брать чисто хронологические рамки) она не началась, а скорее завершилась. В таком случае эпоха неолита является, скорее, периодом, когда окончательно закончился процесс неолитизации, что археологически выразилось в появлении технико-технологических комплексов, обусловленных новыми хозяйственными реалиями. Неолит явился следствием этой эволюции, нежели наоборот.

Исходя из всего вышеизложенного, все представления о неолите и неолитизации Восточного Причерноморья строятся, по большей мере, на критериях, которые сами требуют уточнения, но позволяют в рамках гипотетической модели представить следующий сценарий становления неолита Восточного Причерноморья.

1. Раннеголоценовая эволюция (в классическом смысле – неолитизация или неолитическая революция) протекала в Восточном Причерноморье синхронно с «передовыми» центрами Ближнего Востока.

2. Специфика протекавших в рассматриваемом регионе природных процессов (ледниковые рефугиумы, отсутствие резких климатических колебаний) исключала жесткую корреляцию «человек-природа», а «феномен неолитического стресса» действовал с меньшей силой, и местному населению просто незачем было кардинально перестраивать всю систему жизнеобеспечения, и адаптация местных обитателей происходила не так быстро и не так выражено как на Ближнем Востоке.

3. В Восточном Причерноморье процесс неолитизации с учетом особенностей природной среды базировался на присущих данному региону видах domestikированных растений и животных и способствовал формированию присущих данному региону видов хозяйствования.

В заключении следует сказать, что большинство мезолитических и неолитических памятников было изучено в период, когда существовала несовершенная методическая и методологическая база. Вне всякого сомнения, современные методы исследований, которые в перспективе будут проведены в указанном регионе, приведут к дальнейшему прогрессу в изучении столь важного исторического этапа, и, вероятно, подтвердят верность предлагаемой гипотезы.

Список литературы

- Долуханов П. М., 1979. География каменного века. М.
- Мешвелиани Т. К., 2013. К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии. Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (54). С. 61–72.
- Небиеридзе Л. Д., 1986. Ранние ступени развития западнокавказской раннеземледельческой культуры. Тбилиси.
- Неолит Северной Евразии. 1996. Археология СССР. М.
- Трифонов В. А., 2009. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит?// Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб. С. 84–93.
- Федоров Я. А., 1973. Этнокультурные связи Западного Кавказа и Передней Азии в эпоху позднего неолита // Вестник МГУ. Сер. История. № 5. С. 52–63.

Изучение и интерпретация подъемных комплексов Прибрежного Дагестана (по материалам палеолитического памятника Дарвагчай-карьер-2)

*Кандыба А. В., Рыбалко А. Г. (Институт археологии и
этнографии СО РАН, г. Новосибирск)
arhkandyba@gmail.com*

Интенсивное изучение древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа в течение последнего десятилетия позволило обнаружить более тридцати палеолитических памятников (Деревянко и др., 2010; Деревянко и др., 2012). Данные археологические изыскания позволили

значительно увеличить объем информации о древнейших этапах истории данного региона. Хронологический интервал обнаруженных и изученных каменных индустрий охватывает огромный период от нижнего до начала верхнего палеолита, что позволяет представить общую картину развития древнейших культур на территории Западного Прикаспия. Заполнить, в определенной мере, имеющуюся лауну в наших знаниях о палеолитической эпохе в этой части Кавказа позволяют данные, полученные в последние годы при исследовании стратифицированных археологических объектов Дарвагчайского геоархеологического района (среднее течение р. Дарвагчай). Наиболее ярким из них является памятник Дарвагчай-залив-1, на котором обнаружено несколько разновременных культурно-хронологических комплексов эпохи палеолита. (Деревянко и др., 2009). Но помимо этой стоянки на прилегающей территории были продолжены археологические изыскания с целью обнаружения новых палеолитических комплексов. Одним из таких новых объектов является памятник Дарвагчай-карьер-2, обнаруженный в 2015 году в результате визуального обследования техногенного участка кровли древнекаспийской террасы.

Археологический памятник Дарвагчай-карьер-2 расположен на правом берегу р. Дарвагчай, в полукилometре к востоку от плотины Геджухского водохранилища, в 50 метрах к юго-востоку от ранее известного местонахождения Дарвагчай-карьер (Деревянко и др., 2005). Каменные артефакты залегали на верхней части террасы, которая имеет неровную распаханную поверхность. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части территории Западного Прикаспия, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст (Голубятников, 1937).

Археологический материал был сконцентрирован на небольшой площадке размером около 500 м² и насчитывает 171 предмет. Здесь были собраны все нуклеидные изделия, предметы с вторичной отделкой, а также сколы (целые и фрагменты), имеющие определяемые ударные площадки. В целом, материалы данной коллекции составляют примерно 90 % от всех экспонированных на поверхности предметов. В качестве сырья для изготовления артефактов использовался кремний, а также кремнистые песчаники и известняки в виде окатанных желваков галек и их обломков. Поверхность изделий, без изменений или слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной, а в некоторых случаях – толстой (до 1 мм) карбонатной коркой.

Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. Эти технико-типологические характеристики позволяют соотносить данный материал с уже известными стратифицированными комплексами финального среднего палеолита Дарвагчай-залив-1. В качестве ближайшей аналогии описанной каменной индустрии можно указать на культурно-хронологический комплекс 1 памятника Дарвагчай-залив-1 (Деревянко и др., 2012). Помимо сходных геолого-геоморфологических условий и сравнительно близкого расстояния между памятниками (≈ 500 м.), обнаруживается полное сходство в каменном инвентаре. В группе нуклевидных изделий доминируют леваллуазские и простые параллельные нуклеусы при незначительном компоненте радиальных односторонних ядрищ. Первичное расщепление в первую очередь ориентировано на производство отщепов. Пластинчатые заготовки единичны. В орудийном наборе присутствуют леваллуазские сколы, скребла и остроконечники. Также отмечается полное отсутствие верхнепалеолитических форм.

Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий среди них среднепалеолитическим материалам долины Геджухского водохранилища в настоящее время проследить не представляется возможным. Особенности технико-типологического облика каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике палеолита приморского Дагестана.

Список литературы

- Голубятников В. Д., 1937. Морские и речные террасы Дагестана // Ассоциация по изуч. четвертич. периода Европы. Вып. III. М.
- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., 2005. Первые находки ашельских рубил в Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Новосибирск. С. 49–53.

Деревянко А. П., Зенин В. Н., Рыбалко А. Г., Лещинский С. В., Зенин И. В., 2009. Дарвагчай-Залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XV. Новосибирск. С. 106-110.

Деревянко А. П., Зенин В. Н., Рыбалко А. Г., Колташов М. С., 2010. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив 1 (республика Дагестан) в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск. С. 58-62.

Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г., 2012. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск.

Основные категории костяного инвентаря памятников эпохи раннего металла Кольского полуострова

*Киселева А. М., Мурашкин А. И. (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург)
Aliakiseleva@mail.ru , aimurash@yandex.ru*

Случаи сохранности древних изделий из кости и рога на Кольском полуострове крайне редки. За многие годы было исследовано пять памятников эпохи раннего металла, где были обнаружены такие орудия: Кольский Оленеостровский могильник (далее КОМ) (Шмидт, 1930; Гурина, 1953; Мурашкин, 2007), Екатерининские стоянки 1-2 (Гурина, 1953. С. 379-385), поселение Маяк 2 (Шумкин, 1984. С. 94-104; Гурина, 1997, 80-89), поселение Завалишина 5, жилище 6 (Шумкин и др., 2012). Известны также несколько случайных находок. Самые представительные коллекции происходят из погребений КОМ и поселения Маяк 2. В данной работе рассмотрены наиболее многочисленные и выразительные категории изделий: наконечники стрел, дротиков, гарпунов и рыболовные крючки. Количественное распределение на памятниках орудий и их фрагментов представлено в табл. 1. Для подсчета изделий, относящихся к тому или иному типу, использованы только целые предметы.

Костяные наконечники стрел найдены в погребениях КОМ (Шмидт, 1930; Гурина, 1953; Мурашкин, 2007), на поселении Маяк 2 (Шумкин, 1984) и Екатерининской стоянке (Гурина, 1953). Все наконечники можно

разделить на две группы: 1. наконечники с удлинненным узким пером и почти параллельными краями, причем черешок у большей части изделий не выделен; 2. наконечники с укороченным подтреугольным пером.

Категория	Маяк 2	Кольский Олене-островский могильник	Екатеринские стоянки 1-2	Завалищина 5	Случайные находки	Всего
Зубчатые наконечники гарпунов	40	9	-	1	-	50
Поворотные наконечники гарпунов	3	5	-	-	-	8
Наконечники стрел	40	25	1	-	-	66
Наконечники дротиков	10	5	-	-	-	15
Рыболовные крючки	15	6	2	1	4	28
Всего	108	50	3	2	4	167

Группа 1. К типу 1 (9 экз.) относятся игловидные наконечники, имеющие округлое сечение и насад, который оформлен одним или двумя срезами. Тип 2 (27 экз.) включает копьевидные наконечники с линзовидным, ромбическим или плоским треугольным сечением. Насад оформлен уплощением, одним или двумя срезами. У нескольких изделий (поселение Маяк 2) слегка выделен черешок. Тип 3 (5 экз.) охватывает наконечники с треугольно-выемчатым сечением и уплощенным насадом. К типу 4 (3 экз.) относятся трехгранные наконечники со слабо выделенным черешком.

Группа 2. Тип 5 (13 экз.) включает наконечники с подтреугольным или листовидным пером и выделенным переходом к черешку. Изделия имеют линзовидное или плоское треугольное сечение. Тип 6 (5 экз.) охватывает ромбовидные наконечники без выделенного черешка. Все они характеризуются линзовидным сечением. К типу 7 (4 экз.) относятся наконечники с одним зубцом у острия. Насад у всех орудий этой группы оформлен уплощением.

Наконечники дротиков отличаются большими размерами. Они обнаружены в погребениях КОМ (Гурина, 1953; Мурашкин, 2007) и на поселении Маяк 2 (Шумкин, 1984). Наконечники имеют вытянутое подтреугольное перо с ромбическим сечением и четко выделенный черешок прямоугольного сечения. Они представлены двумя вариантами: 1) с двумя шипами и насадом в виде одного или двух срезов (5 экз.); 2) без шипов и с уплощенным насадом (10 экз.).

Зубчатые наконечники гарпунов выявлены среди находок из погребений КОМ (Шмидт, 1930; Мурашкин, 2007), на поселениях Маяк 2 (Шумкин, 1984; Гурина, 1997) и Завалишина 5 (Шумкин и др., 2012). По конструкции насада можно выделить пять типов этих орудий. Количество и расположение их зубцов являются критериями выделения вариантов (рис. 1).

Тип 1 (4 экз.) включает наконечники с коническим насадом и кольцевым желобком для крепления линия: 1) с одним зубцом; 2) с двумя симметрично расположенными зубцами. Тип 2 (10 экз.) охватывает изделия с асимметрично расширенным насадом: 1) с одним зубцом; 2) с несколькими зубцами, расположенными с одной стороны. К типу 3 (18 экз.) относятся орудия с симметрично расширенным насадом: 1) с одним зубцом; 2) с двумя симметрично расположенными зубцами; 3) с двумя асимметрично расположенными зубцами. Тип 4 (12 экз.) включает изделия с асимметрично расширенным насадом и отверстием для линия: 1) с одним зубцом; 2) с несколькими асимметрично расположенными зубцами; 3) с четырьмя симметрично расположенными зубцами. Тип 5 (2 экз.) охватывает орудия с симметрично расширенным насадом и отверстием для линия: 1) с четырьмя симметрично расположенными зубцами.

На памятниках Кольского полуострова есть также находки поворотных наконечников гарпунов (8 экз.). Они найдены в погребениях КОМ (Шмидт, 1930; Мурашкин, 2007) и на поселении Маяк 2 (Шумкин, 1984). Все эти орудия имеют подтреугольную форму, отверстие для линия в медиальной части и открытое гнездо для колка.

Зубцы						
Насад						
		КОМ - 1	КОМ - 3			
	Маяк 2 - 1	Маяк 2 - 5				
		Маяк 2 - 8 КОМ - 1	Маяк 2 - 1	Маяк 2 - 1 КОМ - 4		
		Маяк 2 - 1			Маяк 2 - 3	Маяк 2 - 1
						Маяк 2 - 1

Рис. 1. Соотношение форм насада наконечников гарпунов и вариантов расположения их зубцов (учтены только целые орудия)

Рыболовные крючки представлены цельными и составными экземплярами. Последние изготовлены из каменного стерженька с глубоким пазом и вставленного в него рогового или костяного жала. Подобные крючки или их детали найдены в погребениях КОМ (Шмидт, 1930; Гурина, 1953; Мурашкин, 2007) и на поселении Маяк 2 (Гурина, 1997).

Цельные рыболовные крючки найдены в погребениях КОМ (Шмидт, 1930; Мурашкин, 2007), на поселениях Маяк 2 (Шумкин, 1984; Гурина, 1997), Завалишина 5 (Шумкин и др., 2012), Екатерининской стоянке 1 (Гурина, 1953). Известны также их случайные находки. Их можно разделить на две основные группы. К первой группе относятся изделия с массивной стержневидной или подпрямоугольной головкой и с бородкой на жале. Крючки второй группы не имеют бородки, а миниатюрная головка сделана в виде выступов или выемок на цевье (рис. 2).

Головка						
Поддев						
	Маяк 2 - 2					
	Маяк 2 - 2 КОМ - 1	КОМ - 2	Екатерин. - 1			
				Маяк 2 - 1	Маяк 2 - 1 Случайные - 1	
						Маяк 2 - 1
						Маяк 2 - 2
						Екатерин. - 1

Рис. 2. Соотношение форм поддева рыболовных крючков и конструкций их головки (учтены только целые орудия)

Группа 1. К типу 1 (5 экз.) относятся крючки с U-образной формой поддева и стержневидной головкой. У всех целых крючков головка имеет небольшой выступ на конце. Тип 2 (11 экз.) включает изделия с подпрямоугольным поддевом и стержневидной головкой. По оформлению головки выделяются варианты: 1) с небольшим выступом на конце; 2) с поперечным желобком в передней части; 3) с продольным желобком и отверстием. Тип 3 (3 экз.) охватывает орудия с V-образной формой поддева и подпрямоугольной головкой: 1) с продольным желобком на головке; 2) с продольным желобком и отверстием. Бородка может быть треугольной или пальцевидной.

Группа 2. К типу 4 (2 экз.) относятся крючки с V-образной формой поддева и длинным цевьем. Тип 5 (1 экз.) включает изделие с V-образной формой поддева с просверленным отверстием и длинным цевьем. К типу 6 (1 экз.) причислено орудие U-образной формы с коротким цевьем.

Многообразие форм и конструкций орудий внутри категорий, очевидно, отражает не только функциональное, но и хронологическое различие. Сравнение инвентаря Кольского полуострова с ближайшими аналогиями, которые известны на памятниках Северной Норвегии – о. Щельмой (Solberg, 1909; 1911), Грессбакен Недре Вест (Simonsen, 1961, Р. 299-305) и Ниельв Недре Вест (Там же, Р. 403-411) – позволяет выявить некоторые хронологические индикаторы. Ранними формами наконечников гарпунов являются зубчатые односторонние с расширенным насадом, позже появляются двусторонние ассиметричные. Кольцевой желобок и отверстие в расширенном насаде являются более поздними конструкциями. Поворотные наконечники возникают довольно поздно. Среди рыболовных крючков с бородкой самыми ранними являются изделия U-образной формы с выступом на головке, позже головка оформляется поперечным желобком или отверстием. У самых поздних крючков отсутствуют пальцевидные бородки. Крючки без бородки с просверленным отверстием в поддеве – наиболее поздний вариант крючков этой группы.

Список литературы

- Гурина Н. Н., 1953. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. // Палеолит и неолит СССР. МИА СССР № 39. М-Л. С. 347–407.
- Гурина Н. Н., 1997. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб. 240 с.
- Мурашкин А. И., 2007. Костяной и роговой инвентарь из могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (по материалам раскопок 2002–2004 гг.) // Кольский сборник. СПб. С. 192–219.
- Шмидт А. В., 1930. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л. С. 119–169.

- Шумкин В. Я., 1984. Каменная и костяная индустрии мезолита – раннего металла Кольского полуострова. Дисс. ... канд. исторических наук. Библиотека СПбГУ. 227 с.
- Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Тарасов А. Ю., 2012. Поселение Завалишина-5 на берегу Баренцева моря // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М. С. 611–622.
- Simonsen P., 1961. Varanger-Funnene II. Fund og udgravninger på fjordens sydkyst. Tromsø Museum Skrifter vol. VII, hefte II. Tromsø. 524 s.
- Solberg O., 1909. Die Eisenzeitfunde aus Ostfinnmarken // Videnskab-Selskabets Skrifter. Hist.-Filos. Klasse № 7. Kristiania. 145 s.
- Solberg O., 1911. Ein neuer eisenzeitlicher Fund aus Ostfinnmarken in Norwegen // Præhistorischen Zeitschrift III. S. 347–355.

О культурной принадлежности стоянки Пушкари I

*Кононович Е. Ю. (Библиотека АН, г. Санкт-Петербург)
Kononovichekaterina@gmail.com*

Работа посвящена теме, связанной с эпохой граветта на территории Восточной Европы. Основными маркерами граветта являются подчеркнутая пластинчатость расщепления и орудия, выполненные в технике краевой крутой ретуши. Среди орудий преобладают пластинки с приупленным краем, острия типа граветт и резцы.

Важнейшим вопросом эпохи граветта, как и многих других культур, остается проблема выделения «чистых» граветтских памятников и их локальных различий (Григорьев, 1998. С. 75, Синицын, 1999. С. 105). Одним из локальных вариантов граветта в последнее время считают стоянку Пушкари I на Десне (Синицын, 2013. С. 13).

Стоянка Пушкари I находится на севере Украины, в Новгород-Северском районе Черниговской области, за южной окраиной села Пушкари, на высоком склоне правого берега Десны. В последние годы работы в Пушкарях I ведутся на VII раскопе, где вскрыт участок (100 м²), включающий жилую западину, два одновременных внешних очага,

зону эвакуации костного и углистого материала. Как и все участки этой стоянки, раскоп VII насыщен кремневым материалом (Беляева, 2009. С. 190).

Большое количество памятников на территории Восточной Европы имеют граветоидные элементы и даты, вписывающиеся в эпоху граветта, но их культурная принадлежность, в том числе и Пушкарей I, не ясна. Следует решить вопрос: стоянка Пушкарей I является граветтом или относится к граветтскому эпизоду?. Под граветтским эпизодом мы подразумеваем, определенный отрезок времени, синхронный времени бытования культуры граветта на территории Европы (29 – 22 тыс. л. н.). Важным является и тот факт, что одновременно с данными стоянками существуют памятники, относимые к культурному единству так называемого восточного граветта.

Восточный граветт, не представляющий собой единообразной культуры, охватывает неоднородный круг памятников, включающий в себя Костенковско-Виллендорфское единство, в частности, Костенковскую культуру на Дону. Культурно определяющими признаками восточного граветта являются наконечники с боковой выемкой, ножи костенковского типа, больше количество резцов, двусторонние формы, микропластинки с притупленным краем и женские статуэтки (Булочникова, 1998. С. 69; Григорьев, 1998. С. 74).

Анализируя инвентарь Пушкарей I, мы не находим свойственных костенковской культуре признаков. Сравнение ножей и наконечников с боковой выемкой с типично костенковскими экземплярами не обнаруживает схожих форм и приемов обработки. Не находим мы и сколько-нибудь похожие типы орудий, среди «нейтральных» категорий орудий, присутствующих на всех стоянках восточного граветта, таких как, например, скребки. Костяные изделия на стоянке Пушкарей I крайне редки, что также не характерно для граветтской культуры (Жононович, 2013. С. 23).

Все вышесказанное позволяет думать, что Пушкарей I находясь в одном временном интервале с памятниками Костенковской культуры и восточного граветта в целом, составляют иную культурную общность, которая, впрочем, может быть отнесена к граветтскому эпизоду синхронному восточному граветту. Можем ли мы говорить о выделении Пушкаревской культуры, как самостоятельной археологической единицы в рамках верхнего палеолита Русской равнины, или же мы имеем дело

с распространением определенных традиций первичного расщепления и изготовления орудий на фоне господства граветской общности?

Обширный и богатый кремневый материал стоянки Пушкари I позволил выделить наиболее яркую черту памятника, его специфический тип: крупные острия пушкаревского типа (Беляева, 2008. С. 75). Основываясь на этой руководящей группе орудий, для сравнительного типологического анализа были отобраны стоянки бассейна Десны – Погон, Ключы и Дона – Аносовка 2 (Костенки 11, слой 2).

Как показал анализ, во всех коллекциях в той или иной степени присутствуют граветские формы, и, в тоже время, их связывает категория не свойственная граветту – острия крупных форм. Эта форма специфична и отличается от граветских острий иной более крупной и широкой заготовкой листовидной формой и техникой обработки. Наибольшую схожесть имеют крупные острия Пушкарей I, Погона и стоянки Ключы. Это отмечали и исследователи стоянок Погон и Ключы (Воеводский, 1950. С. 54; Шовкопляс, 1967. С. 189). В производстве указанных острий прослеживается единая технико-типологическая традиция, раскрывающаяся в схожем сырье; пропорциях заготовок в виде крупных ровных пластин и узких небольших пластин наряду с микропластинками; широком использовании крутой и полукрутой захватывающей или краевой ретуши, формирующей рабочую область изделия. Среди острий Аносовки 2 (2 слой) наибольшую схожесть с пушкаревскими остриями имеют скошенные острия и небольшие острия с притупленным краем, которые также как и в Пушкарях I, Погоне и Ключах имеют подработанное прямое или округлое основание.

Среди общих фоновых категорий орудий или контекста преобладают изделия с притупленным краем (пластинки, острия), резцы, усеченные пластины, микроинвентарь и большой процент скребков. Такие показатели свойственны памятникам эпохи граветта.

Сравнительный анализ кремневого инвентаря позволил выделить среди рассматриваемых стоянок три памятника (Пушкари I, Погон и Ключы), которые технико-типологически, хронологически и территориально близких друг другу. Их можно отнести к одному культурному явлению, условно названному Пушкаревская культура.

Аносовка 2 (слой 2) по своим показателям относится к граветской индустрии и обнаруживает больше аналогий с памятниками непо-

средственно Костенковско-Боршевского района, например со слоем 3 стоянки Костенки 21, в котором, в свою очередь, найдены атипичные наконечники с боковой выемкой, имеющие аналогии в материале Пушкарей I. Обитатели стоянки Пушкари I являлись носителями граветтских традиций, что подтверждается материалом из этой стоянки, однако ее специфика заключается в преобладании крупных острий и скребков над граветтскими формами. Маленький процент обнаруженных здесь орудий (1 %) и огромное количество дебитажа (более 150 тыс.) свидетельствуют о том, что Пушкари являются стоянкой, где занимались преимущественно обработкой кремня. Расщепление было направлено на изготовление различных острий (44 %) и скребков (20 %). При дальнейшем комплексном анализе, связанном с выяснением функций крупных острий, возможно определение хозяйственного предназначения стоянки, что сможет объяснить, не характерное для памятников граветта, процентное соотношение различных категорий орудий в Пушкарях.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что Пушкари I, Погон, Ключы и Аносовка 2 (слой 2) относятся к бытующей, по-видимому, на обширной территории технико-типологической традиции, характеризующейся повсеместным использованием пластинчатой заготовки и изделий с притупленным краем, то есть элементами, свойственными непосредственно граветтской индустрии, или технокомплексу. Из чего можно заключить, что индустрия стоянки Пушкари I является одним из вариантов граветта на территории Восточной Европы.

Список литературы

- Беляева В. И., 2008. Острия крупных форм Пушкарей I // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятнинский сборник. Вып. 1. СПб. С. 74-82.
- Беляева В. И., 2009. Некоторые обобщения полевых исследований в Пушкарях I // С. Н. Бибикив и первобытная археология. СПб. С. 184-191.
- Булочникова Е. В., 1998. Вчера и сегодня понятие «восточный граветьен» // Восточный граветт. М. С.67-72.
- Воеводский М. В., 1950. Палеолитическая стоянка Погон // КСИИМК. № 31. С. 40-54.

- Григорьев Г. П., 1998. Отношение восточного граветьена к Западу // Восточный граветт. М. С. 73-80.
- Кононович Е. Ю., 2013. Скребки и скребковые формы Костенок I и Пушкарей I // Проблемы археологии Восточной Европы. Материалы конференции/ Ростов-на-Дону. С. 17-23.
- Синицын А. А., 1999. Верхний палеолит: современное состояние проблемы локальных различий// Локальные различия в каменном веке. СПб. С. 104-106.
- Синицын А. А., 2013. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб. С. 4-32.
- Шовкопляс И. Г., 1967. Новая позднепалеолитическая стоянка на Черниговщине // Археологические открытия 1966 года. М. С. 187-189.

Планиграфический аспект использования отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой (предварительные результаты)

*Ларионова А. В., Степанова К. Н. (ИИМК РАН,
г. Санкт-Петербург)
alisalarionovag@gmail.com , ksstepan@gmail.com*

В литературе редко встречаются специальные исследования, посвященные изучению ударно-абразивных каменных орудий (отбойники, ретушеры, терочные камни, абразивы и т.п.) в их технологических связях с другими группами орудий. В планиграфическом контексте ударно-абразивные орудия также практически не рассматривались. В качестве исключения можно указать следующие публикации: Чиннова, Леонова, 2001; Щелинский, 2011; de Beaune, 1997; Le Brun-Ricalens, 1990; Zampetti, et al., 2007; Häckel 2010). При этом данные о технологических связях ударно-абразивных орудий с другими категориями инвентаря, а также сведения о пространственно-планиграфических связях между разными видами находок помогают лучше понять не только технологические особенности производственных процессов, протекавших на стоянке, но и оценить особенности распределения артефактов, дополнить уже

имеющиеся сведения о структуре поселения. В частности, детальное изучение отбойников может стать основой для реконструкции деятельности древних мастеров в процессе производства ими каменных орудий. При сопоставлении полученных данных с подобными сведениями по другим стоянкам, можно получить информацию для сравнительного изучения технических решений, к которым прибегали обитатели разных палеолитических поселений.

В этом отношении значительный интерес представляют материалы стоянки Кетросы (среднепалеолитический памятник открытого типа с хорошо сохранившимся культурным слоем, раскопанным на широкой площади), где были выявлены жилые структуры (Анисюткин, 1981; 2013).

Стоянка Кетросы расположена в окрестностях бывшего с. Дарабаны Хотинского района Черновицкой области Украины. В 1974–1979-х гг. исследования памятника проводил Н. К. Анисюткин (Там же). Наибольший интерес в связи с условиями залегания и обилием находок на площади в 127 м² представляет основной (третий) культурный слой комплекса (раскопа) 1. Анализ материалов этого слоя, возраст которого составляет примерно 100 тыс. л. (Иванова и др., 1981. С. 157; Болиховская, 1995. С. 113), посвящена представленная работа.

Полевые наблюдения, данные стратиграфии, микростратиграфии и выявленные серии подбираемых друг к другу изделий из камня (связи ремонтажа) позволяют говорить о хорошей сохранности основного культурного слоя стоянки Кетросы и его гомогенности. Это обстоятельство дает нам возможность реконструировать структуру основного (3) культурного слоя комплекса 1. Находки в нем формируют мощные и устойчивые зоны концентрации. Большие кости и бивни мамонта сосредоточены в центральной части комплекса 1. Их скопление интерпретируется как усложненный ветровой заслон, который мы, вслед за Н. К. Анисюткиным, называем жилой конструкцией (Анисюткин, 1980. С. 43).

В коллекции основного культурного слоя стоянки представлены орудия для первичного расщепления и обработки камня – каменные отбойники в количестве 19 экземпляров. Сравнительно с другими индустриями среднего и верхнего палеолита, это довольно большое количество (см., например: Щелинский, 2011. С. 81; Нехорошев, 1999. С. 55; Степанова, 2015. С. 13–21). В коллекции также представлены гальки и валуны без следов их использования в количестве 34 экз., которые обитатели поселения, по-видимому, подбирали на берегу Днестра. Шесть таких

галеk можно рассматривать в качестве потенциальных заготовок для отбойников, поскольку по своим параметрам (сырье, форма, размер, вес) соответствуют тем галькам, которые имеют следы работы ими.

Во многих случаях в качестве отбойников использовали гальки и валуны из мелкозернистого и среднезернистого кварцита, а также кварцито-песчаника (17 экземпляров). Один отбойник представлен песчаниковой галькой подтреугольной формы.

Отличается от остальных отбойников небольшой сработанный нуклеус из высококачественного кремня, ребра которого забиты и заматы от использования в качестве ударного орудия или ретушера. Мы полагаем, что этот предмет использовали как ретушер, потому что его вес (98 г) значительно меньше среднего веса отбойников (250 г) данной коллекции. Подобные ретушеры были описаны в литературе ранее (например: Щелинский, 1983. С. 92).

Кварцитовые и кварцито-песчаниковые отбойники, преобладающие в основном слое Кетрос, традиционно относят к жестким или твердым отбойникам. В продуктах расщепления коллекции отмечены продольная фрагментация, изъязцы на ударном бугорке, разбитые ударные площадки и коническое начало скалывающей¹. В целом, признаки, условно соотносимые с применением жесткого минерального отбойника, преобладают на продуктах расщепления по сравнению с признаками, условно соотносимыми с использованием мягкого отбойника.

Среди структурных элементов культурного слоя были выявлены два крупных скопления кремня (№ 1 и № 2), располагающиеся к западу и востоку от зоны концентрации крупных костей и бивней мамонта, которая была интерпретирована Н.К. Анисюткиным, как уже было сказано выше, в качестве жилой конструкции в виде усложненного ветрового заслона. Описанные выше отбойники локализуются, главным образом, в скоплениях нуклеусов, продуктов расщепления и орудий (рис. 1).

¹ Различают два вида начала плоскости расщепления кремня при ударе – коническое и неконическое. Если усилие приложено в зону, удаленную от края предмета расщепления под углом, близким к прямому, образуется коническая трещина. Часть материала проседает в виде конусной трещины, поэтому и отделяется скол (Гиря, 1999. С. 41). Выразительный выпуклый ударный бугорок на сколах считается результатом вероятного применения жесткого отбойника (Васильев и др., 2007. С. 168).

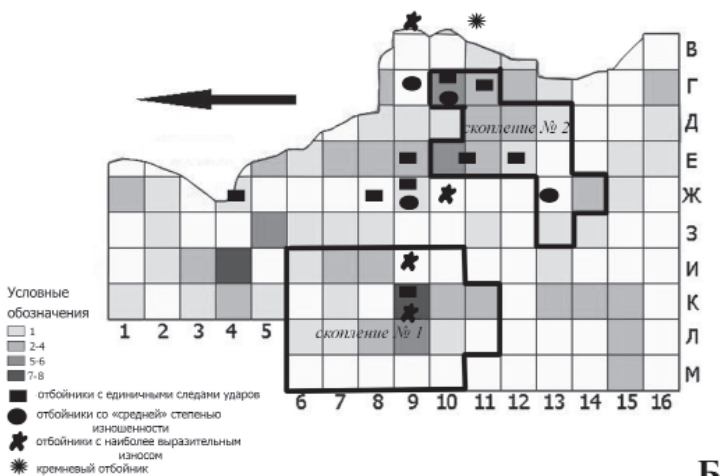
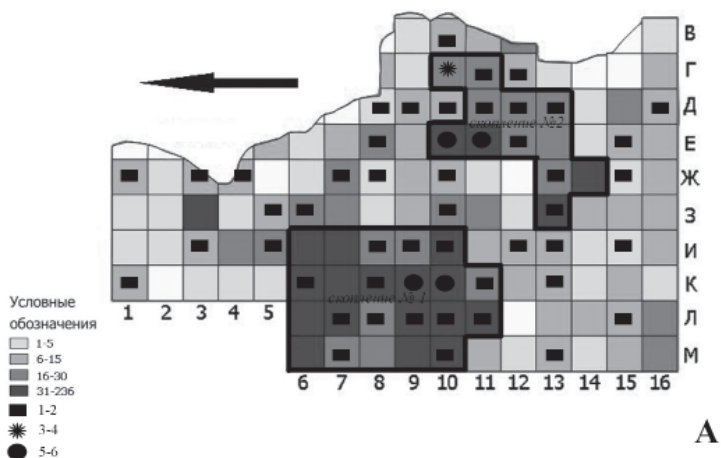

Рис. 1. А. Кетросы, комплекс 1. План распределения находок основного культурного слоя, Значками отмечено количественное распределение орудий по квадратам; Б. Кетросы, комплекс 1. План распределения нуклеусов основного культурного слоя с нанесенными на него отбойниками разной стадии утилизации

В скоплении № 1, несмотря на то, что оно представлено бóльшим количеством находок, чем скопление № 2, выявлено только три отбойника. На одном из квадратов этого скопления (К-9) наблюдается четкая локализация отбойников, а также большого количества нуклеусов и орудий, что позволяет рассматривать данный участок как место, где происходило интенсивное расщепление камня.

В скоплении № 2 найдено наибольшее количество отбойников – 13 экземпляров разной степени изношенности и кремневый ретушер. В этом же контексте обнаружены 35 нуклеусов (13,5 % от всех находок скопления и 27,1% от общего количества нуклеусов комплекса 1). Здесь представлены наиболее выразительные орудия, выполненные преимущественно из галечного кремня, но, в отличие от скопления № 1, нуклеусы, орудия и отбойники равномерно рассеяны по площади скопления и не образуют четких концентраций.

Таким образом, контекстные связи разных категорий артефактов внутри зон с повышенной концентрацией находок (совместное компактное залегание отбойников, нуклеусов, сколов и орудий со вторичной обработкой) говорят о том, что скопления дошли до нас в хорошей степени сохранности и могут быть надежным источником хозяйственной активности на поселении.

Несмотря на интенсивное расщепление камня, проходившее на стоянке, отбойники представлены экземплярами с незначительно развитым износом, который варьирует от следов единичных ударов до формирования небольших зон забитости. Учитывая ряд сопутствующих обстоятельств (отсутствие других видов отбойников в коллекции, признаки использования жесткого минерального отбойника на сколах), мы полагаем более вероятным сценарий, в соответствии с которым на стоянке использовали преимущественно кварцитовые и кварцито-песчаниковые отбойники, но наиболее выразительные их образцы на исследованной площади стоянки по тем или иным причинам отсутствуют.

Список литературы

- Анисюткин Н. К., 1980. Жилой комплекс мустьерского поселения Кетросы в Поднестровье // Первобытная археология – поиски и находки. Сб. науч. трудов. Киев. С. 38–46.

- Анисюткин Н. К., 1981. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М. С. 7–53.
- Анисюткин Н. К., 2013. Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. Труды Костенковско-Боршевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 7. СПб.
- Болиховская Н. С., 1995. Эволюция лессово-почвенной формации Северной Евразии. М. С. 103–124.
- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гиря Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.
- Гиря Е. Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб. (Археологические изыскания. Вып. 44).
- Иванова И. К., Болиховская Н. С., Ренгартен Н. В., 1981. Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М. С. 152–161.
- Нехорошев П. Е., 1999. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.
- Степанова К. Н., 2015. Немодифицированные каменные орудия верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. на соискание уч. степени к.и.н. СПб.
- Щелинский В. Е., 1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита Л. С. 72–133.
- Щелинский В. Е., 2011. Особенности изготовления и использования каменных орудий из разных видов сырья на Ильской мустьерской стоянке (Северо-Западный Кавказ) // Записки ИИМК. №6. С. 46–84.
- Чиннова А. Л., Леонова Н. Б., 2001. Каменные ретушеры верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // АА. № 10. С. 33–44.
- de Beaune S.A., 1997. Les galetés utilisés au Paléolithique supérieur: Approche archéologique et expérimentale. Paris. (Supplement à Gallia Préhistoire, T. 32).

Le Brun-Ricalens F., 1990. Contributions à l'étude des pieces esquillées: la presence des percuteurs à «cupules» // Bulletin de la Société Préhistorique Française. T. 86/7. C. 196–201.

Häckel M., 2010. Zur technik des schlagens am beispiel der schlagsteine von Bilzingsleben (Thüringen, Germany) // Acta Universitatis Wratislaviensis. №3207. Studia Archeologiczne. T. XLI. P. 447–468.

Zampetti D., Lemorini C., Massussi M., 2007. Art et vie quotidienne dans l'Épigravettien final. Les galets utilisés de la Grotta della Ferrovia // Chasseurs-cueilleurs: Comment vivaient nos ancetres du Paléolithique supérieur: Méthodes d'analyse et d'interprétation en Préhistoire. Paris. P.171–185.

Неолитизация в Южной и Центральной Америке: новейшие исследования и подходы¹

*Леванова Е. С., Хохрякова С. А. (Институт археологии РАН;
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва)
maraveriza@gmail.com, s.viskanta@gmail.com*

Доиспанские культуры Южной и Центральной Америки известны преимущественно по европейским источникам периода конкисты, а также по материалам «высоких» цивилизаций II тыс. до н.э. – первой половины II тыс. н.э. В то же время ранние этапы культурогенеза в доколумбовой Америке по-прежнему изучены недостаточно. Прежде всего это касается таких ключевых процессов как domestикация культурных растений (и в отдельных случаях животных) и формирование оседлых обществ, которые традиционно рассматриваются как одни из ключевых составляющих «неолитической революции».

Исследования последних десятилетий существенно удревнили начало domestикации в Новом Свете и продемонстрировали, что количество ее очагов было гораздо большим, чем это казалось исследователям второй трети XX в. Большая хронологическая протяженность и широкий ареал этих процессов заставляет обращаться к новым концепциям,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 14-31-1294/14 «Неолитизация в Южной и Центральной Америке: новейшие исследования и подходы».

разрабатываемым в современной археологии, прежде всего к концепции неолитизации.

Сложившиеся к настоящему времени концепции неолитизации и становления первых оседлых обществ разработаны преимущественно на материалах Ближнего Востока и Европы (Divišová, 2012). Исследования процесса неолитизации уделяют внимание прогрессивному развитию раннеземледельческих обществ и составляющим данного явления, а именно процессу доместикации растений, животных и появлению керамики. Кроме того, неолитизация охватывает технологические, экономические, социальные, идеологические аспекты перехода к «неолитическому образу жизни». В англоязычной археологической литературе существует также понятие «неолитический пакет» («neolithic package»), определяемый как жестко структурированный набор культурных черт раннеолитических обществ, который распространяется с Ближнего Востока на территорию Европы (Çilingiroglu, 2005; Glørstad, Prescott, 2009).

В археологии Нового Света использование как термина «неолит», так и модели «неолитического пакета» является предметом дискуссии (Price, Bar-Yosef, 2011). В зависимости от региона Америки исследователи по-разному определяют важнейшие составляющие процесса перехода к оседлому образу жизни и оценивают динамику развития раннеземледельческих обществ.

В докладе рассматриваются новые подходы в исследованиях оседлости и основных признаков неолитизации в Южной и Центральной Америке (зоне Истмо, охватывающей крайний юг Центральноамериканского перешейка и часть Северных Анд от Панамы до тихоокеанского побережья Эквадора), а также современные данные о динамике доместикации растений.

На американском континенте не было единого очага неолитизации: самая ранняя керамика обнаружена в бассейне Амазонки, очаги доместикации растений дисперсны, а в процессе доместикации животных лидировали Центральные Анды. Однако в современных обобщающих работах по археологии Южной Америки термин «неолитизация» употребляется преимущественно в контексте перехода к земледелию и животноводству как базовым системам хозяйства, в то время как производство керамики рассматривается как отдельный аспект (Moore, 2014).

Проведенные в последние годы на новом междисциплинарном уровне палеоботанические и палеоэкологические исследования во многом

изменили наше понимание причин и динамики селекционирования и доместикиции растений (маис, тыква, фасоль, хлопок, маниок, арахис и др.). Самые древние одомашненные растения в Новом Свете относят к 10000–9000 л.н. Этим временем датированы фитолиты тыквы-горлянки (*Cucurbita esuadorensis*) из юго-западного Эквадора (культура Лас-Вега; 10130–9320 л.н.), остатки одомашненной мускатной тыквы (*Cucurbita moschata*) на побережье Перу (долина р. Санья; ок. 9000 л.н.). Маранта (*Maranta*, травянистое растение семейства марантовые с клубневидным корневищем) была, вероятно, одомашнена в зоне Истмо около 10 200 л.н. Арахис начинают возделывать 8500 л.н. на территории боливийских Анд и на северном побережье Перу. Фитолиты маниока в Панаме (пещера Куэва-де-Лас-Ладронес) датируются широким временным диапазоном: 10 000–7000 л.н. Еще одной важной для южноамериканской раннеземледельческой диеты культурой являлась калатея (*Calathea allouia*, также травянистое растение семейства марантовые с клубневидным корневищем), возделывание которой началось на побережье Эквадора не позднее 9320 л.н. (Pearsall, 2008; Piperno, 2011).

Эти данные показывают, что селекционирование, а затем доместикиция растений происходили в обществах, опирающихся на интенсивное присваивающее хозяйство (эксплуатация морских ресурсов и собирательство). Аналогичная ситуация наблюдается и относительно керамики, появление которой связывают с охотниками-собираателями Амазонии (Neves, 2008). В среднесрочной перспективе эти процессы не привели к быстрой седентаризации, и формирование оседлых сообществ заняло еще несколько тысячелетий.

Таким образом, несмотря на наличие схожего набора «признаков неолитизации», доколумбовы культуры Южной и Центральной Америки демонстрируют иную динамику неолитизационных процессов. Необходимо гораздо больше археологических и палеоэкологических исследований для того, чтобы выявить те факторы, которые оказали влияние на специфику этой динамики.

Список литературы

Çilingiroglu C., 2005. The concept of «Neolithic package» considering its meaning and applicability // *Documenta Praehistorica*. Vol. XXXII. P. 1-13.

- Divišová M., 2012. Current Knowledge of the Neolithisation Process: a Central European Perspective // IANSA (Interdisciplinaria archaeologica. Natural Sciences in Archaeology). Volume III. Issue 1. P. 141–153.
- Glørstad H., Prescott C., 2009. Neolithisation as if history mattered // Neolithisation as if history mattered – processes of Neolithisation in North-West Europe. P. 9-22.
- Moore J.D., 2014. A Prehistory of South America. Ancient Cultural Diversity on the Least Known Continent. University Press of Colorado.
- Neves E.G., 2008. Ecology, Ceramic Chronology and Distribution, Long-term History, and Political Change in the Amazonian Floodplain // The Handbook of South American Archaeology. P. 362-368.
- Piperno D.R., 2011. The Origins of Plant Cultivation and Domestication in the New World Tropics: Patterns, Process, and New Developments // Current Anthropology. Vol. 52. No. S4. P. S453-S470.
- Price T., Bar-Yosef O., 2011. The Origins of Agriculture: New Data, New Ideas: An Introduction to Supplement 4 // Current Anthropology. Vol. 52. No. S4. P. S163-S174.
- Pearsall D., 2008. Plant Domestication and the Shift to Agriculture in the Andes // The Handbook of South American Archaeology. Ed. by Silverman, H., Isbell, W.H. Springer, 2008.

Пространственный анализ структуры верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II

*Медведев С. П. (НИИ и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина
МГУ, г. Москва)
stas-roi@mail.ru*

Группа стоянок эпохи позднего палеолита Каменная Балка располагается на восточной окраине хутора Недвиговка (Мясниковский район Ростовской

области РФ), по обоим берегам правого притока р. Дон – балки Каменной. Среди них известны две многослойные (Каменная Балка II, Третий Мыс) и две однослойные (Каменные Балки I и IV) стоянки, а также ряд местонахождений. Стоянка Каменная Балка II находится на первом приустьевом мысу правого берега балки. С момента открытия памятника в 1958 г. работы на нем с небольшими перерывами вела М. Д. Гвоздовер. На данный момент сплошной площадью вскрыто около 2500 м² площади стоянки. В стратиграфической колонке Каменной Балки II исследователи склонны выделять три культурных слоя, которые они относят к одной археологической культуре – каменнобалковской (Леонова и др., 2015. С. 49).

Верхний культурный слой (в литературе также упоминается как первый слой или верхний горизонт находок) является остатками самого молодого памятника на стоянке. Он приурочен к нижней половине буровато-палевого лессовидного суглинка, датируемого по данным геоморфологических, палеопедологических и палеоботанических исследований около 13,5–12 тыс. лет назад (Леонова и др., 2006. С. 122–123). Провести абсолютное датирование слоя не позволяют как его плохая сохранность и малочисленность представленных в нем органических материалов, так и отсутствие в нем очагов и кострищ.

Применение микростратиграфического анализа позволило выделить на стоянке участки с разной степенью сохранности верхнего культурного слоя. Так в центральной, юго-западной и южной частях он представлен не очень мощными, но однородными линзами находок, тогда как на прочих участках малочисленные разрозненные находки из первого слоя образуют горизонт залегания культурных остатков на определенном уровне. На участках с хорошо выраженными скоплениями находки верхнего слоя были отделены от нижележащего второго слоя стерильной прослойкой в 20–40 см. Таким образом, был подтвержден независимый характер комплексов верхнего культурного слоя стоянки, относительно ее основного слоя (Медведев, 2013. С. 60–61).

Необходимо уточнить, что на разных этапах археологического изучения стоянки методика раскопок и фиксации материала сильно отличались. Верхний культурный слой был впервые выделен М. Д. Гвоздовер только в 1965 г., поэтому материалы из раскопок 1958–1964 гг. не учтены в данной работе. Кроме того в 1984–1985 гг. исследователи не смогли проследить границу между первым и вторым культурными отложениями, и находки из верхнего слоя не были зафиксированы как происходящие из отдельного стратиграфического отложения.

Для проведения пространственного анализа была создана электронная база данных, характеризующая качественно и количественно каменный инвентарь каждого квадрата с находками. Для работы с собранными в базу данными и их визуализации использовалось программное обеспечение Quantum GIS 2.12.3-Lyon. Были построены отдельные планы распределения разных категорий кремневых артефактов.

Самым важным вопросом пространственного анализа является установление принципа, по которому выделяются скопления находок, так как не всегда наличие скоплений удастся определить визуально, особенно на участках с разреженным залеганием предметов. Поэтому в своем исследовании я использовал величину среднеквадратического отклонения (критерий для выявления не случайности накопления находок на определенной площади), которая в данном случае равна 13,4 предмета. Таким образом, квадраты с количеством находок больше 13 считаются скоплением или его частью.

Для построения схемы плотности распределения находок по территории стоянки использовалась программа Surfer 12.0.626. Это потребовало дополнительной обработки данных, так как возникла необходимость пересчитать нерегулярные данные (координаты центра квадрата и количество находок) в регулярную прямоугольную сетку, применяя метод интерполяции Kriging.

На приведенной схеме плотности (рис. 1) обозначены только статистически важные зоны. Использован шаг равный 13,4 для обозначения концентрации находок в скоплениях. С целью проследить структуру стоянки её территория была поделена на зоны. Некоторые зоны (СЗ, СЗ, С и СВ) чётко отделяются от соседних «стерильным» пространством без находок. Другие же границы носят условный характер (между зонами Ц и В, Ц и Ю). Каждое скопление рассматривается как отдельный комплекс, причем анализируется его качественный и количественный состав.

Можно утверждать, что зоны СЗ, С, СВ и З являются периферийными. Центральная зона стоянки (Ц) характеризуется наибольшим процентным содержанием орудий (22%) и может трактоваться как территория, где осуществлялось изготовление орудий, а также дальнейшая работа ими. Зоны В, ЮЗ и Ю могут рассматриваться как участки, где осуществляли первичное расщепление и производили орудия. Задача дальнейшего исследования заключается в установлении синхронности бытования этих зон и их взаимосвязи.

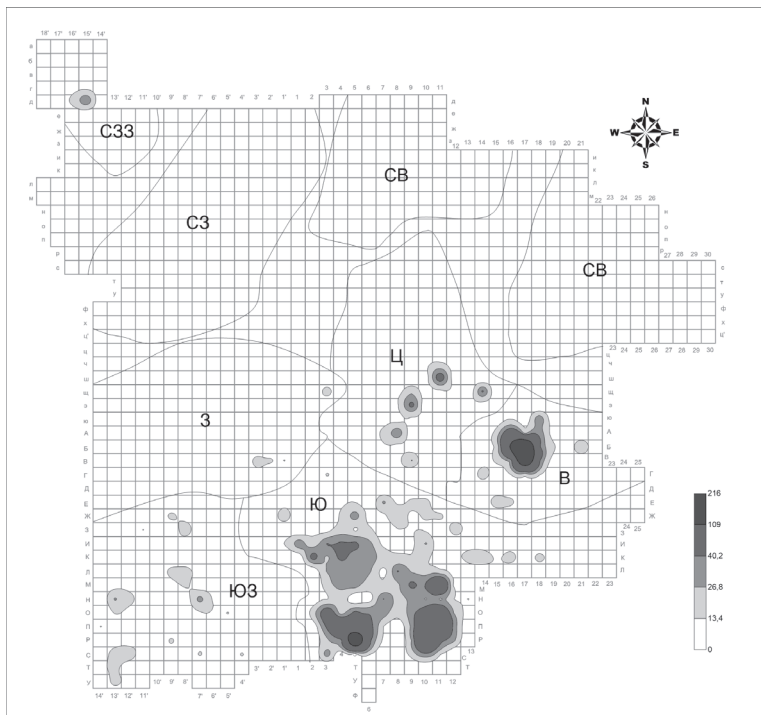

Рис. 1. Каменная Балка II (верхний слой). Схема плотности распределения кремневого материала

Список литературы

- Леонова Н. Б., Виноградова, Е. А., Медведев, С. П., Плохенко, Б. Г., 2015. Многослойный памятник верхнего палеолита Северного Приазовья Каменная Балка II - история изучения и результаты исследований. Исторические исследования, №3. С. 46–75.
- Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. А., Восойкова О. А., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. В., Спиридонова Е. А., Сычева С. А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.
- Медведев С. П., 2013. Использование палерельефа на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II (верхний слой) // Проблемы локальной

палеоэкологии стоянок открытого типа на примере комплекса стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье. Серия: Палеоэкология и региональная геология палеолита. Вып. А2(2). М. С. 59–64.

Ретушеры верхнего слоя стоянки Каменная Балка II

*Медведев С. П., Степанова К. Н. (НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ,
г. Москва; ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург)
stas-roi@mail.ru, ksstepan@gmail.com*

Группа памятников в балке Каменной была открыта М. Д. Гвоздовер в 1957 г. и изучалась ею до 1971 г. Их исследование было продолжено в 1978 г. экспедицией кафедры археологии МГУ под руководством Н. Б. Леоновой и экспедицией ГИМ во главе с Н. А. Хайкуновой (Леонова и др., 2013. С. 97). Все стоянки относятся к одной культуре верхнего палеолита, хотя и отражают разные этапы ее развития. Памятник Каменная Балка II, в стратиграфической колонке которого фиксируется три культурных слоя, демонстрирует три последовательных этапа существования каменнобалковской культуры.

По данным геолого-геоморфологических, палеопедологических и палеоботанических исследований верхний культурный слой сформировался около 13,5–12 тыс. л. н. В нем обнаружены зоны повышенной концентрации кремневых находок, клад кремневых изделий и две крупные плитки известняка. В целом, в инвентаре памятника представлены все типичные для каменнобалковской культуры группы орудий. В процентном содержании среди них преобладают резцы (20,8 %) и скребки (17,2 %), в то время как для основного слоя наиболее распространенной категорией орудий являются микропластинки с притупленным краем (более 30 %) (Медведев, 2014. С. 94–97).

Памятники каменнобалковской культуры отличаются от других стоянок позднего верхнего палеолита большим количеством ретушеров из аргиллита, алевролита и окремненного известняка. Плитки и брусочки как верхнего, так и основного слоя практически идентичны, следовательно, сырьевые стратегии обитателей стоянки не изменились, и они использовали одни и те же каменные породы, источник которых на сегодняшний день неизвестен.

Функциональное определение каменнобалковских галек с царапинами и вдавлениями как ретушеров было впервые дано С. А. Семеновым (Чиннова, Леонова, 2011). Его выводы были подтверждены В. Е. Щелинским и Е. Ю. Гирей (устное сообщение) после просмотра данных предметов.

В материалах основного (второго) слоя Каменной Балки II ретушеры более многочисленны, чем в коллекции верхнего слоя, где они представлены только двумя целыми предметами (0,03% от общего числа находок и 0,22% от числа орудий). В то же время ретушеры верхнего слоя имеют более интенсивную степень изношенности, причем количество рабочих зон на них превосходит количество рабочих зон на ретушерах основного слоя.

Хотя около трети ретушеров основного слоя Каменной Балки II демонстрируют многофункциональность (отжимное и ударное ретуширование, а также как возможные варианты – подправка зоны расщепления, наковальни для создания притупляющей ретуши и «колотушки» по резцам для нанесения гравировок) (Степанова, 2015), ретушеры верхнего слоя обнаруживают большую степень специализации. На последних имеются следы ретуширования отжимом (скопления ступенчатых зарубок и тонких царапин смещены относительно центральной оси предметов, образуя скопления округлой / овальной формы, иногда с легким углублением) и, возможно, ударом, тогда как отмеченные в индустрии основного слоя следы-«расчесы», которые связывают с подправкой зоны расщепления, отсутствуют.

Оба ретушера были обнаружены в центральной части стоянки, в которой выявлены три комплекса. Описываемые предметы относятся к двум соседним скоплениям кремневых артефактов, располагавшихся в четырех метрах друг от друга. Скопления представляют собой компактные линзы находок, залегающие на 30–40 см выше второго культурного слоя и отделенные от него стерильной прослойкой.

Один из предметов (№654/272) интенсивно изношен. Сохранившиеся на нем следы представлены рассеянными ступенчатыми зарубками, а также восьмью локальными скоплениями ступенчатых зарубок, которые сочетаются с мельчайшими царапинами, распложенными на концах, углах, ребре и уплощенных поверхностях бруска. Продольная ориентация зарубок, их ширина и расположение говорят о том, что ретушировали с помощью отжима, а не удара (Щелинский, 1983. С. 95–96). По устному сообщению В.Е. Щелинского, этот ретушер представляет особенный

интерес, поскольку на трех его участках следы повторяют изогнутую форму скребкового лезвия. Измерив длину и кривизну этой дуги, можно подобрать в коллекции каменных орудий тот (или те) скребки, которые с высокой степенью вероятности были подправлены этим ретушером.

Интересен контекст данного инструмента. Он располагался в центральной части скопления в зоне сгущения находок. Для этого комплекса характерны повышенное содержание орудий (26 %) относительно значения, среднего для всего верхнего слоя (12%), а также преобладание пластинчатых заготовок (20 %) над отщепами (16 %). Все это указывает на специализацию рассматриваемого участка стоянки как площадки для изготовления каменных орудий и работы ими, что, в свою очередь, подтверждается предварительными трасологическими наблюдениями. В орудийном составе скопления преобладают скребки (16 предметов, 22,5 % от всех орудий). Ретушер был обнаружен в непосредственной близости (менее 10 см) от скребка и двух микропластинок с притупленным краем.

Второй ретушер (№551/149) коллекции выделяется тем, что помимо следов от отжимного ретуширования он несет следы неутилитарного характера: в центре боковой поверхности бруска, которая не была использована в работе, заметны несколько глубоких наложенных друг на друга прокрашенных царапин.

Таким образом, несмотря на немногочисленность ретушеров верхнего слоя Каменной Балки II, они являются источником уникальной информации для иллюстрации конкретной хозяйственной деятельности людей на древнем поселении.

Список литературы

- Леонова Н. Б., Виноградова Е. А., Медведев С. П., Хайкунова Н. А., 2013. Верхнепалеолитические памятники каменнобалковской культуры – исследования и перспективы // Вестник Московского университета. Серия XVIII. Антропология. № 2. С. 96–105.
- Медведев С. П., 2104. Каменный инвентарь верхнего слоя Каменной Балки II: типологическая характеристика // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (20–25 окт. 2014). Т. 1. Казань. С. 94–97.

Степанова К. Н., 2015. Немодифицированные каменные орудия верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. СПб.

Щелинский В. Е., 1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита Л. С. 72–133.

Чиннова А. Л., Леонова Н. Б., 2011. Каменные ретушеры верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // Археологический альманах. № 10. С. 33–44.

Поселение Огурдино как источник для изучения мезолита Прикамья¹

*Митрошин Е. Н. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
mitroshindjon@yandex.ru*

Огурдинское поселение расположено на правом берегу р. Кама, между деревней Огурдино и поселком Орёл Усольского района Пермского края. Оно занимает край высокой надпойменной террасы, возвышаясь над уровнем реки на 10–11 м, и простирается вдоль берега на 2–2,5 км.

Памятник был открыт в 1949 г. В. П. Денисовым и В. А. Обориным и сразу же привлек внимание О.Н. Бадера своим кремневым микролитическим инвентарем. Данное поселение является самым большим мезолитическим памятником на территории Среднего и Верхнего Прикамья.

Первые исследования поселения были проведены О. Н. Бадером в 1951–1952 гг. Им была раскопана территория площадью 815 м². В ходе исследований зафиксированы следы мезолитического сооружения и собран богатый кремневый инвентарь. Характеризуя каменный инвентарь, исследователь отмечал сочетание классических микролитических комплексов с выемчатыми трапециями и пластин с концом, усеченным ретушью, а также резцов с боковой ретушью. Эти находки О. Н. Бадер рассматривал как архаичные элементы в мезолите Прикамья (Мельничук, Чурилов, 2003).

¹ Работа проведена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-11-59001а/У.

По мнению исследователя, памятник относится к раннему этапу развитого камского мезолита, который был назван огурдинским и отнесен к более раннему времени, чем стоянки с микролитическим инвентарем типа Нижнее Адищево. К сожалению, полностью материалы раскопок 1951–1952 гг. так и не были опубликованы, однако общая характеристика памятника дана во многих работах исследователя (Бадер, 1966).

После 30-летнего перерыва, в 1984 г. раскопки Огурдинского поселения были продолжены А. Ф. Мельничуком и А. М. Белавиным. В результате работ здесь были вскрыты 310 м². Коллекция находок состоит из 2201 предмета.

По итогам этих раскопок А. Ф. Мельничук написал статью (Мельничук, 1989). Исследователь отметил, что обнаруженный им каменный инвентарь схож с орудиями, полученными в ходе исследований памятника О. Н. Бадером. Комплекс находок из Огурдинского поселения включает в себя выемчатые трапеции, пластины с обработанным ретушью концом, резцы с боковой ретушью, пластины разных размеров, нуклеусы с параллельным скалыванием. Индустрию памятника можно охарактеризовать как пластинчатую, причем пластины составляют 67,4 % находок, а отщепы – 32,6 %. Это подтверждается и тем, что 82,3 % орудий изготовлены на пластинах.

Исследования 1984 г. подтвердили предположение О. Н. Бадера о том, что Огурдинское поселение может рассматривать как эталонный памятник развитого мезолита в Прикамье. Дальнейшие исследования памятника проводили в 1993–1996 гг. поочередно А. Ф. Мельничук и А. М. Белавин. Материалы этих раскопок частично введены в научный оборот.

Следует отметить, что в результате работ 1993 г. был обнаружен «клад топоров». В компактном скоплении, размером около 0,5 м, выявлено шесть топоров, изготовленных из диорита и диоритообразной породы. Все топоры обработаны двусторонней обивкой и шлифовкой, причем, часто шлифовали только рабочий край изделия. Вместе с топорами находился типичный мезолитический материал (пластины, карандашевидный нуклеус, концевой скребок), что подтверждает мезолитический возраст «клада» (Лычагина, 2013).

Последние по времени исследования памятника были проведены в 2002 г. под руководством Н.Б. Крыласовой и Е.Л. Лычагиной. Площадь раскопа 2002 г. составила 96 м². К мезолитическому комплексу относятся 374 изделия из камня.

Характерной чертой находок, выполненных из камня, является наличие большой группы орудий, изготовленных на отщепах, что составляет 46,7 % от общего количества орудий. Возможно, это связано с особенностью раскопанной части памятника. Результаты исследований были частично опубликованы (Лычагина, 2004; 2014).

Таким образом, за все годы изучения поселения на нем раскопано более 1000 м² и выявлено более 10000 артефактов.

К характерным чертам индустрии памятника можно отнести: использование серого кремня в качестве основного сырья для изготовления орудий; преобладание нуклеусов с параллельным скалыванием (конические, карандашевидные, призматические); использование узких пластин (шириной до 1 см) в качестве основных заготовок для изготовления орудий; наличие выемчатых трапеций; распространение таких форм орудий, как концевые скребки, резчики, угловые резцы (Лычагина, 2013).

Огурдинское поселение относится к эталонным памятникам развитого мезолита Прикамья, причем исследование 2002 г. показало, что его изучение еще далеко от завершения, и даже небольшой раскоп в периферийной части памятника может дать весьма интересные результаты.

Однако, после 2002 г. археологические исследования здесь не проводились. До сих пор не выполнен и всесторонний анализ каменного инвентаря памятника.

Для определения места Огурдинского поселения в мезолите Прикамья необходимо провести его современные исследования, включающие палеоэкологические работы и отбор органогенного материала на радиоуглеродный анализ. Остается также вопрос является ли поселение единым памятником, поскольку оно имеет большую протяженность. Решение этих проблем представляет собой весьма непростую задачу, потому, что большая часть материалов памятника хранится в различных лабораториях и музеях.

Список литературы

Бадер О. Н., 1966. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // Материалы и исследования по археологии (МИА). № 126. М. С. 194–205.

Лычагина Е. Л., 2004. Новые исследования поселения Огурдино // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Усолье. С. 35–39.

Лычагина Е. Л., 2013. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь.

Лычагина Е. Л., 2014. Каменный инвентарь поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.) // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар. С. 182–187.

Мельничук А. Ф., 1989. Материалы мезолитического Огурдинского поселения // Советская Археология. № 4. М. С. 244–249.

Мельничук А. Ф., Чурилов Э. В., 2003. О.Н. Бадер и изучение камского мезолита // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь. С. 20–21

Природно-климатические условия Притоболья с эпохи энеолита до средневековья (по материалам поселения Оськино Болото)

*Насонова Э. Д. (Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, г. Новосибирск)
leonora_nasonova@mail.ru*

Природа всегда занимала важное место в жизни человечества. На протяжении большей части его существования, люди учились приспосабливаться к окружающей среде. Благодаря различным природно-климатическим условиям, человечество сформировало разные типы хозяйств, домостроительные традиции, а также особое восприятие природы и исключительное отношение к ней. Следовательно, изучение климата в целом и растительности в частности необходимо с целью получения максимально полного знания о человеке и обществе.

Многослойный памятник Оськино Болото, находящийся в Ялutorовском районе Тюменской области, располагает археологическими материалами от эпохи неолита до средневековья, поэтому, палинологическое исследование данного поселения дает поэтапную возможность изучить природно-климатические изменения в Притоболье на материалах одного памятника.

Главной задачей этой работы является сведение палинологических результатов, полученных в ходе работы с двумя палинологическими колонками из поселения Оськино Болото, в единую палинологическую шкалу памятника.

При его изучении нами были отобраны две палинологические колонки, включавшие образцы от энеолита до средневековья. Палинологическая колонка № 2 была получена в 2009 г. Н. Е. Рябогиной (Институт проблем освоения Севера СО РАН) на северном участке межжилищного пространства исследованной части памятника. Из разреза поселения взято 14 проб, девять из которых мы проанализировали (Насонова, Рудая, 2015). Данные пробы охватили временной промежуток, включающий в себя энеолит, поздний бронзовый век, переходный период, ранний железный век, а также эпоху средневековья. Палинологическая колонка № 3, отобранная в 2014 г., включала в себя пробы, относящиеся к периодам ранней и развитой бронзы. Таким образом, данные спорово-пыльцевого анализа для памятника Оськино Болото не имеют хронологических лагун. Результаты, полученные при изучении двух колонок, в целом совпали с итогами палинологических анализов, уже проведенных в Притоболье (Зах, Рябогина, 2005). Однако возникли определенные трудности при интерпретации локальных особенностей памятника в контексте уже имеющихся палинологических сведений о территории Притоболья, а также при сведении данных двух разных колонок в единую шкалу.

Результаты спорово-пыльцевого анализа палинологических проб колонки № 2 (энеолит) показали, что в этот период на территории Притоболья доминирует травянистая растительность, в которой главенствующее положение занимает осока, представлено также разнотравье (полынь, лютиковые, крестоцветные). Незначительное количество древесной пыльцы свидетельствует о наличии лиственницы, ольхи и березы, причем последняя преобладала в это время (Насонова, Рудая, 2015).

Для раннебронзового периода, судя по данным палинологических проб (колонка № 3), характерно превалирование древесной пыльцы, в которой господствующее положение занимает береза и сосна, присутствует ель, вяз, ольха. Травянистый комплекс разнообразен, доминирует пыльца злаков, второе место занимает полынь, присутствуют астровые, маревые, лютиковые, розоцветные.

К эпохе средней бронзы в древесном комплексе начинает преобладать береза, по сравнению с предыдущим периодом значительно сокращается

пыльца сосны, присутствует незначительное количество пыльцы ели, ольхи, вяза, ореха и верескоцветных. Травянистый комплекс менее разнообразен, чем в период ранней бронзы. Представлены полынь, злаки и астровые.

Для периода поздней бронзы результаты спорово-пыльцевого анализа (колонка № 2), показывают господство травянистой пыльцы, в которой преобладает пыльца осоки, в незначительном количестве присутствуют лютиковые и маревые. В древесной пыльце в очень небольшом количестве представлена береза, полностью отсутствует пыльца сосны.

В переходном периоде от бронзового к раннему железному веку (колонка № 2), господствующее положение по-прежнему занимает травянистая растительность, среди которой доминирует осока, присутствуют полынь, розоцветные, лютиковые и злаки. Среди древесной пыльцы наблюдается по сравнению с предыдущим периодом увеличение количества пыльцы березы, появляются сосна и вяз.

В ранний железный век доминируют березовые леса, значительно сокращается пыльца осоки, присутствует полынь, лютиковые и злаки.

В эпоху средневековья преобладает древесная растительность, в которой превалирует пыльца сосны, второе место занимает береза, представлены также ель и ива. В травянистом комплексе выявлена осока, незначительное количество полыни, злаки, маревые (Насонова, Рудая, 2015).

Подводя итог, можно сказать, что палинологические результаты, полученные нами при исследовании поселения Оськино Болото, совпали с уже имеющимися данными по территории Притоболья. Со второй половины энеолита по VIII в. до н.э. наблюдается остепнение ландшафтов и заболачивание водоемов в окрестностях рассматриваемого памятника. Преобладание пыльцы березы на протяжении большей части бронзового века также свидетельствует о более теплом климате этого периода в Притоболье, по сравнению с современным. Период перехода от бронзового века к раннему железному характеризуется возрастанием доли древесной растительности, появлением сосны, которая окончательно займет главенствующую относительно березы позицию лишь в средневековую эпоху. В раннем железном веке и в средневековье преобладает лесная растительность, что связано с увлажнением климата. Доминирование сосново-березовых лесов подтверждает вывод о схожести климатических

условий средневековья и современности (Насонова, Рудая, 2015; Зах, Рябогина, 2005; Зах и др., 2014) .

Список литературы

- Зах В. А., Рябогина Н. Е., 2005. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (24). С. 85–100.
- Зах В. А., Костомаров В. М., Илюшина В. В., Рябогина Н. Е., Иванов С. Н., Костомарова Ю.В., 2014. Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (24). С. 36–49.
- Насонова Э. Д., Рудая Н. А., 2015. Природные условия обитания человека в Притоболье: от неолита до средневековья (по материалам поселения Оськино Болото) // Известия иркутского государственного университета. Т. 13. С. 96–106.

Опыт применения методов историко-культурного подхода к изучению форм сосудов

*Никитина А. В. (Самарский государственный
технический университет, г. Самара)
Nikitina.an.v@yandex.ru*

В изучении форм керамики Восточно-Европейской лесостепи доминируют два научно-исследовательских подхода. Первый подход основывается на представлениях о том, что геометрию любого сосуда возможно описать набором количественно выраженных значений. Как правило, имеют в виду абсолютные размеры сосудов (чаще всего диаметры переходных участков и высоты составных частей сосуда), а также соотношения этих размеров друг с другом, акцентируя внимание на тех особенностях формы, которые человеческий глаз фиксирует как готовую совокупность в более общем виде. Данный подход изобилует разработками конкретных методик (Генинг, 1973; Русанова, 1976; Фёдоров-Давыдов, 1987; Каменецкий и др., 1975).

Согласно второму историко-культурному подходу, внимание должно быть направлено на изучение физических усилий гончара, которые

привели к созданию той или иной формы посуды (Бобринский, 1986, 1988; Цетлин, 2014). Пространственные физические усилия также измеряются математическими значениями – углом и процентной долей части от общей высоты сосуда. Далее эти количественные значения формализуются в два качественных: во-первых, определяется соответствие части сосуда одной из семи универсальных функциональных частей и, во-вторых, определяется «сформированность» изделий, согласно которой форма/функция части соответствует гипотетическому идеалу.

Работа с археологическими материалами в рамках обоих направлений позволила конкретизировать логическое основание и практическое приложение методик. Для данного исследования использовано 476 целых сосудов именьевской культуры и близких культурно-хронологических горизонтов.

Общая пропорциональность сосудов. Понятие ОПП (соотношение наибольшего диаметра и высоты сосуда) присутствует почти во всех методиках и отражает, в первую очередь, функциональные особенности сосудов. Однако в основном этот показатель считается количественным. Согласно методике Ю. Б. Цетлина, значения ОПП соответствуют девяти группам качеств от супернизких до супервысоких. При этом низкие сосуды соответствуют мисковидным, средние – горшковидным, а высокие – кувшиновидным. По этой градации все сосуды, привлечённые нами к анализу, попали в категорию горшковидных и в зону перехода, что резко ограничило возможность определить разнообразие ассортимента посуды. При этом распределение числовых значений ОПП содержит значительный разрыв на значении 0,75 ($\pm 0,05$), совпадающий практически на всех памятниках (на городище Лбище он выше – 0,85). Этот разрыв прочно отделяет ту группу сосудов, которую большинство исследователей культуры соотносят с мисками. Близкое значение разрыва зафиксировано и по материалам из рязано-окских могильников: 0,72–0,78 (Румянцева, 2013), что делает эту границу ещё более убедительной. При рассмотрении материалов могильников выделяется также и второй разрыв на значении 0,95, отделяющий группу сосудов, часто ассоциируемую исследователями с кувшинами. Таким образом, следуя естественным значениям, мы получаем результаты, более приближенные к действительной структуре керамического комплекса. В случае разнесения данных по группам качеств особенности, связанные с ОПП сосудов, были бы утрачены.

Структура сосудов, функциональные части. Мы уже освещали некоторые конкретные результаты работы в данном направлении (Никитина, 2015), поэтому остановимся на ее итогах. Всего в материалах именьевской

культуры выявлено 10 видов структур из 12, от трехчастных до семичастных. Анализ полученных результатов показал, что структуры сосудов невозможно соотнести даже с самыми явными «типами» сосудов, т.е. близкие по внешнему облику сосуды могут иметь разные структуры, а далёкие – одинаковые. Анализ степени сформированности показал традиционность и устойчивость (89 %) несформированных (т.е. переходных) состояний функциональных частей. Выявленные части можно охарактеризовать как неопределённые, хоть формально они и отнесены к конкретным категориям. При попытке рассмотреть эти качественные понятия в изначальном цифровом виде (т.е. то, как распределяются значения углов и пропорциональность частей) мы получили сплошное облако (рис. 1). Следовательно, рассматриваемые части сосудов не обнаруживают тех границ, по которым их можно было бы разделить на качественно разные состояния, напротив, их состояния тесно слиты. Таким образом, в рамках историко-культурного подхода удалось, как и прежде, приобщить материалы к системе идеальных понятий, а не обозначить индивидуальную структуру комплекса как самостоятельной целостной системы.

Благодаря анализу геометрии сосудов в рамках формализованного направления удалось получить внутри комплексов отдельных памятников чётко выделяемые группы, поддающиеся верификации при визуальном осмотре, причем для каждого памятника численные рамки группобразующих параметров различаются, даже если сосуды относятся к одному условному «типу». Следовательно, невозможно выделить универсальные для всей культуры «определяющие» признаки того или иного типа. Однако мы считаем, что эта особенность обусловлена вполне естественными факторами и не должна искусственно нивелироваться.

Таким образом, результаты, полученные при помощи методики А. А. Бобринского без привлечения формальных методов, описывающих геометрию сосуда, недостаточны в качестве полноценных историко-культурных сведений по формам посуды. Для всестороннего рассмотрения формы как историко-культурного объекта, подход А. А. Бобринского должен включить, как одно из направлений анализа, формализованные методы описания формы, так как они способны отражать особенности видимой геометрии. Какими бы не были физические усилия гончара, они должны были привести к созданию такой геометрии, которая сочеталась бы с ассоциативным рядом потребителя посуды, вызывая «принятие» формы как конкретного образа, соответствующего определённому культурному контексту. На наш взгляд, данные о физических усилиях не несут столь выраженной историко-культурной информации, так как

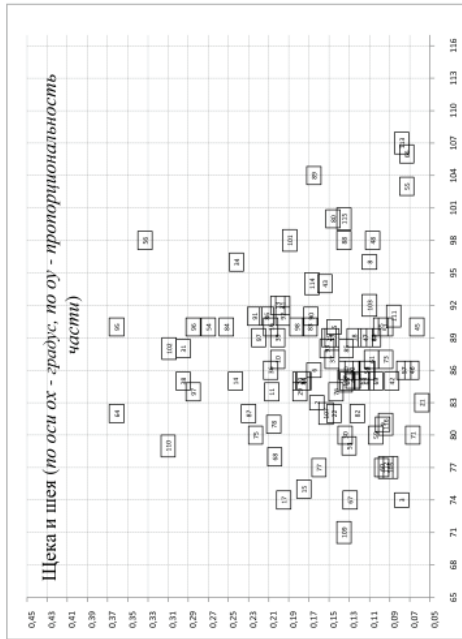
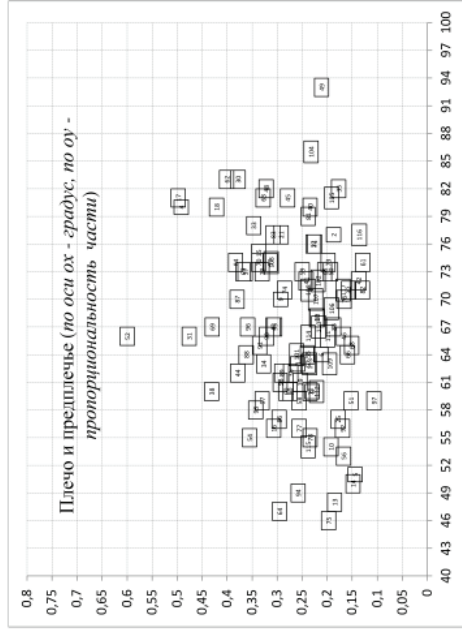

Рис. 1. Параметры функциональных частей сосудов

посредством контакта гончара и его ученика возможна передача лишь представлений о необходимых усилиях, и, представляется, что конкретные параметры в большей степени зависят от физиологии труда мастера. Из этого может следовать, что анализ системы физических усилий должен соотноситься не с культурными традициями, связанными с формами сосудов в целом, а нацелен на более конкретную задачу – выявление посуды одного мастера. Подобное применение метода может решить вопросы, связанные с интерпретацией полученных результатов.

Список литературы

- Бобринский А. А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев. С. 137-157.
- Бобринский А. А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев. С. 5-21.
- Генинг В. Ф., 1973. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. М. №1. С. 114-135.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер А. Я., 1975. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.
- Никитина А. В., 2015. Традиции изготовления форм глиняной посуды оседлого населения Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы III международной конференции молодых учёных. М. С. 183-184.
- Румянцева О. С., 2013. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.
- Русанова И. П., 1976. Один из методов классификации раннеславянской керамики // КСИА. М. Вып. 148. С. 31-35.
- Цетлин Ю. Б., 2014. Формы посуды как объект анализа и источник исторической информации // КСИА. М. Вып. 236. С. 374-376.
- Фёдоров-Давыдов Г. Ф., 1987. Статистические методы в археологии. М.

Новые подходы к изучению и интерпретация памятника Комбактэ в Северном Прикаспии

*Попов А. С. (Самарский государственный
социально-педагогический университет, г. Самара)
Asya.samara@gmail.com*

В Северном Прикаспии была выделена поздняя неолитическая прикаспийская культура, для индустрии которой характерно преобладание кварцитового сырья (Мелентьев, 1976). В 1980-х гг. в этом же регионе были открыты стоянки хвалынской энеолитической культуры. Для ее каменной индустрии характерно доминирование кремневого сырья. Хвалынские памятники Кара-худук и Каиршак VI, на которых сохранились культурные отложения, являются однослойными (Барынкин, 1989; Барынкин, Васильев, 1988).

Стоянку Комбактэ несмотря на неоднородность ее материалов исследователи также относили к хвалынской культуре, основываясь преимущественно на анализе найденной на ней керамики (Барынкин, 1992, 2010; Васильев, 2003). Значимость данного памятника возрастает в связи с наличием в его культурном слое, судя по определениям П.А. Косинцева, костей мелкого и крупного рогатого скота. Этот факт связывает материалы Комбактэ с решением проблемы происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье. Однако следует определить, надежен ли данный источник для решения столь сложной проблемы. Для этого необходимо вновь обратиться к анализу материалов стоянки. Можем ли мы решить данную задачу только на основе изучения каменного инвентаря?

Каменная коллекция памятника насчитывает 649 экземпляров, из которых 350 изделий не имеют вторичной обработки (246 кремневых и 104 кварцитовых экз.). Изделия с вторичной обработкой представлены скребками из кремня в количестве 47 экз. Речь идет в основном о скребках концевого типа, причем 33 из них выполнены на пластинах и 15 – на отщепках. Из кварцита изготовлено 42 скребка.

В коллекции содержится 106 пластин из кремня (18 экз. с ретушью и 88 экз. без нее) и 58 из кварцита (24 экз. с ретушью и 34 экз. без нее). Наконечники представлены симметричными двусторонне обработанными изделиями: черешковый; в форме «рыбки» (2 экз.); симметричный вытянутой треугольной формы с прямым основанием (2 экз.). В

комплекс орудий входят шесть «вкладышей» с характерной обработкой (на длинных сторонах имеется противолежащая ретушь), два обломка кварцитового ножа и 12 частей различных кварцитовых орудий. Таким образом, индустрия стоянки отличается использованием кремневого и кварцитового сырья для изготовления орудий. Из этого, на первый взгляд, можно сделать вывод о наличии на памятнике не только хвалынского, но и прикаспийского комплексов. Однако на хвалыньских стоянках Карахудук и Каиршак VI кроме кремневого сырья обнаружены и кварцитовые изделия. Поэтому на основании анализа каменной индустрии памятника Комбактэ сделать однозначный вывод о его культурной принадлежности не представляется возможным.

Для решения этого вопроса необходимо обратиться к анализу керамического инвентаря. Новый подход к изучению сосудов стоянки Комбактэ выявил два момента. Во-первых, здесь обнаружено несколько сосудов репинской культуре позднего энеолита и несколько черепков керамики еще более позднего времени. Таким образом, возникает сомнение в принадлежности костей крупного рогатого скота именно к хвалыньским материалам. В связи с этим относить появление крупного рогатого скота к раннему энеолиту Северного Прикаспия представляется преждевременно. Во-вторых, удалось выделить несколько сосудов, которые по своему облику отличаются от хвалыньских и могут интерпретироваться как прикаспийские. Это сосуды, не имеющие характерного для хвалыньской керамики утолщения венчика, орнаментированы горизонтальными рядами среднего зубчатого штампа (Барынкин, 2010. С. 152. Рис. 13: 4, 5, 10). Именно с этой посудой, возможно, связан кварцитовый инвентарь рассматриваемой стоянки.

В пользу того, что на памятнике Комбактэ кроме хвалыньского комплекса представлены находки более раннего времени, свидетельствуют новые абсолютные даты. Первоначально для стоянки была получена дата по углю (6000 ± 150). Она синхронна с определениями хвалыньской культуры (Черных, Орловская, 2010). Однако в результате датирования нагара на хвалыньской керамике методом АМС получена новая дата (5626 ± 51) для памятника Комбактэ. На первый взгляд оба определения противоречивы. Однако, даты по хвалыньской культуре, полученные по костям человека, подвержены резервуарному эффекту. Более достоверной является дата из Хвалыньского могильника (5565 ± 40) (Шишлина и др., 2006), которая совпадает с полученной по Комбактэ датой. Иначе говоря, дата 6000 ВР. может соответствовать более раннему, чем хвалыньский, прикаспийскому комплексу памятника Комбактэ, что подтверждается

датами, полученными для прикаспийской культуры со стоянки Курпеже-молла (6050 и 6020) (Выборнов, 2008). Таким образом, новые подходы позволили провести новую интерпретацию полученных ранее материалов.

Список литературы

- Барынкин П. П., 1989. Энеолитический памятник Каир-шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. С. 106–118.
- Барынкин П. П., 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дисс. канд. ист.наук. М.
- Барынкин П. П., 2010. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара. С. 133–152.
- Барынкин П. П., Васильев И. Б., 1988. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев. С. 123–141.
- Васильев И. Б., 2003. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи // Вопросы археологии Поволжья. Самара. С. 61–77.
- Выборнов А. А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара.
- Мелентьев А. Н., 1976. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев.
- Черных Е. Н., Орловская Л. Б., 2010. Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара. С. 121–129.
- Шишлина Н. И., ван дер Плихт Й., Зазовская Э. П., Севастьянов В. С., Чичагова О. А., 2006. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. С. 135–141.

Новые подходы и интерпретации в изучении средневожской неолитической культуры

*Сомов А. В. (Самарский государственный
социально-педагогический университет, г. Самара)
somov.tolya@gmail.com*

Важнейшим регионом в процессе неолитизации Восточной Европы является лесостепное Поволжье. В XX в. исследователи выделили здесь средневожскую неолитическую культуру (Васильев, Выборнов, 1988). Однако некоторые вопросы ее изучения оставались открытыми. Во-первых, периодизация культуры не была основана на стратиграфии поселений, поэтому не было оснований утверждать, что керамика с накольчатым орнаментом древнее посуды с гребенчатыми узорами. Во-вторых, отсутствовали данные для установления абсолютной хронологии культуры. Стала очевидной необходимость качественной источниковедческой базы и новых подходов к изучению полученных ранее материалов средневожской культуры.

К числу неолитических памятников лесостепного Поволжья, которые изучены специалистами в конце XX в., можно отнести Ильинскую стоянку, на которой было обнаружено около 70 сосудов (Мамонов, 1988, 2002). Здесь выделено три группы керамики: сходная с елшанской, с накольчатым и с гребенчатым орнаментом. Исследователь памятника предположил культурно-хронологическое единство этих групп и отнес их ко второму этапу развития елшанской культуры. На основании радиоуглеродной даты стоянку отнесли к середине VIII тыс. до н.э. Однако объединение упомянутых керамических групп в единый комплекс было проведено лишь на типологическом уровне. Недостаточность этой процедуры иллюстрируется тем, что другой исследователь одну группу керамики связал с елшанскими древностями, а посуду с накольчатым и зубчатым орнаментом отнес к средневожской культуре (Выборнов, 2008). Что касается радиоуглеродной даты, то ее достоверность весьма сомнительна в силу ее слишком большой древности, возможно, из-за того, что в данном случае исходным материалом для датирования служили раковины моллюсков.

С 2007 г. появилась возможность нового подхода к определению абсолютного возраста неолитических материалов, вследствие разработки методики радиоуглеродного датирования органических примесей к керамике. Серия дат была получена в результате датирования разных

типов посуды Ильинской стоянки. В соответствии с этими определениями фрагменты посуды с прочерченным орнаментом, характерные для раннего этапа елшанской культуры, относятся к началу VI тыс. до н.э. Черепки керамики с ямочно-жемчужным пояском, которые характерны для позднего этапа елшанской культуры, синхронны второй четверти VI тыс. до н.э. Иначе говоря, новые подходы позволили получить более надежные определения абсолютного возраста елшанской культуры. Учитывая новизну подхода, было проведено повторное датирование указанных типов керамики в другой лаборатории, которое подтвердило полученные результаты (Выборнов и др., 2014). Даты керамики с зубчатым орнаментом значительно моложе елшанских и соответствуют первой половине V тыс. до н.э., то есть, возрасту средневожской культуры. Повторное датирование этой группы керамики подтвердило правильность такого возраста. Посуду с гребенчатым орнаментом Ильинской стоянки не датировали радиоуглеродным методом. Хронологическая ниша этой группы керамики (вторая половина V тыс. до н.э.) установлена с помощью дат, полученных для стоянки Лебежинка IV.

Ввиду того, что наблюдается большой временной разрыв между существованием елшанских и средневожских древностей, можно предположить, что Ильинскую стоянку неоднократно заселяли в древности.

Технико-технологический подход к изучению керамики позволил установить, что елшанские коллективы Лесостепного Поволжья, производившие первую группу посуды, использовали в качестве исходного пластического сырья илестые глины. На основе этой гончарной традиции и под влиянием керамической традиции нижевожского населения, которое изготавливало из ила плоскодонную посуду с накольчатый орнаментом, складывается керамика второй группы, типы которой связаны с культурой нижевожского населения, а технология – с елшанской культурой. Эти факты свидетельствуют о процессе смешения упомянутых коллективов. Комплекс гребенчатой посуды указывает на то, что произошел определенный возврат к более архаичному пластическому сырью: от илестых глин к илам. Это могло случиться только благодаря притоку новых групп населения.

Аналогичную картину демонстрируют материалы новой неолитической стоянки лесостепного Поволжья – Калмыковки I, на которой было выявлено около 45 неолитических сосудов. Исходя из орнамента, керамика была разделена на четыре типологические группы: сходная с

елшанской, накольчатая, зубчато-гребенчатая и прочерченная. Благодаря радиоуглеродному датированию можно говорить о том, что керамика первой группы относится к первой половине VI тыс. до н.э. (Андреев и др., 2015). На упомянутом памятнике наблюдается сходные процессы, что и на Ильинской стоянке. Это подтверждается типологическим и технологическим анализами.

Таким образом, новые подходы к изучению глиняной посуды, а именно: совокупность морфологического, технико-технологического и радиоуглеродного методов анализа керамики, позволили получить качественно новую информацию, а соответственно дать новую интерпретацию источникам.

Список литературы

- Андреев К. М., Выборнов А. А., Васильева И. Н., 2015. Неолитический комплекс стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра РАН. Том 17. №3. Самара. С. 212–219.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А., 1988. Неолит Поволжья. Куйбышев.
- Выборнов А. А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара.
- Выборнов А. А., Андреев К. М., Барацков А. В., Гречкина Т. Ю., Лычагина Е. Л., Наумов А. Г., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., 2014. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. Том 16. № 3. Самара. С. 242–248.
- Мамонов А. Е., 1988. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск. С. 92–105.
- Мамонов А. Е., 2002. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. № 5. Самара. С. 148–162.

Бивневые отщепы с усечением из коллекции верхнепалеолитической стоянки Сунгирь

*Солдатова Т.Е. (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)
staiss@yandex.ru*

Стоянка Сунгирь расположена у восточной окраины г. Владимира, в 192 км от Москвы (Бадер, 1978). Основной массив радиоуглеродных дат этого памятника относится ко временному интервалу от 28800 ± 240 (ГИН-9028) до 25500 ± 200 (Gro-5425) л. н. (Сулержицкий и др., 2000). Недавно были опубликованы новые AMS даты, которые удревяют возраст стоянки примерно до 30 тысяч л. н. (Marom et al., 2012). Большинство исследователей относят ее к костёнковско-стрелецкой культуре, а ряд учёных отмечают в материальной культуре памятника как ориньякоидные, так и селетоидные черты (Бадер, 1978; Гаврилов, 2004; Grigoriev, 1990; White, 1993).

Изделия из бивня мамонта занимают второе место по количеству находок из твёрдого органического сырья на стоянке и составляют весьма специфическую коллекцию (Солдатова, 2014).

Комплекс предметов из бивня мамонта, происходящий из Сунгири, в полном объёме никогда не рассматривался. Лишь в некоторых работах О. Н. Бадера представлена общая, но далеко не полная характеристика находок из данного материала, а отдельные категории и конкретные изделия были частично рассмотрены в немногочисленных публикациях (Бадер, 1978; Житенёв, 2011; Хлопачев, 2006; Хлопачев, Гирия, 2010; White, 1993). Свойства бивня мамонта как сырья для обработки неоднократно описаны в литературе (Питулько и др., 2015; Семёнов 1957; 1968; Хлопачев, 2006; Хлопачев, Гирия, 2010).

В ходе работы с коллекцией¹ стоянки Сунгирь, автором было выделено семь отщепов из бивня мамонта (три из них – предварительно), сходных по морфологии и размерам (табл. 1; рис. 1). Все они представляют собой небольшие подпрямоугольные в профиле фрагменты бивня мамонта. На предметах довольно чётко фиксируется точка приложения усилия,

¹ Автор выражает признательность заместителю генерального директора по научной работе Владимир-Суздальского музея-заповедника к.и.н. М. Е. Родиной и хранителю коллекции А. Н. Денисовой (Пальцевой) за неоценимую помощь в работе.

Таблица 1. Линейные размеры бивневых отщепов с усечением из коллекции верхнепалеолитической стоянки Сунгирь

Шифр по музейной описи	Длина, см	Ширина, см	Толщина, см
В-54789/155	7,9	0,85	0,88
В-33897/4	8	1,1	0,65
В-54789/157 (?)	3	1,1	0,5
В-54789/165	6,45	1,2	1,25
В-54789/162	5,85	1,3	1
В-54789/173 (?)	7,6	1,3	0,85
В-54789/172 (?)	9,6	1,5	1,05

возникшая при отделении отщепа от основы. Подобные изделия в научной литературе называют «отщепами с усечением» (Питулько и др., 2015).

В статье В. В. Питулько и соавторов процесс извлечения отщепов с усечением описан следующим образом: «способ получения полуфабрикатов напоминает двойное тронкирование, выполненное в наиболее широкой части отщепа, лежащего на твёрдой поверхности/наковальне, путём точечного приложения силового импульса к его дорсальной поверхности. Двукратным действием удаляли сначала массивную проксимальную, а затем – тонкую дистальную часть отщепа. В результате получалась узкая, довольно длинная «полоска» с относительно равномерным подпрямоугольным профилем, на боковых сторонах которой заметны точки приложения импульса силы» (Питулько и др., 2015. С. 258–260).

Для скалывания описываемых отщепов использовали заострённые орудия из осколков кости, напоминающие по морфологии шилья, но несущие следы минимальной подработки (Питулько и др., 2015). Аналогичные орудия представлены и среди находок на стоянке Сунгирь (Солдатова, 2013; 2014).

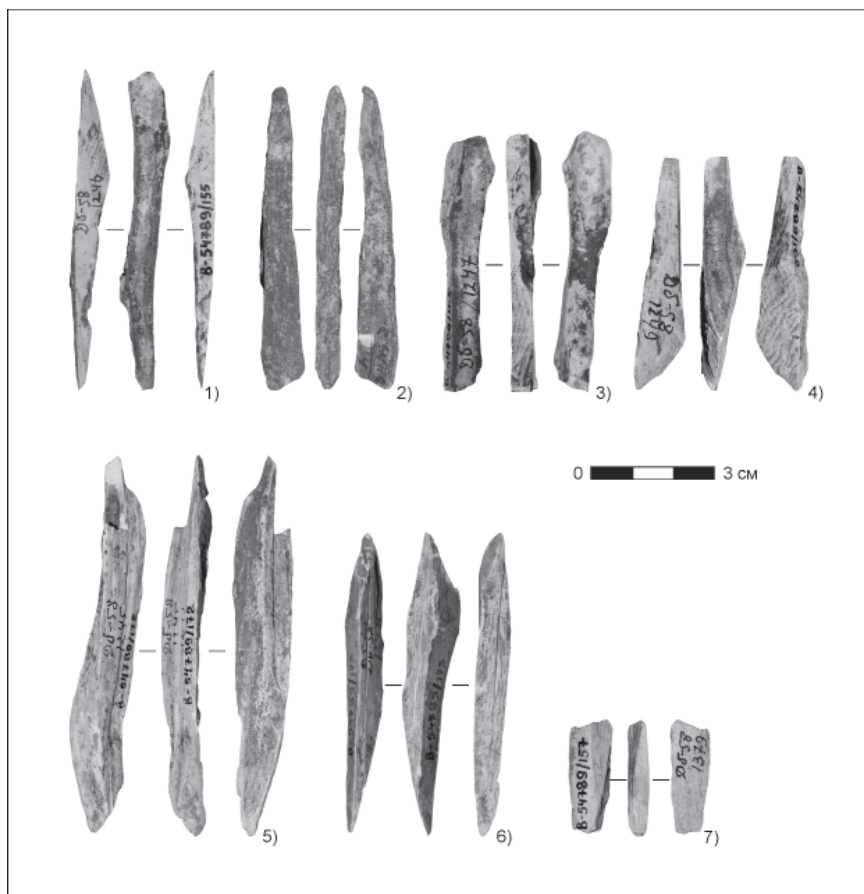

Рис. 1. Бивневые отщепы с усечением из коллекции стоянки Сунгирь:
 1 – B-54789/155; 2 – B-33897/4; 3 – B-54789/165; 4 – B-54789/162;
 5 – B-54789/172 (?); 6 – B-54789/173 (?); 7 – B-54789/157 (?)

Получение описанных отщепов с усечением не является отдельной технологией, «их получали по необходимости на всех этапах и при выполнении любых операций, связанных с реализацией основных технологических сценариев» (Питулько и др., 2015. С. 261). Данные «линейные полуфабрикаты» связывают с производством таких украшений из бивня мамонта, как бусины и диадемы (Питулько и др., 2015).

Необходимо отметить, что на стоянке Сунгирь 6 из 7 отщепов с усечением были обнаружены в полевом сезоне 1958 г.; точные данные о местонахождении находок в культурном слое, к сожалению, отсутствуют. Один предмет – В-33897/4 – был зафиксирован в погребении мужчины.

Таким образом, в материалах коллекции памятника выявлена ещё одна стадия процесса изготовления украшений – бус или браслетов (схожих по морфологии с диадемами) из бивня мамонта, что позволяет более детально охарактеризовать этот процесс. Кроме того, подобное уточнение технологии даёт возможности для проведения аналогий с другими памятниками верхнего палеолита Европы.

Список литературы

Бадер О. Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.

Гаврилов К. Н., 2004. Типология и пространственное распределение каменных орудий сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Путеводитель и тезисы докладов. Воронеж. С. 97–98.

Житенёв В. С., 2011. Украшения из клыков песца Сунгирской верхнепалеолитической стоянки // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. Тезисы конференции. СПб. С. 54–57.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., 2015. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите Арктической Сибири // *Stratum Plus*. №1. С. 223–283.

Семёнов С. А., 1957. Первобытная техника. М.-Л.

Семёнов С. А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.

Солдатова Т. Е., 2013. Изделия из органического сырья стоянки Сунгирь в контексте костяных индустрий памятников ранней поры верхнего палеолита Европы // Краткие сообщения института археологии. Вып. 230. С. 267–275.

Солдатова Т. Е., 2014. Обработка бивня на палеолитической стоянке Сунгирь // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб: МАЭ РАН, ИИМК РАН. (Замятнинский сборник. Вып. 3). С. 159–170.

- Сулержицкий Л. Д., Петит П., Бадер О. Н. 2000. Радиоуглеродный возраст поселения и обнаруженных погребений // *Homo Sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М. С. 30–34.
- Хлопачев Г. А., 2006. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.
- Хлопачев Г. А., Гирия Е. Ю., 2010. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приёмы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.
- Grigoriev G. P., 1990. Sungir // *ERAUL*. № 42. P. 137–139.
- Marom A., 2012. Single amino acid radiocarbon dating of Upper Paleolithic modern humans / A. Marom, J. S. O. McCullagh, T.F.G. Higham, A.A. Sinitsyn, R.E.M. Hedges // *PNAS*. Vol. 109: 18. P. 6878–6881.
- White R., 1993. Technological and social dimensions of “Aurignacian Age” body ornaments across Europe // Н. Knecht, A. Pike-Tay, and R. White (Eds.), *Before Lascaux*. Boca Raton, FL: CRC Press. P. 277–299.

Жилища эпохи раннего металла: история и перспективы изучения

*Тимушева И. М. (Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар)
timirina1981@yandex.ru*

Материал поселений и построек является одним из самых информативных источников для реконструкции материальной культуры и системы жизнеобеспечения древнего человека. На европейском Северо-Востоке (далее ЕСВ) известно более 150 жилищ энеолита–бронзового века, из них только 90 изучено раскопками.

История археологического изучения древних жилищ на ЕСВ напрямую связана с периодами археологического исследования этой территории и в частности с началом планомерных и систематических раскопок в бассейнах рек Печоры и Мезени (1960-е гг.), когда были обнаружены

следы ранее неизвестных поселений, в том числе стоянки эпохи раннего металла.

Археологические изыскания в бассейне Ижмы были начаты в 1964 г. П Печорским археологическим отрядом Коми филиала АН СССР в связи с началом проектно-изыскательных работ по проектированию Усть-Ижемской ГЭС (Лузгин, 1972). В 1970-е гг. были открыты и исследованы памятники с жилищами на Печоре (Канивец, 1974), Мезени (Стоколос, 1986), Выгегде (Логинова, 1986), Выми (Косинская, 1986; Семенов, Несанелене, 1997). В 1980-е гг. продолжились исследования на Выгегде и Выми. В последующее время столь масштабные работы не проводили. Раскапывали лишь открытые ранее памятники. Разведочные работы проводили только на отдельных участках рек.

За десятилетия масштабных археологических исследований на ЕСВ были накоплены значительные материалы по поселенческим памятникам. Полученные сведения позволили выявить особенности домостроительства в эпоху энеолита и бронзового века, а также определить общие и специфические черты сооружений. К сожалению, не все известные поселения с жилищами полностью изучены. Многие жилищные впадины выявлены на еще не раскопанных или частично исследованных памятниках, причем на поселениях с группой жилищ, число которых может достигать 16, изученными иногда являются только одно-два.

Несмотря на свою актуальность и значимость, изучение жилищ является слабо изученным вопросом в археологии эпохи раннего металла ЕСВ. Внимание исследователей было сосредоточено, как правило, на осмыслении находок из жилищ одного поселения или одной культуры. Обобщающие работы по традициям домостроительства какой-либо культуры или отдельного периода отсутствуют. Это связано с многочисленными трудностями, возникающими при изучении древних построек.

Определение типа сооружения и реконструкция его внешнего облика основываются, как правило, на полевых исследованиях. Однако они не всегда позволяют выявить методы строительства, определить использованные материалы, детально описать конструкцию и все ее элементы, включая интерьер.

Археологические реконструкции жилищ зависят от полноты сведений, полученных в ходе раскопок. Эта ограниченность связана как с объек-

тивными причинами (низкая сохранность органических материалов в песчаном грунте после разрушения объекта и последующей его археологизации), так и с субъективными (качество полевой фиксации при раскопках, минимум фотографий и планов). Поэтому описание даже сохранившихся остатков построек страдает недостатками, а их реконструкции – схематичностью. Неполнота данных приводила к тому, что характеристика жилищ сводилось к определению типа постройки (наземная, полуземлянка), ее конструкции (срубная, каркасная), а также к дефинициям интерьера (наличие внутренних перегородок, входов-выходов, очагов и завалинок). Изредка фиксируются остатки перекрытий, нар и отверстий.

Как правило, суждения о реконструкции тех или иных сооружений носят общий характер и описывают в основном форму и глубину котлованов, форму и размер очагов, а также ям (если они имеются), следы входов-выходов, количество и расположение столбовых ямок. Зачастую не удается зафиксировать все детали интерьера, что делает реконструкцию жилища еще более затруднительной. Тем не менее, археологи провели тщательную работу такого рода на разных типах жилищ эпохи энеолита–бронзового века ЕСВ, используя все полученные сведения.

Изучавший памятники бассейна р. Ижмы, В. Е. Лузгин по расположению ям, оставшихся от столбов на дне жилищных впадин, выделил галовские полуземлянки с двумя очагами, с двускатной кровлей, со щелью-дымоходом в верхней части (Лузгин, 1972. С. 66). Г. М. Буров реконструировал по материалам вычегодских памятников углубленные срубные постройки из тонких бревен, имеющие двускатную или односкатную крышу (Буров, 1993. С. 27). Л. Л. Косинская, указывая на различия между чужьяельскими и чойновтинскими строениями, определила, что чужьяельские многоугольные жилища поселения Ниремка II представляли собой каркасные шатровые постройки с центральным опорным столбом (Косинская, 1986. С. 37). В. С. Стоколос описал два варианта энеолитического домостроительства: чужьяельский (бревенчатая конструкция стен, нижние венцы которой опускались в неглубокий котлован) и чойновтинский (каркасные или столбовые конструкции) (Стоколос, 1997. С. 231). Конструкция жилища бронзового века стоянки Чудгудорьяг, по мнению Э. С. Логиновой, представляла изолированную полуземлянку шатровой конструкции со срубным каркасом, утепленным мощной завалинкой. Внутреннее пространство постройки делилось перегородкой на две части: центральную, имевшую шестиугольную форму, и периферийную, где вдоль стен по периметру

сооружения находились лежанки и кладовые (Логинова, 1993. С. 44). В. С. Стоколос, также полагал, что атаманнюрские жилища относились к шатровым постройкам с бревенчатой конструкцией, опущенной на дно вырытого котлована (Стоколос, 1997. С. 247). Л. И. Ашихмина определила прямоугольное лебяжское жилище как наземное, в виде двускатного шалаша, присыпанного по основанию землей (кольцевой завалинкой) (Ашихмина, 1984. С. 115).

Все полученные в ходе раскопок поселений и стоянок материалы требуют дальнейшего изучения. Необходимо ввести в научный оборот неопубликованные материалы, создать обобщающие работы, посвященной домостроительству эпохи камня – раннего металла. Продолжение археологических исследований уже известных памятников позволит расширить или уточнить имеющиеся сведения; обнаружить материалы, способствующие более детальной реконструкции древних жилищ; определить их конструктивные особенности, возможные перестройки, а также технологические и строительные приемы; выявить традиции домостроительства; реконструировать возможные ритуалы, связанные с возведением построек. Жилища на ЕСВ нередко являются «чистыми» закрытыми комплексами, что способствует изучению вопросов культурной принадлежности памятников и их хронологии. Дальнейшее исследование древних построек рассматриваемого региона позволит существенно расширить знания о материальной культуре населения минувших эпох, включая традиции домостроительства, а также исследовать вопросы типологии памятников и адаптации обитателей ЕСВ к окружающей среде.

Список литературы

Ашихмина Л. И., 1984. К вопросу о формировании лебяжской культуры // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. (МАЕСВ; Вып. 12). Сыктывкар. С. 60–76.

Буров Г. М., 1993. Нео-энеолитические полуземлянки крайнего Северо-Востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. С. 24–33.

Канивец В. И., 1974. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.

Косинская Л. Л., 1986. Керамика поселения Ниремка I // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке (МАЕСВ; Вып. 10). Сыктывкар. С. 35–44.

Логинова Э. С., 1986. Поселение Эньты II // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке (МАЕСВ; Вып. 10). Сыктывкар. С. 45–53.

Логинова Э. С., 1993. Поселение Чудгудоръяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. (МАЕСВ; Вып. 12). Сыктывкар. С. 41–59.

Лузгин В. Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.

Семенов В. А., Несанелене В. Н., 1997. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учебное пособие. Сыктывкар.

Стоколос В. С., 1986. Древние поселения Мезенской долины. М.

Стоколос В. С., 1997. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М. С. 213–313.

Керамический комплекс эпохи неолита памятника Старый Дедин 4¹

*Ткачева М. И. (Институт истории НАН Беларуси, г. Минск)
tkachova.maryia@gmail.com*

Памятник Старый Дедин 4, отложения которого относятся к разным культурам, находится на песчаной возвышенности в пойме левого берега р. Остер, на южном берегу озера-старицы, в 0,8 км восточнее одноименной деревни в Климовичском районе Могилевской области Республики Беларусь. Памятник выявлен А. В. Колосовым и М. П. Дуктовым в 2006 г. В результате проведенных на нем полевых работ в 2006, 2010 и 2012 гг. А. В. Колосов вскрыл 232 м². (Колосов, 2009. С. 38, 121; 2012. С. 222–224; 2014. С. 307–310). Среди полученных в ходе исследований артефактов преобладали изделия из кремня, которые были изучены и введены в научный оборот (Колосов, 2009. С. 38–40; 2012. С. 222–224; 2014. С. 307–310). Керамика подробно не рассматривалась, что вызвало

¹ Автор выражает благодарность А. В. Колосову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами его исследований.

необходимость всесторонне изучить этот археологический источник, представленный 2497 фрагментами, большая часть которых представлена мелкими невыразительными черепками.

Керамика исследована по трем основным параметрам: технология, морфология и орнаментация сосудов. На основании анализа выделены три группы посуды, каждая из которых отражает особенности культурной ситуации на севере Белорусского Посожья в эпоху неолита.

Первая группа представлена фрагментами 28 слабопрофилированных закрытых сосудов с удлинённым туловом. Эта посуда имеет пористое тесто с большим количеством волокнистой органической примеси. Толщина стенок сосудов достигает 0,4–0,9 см. На их внутренней поверхности прослежены глубокие следы выравнивания гребнем, изредка пучком травы. Для орнаментации посуды характерны отпечатки прямого косо поставленного гребня, которые образуют частые горизонтальные ряды, покрывающие всю поверхность сосуда.

Вторая группа посуды представлена фрагментами 30 горшков закрытых форм либо формами со слегка отогнутым венчиком. В тесте сосудов выявлена органика и разнoзернистая дрeсва. Толщина их стенок достигает 0,5–0,9 см. Внутренняя поверхность горшков в большинстве случаев заглажена гребнем. Штриховка обнаружена на фрагментах четырех сосудов. Среди элементов орнамента встречены отпечатки косо поставленного прямого и выгнутого гребня, реже – лапка и овальные или прямоугольные наколы с нажимом в верхнем углу. Элементы объединены в горизонтальные, вертикальные и диагональные ряды, либо елочку. Часть фрагментов орнаментирована лапкой, нанесенной в шахматном порядке.

Третья группа посуды объединяет 24 сосуда закрытых форм либо форм со слегка отогнутым венчиком. В их тесте имеется примесь разнoзернистой дрeсвы. Толщина стенок варьирует от 0,4 до 0,9 см. На внутренней поверхности сосудов в большинстве случаев представлены расчесы. Среди элементов орнамента встречаются отпечатки косо поставленного прямого и выгнутого гребня, а также круглые или прямоугольные наколы. Элементы образуют горизонтальные ряды. На фрагментах трех сосудов элементы расположены в шахматном порядке. Верхняя часть одного изделия украшена прoчерченными линиями, образующими сетку.

Описанные выше группы посуды имеют аналогии среди древностей верхнеднепровской культуры, которые обнаружены на памятниках восточной

Беларуси и, в особенности, на севере Белорусского Посожья (Гронов 2–3, Рудня 1). Однако, в отличие от указанных памятников, в керамике Старого Дедина 4 не фиксируется посуда с признаками среднеднепровской культуры (примесь песка в тесте, паркетный орнамент и др.) и культуры ямочно-гребенчатой керамики (орнаментация сосуда цилиндрическими глубокими круглыми наколами и др.) (Ткачева, 2015а; 2015б).

Первая группа посуды представляет самую раннюю керамику поселения Старый Дедин 4, изучив которую, можно предположить, что южные влияния преобладали в процессе формирования комплекса сосудов верхнеднепровской культуры на севере Белорусского Посожья. Керамический материал данного региона обнаруживает несомненное сходство с древностями днепро-днецкого культурного круга. Посуда второй группы отличается от предыдущей не только рецептурой теста, но и узорами. Главным элементом композиции орнамента становится лапка, которая появляется лишь на этой керамике. Неизменным остается форма горшков и ряд ямок под краем венчика. Самые близкие аналогии данной посуде следует искать на востоке в бассейне Десны, где повсеместно распространено украшение всей поверхности сосуда элементами, расположенными в шахматном порядке. Возможно, по бассейну Десны проникали традиции сплошной орнаментации горшков чередующимися рядами различных элементов. Третья группа посуды представлена керамикой с примесью дресвы в тесте и усложненной орнаментацией, которая характеризуется новыми элементами и мотивами. Эти перемены в керамической традиции характерны для всего ареала культур днепро-днецкого культурного круга. Морфология сосудов третьей группы соответствует поздней керамике верхнеднепровской культуры.

Таким образом, результаты исследований указывают, что на памятнике Старый Дедин 4 (Белорусское Посожье) существовало нескольких традиций изготовления неолитических сосудов. Однако говорить о хронологическом и генетическом соотношении данных групп керамики можно лишь предварительно. Дальнейшие разработки позволят в полной мере изучить особенности культурной ситуации Восточной Беларуси в эпоху неолита.

Список литературы

Колосов А. В., 2009. Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиции 2002–2008 гг.). Могилев.

Колосов А. В., 2012. Археологические работы 2010 года в междуречье Сожа и Остра // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 23. С. 220–225.

Колосов А. В., 2014. Археологические работы 2012 года в Посожье // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 23. С. 307–312.

Ткачева М. И., 2015а. Неолитическая керамика Белорусского Посожья на примере материалов с памятника Рудня 1 // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. М. С. 43–44.

Ткачева М. И., 2015б. Неолитическая керамика памятника Гронов 3 в Белорусском Посожье // Супольнасці каменнага і бронзавага вякоў міжрэчча Віслы і Дняпра: Зборнік навуковых артыкулаў памяці Міхала Чарняўскага / уклад. В.А. Ашэйчык, М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. Мінск. С. 183–207.

Новые методы в изучении ямочно-гребенчатой керамики Примокшанья¹

*Толпыгина И. Г. (Самарский государственный
социально-педагогический университет, г. Самара)
Irina.tolpigina@yandex.ru*

Значительные различия типологических характеристик ямочно-гребенчатой керамики (далее ЯГК) и более ранней гребенчато-накольчатой посуды показали отсутствие преемственности между носителями этих двух керамических традиций. Наличие некоторых аналогий ЯГК (Примокшанье) в памятниках балахнинской культуры позволило исследователям рассматривать Нижнее Поочье, как возможный источник миграции носителей ЯГК в Примокшанье (Третьяков, Выборнов, 1988. С. 37). Кроме того, был пересмотрен вопрос о происхождении памятников ЯГК в Примокшанье; получены новые данные по их относительной и абсолютной хронологии; впервые поставлен вопрос о выделении особого варианта культуры ЯГК в Примокшанье. Но в то же время стало очевидно, что применение только типологического метода изучения керамики

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1195. 2014/К.

недостаточно для решения вышеперечисленных вопросов. В настоящее время актуально использование технико-технологического анализа по методике А. А. Бобринского (Бобринский, 1978, 1999). В данном исследовании проведен анализ трёх памятников ЯГК в Примокшанье (стоянки Имерка III и Озименки II, а также поселение Имерка VI).

Комплексы ЯГК названных памятников характеризуются серо-коричневыми или темно-серыми сосудами с прямыми или слабо отогнутыми наружу венчиками. Толщина стенок посуды варьирует от 0,5 до 0,7 см. Основными элементами орнамента сосудов являются: глубокая коническая ямка; оттиски гребенчатого штампа различной длины; отпечатки изогнутого гребенчатого штампа, перевитой веревочки, аммонита; плюсневые и полулунные вдавления. Встречаются также отпечатки косозубого штампа, фигурного штампа с нарезкой в виде косях крестов, гладкие линии.

Микроскопическому изучению были подвергнуты 94 образца, взятые на трех вышеупомянутых памятниках (условно отдельные сосуды). Основное внимание было уделено двум элементам гончарной технологии: исходному пластичному сырью (далее ИПС) и традициям составления формовочных масс (далее ФМ).

ИПС (табл. 1). По материалам Примокшанья выявлен единственный вид ИПС: илестые глины (94 образца). Для получения более детальной информации они разделены на две подгруппы. «Жирные» илестые глины: 1) Ж-1 – слабо запесоченные, песок представлен мелкой фракцией (размер менее 0,1 мм) и единичными частицами размером 0,1–0,2 мм. 2) Ж-2 – слабо запесоченные, содержащие кварцевый песок размером, в основном, менее 0,2 мм и единичные включения песка размером менее 0,5 мм. «Тощие» илестые глины: 1) Т-1 – запесоченные, песок представлен мелкой фракцией (размер менее 0,1 мм) и кварцевым песком размером 0,1–0,2 мм; 2) Т-2 – запесоченные, песок окатанный, кварцевый и цветной, размер частиц в среднем достигает около 0,5 мм, единичные включения имеют размер 1 мм; 3) Т-3 – запесоченные, без видимого песка, но с большим содержанием зерен песка размером 0,5–1 мм.

На основании технико-технологического анализа керамики рассматриваемых памятников были получены следующие выводы. Для посуды стоянки Озименки II характерны две традиции отбора ИПС: слабо запесоченное (55 %) и сильно запесоченное (45 %) тесто. На памятниках Имерка III и Имерка VI керамику изготавливали только из сильно

Таблица 1. ИПС памятников ЯГК Озименки II, Имерка III, Имерка VI

Памятник	ИПС: илестые глины (ИГ)					Всего:
	жирные ИГ-1		тощие ИГ-2			
	Ж-1	Ж-1	Т-1	Т-2	Т-3	
Озименки II	18/30%	15/25%	6/10%	15/25%	6/10%	60/100%
Имерка III	-	-	-	10	11	21
Имерка VI	-	-	-	8/52%	5/48%	13/100%
ИТОГО:	18/19%	15/16%	6/6%	33/35%	22/24%	94/100%

ИПС – исходное пластичное сырье; ИГ – илестые глины; Ж-1, Т-1 – подвиды ИГ; Единица измерения – изученный образец (отдельный сосуд)

запесоченного сырья с добавлением крупнозернистого неокатанного речного песка (100 %).

ФМ (табл. 2, 3). Культурные традиции на этой ступени гончарной технологии характеризуются сведениями о рецептах, которые включают ИПС и искусственные добавки. В качестве таковых выявлены: 1) шамот-обожженная ожелезненная глина (Шо/г); 2) шамот (Ш); 3) органические растворы (ОР); 4) песок (П); 5) дресва (Д). Кроме вышеперечисленных добавок, в производстве ЯГК были выявлены случаи использования искусственных примесей в виде дробленой раковины пресноводных моллюсков (ДР).

Таблица 2. ФМ стоянки ЯГК Озименки II

Памятник	Формовочные массы					Всего
	П + ОР	Шо/г + П + ОР	Д+П+ОР			
		Шо/г <1-2 мм	Д<1-2 мм	Д<2-3 мм		
		Шо/г 1:5	Д 1:5	Д 1:5	Д 1:4	
Озименки II	36	10	4	4	6	60
ИТОГО:	60%	17%	6,5%	6,5%	10%	100%

П – песок (окатанный кварцевый песок с размером частиц не более 1-1,2 мм); ОР – органический раствор; Шо/г – шамот-обожженная глина; Д – дресва; 1:4 – концентрация: на 4 части ИПС – 1 часть минеральной примеси; ед. – единичная концентрация; единица измерения – изученный образец керамики (отдельный сосуд)

Таблица 3. ФМ памятников ЯГК Имерка III, Имерка VI

Памятник	Формовочные массы					
	П+ОР	Ш+П	Ш/(Шо/г)+ОР	Д+ОР	Д+ДР+Ш	Всего
Имерка III	7		6(3)	4	1	21
Имерка VI	3	5	4	1		13
ИТОГО:	10/29%	5/15%	13/38%	5/15%	1/3%	34/100%

ДР – дробленая раковина (размером 3-5 мм); Ш – шмот

Изучение навыков составления ФМ ЯГК позволило зафиксировать три рецепта ФМ для посуды стоянки Озименки II: 1) ИГ + П + ОР (60 %); 2) ИГ + Шо/г + П +ОР (17 %); 3) ИГ +Д+П+ОР (23 %). Посуда памятников Имерка III, Имерка VI характеризуется пятью рецептами ФМ: 1) ИГ+П+ОР (29 %); 2) ИГ+Ш+П (15 %); 3) ИГ+Ш/(Шо/г) +ОР (38 %); 4) ИГ+Д+ОР (15 %), 5) ИГ+Д+ДР+Ш (3 %). Самыми распространенными рецептами ФМ на памятниках Имерка III, Имерка VI являются ИГ+П+ОР и ИГ+Ш/(Шо/г)+ОР, которые свойственны 67 % всей посуды. На стоянке Озименки II по этим же рецептам изготовлено 77 % сосудов. Органический раствор присутствует практически во всех ФМ Примокшанья. Шмот был обнаружен в ФМ тех сосудов памятников Имерка III, Имерка VI, которые украшены горизонтальными рядами полулунных вдавлений, оттисками перевитого шнура или веревочки, а также декорированных только белемнитными ямками. Использование крупнозернистого речного неокатанного песка выявлено во фрагментах посуды, украшенных гребенкой, треугольными прочерчиваниями, овальными вдавлениями, «собачим носом» и также оттисками перевитого шнура или веревочки.

Обращает на себя внимание то, что в гончарстве населения ЯГК изучаемого региона представлены как камские (ИГ+Шо/г+ОР), так и волго-окские (ИГ+Д+ОР) традиции составления ФМ. Эти факты свидетельствуют о наличии контактов и процессов смешения пришлых носителей ЯГК и местных групп неолитического населения, которое изготавливало посуду с гребенчатым орнаментом. Можно предположить, что традиция смешения появилась в Примокшанье из сопредельных районов Поволжья. Таким образом, новые подходы позволили получить информацию, на основе которой возможна новая интерпретация ранее полученных материалов.

Список литературы

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. Самара. С. 5–109.
- Третьяков В. П., Выборнов А. А., 1988. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев.

Изделия из технических сколов в каменной индустрии поздней ушковской культуры: предварительный обзор данных

*Федорченко А. Ю. (Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН,
г. Магадан)
winteralex2008@gmail.com*

Комплекс Ушковских археологических стоянок (Ушки I–V) расположен в центральной части полуострова Камчатка. Культурно-стратиграфическая колонка этого геоархеологического объекта демонстрирует уникальную для Северо-Востока России последовательность заселения одной и той же территории на протяжении последних 13 тысяч лет. Комплекс VI палеолитического слоя стоянки Ушки I (поздняя ушковская культура) включает клиновидные микронуклеусы и микропластины, бифасиальные наконечники стрел и дротиков, ножи и скребла, одинарные ретушные и угловые, двойные и комбинированные резцы, разнообразные скребки, орудия из галек и сколов, а также каменные украшения. На основании серии радиоуглеродных дат этот комплекс датируется 10800–10000 л. н. Итоги трасологических исследований материалов Ушковских стоянок указывали на вторичное использование преформ и сработанных клиновидных микронуклеусов, лыжевидных и краевых сколов (Диков, Кононенко, 1990). Проведенный анализ коллекции технических сколов (200 экз.) VI слоя стоянки Ушки I (раскопки Н. Н. Дикова в 1965–1989 гг.) позволил выделить серию формальных орудий, изготовленных из ладьевидных и лыжевидных сколов (39 экз.).

Для технических сколов, полученных в результате оформления и оживления площадок клиновидных ядрищ поздней ушковской культуры, характерны удлиненные пропорции, относительно прямой или слабо искривленный профиль, параллельные или субпараллельные края. Ладьевидные сколы имеют треугольное сечение и выпуклую ребристую огранку или подпрямоугольное/трапецевидное сечение и дорсал со следами нанесенных с боков уплощающих ударных снятий. На дорсальной плоскости лыжевидного скола обычно фиксируется негатив одного предыдущего крупного снятия. Боковые края большей части описываемых сколов сохраняют фрагменты бифасиально оформленных латералей нуклеусов. На проксимальной грани некоторых вторичных технических сколов прослеживаются остатки негативов микропластинчатых снятий.

Большая часть выявленных нами изделий изготовлена из кремня различных оттенков зеленого, коричневого и серого цветов (87 %), халцедона (4 %) и обсидиана (3 %). Преобладающей группой орудий являются резцы (11 экз.) из лыжевидных (64 %) и ладьевидных сколов (36 %) (рис. 1: 1, 2, 6). Выделяются варианты одинарных резцов: боковые (4 экз.), угловые (2 экз.), поперечные (1 экз.) и диагональные (1 экз.). Двойные резцы представлены боковыми со следами встречных сколов на одной грани (3 экз.). Площадки резцов оформлены ретушью (79 %), созданы на сломе заготовки (14%) или неподготовленной плоскости (7 %). Регулярность подправки резцовых кромок сколами и упорядоченность формы самих негативов указывают на использование техники отжима (Федорченко, 2016).

Четырьмя экземплярами представлены бифасиально обработанные листовидные наконечники стрел (рис. 1: 3–5) из лыжевидных (3 экз.) и ладьевидных сколов (1 экз.). Лицевые плоскости изделий обработаны параллельной/субпараллельной, захватывающей/покрывающей, полукрутой/плоской ретушью. Участки дорсала и вентрала изделий, не затронутых оформляющей ретушью, сохраняют следы продольной огранки лыжевидного скола или ребра ладьевидного. На характер заготовок анализируемых орудий указывает и их подпрямоугольное или односторонне-выпуклое поперечное сечение. Из ладьевидных сколов выполнены две заготовки бифасиальных орудий.

В коллекции имеется целый экземпляр и три дистальных фрагмента острий узкой удлиненной формы (рис. 1: 7–8). Для этих изделий характерны ровный или слегка искривленный профиль, выделенный ретушью острый конец и обработка вертикальной и крутой краевой

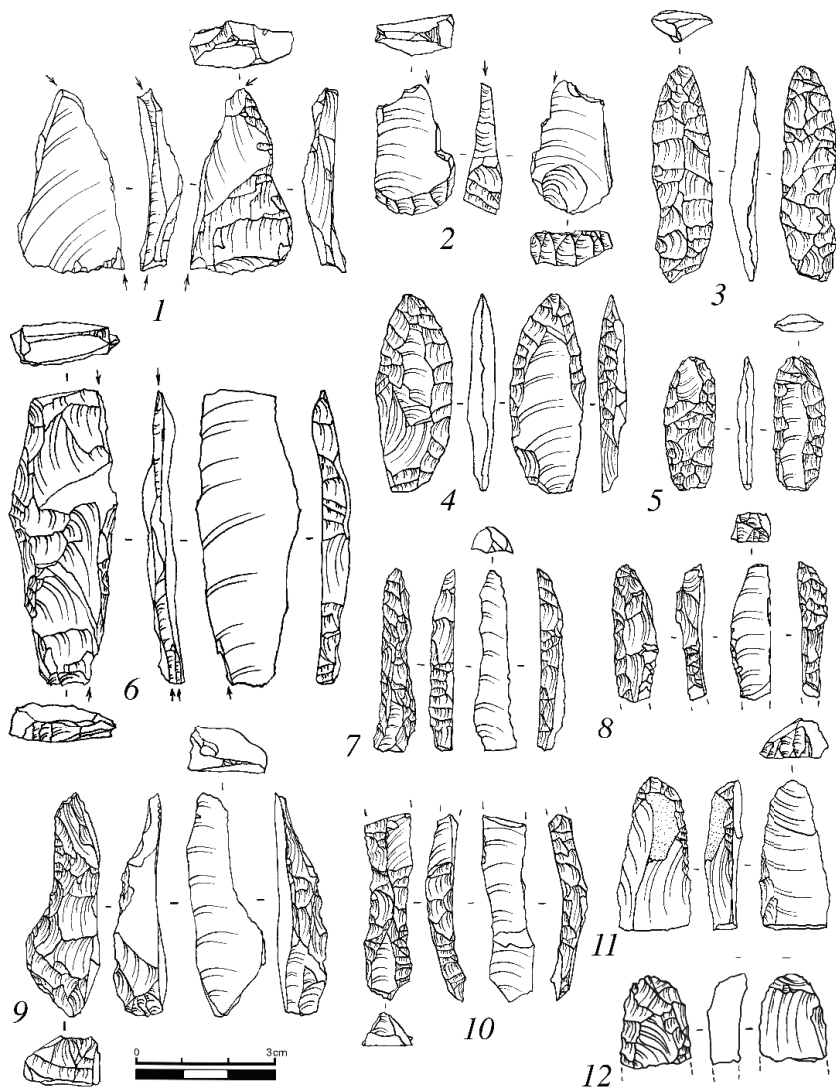

Рис. 1. Стоянка Ушки-1 (Камчатка), VI культурный слой.
Орудия из ладьевидных и лыжевидных технических сколов

ретушью на одном или двух боковых краях. На дорсалах орудий прослеживаются остатки ребра ладьевидного скола (3 экз.) или продольной огранки лыжевидного (1 экз.), придающие изучаемым орудиям трехгранное или трапециевидное поперечное сечение.

Отдельной группой изделий представлены ножи асимметричной формы с вогнутым лезвием (5 экз.) (рис. 1: 9). Орудия этого типа, изготовленные из ладьевидных сколов, имеют трапециевидное сечение. Рабочий край изделий, обработанный многорядной захватывающей и краевой, вертикальной, крутой и полукрутой ретушью, расположен исключительно на левых боковых краях. Кончик двух ножей приострен мелкой краевой ретушью, у остальных – фрагментирован. Правые края сохраняют следы сколов оформления преформ микронуклеусов или имеют следы дополнительной ретушной подработки. Сочетание асимметричной формы и наличие многорядной ретуши может являться следствием неоднократной подправки лезвия.

Более разнообразны по морфологическим характеристикам ладьевидные сколы с обработкой захватывающей многорядной крутой или вертикальной ретушью правого (2 экз.), левого (3 экз.) или двух боковых краев (4 экз.) (рис. 1: 10). В изученном собрании артефактов выявлены скребки из ладьевидных сколов (рис. 1: 11–12): концевой с полностью ретушированным дорсалом и концевой удлинённый. Двумя экземплярами представлены проколки. Первая выполнена из ладьевидного скола. Она имеет сформированный захватывающей крутой многорядной ретушью рабочий конец, смещённый относительно оси вправо. Вторая проколка снабжена двумя остриями, выделенными мелкой краевой попеременной ретушью.

Проведенный анализ позволил выделить несколько устойчивых серий неизвестных ранее форм изделий и описать примеры использования технических сколов как основы для изготовления уже известных категорий орудий (скребки, резцы и наконечники). Слабая распространенность в VI слое стоянки Ушки-I технологий производства макро- и мезопластин с успехом компенсировалось привлечением в качестве орудийных заготовок лыжевидных и ладьевидных сколов оформления площадок клиновидных нуклеусов. Следующим этапом нашего исследования будет являться экспериментально-трассологический анализ, который поможет установить соответствие между конкретными формами рассматриваемых орудий и их функциональным наполнением.

Список литературы

- Диков Н. Н., Кононенко Н. А., 1990. Результаты трасологического исследования клиновидных микронуклеусов из шестого слоя стоянок Ушки-I-V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан. С. 170-175.
- Федорченко А. Ю. 2016. Изделия с резцовыми сколами VI палеолитического слоя стоянки Ушки-I (полуостров Камчатка) // *Stratum plus*. №1.

Новые находки каменных украшений в VI палеолитическом слое стоянки Ушки-I (Камчатка)

*Федорченко А. Ю. (Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан)
winteralex2008@gmail.com*

Миниатюрные шлифованные бусины, подвески и бляшки из разнообразных пород мягкого камня являются одними из самых массовых и информативных свидетельств символической деятельности человека, известных в палеолите Северо-Восточной Азии. Комплексное изучение каменных украшений помогает установить функции этих предметов в контексте первобытной культуры, прикоснуться к истокам древнего искусства, приблизиться к пониманию законов верхнепалеолитической духовной практики (Федорченко, 2015).

В данной работе проведен технологический анализ каменных украшений VI слоя стоянки Ушки-I (шесть подвесок, три бусины, две заготовки и преформа). Обсуждаемая коллекция артефактов получена Н. Н. Диковым в результате полевых работ 1979–1989 гг. (фонды СВКНИИ ДВО РАН) и никогда не публиковалась ранее. При анализе и фиксации следов износа на изделиях и способа их обработки использованы микроскопы МБС и Olympus ВНМ, фотокамера Canon EOS 7D с объективом EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM. Лабораторные исследования дополнены серией экспериментов по моделированию технологий производства украшений.

Изучаемые артефакты изготовлены из нескольких близких по физическим характеристикам пород мягкого камня: разновидности

талька, пирофиллит и агальматолит темно-серого, красно-коричневого, желтовато-серого, зеленовато-серого и белого цветов. В коллекции выявлены две крупные заготовки объемных подвесок подтреугольной ($41 \times 28 \times 11,8$ мм) и цилиндрической формы ($24 \times 18 \times 14,6$ мм) со следами первичной, формообразующей шлифовки (линейные следы, расположенные перпендикулярно или параллельно оси изделий). Преформа плоской подвески подпрямоугольной формы имеет заостренное основание ($38 \times 25 \times 3$ мм), а также лицевые стороны и боковые края, тщательно обработанные шлифовкой и полировкой.

Среди завершенных украшений представлены серийные и уникальные формы. Самым распространенным типом являются подвески, изготовленные при помощи шлифовки, полировки и перфорации из сколов и небольших отделистей мягких пород камня. Два экземпляра ($30 \times 16 \times 2,2$ / $21 \times 13 \times 2,8$ мм) (рис. 1: 1–2) принадлежат плоским подвескам из желтовато-

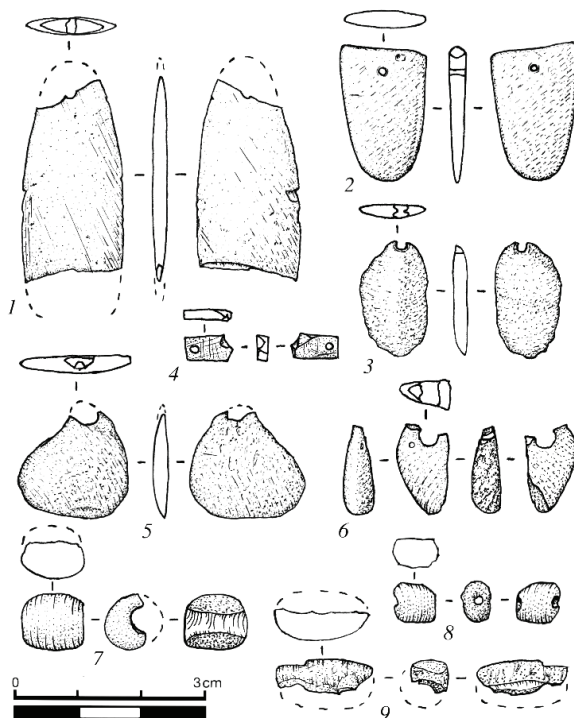

Рис. 1. Стоянка Ушки-1. Каменные украшения из VI культурного слоя

белого талька. Изделия характеризуются симметрично вытянутой овальной формой с отверстием в верхней части ($d = 1,8$ и $1,7$ мм). Следы абразивной обработки в виде параллельных рисок расположены вдоль оси изделий или по диагонали к ней. Боковые края предметов плавно закруглены или приострены шлифовкой. Оба украшения частично фрагментированы, на одном видны следы починки. Поверхность поперечного слома подвески была обработана мелкозернистым абразивом, чуть ниже места слома просверлено новое отверстие. За исключением размеров, рассмотренные изделия идентичны подвеске вытянутой овальной формы из раскопок 1965 г. (Диков, 1979. Рис. 21: 5).

Три другие подвески, имеющие просверленное отверстие в верхней части, существенно различаются по форме. Первая из них ($18 \times 11 \times 2,5$ мм) имеет вид плоского удлинённого неправильного овала (рис. 1: 3). Мелкозернистым абразивом на одной из лицевых сторон изделия сформирована подтреугольная в сечении огранка. На боковых краях украшения фиксируются следы 18 прорезанных насечек, впоследствии заглаженных полировкой. Второе изделие ($17 \times 18 \times 2,7$ мм) характеризуется асимметричным подтреугольным контуром и выпуклыми, плавно заглаженными боковыми краями (рис. 1: 5). Третья подвеска ($14 \times 8 \times 4,8$ мм), отличается объёмностью и односторонне-выпуклой подтреугольной формой (рис. 1: 6). На правом боковом крае и на одной из сторон изделия наблюдаются следы продольного слома и признаки починки: следы пришлифовки и намеченного нового отверстия ($d = 1$ мм, глубина = $1,8$ мм).

Особый интерес вызывает миниатюрная плоская подвеска из белого талька ($4,6 \times 7,9 \times 2,3$ мм), имеющая прямоугольную форму и профиль (рис. 1: 4). На лицевых сторонах изделия сохранились следы отделочной шлифовки и полировки, поверх которых каменным орудием с V-образным лезвием прорезаны взаимно перпендикулярные ряды неглубоких линий: 6 горизонтальных и 16–17 вертикальных на одной плоскости, 5 горизонтальных, 6 диагональных и 10 вертикальных – на противоположной. Два биконических отверстия ($d = 1,3$ и $2,2$ мм) смещены к боковым краям. При малом увеличении внутри концентрических борозд одного из отверстий и прорезанных линий прослеживаются остатки красного охристого пигмента.

Отдельную серию каменных украшений составляют три объёмные бусины-пронизки овальной формы, изготовленные из небольших галек мягкого камня. Одна бусина ($7,5 \times 6,8 \times 5,7$ мм) сохранилась целиком, две

других (10,5 × 9,5 × 6,4 мм / 15,3 × 5,1 × 6,1 мм) имеют следы продольного слома, полученного в древности (рис. 1: 7–9). Рассматриваемые изделия имеют уплощенно-овальное сечение и отверстие, просверленное через продольную ось бусин с двух сторон навстречу друг другу (на глубину до 6 мм). Два предмета несут следы повторного сверления для исправления ошибок, допущенных при первоначальной перфорации (значительное отклонение отверстий от оси изделия). Диаметр отверстий бусин составляет 2,5 / 4 – 4,9 / 3,5 мм.

Изучаемые изделия существенно дополняют описанную в предыдущие годы коллекцию каменных украшений из VI культурного слоя Ушковских стоянок. Экспериментально-трасологический анализ позволил выявить на большинстве подвесок и бусин следы износа. Концентрические следы от сверления отверстий внутри бусин сохранились плохо, что указывает на сравнительно долгое и свободное перемещение изделий по нитке. Внутри отверстий подвесок прослеживаются локальные зоны стертости. Лицевые стороны украшений несут следы микроповреждений (разнонаправленные тонкие риски, микрорывчатость и затертость), резко контрастирующие с идеально заглаженной от полировки поверхностью изделий. Характер следов изношенности указывает на использование данных предметов в качестве личных нательных украшений.

Список литературы

Диков Н. Н. 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.

Федорченко А. Ю. 2015. Каменные украшения VII культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): технологический анализ // Вестник СВНЦ ДВО РАН. №1. С. 100–114.

Палеолитическое жилище на Косой Шивере-2 (Западное Забайкалье)

*Филатов Е.А. (Забайкальский государственный университет,
г. Чита)
egor_filatov_1992@mail.ru*

В 2015 г. отряд Чикойской археологической экспедиции Забайкальского государственного университета провел археологически раскопки на поселении Косая Шивера-2, которое расположено в 18 км выше устья

р. Менза на ее правом берегу в пади Широкая (Красночикойский район, Забайкальский край).

В 1992 г. памятник изучал А.В. Константинов. На приустьевом мыске он заложил шурф (2 × 4 м), что позволило ему изучить верхнюю часть отложений шестиметровой I-й надпойменной террасы р. Менза на глубину 1,3 м и выявить здесь четыре культурных горизонта (Константинов, 1993). В четвертом (самом нижнем) из них обнаружена конструкция, состоящая из очага и тяготеющих к нему находок (132 экз.), а также цепочки из 11 речных галек и маленьких валунов, выложенных в виде дуги, уходящей в стенки шурфа. С учетом работ на Студёновском и Усть-Мензинском археологических комплексах было высказано предположение, что данная конструкция являлась частью одноочажного жилища (Константинов, 2001. С. 25). Главной целью работ 2015 г. стало уточнение стратиграфии памятника и продолжение исследования конструкции в слое 4. Работы велись на площади 30 м².

Стратиграфия отложений террасы включает пять подразделений: аллювиальный слой 5 – аллеред (таймырское время, 11,8–10,8 тыс. л. н.); видоизмененный за счет внешних процессов аллювиальный слой 4 – (норильское время, 10,8–10,3 тыс. л. н.); имеющие сложный полигенетический генезис слои 3 и 2, причем слой 3 относится к бореальному времени (10,3–8 тыс. л. н.), а слой 2 – к атлантическому оптимуму (8–4 тыс. л. н.); почвенно-пахотный слой 1 – суббореал-субатлантик (4–2,3 тыс. л. н.).

В результате работ было установлено, что в 1992 г. в шурфе была открыта только часть конструкции. Однако и в 2015 г. сооружение не удалось расчистить полностью, так как его внешняя обкладка, окружавшая очаг, вышла за границы юго-восточной части раскопа. Внутри внешней обкладки было выявлено еще два очага с тяготеющими к ним находками.

Рассмотрим основные элементы этого жилищно-хозяйственного комплекса. По его длинной параллельной реке оси на расстоянии от 0,5 до 1 м друг от друга расположены три очага. Очаг № 1 имеет диаметр 0,9 м. Его обкладка включает семь речных галек и маленьких валунов (размеры от 18 × 30 до 24 × 38 см). Они образуют дугу, открытую к востоку. Один из камней имеет плоскую поверхность и, возможно, использовался в качестве небольшой наковальни. Очаг заполнен черной, углисто-сажистой массой мощностью 1–3 см. Очаг № 2 отличается овальной формой. Его диаметр достигал 1,1 м. Обкладка очага состоит из шести уложенных на

широкие плоскости камней, причем три из них расположены вплотную друг к другу. Заполнение очага представлено черной, углисто-сажистой массой мощностью 1–3 см. Очаг № 3 с разреженной обкладкой из четырех камней, лежащих на широких плоскостях, изучен частично, так как уходит в юго-восточную стенку раскопа. Его видимый диаметр составляет 1,2 м. К очагам тяготеют находки.

Камни внешней овальной обкладки жилищно-хозяйственного комплекса (видимые размеры 5 × 5,9 м), включающие 36 галек и валунов (размеры от 6 × 14 см до 30 × 58 см), неравномерно расположены на расстоянии 1,3–2,4 м от очагов. Юго-западная сторона обкладки (по линии М, обращенной к р. Менза) разрежена. В ней находится 10 камней (размеры от 6 × 14 см до 26 × 56 см), уложенных в основном попарно. Два камня уходят в стенки раскопа, указывая на продолжение обкладки за его границами. Расстояние между парами камней составляет от 0,5 до 0,7 м. Западная стороны обкладки представляет собой плотную двухрядную выкладку (размеры 84 × 184 см) из 10 самых крупных камней (размеры от 14 × 20 см до 30 × 58 см). Северная сторона обкладки состоит из 16 уложенных плотно в один-три ряда камней (размеры от 20 × 20 см до 24 × 54 см), образующих выкладку (0,92 × 3,22 м).

Хотя жилищно-хозяйственный комплекс раскопан не полностью, он производит впечатление цельности и «предсказуемости». Нет сомнения о том, что речь идет об остатках жилища, по меньшей мере, с тремя очагами. В этом случае за очагом № 3 на расстоянии примерно 1,5 м от него внешняя обкладка должна замкнуться, причем размеры жилища могут составить 5 × 8 м. Напомним, что жилище с тремя очагами выявлено на памятнике Санный Мыс (горизонт 6).

Не исключено, что описываемое жилище могло иметь большее количество очагов, как, например, на памятнике Сухотино-4, где обнаружены жилища с пятью и шестью очагами (Филатов, 2016), или на памятнике Студёное-2, где в культурном горизонте 4/5 выявлено жилище с шестью очагами (Константинов, 2001). Представляется, что будущее изучение жилища Косой Шиверы-2 возможно при условии расширения границ раскопа.

Возраст жилищно-хозяйственного комплекса Косой Шиверы-2 определяется, исходя из расположения культурного горизонта 4 в стратиграфическом разрезе памятника и полученной радиоуглеродной даты. Культурный горизонт 4 связан с кровлей литологического слоя 5,

который, как указано выше, датируется таймырским временем (аллеред) в пределах 11,8–10,8 тыс. л. н. Образец угля из очага № 2, раскопанного в 2015 г. дал дату 13551 ± 43 л.н. (D-AMS011900). С учетом залегания культурного горизонта дата является слишком древней. В дальнейшем возраст культурного горизонта 4 может быть скорректирован благодаря изучению нижележащих отложений террасы после установления ее полного профиля и датировке различными лабораториями образцов угля, отобранные из всех очагов рассматриваемого комплекса. Изучение жилища планируется продолжить.

Список литературы

- Константинов А. В., 1993. Исследования в пади Широкая на р. Менза в Читинской области: Отчет о полевых исследованиях в 1992 г. Чита
- Константинов А. В., 2001. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). Новосибирск.
- Филатов Е. А., 2016. Сухотинский геoarхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геoarхеологического комплекса. Чита.

Возможности «керамической» хронологии

*Хаванский А. И. (Институт Археологии РАН, г. Москва)
Arkaim01@yandex.ru*

Вопросы хронологии, в особенности относительной, являются одними из самых сложных в археологии. Достаточно вспомнить проблему хронологического соотношения ямных и катакомбных памятников или проблему андроноведения – соотношение алакульской и федоровской культур. Вопросы относительной хронологии осложняются тем, что Е. Н. Черных называет «степным синдромом непрерывности»: «признаки культур предстают расплывчатыми и зачастую очень слабо отличающимися друг от друга» (Черных, 2007. С. 35). Причем этот «синдром» проявляется не только по отношению к территориальным границам, но и к хронологическим (там же). Некоторые исследователи предлагают укрупнять культурные сообщества. Одним из рисков такого подхода является то, что хронологические рамки таких сообществ будут

чрезвычайно широкими и, таким образом, потеряется их реальное содержание, а также конкретные механизмы функционирования.

В данной работе предлагается иной подход. Он предполагает идти не от крупных хронологических блоков, а от «хронологических атомов». Что же может выступать в этой роли? Это не могут быть поселения в силу открытого характера культурного слоя. Следовательно, речь пойдет о погребениях. Однако время функционирования могильника в целом, на наш взгляд, является слишком крупной хронологической единицей. Во-первых, каждый могильник мог функционировать достаточно продолжительное время, во-вторых, могильники одной культуры, расположенные на разных территориях, могли хронологически частично сосуществовать друг с другом. В соответствии с этим подходом сначала нужно установить хронологию погребений в каждом могильнике, а потом уже эти могильники синхронизировать между собой. Таким образом, «хронологическим атомом» должно служить погребение. Для наиболее надежных хронологических построений необходимо использовать массовый материал. В бронзовом веке им является глиняная посуда, в особенности орнамент на ней. Он и является основой для построения хронологии.

В работе использована разработанная Ю. Б. Цетлиным методика периодизации комплексов по данным орнаментации керамики (Цетлин, 2008. С. 15–18). Этот подход был адаптирован для применения к материалам погребений, причем основной единицей в таком исследовании выступает керамика закрытого комплекса (погребение). Методика построения хронологии керамики погребений в могильнике включает следующие ступени:

Ступень I. Построение локальной внутренней периодизации отдельного могильника.

I.1. Расчет в процентах доли встречаемости каждого элемента орнамента в одном закрытом комплексе (погребение) от общего числа случаев, в которых были встречены все элементы орнамента в данном погребении.

I.2. Определение коэффициента сходства (КС) между погребениями данного могильника по составу и процентному соотношению элементов орнамента на сосудах.

I.3. Определение «места» каждого погребения на условной оси времени среди других погребений данного могильника.

I.3а. Выделение на условной оси времени ее начала и конца. Те погребения, которые имеют между собой наибольшее расстояние по сходству, находятся на противоположных концах условной хронологической оси. Для того чтобы определить, какое погребение должно стоять в начале, а какое в конце используются данные стратиграфии и радиоуглеродного датирования, а также современные представления исследователей о тенденциях развития керамических и иных традиций данной культуры.

I.3б. Определение места каждого погребения на условной хронологической оси (КМ). Место погребения определяется по формуле: $X = [(a^2 - b^2 + c^2) : 2c^2] \times 100$, выведенной Ю. Б. Цетлиным (2008. С. 17), где «а» - расстояние от исследуемого погребения до начала оси времени (самое раннее погребение), «b» - расстояние от исследуемого погребения до конца оси времени (самое позднее погребение), «с» - длина самой оси времени, «X» – расстояние по времени от начала оси до данного погребения, выраженное в процентах от длины данной условной оси времени.

I.4. Выделение хронологических этапов в рамках могильника. Поскольку часто погребения располагаются на условной оси времени не равномерно, а группами, в качестве отдельного хронологического этапа рассматривается группа таких компактно расположенных погребений.

Ступень II. Построение общей периодизации для нескольких могильников.

II.1. Определение коэффициента удаленности (1-КС) между всеми погребениями двух сравниваемых могильников.

II.2. Выбор из всей совокупности результатов нескольких погребений, которые относятся к разным могильникам и имеют между собой минимальное расстояние (1-КС) по сходству, указывающее, скорее всего, на то, что данные погребения в обоих могильниках были близки по времени.

II.3. Синхронизация хронологических осей сравниваемых могильников по этим погребениям между собой. При этом более короткая хронологическая ось приводится к масштабу более длинной оси, после чего пересчитывается относительное положение каждого погребения на общей условной оси времени. В результате получается общая хронологическая ось, показывающая наиболее вероятную последовательность сооружения погребений во всех исследованных могильниках.

Результаты относительной хронологии синташтинских могильников по погребениям отражены на рис. 1. Эти результаты не противоречат как стратиграфии, так и радиоуглеродному датированию погребений (Хаванский, 2010).

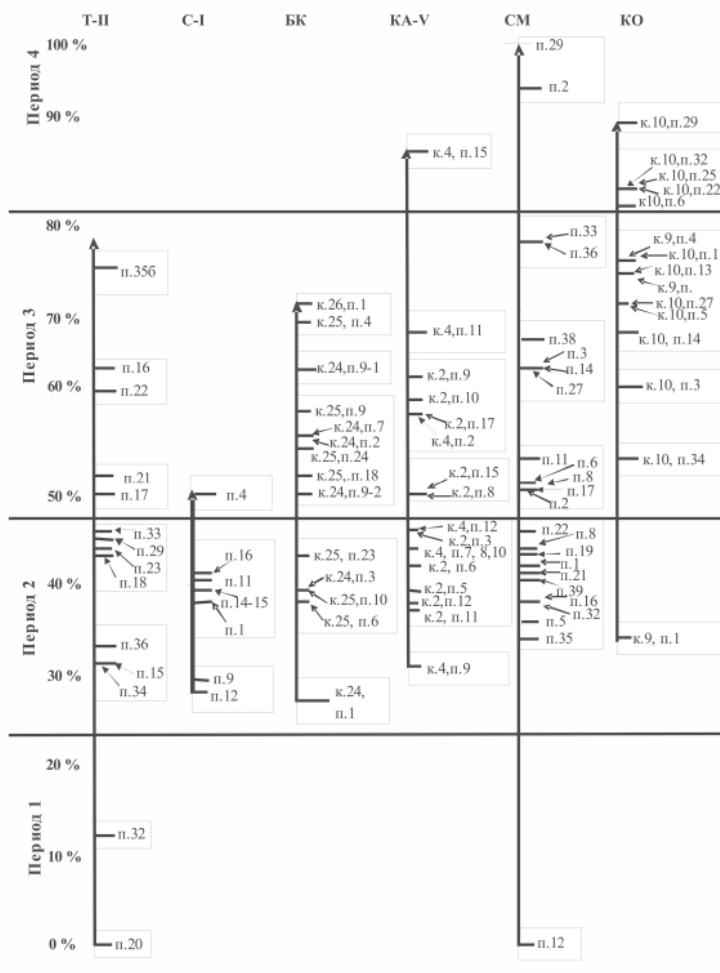

Рис. 1. Периодизация синташтинских могильников по погребениям. Могильники: Т II – Танаберген II, С I – Синташтинский I, БК – Большекараганский, КА-V – Каменный Амбар V, СМ – Синташтинский грунтовый могильник, КО – Кривое Озеро

Список литературы

- Хаванский А. И., 2010. Хронологическое соотношение синташтинского и раннеалакульского населения (на материале керамических комплексов) // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). М. С. 464-476.
- Цетлин Ю. Б., 2008. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула.
- Черных Е. Н., 2007. Каргалы, том V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. М.

Некоторые результаты исследования памятников шнуровой керамики на р. Россонь

*Холкина М. А. (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург)
tyttokulta@yandex.ru*

В III тыс. до н.э. в Восточной Балтике появляется традиция изготовления шнуровой керамики, причем этот регион можно рассматривать как самую северо-восточную периферию ее распространения. Шнуровая посуда, характеризующаяся здесь не только чертами, роднящими ее с более южными и западными образцами, но и своими особенностями, сосуществовала в восточной части Финского залива с гребенчатоямочной. Детальное изучение навыков древних гончаров в изготовлении различных видов глиняной посуды призвано получить ответы на вопросы о происхождении тех или иных керамических традиций Восточной Балтики и о контактах между их носителями.

В 2011–2015 гг. в Нарвско-Лужском междуречье на р. Россонь были открыты и изучены десять новых памятников со шнуровой керамикой (Герасимов и др., 2012), на которых выявлены около 3,5 тыс. таких фрагментов, в том числе, 376 крупных идентифицируемых черепков, по крайней мере, 22 сосудов. Цель исследования заключается в том, чтобы дать характеристику керамической традиции, представленной на памятниках р. Россонь, в контексте культур шнуровой керамики и керамических традиций, распространенных в Восточной Балтике в III тыс. до н.э. Перед работой были поставлены задачи описать особенности

керамики, включая состав формовочной массы сосудов, технику их лепки, особенности формы и орнаментации посуды.

Фрагменты керамики анализировались как традиционными методами, так и с применением современных технологий. Состав формовочной массы определялся визуально и с помощью лупы и сканирующего микроскопа Leica DVM 5000 в ресурсном центре СПбГУ «Геомодель» с увеличением от 8 до 35-70 раз. Особенности конструирования сосудов определялись по форме и конфигурации их фрагментов в местах обнажений спаев структурных элементов. Реконструкция формы сосудов проводилась на основании, прежде всего, сохранившихся фрагментов венчиков и донцев. Орнаментация рассмотрена с точки зрения ее стилистических особенностей: состав элементов, организация мотивов и их сочетаний.

По итогам проведенного анализа была выявлена шнуровая керамика, принадлежащая, предположительно, двум разным керамическим традициям. Для первой традиции, к которой относится абсолютное большинство керамики, характерно наличие плоскодонных широкогорлых сосудов со слабопрофилированным срезанным внутрь венчиком. Они орнаментированы отпечатками шнура в сочетании с ямками (рис.1: 1). В состав формовочной массы входит шамот – более светлые по цвету включения неправильной остроугольной формы размером около 1–3 мм (вероятно, дробленая керамика) и органика (шерсть?). Специфическая форма изломов фрагментов и расслоенность большинства черепков свидетельствует о том, что сосуды вылеплены, преимущественно, в лоскутной технике. На поверхности, как правило, читаются следы заглаживания пальцами, изредка – неглубокие расчесы изнутри.

Эта керамика имеет много общего с наиболее распространенными в Восточной Балтике горшками культуры шнуровой керамики. Их сближает присутствие S-образной профилировки в сочетании с небольшого диаметра плоским донцем, причем шнуровая орнаментация ограничена верхней частью сосуда (Edgren, 1970; Nordqvist, Håkälä, 2014 и др.). Особенностью является лишь слабо выделенная шейка и наличие в орнаментации крупных ямок и наклонных отпечатков шнура на срезе венчика. Эти черты делают рассматриваемую посуду схожей с гребенчато-ямочной и позволяют считать первую из них «гибридной», претерпевшей влияние со стороны иной традиции. При этом наиболее консервативный элемент керамической традиции – способ лепки сосуда (Shepard, 1956. P. 351; Бобринский, 1978. С. 124) – остается неизменным и имеет аналогии среди шнуровой керамики на большой территории.

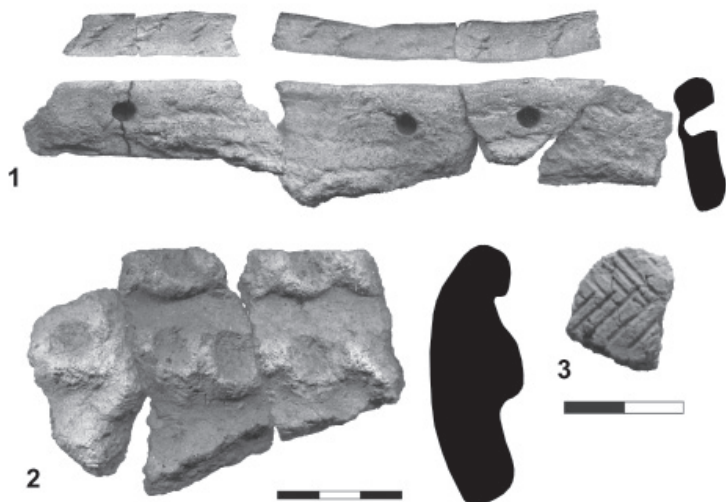

Рис. 1. Фрагменты сосудов шнуровой керамики с памятников на р. Россонь (1, 2 – Россонь-9, 3 – Россонь-8)

Отдельно следует рассмотреть сосуды с памятника Россонь-9, которые по совокупности признаков отличаются от вышеописанной керамической традиции. Одно такое изделие относится к группе так называемых широкогорлых или кубкообразных сосудов, широко распространенных как в Восточной Прибалтике, так и в Северной и Центральной Европе. Эта, как правило, крупная, толстостенная посуда, имеет примесь мелкой дресвы или песка и украшена гофрированными наlepными валиками (рис. 1: 2). На памятниках Россонь-8 и Россонь-9 встречены и фрагменты тонкостенных сосудов с примесью мелкого песка – предположительно кубки (рис. 1: 3). Ввиду устойчивой не претерпевшей изменений технологии изготовления такой керамики, а также традиционности их формы и орнамента такую посуду следует считать скорее принесенной сюда в готовом виде, нежели произведенной на месте. Схожие сосуды нередко рассматриваются исследователями как относящиеся к так называемому «А-горизонту» культуры шнуровой керамики (Buchvaldek, 1986; Лакиза, 2008; Kryvaltsevich, Kalechyts, 2000).

Список литературы

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Герасимов Д. В., Крийска А., Лисицын С. Н., 2012. Памятники каменного века юго-восточного побережья Финского залива: хронология и геоморфология // КСИА. Вып. 227. М. С. 243–250.
- Лакиза В. Л., 2008. К проблеме позднего неолита и начала бронзового века северо-западной Беларуси // Человек, адаптация, культура. М. С. 388–400.
- Buchvaldek M., 1986. Zum gemeineuropäischen Horizont der Schnurkeramik // Prähistorische Zeitschrift. B. 61. H. 2. Berlin. P. 130-151.
- Edgren T., 1970. Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. SMYA 72. Helsingfors.
- Kryvaltsevich, Kalechyts, 2000. Some «A-horizon» components of the Early Corded Ware Culture in Western Belarus // Lietuvos Archeologija. №19. P. 167-174
- Nordqvist, K., Häkälä P., 2014. Distribution of Corded Ware in the areas North of the Gulf of Finland - an update // Estonian Journal of Archaeology. V. 18, Iss. 1. P. 3-29.
- Shepard A. O., 1956. Ceramics for the archaeologist. Washington.

Результаты петрографического исследования керамики среднего неолита – раннего энеолита Карелии (рубеж V–IV – начало III тыс. до н.э.)

*Хорошун Т. А. (ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск)
tatty@list.ru*

Изучение древнего гончарства является одним из приоритетных направлений в археологических исследованиях. При анализе керамики Карелии использованы методы петрографической, бинокулярной микроскопии¹, позволяющие выявлять признаки и особенности, скрытые от обычного визуального наблюдения (Кулькова, 2012).

¹ Исследования выполнены в рамках проектов РФФИ № 13-06-90716 «мол_рф_нр» «Петрографическое исследование керамики позднего неолита Карелии» и № 15-

Анализ керамики выполнен в лаборатории кафедры геологии и геоэкологии факультета географии РГПУ им. Герцена². Изучение фрагментов произведено в шлифованных образцах с использованием бинокля МСБ-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое исследование осуществлено в шлифах под поляризационным микроскопом Leica в РЦ «Геомодель» СПбГУ.

В результате изучения определены минеральные составы формовочных масс (глинистый компонент и отощитель), идентифицированы естественные и искусственные добавки, их количественное соотношение, выявлены микроструктурные особенности включений, рецепты изготовления изделий, в том числе температура и условия обжига.

Общее количество образцов составило 103 фрагмента керамики из 22 памятников, причем 13 черепков относятся к ямочно-гребенчатой культуре, 33 – к гребенчато-ямочной и 57 – к ромбо-ямочной (рис. 1). По составам формовочных масс и режимам обжига выявлено несколько рецептов изготовления древней глиняной посуды. Фиксируется их разнообразие как внутри выделенных типов, так и по районам распространения (Хорошун, Сумманен, 2015; Хорошун, Кулькова, 2014; 2015).

Суммируя полученные результаты, можно говорить о сложившейся гончарной традиции в эпоху среднего неолита – раннего энеолита. Исходным сырьем служила глина. Количественно доля глинистого компонента в тесте варьирует от 30 до 90 % (чаще всего 40–70 %). Для некоторых образцов, взятых на памятниках, которые тяготеют к крупным водоемам (Ладожское и Онежское озера), характерна глина, обогащенная водной органикой (53% для гребенчато-ямочной керамики и 32 % для ромбо-ямочной). Показатель минеральных примесей, как правило, постоянный (10-35%) и не меняется в зависимости от качественных характеристик составов глин (тощие или жирные).

Минеральными отощителями являются песок, дресва и шамот (шамот-керамика и шамот-глина). Помимо минеральных добавок отмечены рецепты с пухом-пером, либо дробленой костью, либо органическим раствором (клеем), в одном случае зафиксирован волос-шерсть. Между

36-50238 «Технология изготовления ромбо-ямочной керамики (по материалам эталонных памятников эпохи неолита Южной Карелии и Верхнего Дона)».

² Автор выражает глубокую признательность и благодарность к.г.-м.н. М. А. Кульковой за поддержку и участие и реализации проектов.

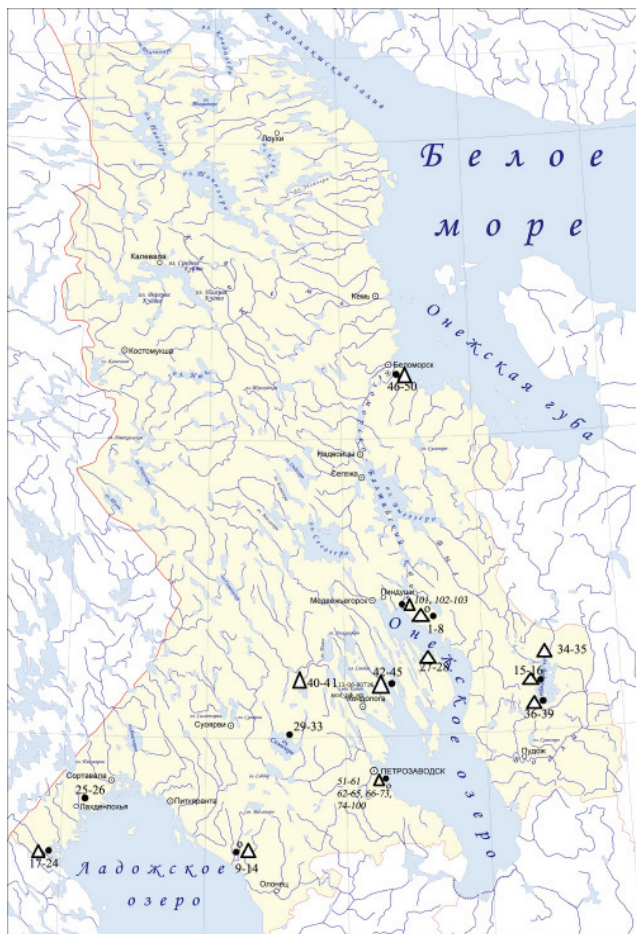

Рис. 1. Карта расположения памятников (ямочно-гребенчатая керамика: №7 (Чёрная Губа IV), 14 (Новземское VII), 51-61 – Вигайнаволок I; гребенчато-ямочная керамика: №3 (Чёрная Губа IX), 5-6 (Чёрная Губа III), 9-10 (Новземское I), 12-13 (Новземское III), 16 (Келка I), 21-24 (Вятிக்கя I), 25-26 (Мейери II), 29-33 (Лакшиезеро II), 37 (Пога I), 38 (Сомбома), 45 (Пегрема X), 46 (Залавруга I), 50 (Залавруга IV), 66-73 (Вигайнаволок I), 101 (Оровнаволок XVI); ромбо-ямочная керамика: № 1-2,4 (Чёрная Губа IX), 8 (Чёрная Губа IV), 11 (Новземское I), 15 (Келка I), 17-20 (Вятிக்கя I), 27-28 (Клим I), 34-35 (Илекса IV), 36 (Пога I), 39 (Сомбома), 40-41 (Черанга III), 42-43 (Пегрема I), 44 (Пога I), 47 (Залавруга II), 48-49 (Залавруга IV), 62-65,74-100 (Вигайнаволок I), 102-103 (Оровнаволок XVI)

тем, во всех типах преобладают рецепты с минеральными отощителями, составы с органическими добавками встречаются гораздо реже: для ямочно-гребенчатой керамики доля первых и вторых составляет 84 % и 16 %, для гребенчато-ямочной – 67 % и 33 %, для ромбо-ямочной – 79 % и 21 %.

Рецепты для изготовления ямочно-гребенчатой посуды довольно разнообразны. Насчитывается шесть способов ее производства. Для Ладожского бассейна характерно сочетание глины и дресвы, для Онежского озера отмечены дополнительно глина+песок и глина+песок+дресва (а также дробленая кость), глина+дресва+шамот. К важным показателям стоит отнести органические добавки и сложные составы, сочетающие более трех компонентов.

Для гребенчато-ямочной керамики по изученным образцам выделено девять рецептов. Самая большая их вариабельность приходится на район Ладожского озера, где рецептура характеризуется широким применением дресвы, шамота и органических добавок, что сближает посуду этого региона с подобной керамикой внутреннего района Сязозера. Лишь в одном случае для района Ладожского озера отмечен в составе песок, который характерен для бассейна Онежского озера и не определен в образцах, взятых из памятников, тяготеющих к Белому морю. Заметим, что вместе с глиной и дресвой на Онежском озере выявлен шамот, а в северной Карелии зафиксирован образец, в котором глина сочетается с органическим компонентом (пух-перо).

Ромбо-ямочная керамика распространена в районе Онежского озера. Для этого региона характерны рецепты с песком, с дресвой и песком, в том числе включающие органические примеси. В некоторых образцах представлен шамот, но, как и прежде, он характеризует в основном район Ладожского озера. Общее количество выделенных составов в районе Онежского озера равняется десяти, причем выявлен рецепт из глины и дресвы, который характерен также для керамики данного типа, представленной в бассейне Ладожского озера и Белого моря.

Опираясь на полученные данные, можно говорить о сохранении культурной преемственности в технологии изготовления керамики, как на поселениях, так и в районах распространения исследуемых типов керамики (бассейны Ладожского и Онежского озер, а также Белого моря на территории Карелии). Выявляются особенности развития технологической традиции на локальных участках вышеуказанных районах и

прослеживаются признаки ее адаптации к окружающей природной среде и ресурсам. Полученные результаты являются важными документированными источниками и создают базу для проведения дальнейших работ в области изучения актуальных проблем лесного неолита Восточной Европы.

Список литературы

Кулькова М. А., 2012. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований. СПб.

Хорошун Т. А., Кулькова М. А., 2014. Технология изготовления и состав глиняной посуды неолита Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Том XII. СПб. С. 252-259.

Хорошун Т. А., Кулькова М. А., 2015. К вопросу об изготовлении ромбо-ямочной керамики (по данным петрографического исследования эталонных памятников Южной Карелии и Верхнего Дона, IV-III тыс. до н.э.) // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Том XIV. СПб. С. 231-242.

Хорошун Т. А., Сумманен И. М., 2015. Роль естественнонаучных методов в изучении древней керамики памятников Карелии // Труды КарНЦ РАН. № 8. Серия Гуманитарные исследования. Петрозаводск . С. 17–27.

Использование окаменелостей древним населением центральной части Русской равнины в эпохи неолита и бронзы (к постановке вопроса)

*Храмцова А. А. (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)
Madchen30.05.1994@yandex.ru*

Палеонтологические окаменелости (фоссилии) являются органическими остатками доплейстоценового периода, прошедшими процесс окаменения (фоссилизации). Русская равнина не богата их видовым разнообразием. Здесь представлены отложения только трех систем: каменноугольной, юрской и меловой. Поэтому самыми распространенными типами окаменелостей для данной территории являются брахиоподы, кишечнополостные (кораллы) и различные виды моллюсков (Вагнер, Манучарянц, 2003).

С. 49–68; Мироненко, 2007). Фоссилии занимают особое место среди находок на археологических памятниках, так как могли иметь или не иметь утилитарное назначение, а также использоваться без применения вторичной обработки или с применением различных ее видов.

Целью данной работы является характеристика наиболее перспективных направлений изучения окаменелостей, происходящих из культурного слоя археологических памятников, и обзор окаменелостей как потенциального археологического источника.

Источниковедческая база фоссилий на данный момент неоднородна. Имеется только небольшая их выборка из нескольких поселений, расположенных в центральной части Восточно-Европейской равнины (коллекции ГИМ). Почти все эти памятники, исследованные в основном в 1920-е–1970-е гг., содержат материалы от раннего неолита до ранней бронзы и не имеют четкой хронологической привязки. Особенно распространены на этих поселениях артефакты ямочно-гребенчатой и волосовской культур (табл. 1).

Палеонтологические остатки имели большую ценность для носителей разновременных культур, о чем свидетельствуют мифы и легенды о происхождении окаменелостей и об их сверхъестественных свойствах (Bassett, 1982). Как правило, назначение фоссилий и отношение к ним имели в каждой культуре свои особенности (Gaydarska et al., 2004. P. 11; Калинина, Гаджиева, 1993. С. 85). По этнографическим и археологическим данным было установлено предпочтение некоторыми традиционными обществами ископаемых органических остатков современным, идентичным по форме и зачастую более качественным и обладающим лучшими функциональными характеристиками. Например, носители культуры Хоупвелл в центрально-восточной части нынешних США предпочитали использовать в качестве орудий и украшений более редкие и ценные зубы ископаемых акул, хотя всегда могли получить зубы акул современных им видов (Colvin, 2011. P. 35-36).

С другой стороны, в некоторых культурах ценность и редкость палеонтологических остатков подчеркивается использованием в утилитарных целях не самой окаменелости, а ее оттиска или модели. Например, в результате изучения орнамента керамики неолитической стоянки Сокольское I было обнаружено, что «аммонитный» орнамент нанесен не раковиной окаменелости, а ее естественным отпечатком в породе или ее глиняной моделью (Коробков, Крижевская, 1958. С. 58-59).

Таблица 1. Археологические памятники с находками окаменелостей

№	Памятник	Наименование окаменелости					Раскопки (автор, годы)
		белемнит	аммонит	коралл	серпулида	Неопред. моллюски	
1	Великодворье I		1	1			Емельянов А.В., 2000– 2008
2	Володары		3				Цветкова И.К., 1940-е, 1970-е гг.
3	Малое Окулово	1					Попова Т.Б.
4	Маслово Болото II	1		1		1	Цветкова И.К., Каверзнева Е.Д., 1980-е
5	Николо-Перевоз II	5	1	1			Жуков Б. С., 1920-е
6	Плеханов Бор					3	А.С. Уваров, XIX в.
7	Старая Рязань	2					Неизв. Сборы п.м.
8	Сущевский могильник	1					Д.А. Крайнов
9	Шагара II	2					А.В. Емельянов, 1990-е гг.
10	Языково	25	1		11	2	Жуков Б.С., 1920-е гг.
Всего		37	6	3	11	6	

Таким образом, палеонтологические окаменелости, действительно, могли играть большую и неоднозначную роль в традиционных культурах. Между тем, фосилли, происходящие из археологических памятников, остаются мало исследованной категорией находок. Наиболее детально они рассматривались при изучении технологии орнаментации керамики (Калинина, Гаджиева, 1993).

Ниже рассмотрены некоторые, наиболее актуальные вопросы, связанные с исследованием окаменелостей.

1. Выявление признаков, которые, вероятно, привлекали внимание человека к определенным предметам – фосилиям (форма, размер, цвет, минерал). Имеющиеся материалы варьирует по форме и размеру. Вероятно, с целью придания фосилиям определенного цвета и блеска были пришлифованы подвески из аммонитов до внутреннего ядра раковины, обладающей перламутровым блеском, и до обнажения лопастных линий (Володарский клад № 7).

2. Видовое определение и датировка окаменелостей. С помощью палеонтологического анализа фосиллий может установить, в каких отложениях они образовались. Так как, зачастую, окаменелости Русской платформы залегают в кремневых конкрециях, результаты анализа могут указать на использование жителями определенного/определенных месторождения/месторождений кремня. В случае неместного происхождения фосиллий, благодаря им вероятно установление связей населения региона с жителями других территорий.

Стоит отметить, что в нашем распоряжении имеется мало материалов по причине некачественной фиксации окаменелостей или их неудовлетворительного состояния. Для определения палеонтологического возраста фосиллий наиболее важна сохранность их следующих частей: для белемнитов – нюансов строения альвеолы и ростра, формы носика, вентральной борозды; для аммонитов – формы устья, строения брюшной, спинной частей; для кораллов – расположения вертикальных перегородок (септ), фактуры наружного известкового скелета (кораллита) (устное сообщение Т. В. Кузнецовой – 20. 12. 2015 г.).

3. Определение функционально-семантического статуса вещи. На основе планиграфического анализа памятника и контекста залегания окаменелости, а также наличия на ней признаков вторичной обработки или макро- и микроследов можно установить, какую роль играл артефакт

в культурной среде. Чаще всего фоссилии использовали как орудия для орнаментации керамики или в качестве других инструментов для обработки поверхности керамики: белемниты и аммониты (Коробков, Крижевская, 1958); раковины речных моллюсков (Калинина, Гаджиева, 1993. С. 84). Последние употребляли и как сырье, например, в качестве отощителя при изготовлении керамической формовочной массы для улучшения спекаемости черепка (Цетлин, 2012. С. 70). Иногда окаменелости служили амулетами. В качестве примера укажем на две раковины *Gigantoproductus*, обнаруженные совместно с орудиями изобразительной деятельности на неолитической стоянке Подол III/1. В пользу этого предположения свидетельствуют контекст залегания находок и приводимые авторами аналогии (Синицына, Спиридонова, 2014. С. 99). Аммониты из Володарского клада № 7 являлись сакральными предметами (Цветкова, 1975. С. 103), Встречены также украшения/манупорты. В этом качестве использовались: белемниты, аммониты, раковины палеогеновых моллюсков, членики морских лилий, иглы ископаемых морских ежей (Сериков, 2013). Следует также отметить, что зачастую в традиционных обществах вещи могли иметь различное функциональное, но одинаковое семантическое значение (Colvin, 2011. С. 30; Калинина, Гаджиева, 1993. С. 84–85).

4. Ареалы традиций использования фоссилий согласно выявленным функциональным ролям. В рамках изучения данного вопроса установлена лишь область распространения окаменелостей, которые использовались в качестве орудий. Изучение И. В. Калининой и Е. А. Гаджиевой архаических орнаментов показало, что ареал таких находок, имеющих естественное происхождение (белемниты и аммониты), совпадает с территорией, занимаемой ямочно-гребенчатой этнокультурной областью (Калинина, Гаджиева, 1993. С.87).

Для дальнейшего изучения фоссилий перспективны следующие направления: проведение трасологического анализа окаменелостей; датировка (палеонтологический анализ) и определение их ареалов; просмотр других коллекций на предмет выявления фоссилий, включение их в базу данных и ограничение/расширение последней по культурным признакам.

Таким образом, палеонтологические окаменелости, как категория находок, недооцененная в археологии XX в., является полноценным материалом для изучения хозяйственной деятельности и духовной жизни носителей древних культур различных эпох.

Список литературы

- Вагнер В. В., Манучарянц Б. О., 2003. Геология, рельеф и полезные ископаемые Московского региона. М.
- Калинина И. В., Гаджиева Е. А., 1993. Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л. П.Хлобыстина. СПб. (Археологические изыскания. Вып.10). С. 84–93.
- Коробков И. А., Крижевская Л. Я., 1958. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Вестник Ленинградского университета, серия геологических наук. №18. С. 54–59.
- Мироненко А. А., 2007. Когда Москва была морем // Палеонтология московского метро [электронный ресурс]: палеонтология метро. Когда Москва была морем. Александр Мироненко, журнал «Государственное управление ресурсами», №2, 2007. 2005-2015 Александр Мироненко (Aleksandr A. Mironenko). – интернет-сайт. – Режим доступа: <http://www.paleometro.ru/pub15.php>, свободный.
- Сериков Ю. Б., 2013. Редкие и необычные украшения древности// Регионы в современном мире: материалы международной научно-практической конференции. Березники, 2013. С. 243–244.
- Синицына Г. В., Спиридонова Е. А., 2014. О природной среде и адаптации стоянок мезолита – неолита на верхневолжских озерах и системы озера Селигер // Материалы международной научной конференции 19-21 мая 2014г. СПб. С. 97-100.
- Цветкова И. К., 1975. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М. С.102–111.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. Тула.
- Bassett M. G., 1982. Formed stones, folklore and fossils // Geological publications of the National Museum of Wales: Geological series. Vol.1. P. 1–32.
- Colvin G. H., 2011. The presence, source and use of fossil sharks teeth from Ohio archaeological sites // Ohio archaeologist. Vol. 61, №4. P. 26–46.

Gaydarska B., Chapman J., Angelova I., Gurova M., Yanev S., 2004. Breaking, making and trading: the Omurtag eneolithic Spondilus hoard // *Archaeologia Bulgarica*. VIII. P. 11–34.

Возможности реконструкции неолитических построек (по материалам поселения Сертя XIV)

*Хрусталева И. Ю. (Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург)
irinakhrustaleva@yandex.ru*

Стоянки древних людей представляют одну из наиболее информативных категорий археологических памятников, особенно это касается долговременных поселений с остатками построек. Основная функция поселений и жилищ – создание закрытого пространства, защищающего человека от воздействия окружающей природной среды. С этим связана топографическая привязка поселков, ориентировка жилищ, расположение построек относительно водоемов и господствующих ветров и т.д. Это же обстоятельство диктовало и соответствующие технические решения при сооружении жилищ. С учетом климатических и экологических условий решались вопросы конструкции жилища, отопления помещения, приготовления пищи. В зависимости от природной обстановки и доступности ресурсов использовались различные строительные материалы (Борзунов и др., 1993).

Облик поселений во многом определялся типом хозяйства, так как вторая (не менее важная) функция поселения и жилища – обеспечение жизнедеятельности коллектива и ее организация. Это предполагало определенный численный состав обитателей поселка и каждого жилища, расположение поселений в местах, удобных для охоты и рыбной ловли, добычи необходимого сырья и т.д. Этим же объясняется и функциональная дифференциация поселков и построек. Домашняя производственная деятельность также отражалась на характере сооружения и его интерьера, если протекала в жилых помещениях (Сирина, 1992).

Выявление остатков постройки на археологическом памятнике, культурные слои которого залегают в песчаных отложениях, и поиск доказательств того, что этот объект служил именно жилищем, является довольно сложной задачей, поскольку органика на таких памятниках не сохраняется. Ямы фиксируются только благодаря их более темному

заполнению, отличающемуся от цвета окружающего слоя, и зачастую их можно выявить только на уровне материка. Очаги и кострища удается обнаружить благодаря их конструкциям (например, каменным обкладкам), если таковые имеются, по степени прокаливанию песка либо по серой зольной прослойке. На памятнике Сертея XIV (Велижский р-н, Смоленская обл.) в песчаных отложениях берегового склона древнего озера были выявлены остатки семи построек (№№ 15, 192, 280, 548, 557, 558, 562 – сооружения пронумерованы в соответствии с цифровыми обозначениями ям, относящимся к постройкам) и одного сооружения (№ 8) – в торфяниковой части поселения. Все постройки были в основном выявлены по ямам от столбов и кольев, а также по остаткам очагов. Сооружения №№ 558, 562, 15 имели слегка заглубленные полы, а периметр постройки № 548 маркирован камнями, концентрирующимися вокруг ям от столбов. Лучшее сохранилась постройка № 8, в которой, помимо ям от столбов и камней, лежащих по периметру, удалось зафиксировать остатки кольев, столбов, плах, которыми были покрыты пол и стены, и древесного тлена.

Реконструкция археологических объектов непростая, но необходимая процедура, поскольку она является переходом к интерпретации археологического источника и введением его в исторический контекст. Результаты реконструкции могут быть представлены в разном виде: от словесного описания и условной графической зарисовки каких-то отдельных объектов или их фрагментов до полномасштабного моделирования (Васильев, 2000; Жульников, 2003; Поселение..., 2006). Выбор метода представления реконструкции зависит от степени сохранности источника, задач исследования, привлечения различных методик и аналогий, а также технических возможностей. В нашем случае стояла задача представить условную графическую реконструкцию объектов, поскольку объем информации о них довольно ограничен. У нас нет информации о вертикальной структуре конструкций, практически отсутствуют данные о внутренней организации пространства и об использованных строительных материалах. Тем не менее, мы имеем представление о границах и форме построек в плане, расположении и форме очага, можем определить, где располагался вход, а по наклону столбовых ям – угол наклона стены относительно пола постройки. Сохранившиеся детали сооружения № 8 позволили определить использованные при строительстве породы деревьев: береза для столбов, сосна для покрытия пола, ива и ольха для стен или крыши.

Постройки на поселении Сертея XIV сооружались в разные периоды его заселения от рубежа мезолита–неолита до позднего неолита, о чем

говорит их стратиграфическая и планиграфическая привязка, а так же находки, связанные с ними (в первую очередь фрагменты глиняных сосудов). По своей конструкции, размерам и формам сооружения не однородны, что позволяет проследить развитие домостроительной традиции.

Самые ранние округлые мезолитические жилища №№ 558, 562 площадью 5,6 и 30,6 м², выявлены на материковом песке, образовавшемся в бореальное время (Мазуркевич и др., 2001). Они имели форму чумов, слегка заглубленные полы без твердого покрытия и углубленные очаги, смещенные к стене. Располагались постройки на первой береговой террасе, которая была погребена трансгрессией водоема, произошедшей 7,5 тыс. л. н.

К раннему неолиту (до 7 тыс. л.н.) относятся остатки прямоугольного сооружения № 15 площадью 11,4 м², возведенного на второй береговой террасе в трансгрессивную фазу водоема. Эта постройка столбовой конструкции имела вертикальные стены, ступенчатый пол и углубленный очаг в центре. Около 7 тыс. л. н. вода в озерах поднялась до уровня второй озерной террасы и затопила предыдущие стоянки.

К следующему этапу (7–6,2 тыс. л. н.) относятся овальные в плане сооружения №№ 192, 280 каркасно-столбовой конструкции площадью 47,1 м² и 62,8 м². Они имели вертикальные стены, а их внутреннее пространство могло быть разделено на отдельные зоны или помещения. Внутри построек располагались очаги: наземный, у входа, смещенный к западной стенке – в сооружении № 192, и углубленный, смещенный к северо-восточной стенке – в постройке № 280. Эти жилища не были одновременны и, вполне вероятно, их расположение зависело от уровня воды в озере в разные периоды: сооружение № 280 располагалась ниже по береговому склону, а № 192 – выше, на кромке современного леса.

Новый «строительный» этап на поселении фиксируется после трансгрессии водоема, произошедшей 5,6 тыс. л. н. Появляется овальная в плане постройка № 557 с вертикальными стенами, площадью 11,9 м². Слой супеси, в котором были обнаружены остатки сооружения, имеет дату 5,2 тыс. л. н. (Мазуркевич и др., 2001). Этому периоду соответствует регрессивное состояние водоема, постройка расположена ниже по береговому склону на уровне первой погребенной террасы.

К следующему этапу относится овальное сооружение типа чума площадью 15,7 м² (№ 8), выявленное в торфяниковой части поселения. В нем

были найдены развалы сосудов поздней усятской и ранней жижицкой культуры. Предположительно оно датируется первой половиной III тыс. до н.э. (Мазуркевич, 2012).

В середине II тыс. до н.э. (после 3,6 тыс. л.н.), после мощной трансгрессии, появляется овальная постройка типа чума площадью 19,6 м² (№ 548), относящаяся к последнему этапу обитания на поселении. Она была выявлена в верхних супесчаных отложениях, образовавшихся в суббореальное время, на уровне второй погребенной террасы (Мазуркевич и др., 2001).

При использовании археологических и этнографических аналогий, даже условная реконструкция позволяет проследить основные конструктивные особенности построек на разных этапах обживания поселения (рис. 1). Проведенный пространственный анализ находок, соотносящихся с остатками сооружений, показывает, что одновременно на поселении существовала только одна постройка, и вся хозяйственная жизнь коллектива была в основном сосредоточена вокруг нее. Сама жилая площадка была тесно связана с береговой линией древнего озера и располагалась в зависимости от уровня воды то выше, то ниже на террасированном склоне. Сооружения были органично вписаны в микрорельеф местности, выходы из них ориентированы на юг/юго-запад – в сторону воды. Обитание на поселении, видимо, носило периодический характер, но каждый период мог длиться не один сезон.

Список литературы

- Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И., 1993. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург. С. 4–45.
- Васильев В. В., 2000. Экспериментальное моделирование археологических жилищ: По материалам памятников неолита - бронзы таежной зоны Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут.
- Жульников А. М., 2003. Древние жилища Карелии. Петрозаводск.
- Мазуркевич А. Н., Полковникова М. Э., Короткевич Б. С., Кулькова М. А., 2001. Древности Верхнего Подвонья в исследованиях Северо-Западной археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия за 2000 год. Государственный Эрмитаж. СПб. С. 3–6.

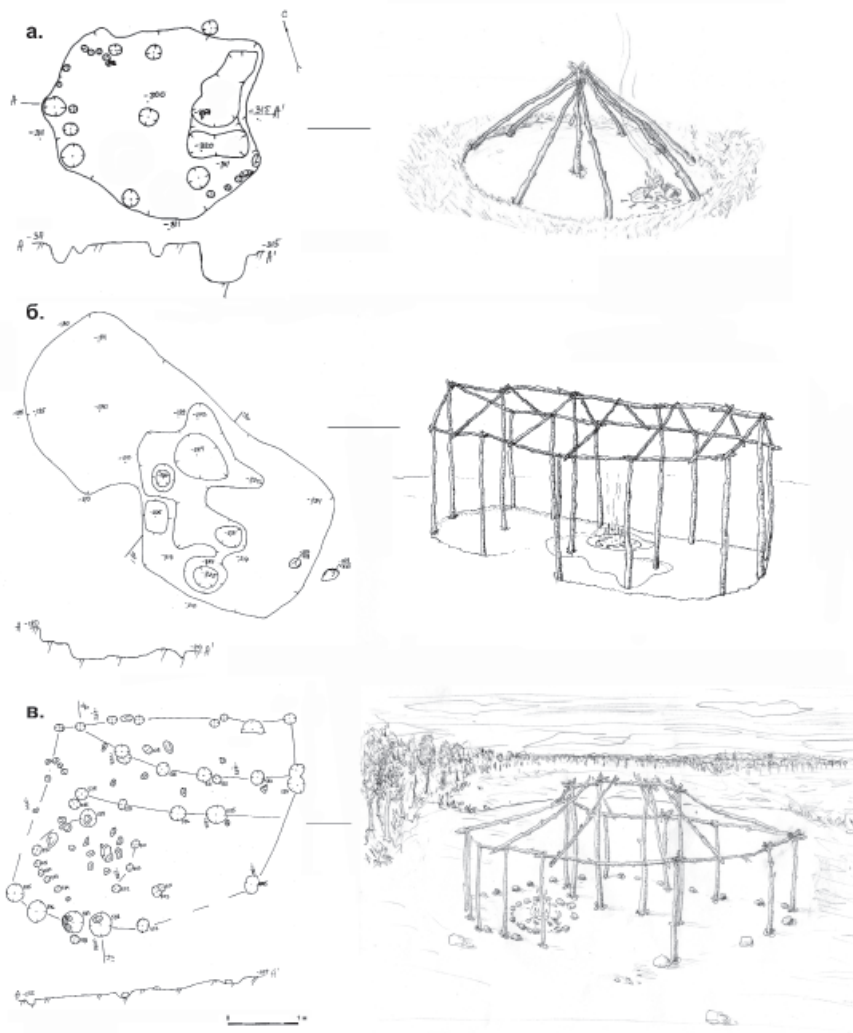

Рис. 1. Поселение Сердя XIV. Планы построек (согласно полевой документации Северо-западной археологической экспедиции ГЭ) и их условная графическая реконструкция (рис. выполнил Колосов В.П.):
 а. – постройка № 558; б. – постройка № 15; в. – постройка № 557

Мазуркевич А. Н., 2012. Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 году // Архив ИА. Р-1, № 30216.

Поселение Быстрый Кульеган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья, 2006 / Под ред. Л. Л. Косинской и А. Я. Труфанова. Екатеринбург, Сургут.

Сирина А. А., 1992. Преемственность в организации среды жизнедеятельности // Этнографические открытия. №2. С. 77–89.

Исследование местонахождения Атапуэрка – важный этап в изучении *Homo heidelbergensis*

*Шулимова Е. А. (Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар)
shulimova@mail.ru*

За последние двадцать лет палеоантропологическая летопись родословной рода *Homo* пополнилась рядом открытий, позволивших по-новому взглянуть на прежние находки и выявить новые звенья в цепи антропогенеза. Так, в 1994 г. и 1997 г. было открыто новое местонахождение остатков *Homo heidelbergensis* – Атапуэрка (Испания), представленное двумя пещерами Гран Долина и Сима де лос Уэсос (табл. 1). Эти местонахождения стали важным этапом в изучении *Homo heidelbergensis*, поскольку они характеризуются залеганием большого количества костных остатков этого вида. В пещере Гран Долина найдены остатки 5–6 особей, а в Сима де лос Уэсос – 29–32. Значение открытия в Сима де лос Уэсос по большому количеству костных остатков можно сравнить с открытием 32–44 остатков питекантропа в пещере Концетанг местонахождение Чжоукоуден (Китай) (Шулимова, 2011. С. 10) или с «первым семейством» найденным в Хадаре (Африка), где присутствовали остатки 13 австралопитеков (Джохансон, Иди, 1984. С. 158). Однако если африканские находки не дали полного скелета, то в Сима де лос Уэсос имеются почти все кости. Такого рода открытия позволяют проследить морфологию популяции, выявить ее характерные черты и определить вариации.

Местонахождение Атапуэрка позволило сравнить нижнечелюстной материал с челюстью из Мауэра. В пещере Гран Долина представлен лишь

Таблица 1. Характеристика местонахождения остатков *Ното heidelbergensis* – Атапуэрка (Испания) в пещерах Гран Долина и Сима де Лос Уэсос

Пещера	Гран Долина	Сима де лос Уэсос
Датировка	около 780 тыс. лет	около 325 тыс. лет
Фауна	саблезубые тигры, медведи, рыси, гиены, примитивные лошади, кабаны, лани, олени	медведи Денингера, львы, рыси, дикие кошки, лисы, волки, куньи, мелкие грызуны
Палеоантропологический материал	более 80 костей, принадлежавших 5 - 6 особям	более 1600 костей, принадлежавших 29 - 32 особям
Артефакты	200 примитивных каменных орудия типа олдувай	не обнаружены

фрагмент нижней челюсти, а в Сима де лос Уэсос – нижние челюсти многочисленны. В итоге проведенного анализа удалось выяснить, что атапуэрские челюсти обнаруживают схожесть с челюстью из Мауэра, прежде всего по следующим признакам: толщена тела уменьшается спереди-назад, восходящая ветвь широкая, тавродонтизм. На челюстях из Сима де лос Уэсос имеются архаичные признаки, характерные для неандерталоидов: скошенность, вертикальность и закругленность симфиза назад в нижней части, заднее положение подборочных отверстий на уровне нижнего первого моляра, наличие ретромолярного пространства между передним краем восходящей ветви и нижним третьим моляром, латерально удлиненный мышцелок, равномерно закругленный угол челюсти, большая разница между мышцелковой и угловой шириной челюсти. Челюсти из Сима де лос Уэсос, так же показали сильную вариативность формы верхнечелюстного отростка, что является типичным признаком (Дробышевский, 2004. С. 240). А на челюсти из Гран Долины представлен такой специфический признак, как низкое и переднее положение, а также слабый наклон подъязычной кости.

О зубной системе челюстей из Атапуэрки можно сказать следующее: вариативность зубов из Сима де лос Уэсос находится в нижних пределах неандерталоидов и в верхних или средних пределах неантропа, а зубы из Гран Долины показывают изменчивость в пределах *Homo ergaster* и *Homo erectus* (Дробышевский, 2004. С. 161, 240).

Помимо нижних челюстей в местонахождении имеются и другие части краниального материала. В Гран Долине представлены следующие части лицевого скелета: лобная кость, фрагмент теменной, носовая кость и верхняя челюсть. А в Сима де лос Уэсос выделяются три наиболее полных черепа, объем, которых варьировал от 1125 см³ до 1220 см³ (Важная антропологическая находка, 1994).

Как уже отмечалось выше, в местонахождении Атапуэрка широко представлен посткраниальный материал, имеющий как архаичные, так и прогрессивные черты. Выявленная внутригрупповая изменчивость заставляет пересмотреть принадлежность некоторых находок, отнесенных к разным видам или родам.

Следует обратить внимание на то, что челюсть из Мауэра долгое время оставалась изолированной в систематике гоминид, и не рассматривалась как важное звено в эволюции человека. Но в дальнейшем постепенно накапливавшийся палеоантропологический материал свидетельствовал о том, что *Homo heidelbergensis* был широко распространен в Европе, главным образом в южных районах, (самой северной его стоянкой была пещера Уэсбери в Англии), Азии и Африке (Шулимова, 2010. С. 32–33). *Homo heidelbergensis*, появившись примерно 1300 тыс. лет назад на Африканском континенте, расселился по всему Старому Свету, проникнув в Европу 800 тыс. лет назад и 500 тыс. лет назад в Азию. По мере накопления материала становилось ясно, что гейдельбергский человек отличался развитым мозгом, средний объем которого достигал 1200 см³. Были и особи, объем мозга которых равнялся среднему объему мозга современного человека 1400 см³. Его рост колебался в пределах 142–180 см, что без сомнения включает *Homo heidelbergensis* в род *Homo*. Как правило, в систематических построениях он занимает промежуточное положение между *Homo erectus* и *Homo sapiens neanderthalensis* (Виноградов, 2002. С. 73; Manzi et al., 2001). Но все же, по мнению, ряда исследователей, вся европейская ветвь *Homo heidelbergensis* эволюционировала в сторону неандертальца и не являлась предковой формой по отношению к современному человеку, а популяция, оставшаяся в Африке, развилась в новый вид *Homo sapiens*

(Зубов, 2001. С. 100). Другие ученые причисляют *Homo heidelbergensis* к «архаичным *Homo sapiens*».

Таким образом, в настоящее время не вызывает сомнения место гейдельбергского человека в эволюционной цепи антропогенеза. *Homo heidelbergensis* вначале представленный только челюстью из Мауэра не мог претендовать на место в цепи антропогенеза, однако после серии палеоантропологических открытий краниального и посткраниального материала, он занял свое место в ряду предков человека. Местонахождение Атапуэрка в этом сыграло важную роль.

Список литературы

Важная антропологическая находка // Природа. 1994. № 3. С. 127.

Виноградов Г. М., 2002. Наше фамильное древо снова ветвится // Природа. № 3. С. 73–75.

Джохансон Д., Иди М., 1984. Люси: истоки рода человеческого. М.

Дробышевский С. В., 2004. Предшественники. Предки? Архантропы. Гоминиды, переходные от архантропов к палеантропам. М.

Зубов А. А., 2001. Новая интерпретация роли «гейдельбергского человека» в эволюции рода *Homo* // ЭО. № 1. С. 91–111.

Шулимова Е. А., 2010. Вопрос систематического положения мауэрской челюсти в свете проблемы происхождения человека в Европе (дискуссия 1920-х гг.) // Человек: его биологическая и социальная история. М. С. 30–34.

Шулимова Е. А., 2011. Изучение начального этапа процесса антропогенеза в Центральной Азии (по материалам местонахождения Чжоукоудэн) // Актуальные вопросы истории, этнографии и антропологии. Новосибирск. С. 10–13.

Manzi G., Mallegni F., Ascenzi A., 2001. A cranium for the earliest Europeans: Phylogenetic position of the hominid from Ceprano, Italy // Proceed of the National Academy of Sciences. Vol. 98. № 17. P. 10011–10016.

Локальные особенности культур лесного неолита в Белорусском Понеманье на примере изучения керамики

*Юрецкий С. С. (Институт истории НАН Беларуси, г. Минск)
stasyandro@gmail.com*

Культурная идентификация древностей, относящихся к общностям лесного неолита Белорусского Понеманья, построена, главным образом, исходя из результатов изучения керамических коллекций (Чарняўскі, 1979. С. 50–64; 2003; 2011). Итогом их анализа, выполненного автором в последнее время, стало выделение новых типов сосудов. Следовательно, целесообразна корректировка представлений о культурных особенностях указанного региона.

Самой ранней археологической культурой эпохи неолита в Белорусском Понеманье является припятско-неманская. Идентификация керамики этой общности происходит преимущественно по наличию в формовочном тесте следов от примесей в виде «растительности» или «волокнистой органики», а также сравнительно слабого обжига (тип Дубичай) (Чарняўскі, 1979. С. 50–55; 2003). Однако, более углубленное исследование подобных материалов позволило разграничить керамику с добавками растительности и с примесями волос или шерсти. В результате удалось выделить керамику типа Дубичай и типа Русаково. Последний тип назван по стоянке, при изучении которой были выявлены его основные черты.

Посуда типа Дубичай, при изготовлении которой употребляли растительную примесь, встречается преимущественно в верховьях Немана, а также вдоль самого течения реки. Сосуды представлены вариантами остродонных горшков с прямыми стенками. Для производства керамики типа Русаково основной добавкой служила шерсть или волосы. От их использования остались характерные маленькие полые каналы, которые четко наблюдаются на сломках черепков. Указанные материалы выявлены, главным образом, на юге Понеманья (бассейн р. Щара). В этом же регионе для данной керамики отмечены острые донца с шипом. Приведенные факты позволяют говорить об особенностях указанной территории в контексте раннего неолита Белорусского Понеманья.

Посуда с примесью волос или шерсти в бассейне самого Немана встречается редко. Названные компоненты сопутствуют основным растительным добавкам и свидетельствуют, скорее всего, о контактах местного населения с обитателями более южных территорий. Таким образом,

в рамках припятско-неманской культуры на территории Белорусского Понеманья выделено два локальных варианта: верхненеманский с керамикой типа Дубичай и южненеманский с керамикой типа Русаково.

Более поздней общностью лесного неолита изучаемого региона является неманская культура (Чарняўскі, 2011). В ее ареале можно выделить материалы ранней неманской культуры, классической неманской культуры, а также неклассические материалы неманской культуры. Все вышеперечисленные подразделения прослежены в Белорусском Понеманье и имеют свои локальные особенности.

В рамках ранней неманской культуры идентифицируется керамика с заглаженной поверхностью, изготовление которой основано на использовании минеральных примесей при одновременных добавках волокнистой органики. В верхнем течении Немана подобная посуда содержит растительные примеси (тип Лысая Гора А), а на юге – добавки волос или шерсти (тип Лысая Гора Б). Следовательно, и здесь прослеживаются локальные особенности указанных регионов, выявленные нами еще для припятско-неманской культуры. Целесообразно поэтому выделить в Белорусском Понеманье два локальных варианта ранней неманской культуры: верхненеманский и южненеманский.

Для классической неманской культуры характерна, главным образом, керамика с минеральными примесями в виде разнотекстурной дресвы, а также остродонные горшки с выделенной шейкой и S-подобными венчиками (Józwiak, 2003. S. 190–195; Manasterski, 2009. S. 62–64; Чарняўскі, 2011. С. 84). В Белорусском Понеманье к материалам классической неманской культуры относятся посуда следующих типов: Лысая Гора В (заглаженные поверхности), Добрый Бор А (сочетание заглаживания и подштриховки поверхностей) и Добрый Бор Б (штриховка керамики). Для верхненеманского варианта классической неманской культуры характерно некоторое преобладание посуды типа Лысая Гора В с заглаженной внешней поверхностью. В южном Понеманье преобладают сосуды типа Добрый Бор Б, с характерной для данной территории выразительной штриховкой и более высокими S-видными венчиками. В итоге и на юге Понеманья материалы классической неманской культуры свидетельствуют о существовании ее локального варианта.

Еще одна особенность выявлена среди неклассических материалов неманской культуры, которые представлены на территории Белорусского Понеманья керамикой типа Дубичай В. Отличительной чертой указанной

посуды, изготовленной на основе минеральных примесей, является присутствие в формовочном тесте растительных добавок. Данное свойство отмечено в верховьях и по течению Немана.

В правобережье Немана на памятнике Докудово-5 была также выявлена керамика нарвского типа с примесью толченых ракушек, что дало основание для выделения нарвского/постнарвского культурного компонента. Данные факты свидетельствуют о большем культурном разнообразии в лесном неолите изучаемого региона.

Таким образом, на современном этапе исследований керамики лесного неолита предварительно можно говорить о выделении верхненеманского и южненеманского вариантов в развитии припятско-неманской и неманской культур на территории Белорусского Полесья.

Список литературы

- Чарняўскі М. М., 1979. Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск.
- Чарняўскі М. М., 2003. Да пытання вылучэння прыпяцка-нёманскай ранне-неалітычнай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. №18. С. 25–33.
- Чарняўскі М. М., 2011. Нёманская неалітычная культура ў Беларусі: генезіс і эвалюцыя // Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu. Białystok. S. 77–86.
- Józwiak B., 2003. Społeczności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niżu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły. Poznań.
- Manasterski D., 2009. Pojezierze Mazurskie u schyłku neolitu i na początku epoki brązu w świetle zespołów typu Ząbie-Szestno. Warszawa.

Вопросы изучения памятников эпохи бронзы

Некоторые аспекты технико-типологического анализа керамики позднего неолита – бронзового века КНР

*Гирченко Е. А. (Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск)
wusong@yandex.ru*

Отечественные работы по древнейшей керамике Китая, за исключением обзорной статьи М. Е. Кравцовой (2010), опубликованы порядка 30–40 лет назад (Кучера, 1977; Кашина, 1977; Чжан Яцин, 1984). Техно-технологический анализ керамических изделий древних гончаров в этих работах практически не использовался. Методологической основой данного исследования, направленного на выявление основных характеристик керамики как позднего неолита, так и бронзового века Китая, выступают работы А. А. Бобринского (1978) и Ю. Б. Цетлина (2012).

Нами прослежены некоторые стадии изготовления сосуда, а именно рассмотрены особенности рецептов формовочных масс, способы формования, а также приемы обжига готовых изделий на примере культур Китая разных эпох, что позволит проследить эволюцию гончарных традиций на большом хронологическом этапе его древней истории. Данное исследование представляет собой обзор технологий гончарного производства центрального, восточного, юго-восточного и южного Китая, где сосредоточены лучшие по своему химическому составу глины. Традиции периферийных территорий сознательно не затронуты.

В культуре Луншань (поздний неолит, провинции Шаньдун) для производства черной тонкостенной керамики использовали отмученную однородную глину высокой пластичности. Гончарный круг быстрого вращения, позволивший получать сосуды с толщиной стенок всего 0,3 мм, в этот период характерен для культур Лянчжу, Шицзяхэ, Цюйцзялин, Луншань среднего Хуанхэ, Луншань провинции Шаньдун. Это первый случай такого повсеместного использования быстрого гончарного круга, что знаменует начало нового этапа в технологии гончарного производства.

Сосуды вытягивали из комка глины на гончарном круге. Интересно сочетание нескольких техник изготовления посуды. Например, в культурах Луншань среднего Хуанхэ или Мяодигоу второго периода, тулово

сложных конструкций, например, треножников, изготовливали на гончарном круге, а ножки делали с помощью формы-основы. Жгутовой способ формования сосудов также зафиксирован в культурах Мацзяю позднего периода, Чаншань нижнего слоя, Цицзя и Сяохэянь позднего периода (Гирченко, 2015. С. 48).

В позднем неолите была освоена технология восстановительного обжига, что позволяло получать серую и даже черную блестящую поверхность готового изделия. Восстановительная среда создавалась путем увеличения концентрации окиси углерода и способствовала изменению цвета сосуда. В раннем и среднем неолите при открытом обжиге концентрация окиси углерода была равна показателю 0.17–0.63, а, например, в культуре позднего неолита шицзяхэ (памятник Гуаньяюшань), этот показатель достиг 20.19, что говорит о стремительном развитии технологии в позднем неолите (Ли Вэньцзе, 1996. С. 84–85). С появлением специальных печей до 1000°C повысилась и температура обжига. Керамика характеризуется более длительным нахождением в обжигательном устройстве, что повышает прочность изделий, а их цвет становится более однородным.

Особенностями китайской керамики на всем протяжении бронзового века Китая вплоть до эпохи Чуньцю оставались тщательный выбор и хорошая отмученность исходного материала. В эпоху Шан-Инь появляется твердая, так называемая «каменная», керамика. Для производства подобного рода изделий использовался каолинит или глины с высоким содержанием кремния.

Примером может послужить «каменная» керамика раннего периода эпохи Шан (памятник Паньлунчэн, уезд Хуанпо, провинция Хубэй), где содержание кремнесодержащих горных пород и алюминия составляло 71,72 % и 19,53 % соответственно, а общее содержание флюсующих элементов – 9,63 %. «Каменная» керамика культуры Иньсюй позднего Шан (памятник Аньян в Хэнани) также содержит 69, 07–71, 72 % SiO_2 , а Al_2O_3 составляет 20–23 %. Эксперименты китайских керамистов показали, что глины с небольшим содержанием каолина выдерживали температуры до 1300–1410°C, с высоким же содержанием – до 1580°C (Ли Вэньцзе, 1996. С. 85–86). Конечно, таких высоких температур древние гончары не достигали, средняя температура обжига колебалась в пределах 900–1000°C. В этот период в тесто для изготовления глиняных литейных форм добавляли мелкозернистый песок, что повышало их огнестойкость. Данные формы были пригодны для отливки бронзовых изделий.

Уже в эпоху Шан-Инь древнекитайские гончары освоили технику глазурования вещей. Сосуды выполнены из каолиновой глины и покрыты глазурью зеленого или желтого цветов. Родиной этой технологии является юго-восток Китая (современная провинция Чжэцзян).

Что касается способов формования сосудов, то в период Шан-Чуньцю продолжали использовать ручной способ лепки, формы-модели и гончарный круг, но в технологии его применения наметился некий спад. Это можно связать с постепенным вытеснением керамики из важных сфер жизни в связи с появлением бронзовых сосудов. Здесь нужно отметить, что в последующую эпоху Чжоу было характерно копирование декора бронзовых изделий в керамике, поверхность которой покрывали коричневой глазурью для достижения большего сходства с бронзовыми вещами.

Список литературы

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Гирченко Е. А., 2015. Некоторые результаты технико-типологического анализа неолитической керамики КНР // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. С. 45–48.
- Кашина Т. И., 1977. Керамика культуры Яншао. Новосибирск.
- Кравцова М. Е., 2010. Керамика // Духовная культура Китая. Т.6. С. 246–261.
- Кучера С., 1977. Китайская археология 1965-1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. М.
- Ли Вэньцзе, 1996. Чжунго гудай чжитао гунъи дэ фэньци хэ лэйсин [Хронология и типология технологий древнего гончарства Китая] // Цзыжань кэсюэ ши яньцзю [Исследования истории естественных наук]. Т. 15. № 1. С. 80–91. (На кит. яз.).
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.
- Чжан Яцин, 1984. Керамика неолитических культур Восточного Китая. Новосибирск.

Металлические наконечники стрел эпохи палеометалла Казахстана

*Елибаев Т. А. (Карагандинский государственный университет
им. академика Е. А. Букетова, г. Караганда,
Республика Казахстан)
turar_1994@mail.ru*

В связи с накоплением археологических материалов, изменением датировок и удревнением культур бронзового века целесообразно рассмотреть существующие типологии различных категорий инвентаря культур этой эпохи в Казахстане. Одной из важных составляющих инвентаря культур данной поры являются бронзовые наконечники стрел, нередко использующиеся для датировок археологических памятников.

К настоящему времени существует классификация наконечников стрел, разработанная Н.А. Аванесовой. Нами предпринята попытка уточнить классификационную схему этого вида вооружения эпохи бронзы (рис. 1).

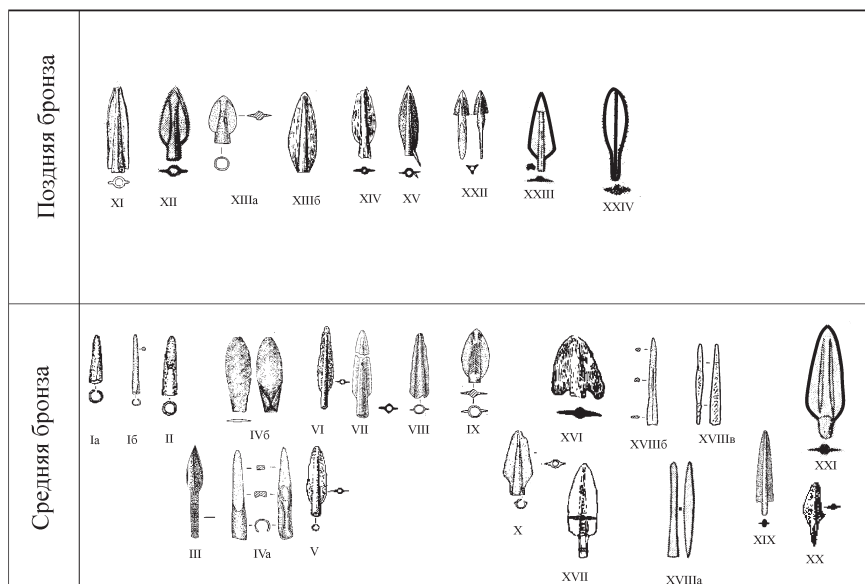

Рис. 1. Классификация металлических наконечников стрел

Кроме втульчатых и черешковых наконечников на поселениях и в погребениях нуртайской культуры Центрального Казахстана представлены пулевидные наконечники-втоки. По технологии изготовления их можно разделить на две группы: 1 – кованые, 2 – литые с последующей ковкой.

1 группа. Ia: пулевидные наконечники-втоки, свернутые из цельной бронзовой пластины (поселения Икпень I, Атасу, могильники Нуртай и Бозенген).

Iб: пулевидные наконечники-втоки, свернутые из цельной бронзовой пластины с ушком у основания (поселение Икпень I).

2 группа. II: цельнолитые пулевидные наконечники-втоки с прокованным проникателем (поселение Икпень I, могильник Бийликуль).

Период бытования данных групп наконечников приходится на время нуртайской и атасуской культур Центрального Казахстана. Аналогии им происходят с Алексеевского поселения в Костанайской области и связаны, вероятно, с алакульским комплексом (Кривцова-Гракова, 1948. С. 108, рис. 34: 3) и с могильником Бийликуль в Южном Казахстане (Карабаспакова, 2011. С. 118). Несмотря на простоту изготовления, наконечники-втоки не характерны для других территорий андроновской общности, что предполагает местное центрально-казахстанское происхождение этих вещей, появившихся на раннем этапе среднего бронзового века (Ткачев, 2002. С. 71, рис: 5).

Втульчатые наконечники стрел можно разделить на 13 типов.

III: плоская стрелка продолговато-листовидной формы (поселение Тасты-Бутак);

IVa: наконечник с удлиненным треугольным пером и округлой прокованной несомкнутой втулкой (могильник Шапат) (Ткачев, 2002. С. 149, рис. 70);

IVб: наконечник с листовидной формой пера и округлой прокованной несомкнутой втулкой (могильник Бестамак) (Калиева, Логвин, 2009);

V: ранние лавролистные наконечники стрел из Северного и Центрального Казахстана (поселение Петровка II, могильники Айшрак и Жаман-Узен);

VI: ланцетовидный наконечник с длинной втулкой, переходящей в нервюру, один из самых крупных наконечников стрел в Казахстане (алакульский могильник Айшрак);

VII: продолговато-листовидный наконечник с ромбическим сечением из случайных сборов (Восточный Казахстан, Чердоаяк, «Калбинский хребет»), аналогичный наконечнику из федоровского могильника Еловка II (Аванесова, 1991. С. 43).

VIII: наконечник с удлиненной треугольной формой пера и скрытой втулкой (могильник Бозенген);

IX: ромбический в сечении листовидный наконечник со слабо выступающей втулкой (могильник Бозенген) (Евдокимов и др., 2002);

X: ромбовидный наконечник, перо которого, сужаясь, образует плечики, скрывающие втулку (могильник Нуртай) (Ткачев, 2002. С. 173, рис. 57);

XI: наконечник продолговато-листовидной формы с усеченным основанием пера (поселение Мало-Красноярка);

XII: лавролистные наконечники (Алексеевское жертвенное место, поселения Мало-Красноярка, Канай и Мечеть), идентичные наконечникам из поселения Саргары;

XIIa: лавролистные наконечники со скрытой втулкой, получившие широкое распространение в период поздней бронзы на территории Северного, Восточного и Центрального Казахстана (поселения Кент, Чаглинка, Саргары);

XIIb: продолговато-листовидные наконечники со скрытой втулкой (поселения Петровка и Мало-Красноярка);

XIV: продолговато-листовидные наконечники с различной степенью выступления втулки (поселения Саргары, Канай, Шортанды-Булак);

XV: ланцетовидный наконечник (могильник Бегазы), относящийся к типу, широкое распространению в раннем железном веке (Аванесова, 1991. С. 44).

Втульчатые наконечники стрел периода средней бронзы отличаются вариациями форм пера и размерами втулки. Для периода поздней бронзы

намечается стандартизация в изготовлении наконечников и улучшение инвазивных качеств наконечников. Для классификации втульчатых наконечников стрел использовано 83 их находки в различных регионах Казахстана.

Черешковые наконечники стрел по форме пера многовариантны. Их можно разделить на 11 типов.

XVI: подтреугольный наконечник с заостренными книзу латеральными частями и овально-цилиндрическим насадом, переходящим в округлую нервюру (курган у аула Канай);

XVII: подтреугольный синташтинский наконечник с рифлёной нервюрой посередине (могильник Танаберген II) (Ткачев, 2007. С. 29, рис 9, 8).

XVIIIa: плоский типа стамески вытянуто-четырёхгранный наконечник с уплощенным основанием (могильник Амангельды) (Зданович, 1988. С. 57, рис. 28, 17).

XVIIIб: своеобразный наконечник-развертка (могильник Шапат);

XVIIIв: медный наконечник с подквадратным в сечении стержнем и уплощенным концом, один из самых архаичных типов (могильник Бийликуль) (Карабаспакова, 2011. С. 118).

XIX: продолговато-треугольный наконечник с плоским черешком, переходящим в массивную нервюру, вытянутую вплоть до уплощенного ковки острия, и с усеченным под прямым углом основанием пера; этот тип характерен для алакульской культуры Центрального Казахстана (могильники Айшрак и Жаман-Узен II).

XX: подтреугольный наконечник с плоским черешком, переходящим в подквадратную нервюру (могильник Айшрак);

XXI: лавролистный наконечник с плоским в виде лопатки черешком, переходящим в подквадратную нервюру (могильник Жаман-Узен II); данный тип сохраняется вплоть до IV в. до н. э.;

XXII: длинночерешковый трехлопастной наконечник (могильник Бегазы) (Маргулан, 1979. С. 231);

XXIII: листовидно-треугольный наконечник с округло-желобчатым насадом, переходящим в нервюру (рудник Джеламбет);

XXIV: продолговато-листовидный наконечник с ромбическим сечением пера и округлым черешком, плавно переходящим в боевую головку с откованными латеральными частями без нервюры (могильник Бургулюк и Алексеевское поселение) (Аванесова, 1992. С. 46).

Список литературы

Аванесова Н. А., 1992. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент.

Евдокимов В. В., Ткачев А. А., Ткачева Н. А., 2002. Могильник эпохи бронзы Бозенген – памятник Нуртайского типа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4. Тюмень. С. 84–95.

Зданович Г. Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск.

Калиева С. С., Логвин В. Н., 2009. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 9. Тюмень. С. 32–58.

Карабаспакова К. М., 2011. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы.

Кривцова-Гракова О. А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII. М. С. 59–172.

Маргулан А. Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Ткачев А. А., 2002. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень.

Ткачев В. В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе.

Морфологический анализ целых форм сосудов срубной КИО с территории Майнского района Ульяновской области

*Ионова Е. А. (Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск)
ionowa.caterina2012@yandex.ru*

На территории Ульяновской области известны более сотни объектов эпохи бронзы, среди которых преобладают памятники срубной культурно-исторической общности (далее КИО). В статье рассматривается керамический комплекс I-ого Сиучинского кургана и кургана № 2 (курганная группа Сиуч II), исследованных Ю. А. Семькиным в 1984 и 1987 гг.

Для анализа использованы лишь целые формы посуды (32 изделия), в том числе 9 сосудов из Сиуч I (весь комплекс состоял из 13 изделий) и 23 сосуда из Сиуч II (весь комплекс насчитывал 35 изделий). Остальные 16 сосудов оказались слишком фрагментированы, и по этой причине не были включены в исследуемую выборку.

Морфологический анализ предполагает изучение форм (шаг 1) и орнаментальной стилистики сосудов (шаг 2).

1. Форма. Для анализа была применена методика А. А. Бобринского (1986), предполагающая на основе выделения функциональных частей сосуда построение его естественной структуры и определение степени сформированности функциональных частей.

В соответствии с расположением основных точек наибольшей линии кривизны были выделены части, составляющие естественную структуру форм.

Для обозначения функциональных частей керамики использованы следующие сокращения: Г (губа), Д (дно), П (предплечье), Т (тулово), Ш (шея), Щ (щека). По составу функциональных частей посуды было выявлено четыре группы ее конструкций и их варианты. Массовой группой сосудов памятников Сиуч I и Сиуч II является трёхчастная (Г+Т+Д). Только в одном случае (Сиуч I) представлена группа керамики с таким вариантом как Г+Щ+ПП+Т+Д. По одному разу (Сиуч II) представлены четырехчастная (Г+ПП+Т+Д, Г+Щ+Т+Д) и шестичастная (Г+Щ+Ш+ПП+Т+Д) посуда.

Метод А. А. Бобринского предполагает анализ сформированности функциональных частей сосудов. Говоря о частоте встречаемости таких частей, следует указать, что абсолютно для всей керамики характерно наличие губы, тулова и дна, являющихся субстратными частями (Цетлин, 2012. С. 159). Интересны дополнительные части, которые могут присутствовать или отсутствовать на посуде. Для сосудов из кургана Сиуч I характерно наличие щеки и предплечья (33,3 %). Частота встречаемости щеки и предплечья на керамике Сиуч II одинакова (30,4 %). В дополнение представлена шея (4,3 %). Эти факты свидетельствует о традициях, которые были присущи данной КИО.

По степени сформированности все функциональные части посуды могут пребывать в трёх различных состояниях: сформированном (сф); частично сформированном (ч/с); несформированном (н/с) (Бобринский, 1988. С. 7).

Сосуды из кургана Сиуч I характеризуются похожим состоянием сформированности губы и дна: в сф – 22,2 %; ч/с – 44,4% и 55,5 %; н/с – 33,3 % и 22,2 %. Их тулово обнаруживает следующие показатели: в сф – 88,9 %, в н/с – 11,1 %. Щека и предплечье находятся в одинаковом состоянии: сф – 33,3 %.

Для керамики Сиуч II установлены следующие индексы состояния сформированности губы: сф – 13,04 %; ч/с – 56,5 %; н/с – 30,4 %, щеки и предплечья: сф – 30,4 %, тулова: сф – 86,9 %, ч/с – 13,04 %, дна: в сф – 30,4 %; ч/с – 47,8 %, н/с – 21,7 %. Традиция изготовления шеи характеризуется как н/с.

Таким образом, сравнение сформированности функциональных частей посуды двух памятников выявляет некоторые тенденции. Стабильное сф состояние свойственно для щеки и предплечья; ч/с – для губы, тулова и дна; н/с – для шеи (Сиуч II). В основном формообразующие части находятся в ч/с состоянии, что дает представление о трудовых навыках гончаров, которые придавали сосудам необходимую форму и внешний облик (Мочалов, 2005. С. 128).

Для целых форм керамики была выявлена зависимость типов от естественной структуры (Мочалов, 2005. С. 128). Всего было выявлено три типа посуды: горшки, банки и биконические сосуды. Банки преобладают в обоих рассматриваемых памятниках, так как являются самыми массовыми глиняными изделиями, которые помещали в погребения развитого этапа срубной культуры (Семенова, 2000. С. 173).

2. Орнаментация. Выявлена зависимость орнаментации от типа сосудов. Курган Сиуч I отличается одинаковым соотношением орнаментированных и неорнаментированных банок (50 %) и орнаментированными горшками (100 %). Сиуч II характеризуется меньшим количеством орнаментированных банок (26,7 %) по отношению к неорнаментированным (73,7 %). Почти все горшки этого памятника имеют орнамент (85,7 %), количество неорнаментированных горшков не велико (14,3 %). Биконический сосуд не орнаментирован.

Анализ орнамента был выполнен по методике Ю. Б. Цетлина, которая предполагает описание орнаментальных традиций на пяти различных иерархических уровнях: элемент, узор, мотив, образ, композиция (Цетлин, 2008. С. 18–33).

Элемент. Для керамики обоих памятников было выделено четыре элемента: гребенчатый, пунктирный, гладкий и накольчатый. Гребенчатый элемент на посуде кургана Сиуч I в равной мере представлен на банках и горшках (66,7 %). На сосудах из Сиуча II гребенчатый элемент преобладает на горшках (100,0%). Пунктирный и накольчатый элементы встречены только на керамике Сиуча I: (горшок и банка – 33,3 %). Гладкий элемент представлен на двух горшках Сиуча II (50,0%).

Узор. Всего было выделено семь узоров, которые представляют традиционные геометрические фигуры. Узоры были образованы сочетанием преимущественно гребенчатых элементов. Повторение узоров образует мотив. Мотивы из узоров на обоих памятниках встречаются только на горшках.

Мотив. Самой распространённой их группой являются мотивы из элементов. Мотивы из гребенчатых элементов встречается на большинстве сосудов в обоих памятниках, причем преобладают на горшках. Мотив из пунктирных и накольчатых элементов представлен единично лишь на горшке и банке (33,3 %) из кургана Сиуч I. Также известен мотив из прямой гребёнки на банке (25 %) из Сиуч II.

Образ. Было выделено пять образов. На керамике кургана Сиуч I зафиксировано два образа, на посуде из Сиуча II – три. Все они находились только на горшках.

Композиция. Орнаментальные мотивы на срубных сосудах располагаются горизонтальными зонами в верхней части посуды. Встречаются сосуды

с орнаментом, расположенным в их средней части (Сиуч I/2, Сиуч II/1). Донные части посуды орнамента не имеют.

Таким образом, керамические комплексы обоих памятников имеют явное сходство, как по форме, так и по орнаментации, что позволяет отнести их к одному периоду существования срубной КИО.

Список литературы

- Бобринский А. А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европе I тысячелетия. Куйбышев. С. 137–150.
- Бобринский А. А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев. С. 5–22.
- Мочалов О. Д., 2005. Типология керамики раннего этапа срубной культуры лесостепного Волго-Уралья // II Городцовские чтения: Мат. науч. конф., посвящ. 100-летия деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. (Тр. ГИМ; Вып. 145). С. 116–134.
- Семенова А. П., 2000. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара. С. 152–208.
- Цетлин Ю. Б., 2008. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.

Отпечатки ткани на керамических сосудах бронзового века как источник по истории древнего ткачества: проблемы, возможности¹

*Медведева П. С. (Челябинский государственный педагогический
университет, г. Челябинск)
polenke@yandex.ru*

Ткачество как отрасль хозяйства древнего населения бронзового века Волго-Уральского региона до сих пор мало изучено, поскольку находки древних тканей единичны и фрагментарны. Чрезвычайно узок круг категорий орудий, которые можно достоверно связать с ткацким производством. Однако в ряде случаев на помощь исследователям приходят источники, напрямую не связанные с ткачеством. Так, на внутренней стороне керамических сосудов синташтинской, петровской и алакульской культур имеются отпечатки текстиля. Это обусловлено технологией древнего гончарного производства, которая заключалась в изготовлении керамики на сосуде-основе с использованием влажной текстильной прокладки (Виноградов, Алаева, 2013. С. 143).

Исследуя отпечатки ткани на керамике, археологи пытались реконструировать различные аспекты ткацкого производства: его результат (технологические параметры ткани), его процесс (ткацкие устройства), и его сырье. Степень условности, получаемая при анализе этих отпечатков, различна по каждому из указанных направлений.

Самые объективные результаты получены при реконструкции технологических параметров ткани (Чернай, 1985; Глушков, Глушкова, 1992; Орфинская и др., 1999; Медведева, 2015), поскольку сложилась методике их исследования. С помощью различных пластичных материалов с отпечатков ткани на керамике снимают оттиски-позитивы, благодаря которым доступными для измерения (с учетом усадки глины) становятся толщина нитей, плотность их на см² и расстояние между ними. В большинстве случаев ясен тип переплетения. Иногда можно распознать особенности процесса прядения, если фиксируется крутка, либо двойная (сученная) нить.

С большей долей условности можно судить об устройстве, с помощью которого была произведена ткань, отпечатавшаяся на сосуде. Критериями

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 16–31–01077 «Ткачество бронзового века Урало-Поволжского региона».

соотнесения фрагмента ткани с тем или иным типом ткацкого станка являются тип переплетения, степень равномерности плотности и натяжения, размеры ткацкого куска (Орфинская и др., 1999. С. 69), а также характер ткацких ошибок (Глушкова, Сутула, 2008. С. 33). Однако возникают следующие проблемы, связанные с ограниченными размерами отпечатка: отсутствие четких критериев определения основы и утка, характера ткацких ошибок (например, сдвоенная нить может являться как ошибкой, так и результатом повреждения). Тем не менее, при увеличении выборки источников можно говорить о степени механизации ткацкого станка, существовавшего в бронзовом веке, несмотря на то, что детали его строения остаются за гранью видения исследователя.

Третий, еще более дискуссионный вопрос касается сырья для ткацкого производства. Специалисты пытались выделить признаки, которые, по их мнению, могли бы свидетельствовать о растительном или животном происхождении ткани, отпечатавшейся на сосудах. К этим характерным чертам относились винтообразное искривление нитей, свидетельствующее о шерстяном волокне (Виноградов, Мухина, 1985. С. 81), четкость и глубина отпечатков (Глушков, Глушкова, 1992. С. 103), особенности строения волокон (Галиуллина, 2000. С. 102). Все названные критерии спорны. Винтообразное искривление имеют все спряденные нити, четкость и глубина одной и той же ткани на одном сосуде может быть совершенно различной, а особенности структуры волокон глина, как материал, зачастую передать не может. Таким образом, при решении вопроса о природе сырья текстильного волокна отпечатки ткани играют лишь опосредованную роль. Например, в случае, если параметры реальной ткани растительного или шерстяного происхождения совпадают с имеющимися отпечатками на сосуде, можно сделать осторожный вывод о том, из чего она была изготовлена.

Таким образом, ввиду редкости и фрагментарности находок тканей бронзового века их отпечатки могут служить, прежде всего, источником для выявления технологических параметров тканей, в меньшей степени – для реконструкции устройства, на котором их ткали. Актуальной остается проблема разработки методики определения растительного или животного происхождения ткани по ее отпечаткам на керамике.

Список литературы

Виноградов Н. Б., Алаева И. П., 2013. Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение

бронзового века в Южном Зауралье: коллект. моногр. Челябинск. С. 143–178.

Виноградов Н. Б., Мухина М. А., 1985. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья: межвузовский сборник. Куйбышев. С. 79–84

Галиуллина М. В., 2000. К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск. С. 95–103.

Глушков И. Г., Глушкова Т. Н., 1992. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск.

Глушкова Т. Н., Сутула А. В., 2008. Методология и методика источниковедческого исследования археологических текстильных материалов // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. Томск. С. 31–34.

Медведева П. С., 2015. Исследование отпечатков ткани на керамических сосудах синташтинской и петровской культур (по материалам могильника Кривое Озеро) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск. С. 75–81.

Орфинская О. В., Голиков В. П., Шишлина Н. И., 1999. Комплексное экспериментальное исследование текстильнх изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей: труды государственного исторического музея. Вып. 109. М. С. 58–184.

Чернай И. Л., 1985. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита – бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. Челябинск. С. 93–110.

Классификация рвов могильника Старый Сад (Барабинская лесостепь, восточный вариант пахомовской культуры)¹

*Селин Д. В. (Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск)
selin@epage.ru*

Памятник Старый Сад расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., на южном краю коренной террасы озера Государево. Он представляет собой совокупность разновременных некрополей. На данный момент здесь изучены 94 насыпи: 75 из них отнесены к восточному варианту пахомовской культуры, 5 – к андроновской, 11 – к саргатской и 3 – к началу XX в. Следует отметить, что часть памятника, относимая к восточному варианту пахомовской культуры, является самым крупным некрополем данной культуры, как в Барабинской лесостепи, так и Тоболо-Иртышском междуречье.

Особенностью могильника являются зафиксированные под насыпями курганов рвы, общим количеством 24 (курганы №№ 6, 8–9, 17, 20–21, 26, 31–32, 34–36, 42, 50, 54, 57, 61, 63–64, 67–68, 83–84, 88) (рис. 1). Особый интерес вызывает многообразие их форме в плане. Результаты раскопок могильника Тартас-1, позволяет предположить, что эти сооружения были еще более разнообразны, чем нам известно сейчас (Молодин и др., 2011. С. 102).

Для изучения рвов нужна их классификация, в основу которой может быть положена их форма в плане, так как этот признак может быть зафиксирован у всех сооружений. Дробную классификацию следует проводить по таким частным характеристикам отдельных рвов, как, например, наличие «разрывов».

Для классификации рвов самой удобной является следующая схема:

1. Класс (форма рва в плане);
- 1.1. Вид (количество «разрывов»);

¹ Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Рис. 1. Общий план памятника Старый Сад (сооружения восточного варианта паховомской культуры): 1 – курганы без рвов; 2 – курганы со рвами овальной формы; 3 – курганы со рвами подквадратной формы; 4 – курганы со рвами многоугольной формы

Основываясь на ней можно составить классификацию изученных рвов могильника Старый Сад (восточный вариант пахомовской культуры):

1. Овальная (14 случаев);
 - 1.1. Нет «разрывов» (курганы 6, 26);
 - 1.2. Один «разрыв» (курганы 9, 17, 20–21, 31, 35);
 - 1.3. Два «разрыва» (курганы 42, 61);
 - 1.4. Три «разрыва» (курганы 57, 68);
 - 1.5. Четыре «разрыва» (курганы 83–84);
2. Подквадратная (8 случаев);
 - 2.1. Один «разрыв» (курганы 32, 34, 36, 50);
 - 2.2. Три «разрыва» (курганы 54, 64, 67, 88);
3. Многоугольная (2 случая);
 - 3.1. Один «разрыв» (курган 8);
 - 3.2. Три «разрыва» (курган 63);

Самыми распространенными являются овальные рвы (14 случаев), в этом же классе фиксируется наибольшее разнообразие и в количестве «разрывов», которое насчитывает пять различных вариантов. Подквадратная форма отмечена в восьми случаях. Все рвы этого класса соотносятся с двумя видами, для которых характерны объекты с одним или тремя «разрывами», но отсутствуют полностью замкнутые рвы и сооружения, имеющие два «разрыва». К третьему классу отнесены два рва, один из которых представляет собой пятиугольную фигуру (курган № 8), а второй – восьмиугольную фигуру с тремя «разрывами» и перемычкой (курган № 63).

Находки обнаружены в шести рвах (курганы № 21, 34–36, 68, 83) и представлены керамическими сосудами, которые выявлены во всех этих сооружениях и костями крупного рогатого скота (курган № 35).

Керамика найдена в курганах как с овальными рвами (№№ 21, 35, 68), так и с подквадратными (№№ 34, 36). Отсутствуют артефакты только в многоугольных рвах, что, возможно, является следствием их малого количества на могильнике (2 случая).

Проведенное планиграфическое исследование (рис. 1) установило, что курганы, под которыми есть рвы, находятся не в центре могильника, а окружают курганы, не имеющие рвов (курганы № 59, 82, 65 и др.). Курганы со рвами формируют ряды, которые не нарушают общую планиграфию могильника (курганы №№ 34-36, 54, 67, 68), изучение которой показывает, что не существует какой-либо взаимосвязи между формой рва и его расположением на могильнике. Стоит лишь отметить, что курганы 3 класса с многоугольными рвами находятся на периферии некрополя, и за ними нет других земляных конструкций этого же времени (рис. 1).

В Барабе на памятниках андроновской (федоровской) культуры (Преображенка-3, Старый Тартас-4, Погорелка), предшествовавшей пахомовской, рвы были скорее исключением. Столь же редко они встречаются и на могильниках ирменской культуры (Преображенка-6), частично синхронной пахомовской (Молодин, 1985. С. 131–135). Могильник Старый Сад свидетельствует о том, что этот элемент погребальной практики с течением времени становится все более распространенным.

В качестве аналогии рвам могильника Старый Сад можно привести такие же сооружения захоронения Абатского I курганного могильника, относящегося к сузгунской культуре. Рвы этих двух памятников сближает и обычай оставлять на их дне сосуды (Полеводов, 2003. С. 53). На р. Ишим удалось выявить разрушенную квадратную канавку, ограждающую захоронение (Корочкова, 2010. С. 68), однако, ни в одном указанном случае не наблюдается большого количества многообразных по форме рвов.

Список литературы

Молодин В. И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.

Молодин В. И., Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н., 2011. Погребальный комплекс эпохи поздней бронзы на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 10, вып. 3. С. 100–105.

Полеводов А. В. 2003. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Омск.

Корочкова О. Н. 2010. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург.

К вопросу о природно-сырьевых ресурсах территории северо-западного ареала развитого Триполья в верховьях р. Горыни¹

*Терёхина В. В. (Библиотека АН, г. Санкт-Петербург)
terehinavera@mail.ru*

Исследования материалов Трипольской культуры в пределах нынешних Украины и Молдовы показали, что, несмотря на появление первых медных инструментов, кремневые орудия труда в это время не только продолжают широко использоваться в хозяйстве, но их производство достигает высокого уровня. Во время наивысшего расцвета Триполья начинается освоение западных регионов нынешней Украины, в том числе и Волыно-Подольской возвышенности, причем возникновение большинства поселков непосредственно связано с разведкой и эксплуатацией месторождений высококачественного мелового кремня, которым богат этот район. Вблизи выходов этого сырья возникли поселения – мастерские, население которых специализировалось на изготовлении орудий труда, причем качество обработки кремня в это время достигло вершины совершенства, позволявшего получать оптимальные по своим техническим параметрам заготовки – крупные правильные пластины, отличающиеся особой правильностью очертаний, прямым профилем, острыми боковыми краями. Такие макропластины и их фрагменты могли использоваться в качестве разнообразных орудий и вкладышей без дополнительной обработки, но там, где это было необходимо, использовали прекрасную отжимную ретушь.

Одним из значительных энеолитических центров по обработке кремня на Юго-Востоке Европы являлось поселение Бодаки, относящееся к концу наиболее развитого среднего периода Триполья (5650±250 ВР) (Скакун, 2004). Памятник находится на высокой террасе р. Горыни, на крайнем северо-западе ареала трипольской культуры на Волини, в Тернопольской

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00546 А.

обл. Украины, в границах одной геоморфологической зоны – Волыно-Подольской возвышенности. Изучаемый регион относится к Авратинской возвышенности (по А. Тилло) (Природа..., 1979. С. 10), которая имеет в общем плоскую, слегка извилистую поверхность и достигает 320 м средней высоты, а максимальной – 375 м. Здесь распространены лессоподобные суглинки и глины.

Голоценовые (современные) отложения представлены образованиями пойм и русел рек, эоловыми (переотложенными) песками, автохтонными торфами, травертинами и т.д.

Для р. Горыни характерны широкие часто заболоченные поймы. Мощность современного аллювия здесь достигает 7–12 м. Он сложен русловыми песчанистыми отложениями и пойменными супесчанисто-суглинистыми, преимущественно горизонтально-слоистыми увлажненными отложениями, с богатой фауной современных моллюсков. Северная часть Тернопольской области дренируется верховьями рек, в пределах которых террасы развиты слабо. Наиболее полно они выражены в долинах рек Горыни и Иквы. Кроме пойм, на подольском участке р. Горыни, существуют три террасы. У р. Горыни хорошо выраженная пойма появляется от села Устечко и далее вниз по течению. Ширина поймы в верховье составляет 0,1–0,2 км. Но на отдельных участках эта закономерность нарушается резкими сужениями локального характера. Аномальное расширение поймы наблюдается на участке от села Борсуки до г. Лановцы. На этом отрезке река принимает ряд боковых притоков, которые вместе с Горыню образуют хорошо выраженный центральный план речной сетки. Мощность пойменного аллювия колеблется в пределах от 2–3 м до 7–12 м и больше.

Изучаемый регион относится к современной Подольско-средне-приднепровской геоботанической подпровинции, Лановецкому геоботаническому району. Для него характерны небольшие массивы дубо-грабовых лесов на водораздельных возвышениях и эвтрофильные болота в долинах рек и трясина в блюдцеподобных понижениях равнинного рельефа (Природа..., 1979. С. 97). Современная почва представлена глубокими малогумусированными черноземами (Природа..., 1979. С. 103).

Здесь имеются залежи гончарных и огнеупорных глин, выходы высококачественно волинского кремня турона. Он залегает в кремнисто-меловой подформации, образуя скопление на отдельных стратиграфических уровнях, и представлен конкрециями халцедонового состава, преимущественно в высококарбонатных породах.

В. Конопля разделил туронский кремль Западной Украины на два вида: западноволынский и подольский. Впервые название «западноволынский кремль», вместо ранее употребляемых «волынский» или, реже «надбужанский», предложил Л. Железняк. По мнению В. Конопля, наименование «волынский» кремль слишком общее и не учитывает разницу между туронским кремнем Западной и Восточной Волыни. Это же касается названия «надбужанский» кремль, поскольку кремневое сырье Западного Побужья имеет иное, чем западноволынский, строение (Конопля, 1998. С. 149).

Западноволынский кремль характеризуется высоким содержанием кремнезема (91,23–97,52 %). Исследования его сколов под электронным микроскопом показали друзоподобный тип поверхности, которую определяют полигональные образования с высоким рельефом. Среди них отмечены минеральные включения кристаллографических форм размерами от 2 до 4 мкм. Последние, как правило, имеют поверхности граней, острые ребра и четко очерченные пирамидальные вершины. Кристаллики сгруппированы в друзоподобные формы.

Физико-химические анализы проб западноволынского кремня показали, что, несмотря на относительную однородность, как по форме, так и по цвету, в них выявлены определенные структурные изменения, которые зависят от места отбора сырья.

Кремневое сырье туронского яруса верховьев р. Горыни происходит из нескольких источников. Два из них зарегистрированы вблизи трипольского поселения Бодаки, шесть других – в радиусе 3–5 км.

Из этих месторождений происходит кремль непрозрачный или полупрозрачный, часто со специфическим рисунком в виде черных или серых концентрических кругов, без трещин или инородных включений.

По мере продвижения к юго-западным склонам Украинского кристаллического щита количество конкреций с четкой полосатой текстурой увеличивается. Согласно устной информации доктора геолого-минералогических наук Юрия Сенкевского, подобный окрас обусловлен повышенной примесью в халцедоновую массу окиси алюминия (Конопля, 1998. С. 151–152).

Желваки из рассматриваемого месторождения имеют плоско-овальную или неправильную амёбовидную форму. Их размеры варьируют от 0,10

до 0,50–0,60 м. Они покрыты тонкой, до двух миллиметров, галечной коркой, что указывает на их геологический возраст – период верхнего мела.

Таким образом, изучение природно-географической среды микрорайона р. Горыни, где расположен один из наиболее изученных центров кремнеобработки эпохи энеолита – трипольское поселение Бодаки, дает новые сведения для будущего изучения адаптации ранних земледельцев на территории нынешней Западной Украины.

Список литературы

Конопля В., 1998. Класифікація крем'яної сировини Заходу України // Львівський історичний музей «Наукові записки». Вип. VII. Львів. С. 139–157.

Природа Тернопільської області / За ред. К.І. Геренчука. Львів, 1979.

Скаун Н. Н., 2004. Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита – бронзы) / Под ред. Г. Ф. Коробковой. СПб. С. 57–79.

Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья

*Гутаева И. Ж (Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург)
stavridas.win56@yandex.ru*

В эпоху поздней бронзы (XV–X вв. до н.э.) в Северном Причерноморье существовал один из крупнейших в Восточной Европе очаг металлопроизводства. Его уникальность состояла в том, что он работал преимущественно на привозном сырье. Несмотря на это, продукция очага была весьма большой и разнообразной. Она представлена в многочисленныхкладах металлических изделий, а также большой серией единичных случайных находок. О местном производстве можно судить по находкам литейных форм и остаткам мастерских.

В свое время рядом исследователей бронзового века был заложен прочный фундамент для дальнейшего изучения металлопроизводства восточноевропейских и в том числе северопричерноморских степей. Был собран и опубликован огромный материал, он был описан, систематизирован, были определены его хронология и культурная принадлежность (Tallgren, 1926; Иессен, 1947; Кривцова-Гракова, 1955; Тереножкин, 1965; Лесков, 1967; Черных, 1976; Воškarev, Leskov, 1980; Бочкарев, 1982, 2010; Дергачев, 2011 и др.). Однако в историографии имеется ряд проблем, связанных с отдельными категориями металлического инвентаря эпохи поздней бронзы. Один из таких вопросов касается так называемых прорезных наконечников копий, которые хорошо представлены как в Северном Причерноморье, так и далеко за его пределами. Но в отечественной литературе этой категории изделий уделено крайне мало внимания.

Прорезные наконечники копий представлены весьма обширной группой изделий. Эти специфические по форме металлические изделия отличаются наличием сквозных прорезей вдоль втулки на широкой части пера. В Северном Причерноморье известно около 40 изделий подобного рода. В виду ограниченности находок копий из названного региона их качественный анализ возможен лишь при расширении территориального охвата материала на западе – до Молдавии и на востоке – до Алтая. В работе учтено 128 прорезных наконечников копий и их литейных форм, причем 10 из них не рассматривались в виду их плохой сохранности.

В отечественной литературе весь этот материал обычно описывают суммарно или произвольно делят на несколько разрядов (Тихонов, 1960. С.34-36; Черных, 1976. С.100-102; Дергачев, 2011. С. 234-236). Поэтому одной из первоочередных задач является разработка обоснованной классификации прорезных наконечников копий. Этой теме и посвящена настоящая работа.

В основу предложенной классификации были положены некоторые метрические данные наконечников – длина и ширина пера наконечников, а также длина выступающей части втулки. Их корреляции позволили выделить 4 типа северопричерноморских прорезных наконечников копий (табл.1–2). При выделении типов учитывались также и некоторые качественные характеристики наконечников – форма пера, характер прорезей, орнамент и т.д.

Ниже следует описание типов.

Таблица 1.
Общий график корреляции метрических показателей прорезных
наконечников копий

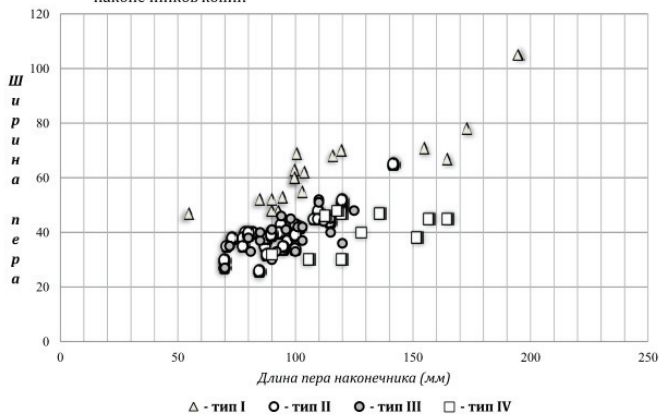
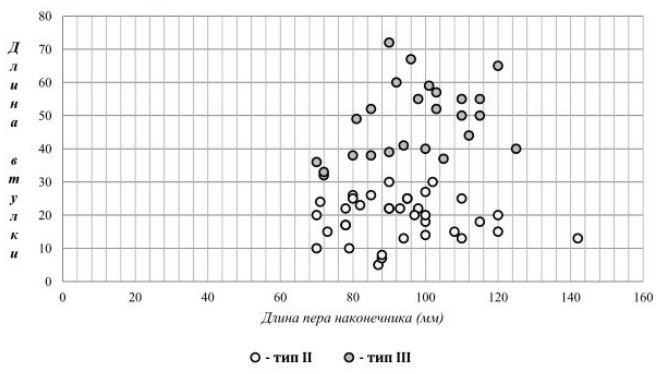

Таблица 2.
График корреляции метрических показателей прорезных наконечников копий
(II и III типы)

I тип (прохоровский) представлен изделиями с хорошо выступающей втулкой и широким пером остролистной формы, снабженным крупными полусферическими прорезями (рис.1, 1–3). По краю втулки часто встречается орнамент из тонких горизонтальных валиков, а у особо декорированных наконечников орнамент на втулке оформлен в виде буквы “W”. Данный тип насчитывает около 30 экз.

II тип (гуровский) включает прорезные наконечники копий с относительно узким пером преимущественно лавролистной формы, а также с выступающей втулкой, укороченной относительно длины пера (рис.1, 4–6). Длина втулки не превышает 3 см, в некоторых случаях перо доходит до ее края. Орнаментация на втулке почти никогда не встречается. Этот тип, являющийся самым многочисленным, образует серию из 46 экз.

III тип (сабанчеевский) представлен прорезными наконечниками копий с узким пером преимущественно остролистной формы и удлиненной втулкой относительно общей длины наконечника (рис.1, 7–9). Длина выступающей втулки варьируется от 3 см и более. Орнамент на втулке никогда не встречается. Данный тип насчитывает 31 экз.

IV тип (завадовский) включает изделия с выступающей втулкой, узко-вытянутым пером преимущественно остролистной формы (иногда пламявидной) (рис.1, 10–12). Орнамент на втулке никогда не фиксируется. Это немногочисленная группа изделий состоит из 14 экз.

Также были рассмотрены вопросы хронологии и культурной принадлежности выделенных типов наконечников. Для их датирования была использована хронологическая схема В. С. Бочкарёва (Бочкарёв, Дергачев, 2002. С.12–13, рис.1; Бочкарёв, Пелих, 2010. С.341; Бочкарев, 2006), включающая семь периодов, охватывающих всё II тыс. до н.э. Нас интересуют только последние четыре периода, материалы которых представлены в Северном Причерноморье.

Четвертый период (лобойковско-головуровский) приходится на середину II тыс. до н.э. Он датируется XV–XIV вв. до н.э., когда в Северном Причерноморье существует поздний этап срубной культуры и появляются новые культуры (сабатиновская, Ноуа, Косложень). Судя по закрытым комплексам, к IV периоду относятся прорезные наконечники копий прохоровского типа. В V периоде (красномайский), который датируется концом XIV–XIII вв. до н.э., вышеупомянутые новые культуры достигают своего расцвета. К этому времени относится гуровский тип рассматриваемых

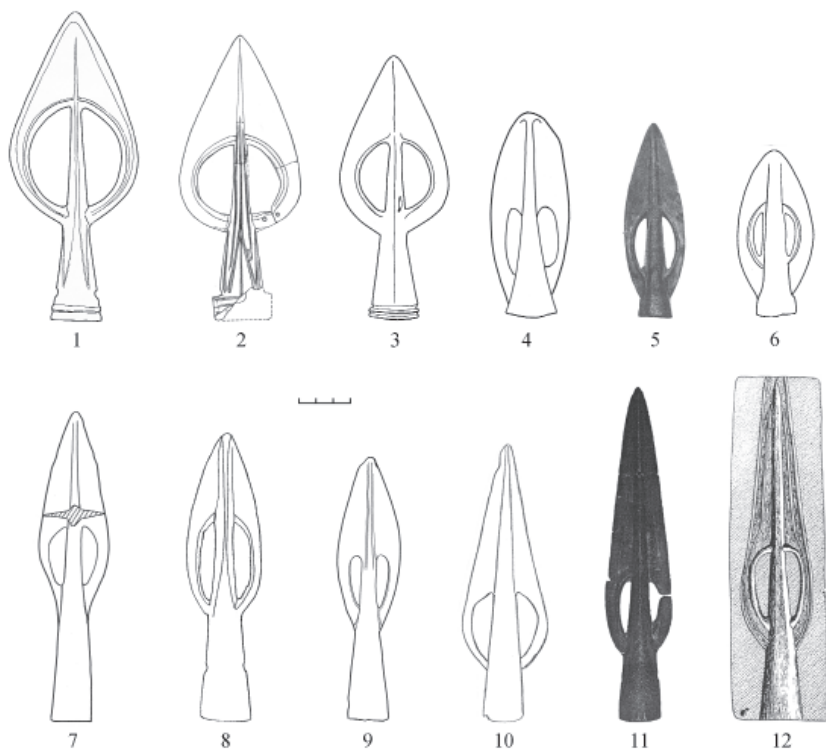

Рис.1. 1 – Прохоровка; 2 – Таврическая губ.; 3 – Стретовка; 4 – хут. Гуров;
 5 – Курбаши; 6 – Малое Турминское; 7 – ст.Упорная; 8 – Солдатское;
 9 – хут. Кутан; 10 – Чечено-Ингушетия; 11 – Херсонская обл.;
 12 – Завадовка. (1,3,4,7,9,10 – картотека Бочкарева В.С.; 5-6 – по Tallgren
 1926; 11 – по Клочко, Козьменко 2011. С.80, илл.125; 12 – по Клочко, 2006.
 С.243, рис.101)

копий. Следующие два периода (VI–VII) в Северном Причерноморье соотносятся с ранним и поздним этапами белозерской культуры, для которых характерны соответственно сабанчеевский и завадовский типы наконечников, причем последний из них является завершающим звеном в типологическом и хронологическом развитии данной категории бронзовых изделий. Таким образом, традиция использования прорезных наконечников копий, возникшая еще в XV в. до н.э., доживает в Северном Причерноморье вплоть до конца эпохи бронзы, т.е. до X в. до н.э.

Касаясь вопроса о территориальном распространении этих изделий, можно отметить, что их ареал выходит далеко за пределы Северного Причерноморья. Картирование всех таких находок показало, что наконечники прохоровского типа известны только в южной половине Восточной Европы. На Урал и в Зауралье они не проникают. Гуровский и сабанчевский типы копий распространены очень широко. Кроме Восточной Европы они также известны в Южной Сибири и Средней Азии. Завадовский тип наконечников четко локализован в Северном Причерноморье.

Давая общую оценку распространения прорезных наконечников копий, следует указать на две территории их наибольшей концентрации: Волго-Уральский регион и преимущественно Северное Причерноморье, причем в последней зоне встречаются все четыре типа наконечников копий, а это значит, что традиция использования подобного рода изделий с прорезями существовала на протяжении всей эпохи поздней бронзы, начиная с позднего этапа срубной культуры и заканчивая финалом эпохи поздней бронзы (XI – X вв. до н.э.).

Судя по некоторым косвенным данным, прорезные наконечники копий можно рассматривать как своего рода навершия или штандарты. Они были статусными символами, чем и объясняется их необычная форма. Прорези на перо делали эти наконечники весьма хрупкими изделиями, непригодными для боя. Но с другой стороны прорези придавали силуэту копья большую выразительность (Бочкарев, 2004. С.385-408).

Список литературы

Бочкарёв В. С., 1982. Развитие общества и прогресс в системе вооружений (По материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы) // Культурный прогресс в эпоху поздней бронзы и раннего железа (20–24 октября 1982 г.). Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. Ереван. С. 19-22.

Бочкарёв В. С., 2004. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири// Археолог: детектив и мыслитель. СПб. С. 385-408.

- Бочкарёв В. С., 2006. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Производственные центры. Источники, «дороги», ареал распространения. СПб. С.53-64.
- Бочкарев В. С., 2010. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб. С.164-171.
- Бочкарёв В. С., Дергачёв В. А., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев.
- Бочкарёв В. С., Пелих А. Л., 2010. Металлические топоры-кельты и кельты-тесла эпохи поздней бронзы Нижнего Подонья и Северного Кавказа // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып.24. Азов. С.331–354.
- Дергачев В. А., 2011. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Вып.2. Кишинэу.
- Иссен А. А., 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
- Клочко В. І., 2006. Озброєння та військова справа давнього населення України. Київ.
- Клочко В. И., Козьменко А. В., 2011. Наш недавний бронзовый век. Киев.
- Кривцова-Гракова О. А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46.
- Лесков А. М., 1967. О северо-причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: «Наукова думка». С. 143-178.
- Тереножкин А. И., 1965. Основы археологии предскифского периода // СА. № 1. С. 63-85.
- Тихонов Б. Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа, МИА. № 90. С.5-115.
- Черных Е. Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.

Bočkarev V. S., Leskov A. M., 1980. Jung-und spätbronzezeitliche Gussformenimnördlichen Schwarzmeergebiet // Prähistorische Bronzefunde. München.

Tallgren A. M., 1926. La Pontide prescythique apres l'introduction des métaux. // ESA. № 2. P. 144-165.

К вопросу о методике исследования социальной структуры ямной культуры Волго-Уральских степей по материалам погребальных комплексов¹

*Файзуллин А. А. (Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург)
faizullin.airat@yandex.ru*

Исследование общественных отношений и социальной структуры ямного общества является малоизученной проблемой в археологии. Это связано с тем, что исследователей, прежде всего, интересовал погребальный обряд ямной культуры, вследствие чего упомянутые выше вопросы некоторое время оставались в стороне. Погребальный комплекс наиболее важный и единственный источник для социальных реконструкций в археологии (Генинг и др., 1990. С. 190). По мнению ряда ученых, данные погребального обряда являются основным источником для реконструкции половозрастной и социальной дифференциации общества (Массон, 1976. С. 7; Алекшин, 1986. С. 149; Моргунова, 1992. С. 6; Синюк, 1996. С. 292; Ковалева, 1989. С. 4; Иванова, 2001. С. 140; Матвеева, 2007. С. 113). Факт совпадения различий в погребальном обряде с социальным рангом умершего хорошо подтверждается историей тех обществ, от которых дошли в распоряжение исследователей не только археологические, но и письменные источники. Зависимость сложности погребального обряда от прижизненного социального положения покойного засвидетельствована для многих народов (Генинг и др, 1990. С. 192). При социологических реконструкциях необходимо, прежде всего, детально восстановить погребальный обряд исследуемой культуры и на его основе разработать критерии изучения социальной структуры. Для ямной культуры Волго-Уралья главным критерием выступают трудовые

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-01-00127; при поддержке Задания № 33.1471.2014К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

затраты на возведение надмогильной насыпи (ее высота и диаметр). По мнению ряда ученых, такие затраты определяют социальную значимость погребенного индивида (Массон, 1976. С. 93; Васильев, 1980. С. 53; Моргунова, 1992. С. 6; Иванова, 2001. С. 140). Для изучения погребального обряда ямной культуры Волго-Уральского региона привлечено 430 погребений (276 курганов), в том числе 166 захоронений Нижневолжской группы объектов (81 курган), 108 захоронений Средневолжской группы объектов (58 курганов), и 156 захоронений Приуральской группы объектов (137 курганов). Наличие в Волго-Уральских степях таких монументальных комплексов как Болдырево 1/1, Дедуровский одиночный курган, Барышников 6/3; Утевка 1/1, Золотой 3/5, затраты на сооружение которых в десятки раз превышают усилия на устройство рядовых курганов, позволяют сделать вывод о социальной неоднородности общества носителей ямной культуры, курганы которой в Волго-Уральском регионе в соответствии с их размерами можно разделить на три группы: группа 1 (141 курган) включает насыпи диаметром от 7 м до 20 м, при высоте не более 1 м; группа 2 (126 курганов) охватывает насыпи диаметром от 20 м до 40 м, при высоте от 1 до 3 м; группа 3 (9 курганов) состоит из насыпей диаметром от 40 до 150 м, при высоте от 3 до 8 м.

Таким образом, наличие даже небольшой насыпи, является свидетельством высокого положения в обществе погребенного под ней человека, а наличие крупных курганных насыпей говорит о социальной дифференциации ямного общества в Волго-Уральских степях. Конструкция могильной ямы также служит важнейшим критерием для исследования социальной структуры древних коллективов. Используя трудовые затраты как основной критерий, погребальные камеры можно разделить на два типа.

Тип А. Погребальные камеры простой конструкции представляют собой небольшие ямы с отвесными и пологими стенками, а также небольшие ямы с уступами. Объем погребального сооружения не превышает 6 м^3 .

Тип Б. Погребальные камеры усложненной конструкции являются большими ямами с уступами и заплечиками, а также большими и глубокими ямами с отвесными стенками. Объем погребального сооружения превышает 6 м^3 . Погребальные камеры сложной конструкции в то же время сочетаются с дополнительными конструктивными элементами обряда (наличие деревянных перекрытий; покрытие стен растительными волокнами, подстилками и покрывалами органического происхождения; забутовка придонной части могилы; положение дополнительного инвентаря на ступеньки).

Социологическую информацию можно также извлечь, анализируя положение костяка в погребении. Например, неординарные захоронения ямной культуры Волго-Уральского региона являются источниками для реконструкции культово-религиозной сферы (Моргунова, 1992. С. 6; Файзуллин, 2014. С. 592).

Весьма важен для социологического исследования состав погребального инвентаря (Массон, 1976. С. 149; Алекшин, 1986. С. 13). Наличие богатых захоронений с большим количеством предметов из металла (медь, бронза, метеоритное железо) и погребальным сооружением, устройством которого сопровождалось высокими трудовыми затратами, являются бесспорными свидетельствами социального расслоения общества. Важен также и функциональный анализ состава погребального инвентаря, благодаря которому можно выделить захоронения воинов, ремесленников, служителей культа и вождей.

Что касается анализа половозрастной структуры, то для ее определения важны такие показатели как уровень трудовых затрат, состав погребального инвентаря и его функциональное отличие. Реконструировав половозрастную структуру, необходимо рассмотреть три большие группы захоронений (мужские, женские, детские). Каждую из них необходимо разделить на возрастные подгруппы.

С учетом вышеизложенного, принцип анализа захоронений ямной культуры сводится к разработке классификации погребальных комплексов по величине трудовых затрат на совершение захоронения; к рассмотрению компактных серий захоронений, объединенных общим инвентарем или особенностями погребального обряда, отражающих наличие определенных социальных групп в ямном обществе; к анализу половозрастной структуры ямного общества.

Погребальный обряд ямной культуры является важным и информативным источником для реконструкции социальной и половозрастной структуры общества ямной культуры. Изучение данных вопросов следует осуществлять, применяя перечисленные выше методики социологических исследований и критерии определения социальной неоднородности.

Список литературы

Алекшин В. А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древне-земледельческих обществ. Л.

- Васильев И. Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж. С. 32–59.
- Генинг В. Ф., Бунатян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии. Киев.
- Иванова С. В., 2001. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Ковалева И. Ф., 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам левобережной Украины). Днепропетровск.
- Массон В. М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.
- Матвеева Н. П., 2007. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень.
- Моргунова Н. Л., 1992. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург. С. 5–27.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Файзуллин А. А., 2014. Культ черепа в погребальной практике ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 16. № 3. С. 592–596.

К вопросу об изучении Селенгинских писаниц бассейна р. Уды (Забайкалье)

Федоров С. В., Пономарева И. А. (Иркутский государственный университет; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН) srgvf22@gmail.com

Масштабное изучение памятников древнего искусства Забайкалья и введение их в научный оборот связано, прежде всего, с именем А. П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1969, 1970). В его фонде, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН,

Ф. 1099), отложились различные документы, связанные с исследованием Забайкальских писаниц. Поскольку фонд А. П. Окладникова находится в процессе научно-технической обработки, здесь приведены ссылки на временные номера дел.

Нами уже сделано предварительное сообщение, в котором были представлены обнаруженные в архиве разночтения в копиях изображений и рисунки, не попавшие на страницы монографии (Пономарева, Федоров, 2016). Ниже представлены результаты атрибуции одного из них.

В фонде отложилась копия изображений одной из писаниц, причем в разных местах этого документа имеются три пометки: «Ездили с Филиповым В. Р. весной 1970 г.»; «2 экз. глянцев»; «Забайкалье, Хоринск, 1970 г.». Копия выполнена на кальке, залитые тушью рисунки представляют композицию из пяти абстрактных фигур (СПбФ АРАН, Ф. 1099, Оп. 1, Д. 753; Пономарева, Федоров, 2016. Рис. 1: 4).

Среди архивных материалов удалось также обнаружить схематичную карту расположения этой писаницы (СПбФ АРАН, Ф. 1099, Оп. 1, Д. 357), судя по которой она находилась у подножия горы Наран-Кульский, на ее юго-восточном склоне, в 3 км к западу от с. Хоринск. Местонахождение наскальных рисунков на упомянутой горе вошло в археологическую литературу под названием Наран-Кульский. Считается, что оно было открыто А. П. Окладниковым, но никем не опубликовано (Памятники археологии, 2011. С. 381). Мы предположили, что именно к этой писанице относится выявленная копия, и решили произвести ее осмотр.

Забегая вперед, сообщим, что среди рисунков местонахождения Наран-Кульский не оказалось изображений, обнаруженных в архиве. Однако осмотренная писаница была опубликованной под названием Наран-Хабсагай (Окладников, Запорожская, 1970. С. 11), и, судя по карте, представленной там же (Окладникова, Запорожская, 1970. С. 6), она должна располагаться не на горе Наран-Кульский, а в районе р. Алан. Очевидно, что в данной публикации А.П. Окладников допустил неточность (рис. 1).

Нами был проведен сравнительный анализ опубликованных рисунков и полученных в ходе осмотра материалов.

Плоскости с рисунками расположены на юго-восточном склоне горы Наран-Кульский, на курумнике, представленном крупно-средне-зернистым

Рис. 1. Местонахождение писаницы Наран-Хабсагай: 1. По: Окладников, Запорожская, 1970; Лбова, Хамзина, 1998; Хамзина, 1982; 2. По: Памятники археологии, 2011; 3. Действительная локализация писаницы

гранитом. Всего здесь выявлено семь таких плоскостей, выделенных по морфологическому принципу, так как они находились на отдельных блоках, разделенных трещинами кливажа.

В ходе осмотра рисунков производилась их фотофиксация. Полученные фотографии затем были обработаны в программе Dstretch, что позволило выявить не заметные до этого изображения. Плоскость 1 соответствует рисунку, представленному на табл. 9: 7 в монографии А.П.Окладникова (Окладников, Запорожская, 1970. С. 181). Выявлены различия в трактовке фигур, их контурах, обнаружено более 40 пятен. Плоскость 2 несет рисунки, показанные на табл. 9: 4, 5, 6 (там же). Выявлены различия в контурах фигур, на обработанной фотографии замечена также, вероятно, орнитоморфная фигура, расположенная между головами антропоморфных изображений. Плоскость 3 расположена на крупном блоке в верхней части скального останца и почти полностью покрыта мхом и белесыми, возможно, известковыми натеками. На ней обнаружены не выявленные

ранее рисунки, выполненные светло-красной охрой. В центральной части плоскости представлена группа из пяти антропоморфных фигур: три сверху, и две под ними, фигуры как бы держатся за руки. В 20 см ниже слабо различимы два горизонтальных ряда пятен по четыре пятна в каждом. В 30 см правее имеется горизонтальный ряд из шести пятен. Плоскость 4 соответствует рисунку, представленному на табл. 9: 3 (там же). Выявлены различия в контурах фигур и в количестве красочных пятен. Плоскость 5 несет рисунки, показанные на табл. 9: 1, 9 и 8: 4 (там же. С. 180-181). Выявлены различия в контурах фигур, их расположении относительно друг друга, количестве и форме красочных пятен. Плоскость 6 соответствует рисунку, представленному на табл. 8: 3 (там же. С. 180). Выявлены различия в контурах фигур, а также обнаружена еще одна антропоморфная фигура, показанная в монографии диагональной линией, и два скопления многочисленных красочных пятен правее и ниже антропоморфных фигур. Плоскость 7 несет рисунок, показанный на табл. 9: 3 (там же. С. 181). Выявлены различия в контурах орнитоморфных фигур и их расположении относительно друг друга.

Таким образом, нами обнаружены неточности в копиях наскальных рисунков писаницы, вошедшей в научную литературу под названием Наран-Хабсагай, и расположенной не в окрестностях с. Алан, а в 3 км от с. Хоринск, на горе Наран-Кульский. Ошибочная информация о расположении писаницы Наран-Хабсагай так и осталась в литературе (Хамзина, 1982. С. 133–134; Лбова, Хамзина, 1999. С. 171), а в последнем своде археологических памятников Республики Бурятия представлена информация уже о двух писаницах: Наран-Хабсагай, неожиданно переехавшей на левый берег р. Оны, и Наран-Кульский (Памятники археологии, 2011. С. 380–81).

В последние десятилетия в окрестностях с. Алан было выявлено две писаницы: Аланская писаница, или Барун-Алан, в 6 км северо-западнее с. Алан на западном склоне г. Хэнгэрэктэ (Именохоев, 1999; Ташак, 2011, 2013), и Хэнгэр-Тын «северо-западнее окраины улуса, на скале, обращенной на юг» (Памятники археологии, 2011. С. 379]. Интересно, что на карте А.П. Окладникова отмеченное местоположение писаницы Наран-Хабсагай примерно совпадает с расположением г. Хэнгэрэктэ, при этом в описании им указано название скалы – Наранэ хуху шулутэн хундэ. Нами были просмотрены все доступные карты, имеющиеся в Администрации МО «Хоринский район», ГУ РБ «Хоринский Лесхоз», Хоринском районном историко-краеведческом музее, на которых не удалось найти горы или скалы с таким названием в окрестностях с.

Алан. Только по сообщению местного жителя Намсараева В. А. стало известно, что скала в 500 м к северо-северо-востоку от с. Алана носит название Хухэ шулуун, и что рисунков на этой скале он не видел.

Нам, к сожалению, пока не удалось осмотреть окрестности с. Алан. Открытым остается вопрос о местонахождении памятника, с которого сделана копия, обнаруженная в СПбФ АРАН.

Таким образом, представляется актуальным продолжить сверку имеющихся архивных и опубликованных сведений по памятникам наскального искусства Забайкалья.

Список литературы

- Именохоев Н. В., 1999. Аланская писаница / Н. В. Именохоев, Дансарунов А. Н. // Молодая археология и этнография Сибири. Чита. С. 115 – 116.
- Лбова Л. В., Хамзина Е. А., 1999. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1969. Петроглифы Забайкалья. Ч.1. Л.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. Ч.2. Л.
- Памятники археологии, 2011. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Т. 2. Улан-Удэ.
- Пономарева И. А., Федоров С. В., 2016. Селенгинские писаницы бассейна р. Уды (Забайкалье): история изучения и современное состояние // Материалы LVI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Чита, 23-26 марта 2016 г. Чита. В печати.
- Ташак В. И., 2011. Древнее святилище в долине Алана (Западное Забайкалье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск. С. 251-256.
- Ташак В. И., 2013. Территориальная организация древнего святилища Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье // Вестник Томского государственного университета. История. №3. Томск. С. 172-176.

Хамзина Е. А., 1982. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск.

СПбФ АРАН, Ф.1099, Оп.1, Д.357.

СПбФ АРАН, Ф.1099, Оп.1, Д.753.

Металлические орудия труда с поселений позднего бронзового века Уральско-Мугоджарского региона

*Фомичев А. В. (Орский гуманитарно-технологический институт
(филиал) ОГУ, г. Орск)
homa_brut_1987@bk.ru*

Алакульская культура являлась одним из крупнейших культурных образований позднего бронзового века в Евразийской металлургической провинции. Металлопроизводство алакульской культуры базировалось на месторождениях меди Южного Урала, Центрального и Восточного Казахстана, где оформились узловыe производственные структуры – горно-металлургические центры. Самостоятельный горно-металлургический центр оформился в пределах Уральско-Мугоджарского региона. В настоящее время здесь изучено около двух десятков древних медных рудников и связанных с ними поселенческих и погребальных памятников. На поселениях обнаружены многочисленные следы металлопроизводства, в том числе и готовые изделия из металла. На данный момент поставлена задача обобщить сведения о металлических изделиях, разрозненная информация о которых представлена в полевых отчетах исследователей, их научных статьях и монографиях. На девяти поселениях региона (Байту, Хазрет-сай, Мусогатское, Ушкатта II, Шандаша, Ишкиновка, Тасты-Бутак, Ударник, Имбергенсай) выявлено 18 орудий труда.

Ножи. Коллекция ножей включает в себя четыре экземпляра. Типологически можно выделить два основных отдела: двулезвийные ножи-кинжалы (2 экз.) и однолезвийные ножи (2 экз.).

Двулезвийные ножи-кинжалы, свойственные алакульскому очагу металлургии, разнообразны по форме и технике изготовления и относятся к разряду черенковых.

Нож с намечающимся трапециевидным черешком и обломанным лезвием, был найден на поселении Ушкатта II (рис. 1: 2) (Кузьмина, 1959. С. 32, рис. 6).

Нож с выступающим черешком, обнаруженный на поселении Тасты-Бутак, имеет линзовидное в сечении прямое лезвие со скругленным концом, плавно переходящее в прямоугольный в сечении широкий черешок (рис. 1: 1) (Сорокин, 1962. Рис. 16).

Ножи однолезвийные различаются по форме и размерам.

Ножи пластинчатые изготавливались из плоской пластины, заточенный конец которой представлял собой лезвие. Фрагмент такого орудия, происходящий из поселения Ударник, представлен подтреугольной лезвийной частью с прямоугольной пяткой (рис. 1: 3). Слабоизогнутый нож из поселения Байту имеет приостренное на конце лезвие, оттянутое ковкой. Массивная незначительно изогнутая спинка орудия переходит в плоскую рукоять со скругленной пяткой (рис. 1: 5) (Сальников, Новиченко, 1962. С. 129, рис. 5: 3).

Наконечники копий являются редкой категорией находок. К настоящему времени известно лишь одно копье, происходящее из поселения Мусогатское (Оренбургская область). Оно хранится в коллекции Музея им. Г.И. Русова в поселке Новоорск (рис. 1: 10). Этот экземпляр относится к типу наконечников с листовидным пером на длинной литой втулке.

Наконечники стрел различаются технологических приемами их изготовления.

Группа 1. Втульчатый кованный наконечник стрелы (поселение Тасты-Бутак), изготовленный из металлической пластины, имеет свернутую втулку (рис. 1: 8) (Сорокин, 1962. Рис. 16) .

Группа 2. Втульчатый цельнолитой наконечники стрелы (поселение Ишкиновка) характеризуется откованной частью пера с ромбическим сечением (рис. 1: 7) (Умрихин, 2010. Рис. 378).

Серпы.

Жатвенный нож представлен находкой на поселении Хазрет-сай (селище 56а) в Домбаровском районе Оренбургской области. Изделие хранится в коллекции Орского историко-краеведческого музея. Оно отличается малыми размерами, слабым изгибом, лезвием, оттянутым ковкой, а также стержневидным выступом для крепления рукояти (рис. 1: 4) (Сальников, Новиченко, 1962. С. 129, рис. 5: 2).

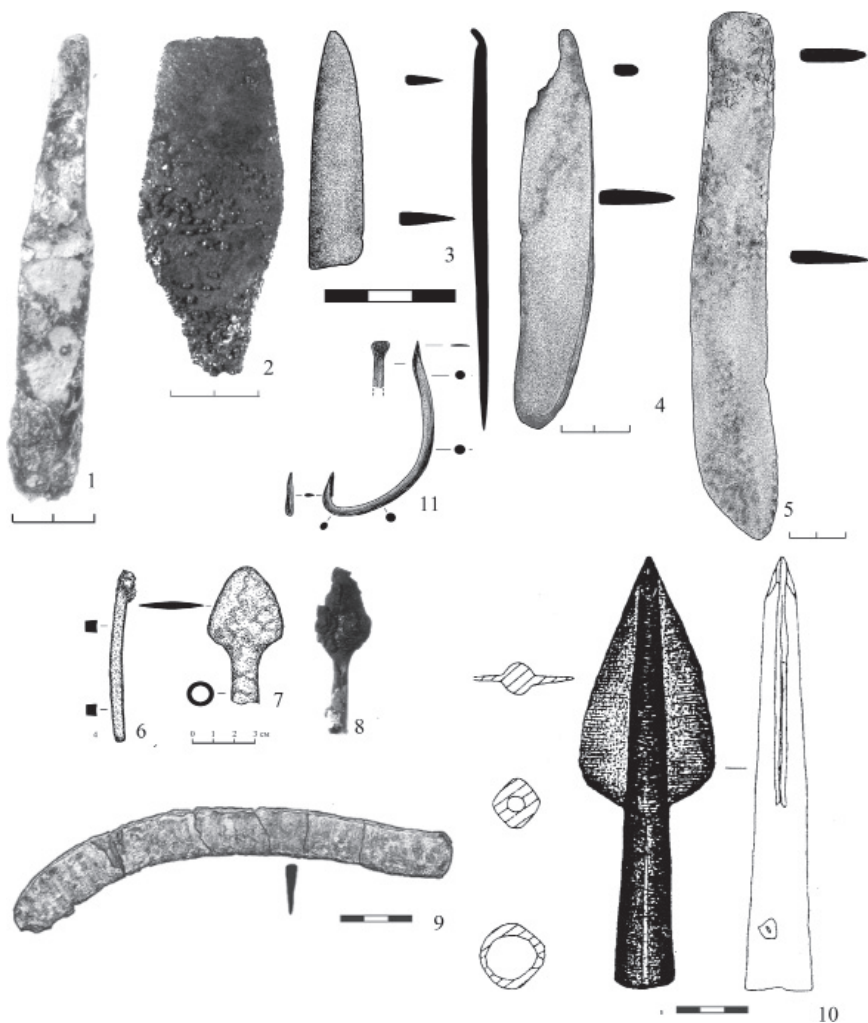

Рис. 1. Металлические орудия труда, найденные на поселениях алакульской культуры в Уральско-Мугоджарском регионе (1, 8 – пос. Тасты-Бутак; 2 – пос. Ушкатта II; 3 – пос. Ударник; 4 – пос. Хазрет-сай; 5, 11 – пос. Байту; 6, 7 – пос. Ишкиновка; 9 – пос. Имбергенсай; 10 – пос. Мусогатское)

Серп ножевидный обнаружен на поселении Имбергенсай. Это пластинчатое орудие имело изогнутые очертания и овальную откованную пятку для крепления рукоятки (рис. 1: 9) (Ткачев, 2014. Рис. 2).

Крюки.

Рыболовный крюк, происходящий из поселения Байту, изготовлен из округлой в сечении проволоки. На его заостренном конце выделена бородка, противоположный конец крючка раскован в пластину (рис. 1: 11) (Сальников, Новиченко, 1962. С. 129, рис. 5: 4).

Шилья (восемь экземпляров) являются одной из самых распространенных категорий находок, которые встречены на поселениях Шандаша I, Ушкатта I, Ушкатта II, Имбергенсай. В качестве заготовок для шильев использовали прут четырехугольного, треугольного и округлого сечения. По технике изготовления выделяются обоюдоострые и односторонние орудия.

На поселениях часто встречаются скобы и скрепки, используемые для ремонта сосудов, а также слитки металла (рис. 1: 6) в виде полосовых заготовок.

В итоге можно сделать вывод о том, что металлургия и кузнечное дело имели важное значение в хозяйственной жизни населения региона. Среди изделий из металла представлены разнообразные категории орудий труда и оружия, перечень которых соответствует традициям алакульского очага металлургии (Бочкарев, 2013. С. 76, 77, 83, рис. 2), однако отсутствуют топоры и плоские тесла-долота.

Список литературы

- Бочкарев В. С., 2013. Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы // Археология восточно-европейских степей. Вып. 10. С. 75-83.
- Кузьмина Е. Е., 1959. Отчет о работе Еленовского отряда Оренбургской экспедиции. Альбом // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 1938.
- Сальников К. В., Новиченко А. С., 1962. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области // СА. №2. М. С. 124-133.

Сорокин В. С. 1962. Отчет о раскопках поселения Тасты-Бутак (Актюбинская обл.) в 1961 году. Иллюстрации // Фонды Актюбинского областного историко-краеведческого музея. КП 9367.

Ткачев В. В, 2014. Еленовско-Ушкаттинский археологический микрорайон и Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы (взгляд на проблему сквозь призму научного наследия Е.Е. Кузьминой // Арии степей Евразии: эпохи бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул. С. 244-260.

Умрихин С. М., 2010. Отчет о раскопках поселения Ишкиновка в 2009 г. // Архив Научно-исследовательского археологического центра г. Орск. Б/н.

Планиграфия и стратиграфия импортной керамики на поселении Кент

*Шаламбаева С. М. (Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова, г. Караганда, Казахстан)
Saida286592@mail.ru*

Выявление импортной керамики на памятниках позднего бронзового века Центрального Казахстана позволило отнести бегазы-дандыбаевскую культуру (далее – БДК) к общности культур валиковой керамики (Варфоломеев, 2013). Специфичной особенностью БДК является наличие на памятниках, оставленных бегазы-дандыбаевской элитой (поселения и могильники), андроновидной и среднеазиатской импортной посуды. Рассмотрим конкретные обстоятельства находок такой керамики на поселении Кент, по материалам которого и была впервые выделена инокультурная посуда (Варфоломеев, 1987). Такая детализация позволяет установить относительную хронологию контактов бегазы-дандыбаевской элиты с инокультурным населением.

Кент находится в одноименном горнолесном массиве в пределах Казахского мелкосопочника в Карагандинской области (Варфоломеев, 2011). Ниже приведены результаты стратиграфического и планиграфического распределения керамики в его раскопах 1, 3, 4, которые располагались на одном участке памятника. Их общая площадь составляет 1188 м². При изучении коллекции посуды, найденной в ходе исследования этих раскопов, по фрагментам шеек с венчиками удалось выделить 1637 сосудов.

Они разделены на три группы: I – валиковая керамика [IA – собственно валиковая (саргаринская), IB – ранневаликовая, IB – поздневаликовая донгальская], II – посуда, имеющая аналогии в памятниках андронидных культур Западной Сибири, III – изготовленные на гончарном круге или лепные с подработкой на круге сосуды, выполненные в южных среднеазиатских традициях. Количественное распределение групп и подгрупп керамики показано в табл. 1.

Таблица 1. Кент. Общее количество сосудов, выделенных по венчикам

Раскопы	Группы					Всего
	Группа I			Группа II	Группа III	
	Подгруппа IA	Подгруппа IB	Подгруппа IB			
Раскоп 1	979	15	2	13	10	1019
Раскоп 3	302	-	-	15	18	320
Раскоп 4	242	6	36	12	2	298
Итого:	1523	21	38	40	15	1637
	1582					

Планиграфически импортная посуда распределена неравномерно и залегает преимущественно в зольниках. Лишь в жилище 4 (донгальское время) фрагменты андронидных сосудов ирменского облика лежали на полу помещения. И андронидная, и южная станковая керамика встречаются на всех глубинах, но, в основном, они найдены в слое с саргаринской керамикой (подгруппа IA).

Таким образом, контакты обитателей Кента с населением сопредельных регионов начинаются со времени основания поселения. Интересно количественное соотношение местной (валиковая керамика) и импортной посуды. Последняя составляет только 3,4 % (55 сосудов) от всего керамического комплекса, в том числе группа II – 2,4 % (40 сосудов), а группа III всего лишь – 0,9 % (15 сосудов). Таким образом, андронидная керамика встречается в три раза чаще, чем южная, что должно свидетельствовать о более развитых связях обитателей Кента с северными регионами, чем с южными территориями. В целом незначительное количество импортных сосудов, обнаруженных на поселении Кент, не дают оснований предполагать миграцию андронидных и среднеазиатских племен на территорию нынешнего Центрального Казахстана. Появление

инокультурной керамики на памятниках БДК, видимо, свидетельствует об экономических и политических контактах обитателей Кента с населением сопредельных регионов.

Список литературы

- Варфоломеев В. В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. Караганда. С. 56-68.
- Варфоломеев В. В., 2011. Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). Алматы. С. 85-97.
- Варфоломеев В. В., 2013. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы. С. 167-197.

Технико-технологический анализ керамики поздняковской культуры из поселения Шава-1

*Швецова А.А. (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, г. Нижний Новгород)
Asendriy@mail.ru*

За годы исследований поздняковской культуры был накоплен значительный керамический материал, однако его изучение осуществлено в самом общем виде. Широкий ареал поздняковской культуры делает необходимым детальное изучение ее керамических комплексов из разных его районов.

В работе изложены предварительные результаты технико-технологического анализа глиняной посуды поселения поздняковской культуры Шава-1. Раскопки этого памятника провел в 1969 г. В.Ф. Черников (1970). Настоящее исследование проведено в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999). Для технологического анализа было отобрано 60 образцов верхних частей сосудов и днищ. Наблюдения проводились по свежим

изломам черепков с помощью микроскопа МБС-9. Небольшая величина фрагментов позволила полноценно рассмотреть гончарную технологию только на ее подготовительной стадии. В итоге были получены результаты по трем ступеням гончарной технологии: отбор исходного пластичного сырья (далее ИПС), обработка ИПС и составление формовочных масс (далее ФМ).

Отбор и обработка ИПС (табл. 1). Проведенный анализ позволил выявить, что гончары поселения Шава-1 использовали для изготовления сосудов два вида глин: жирные (28 %) и тощие (72 %). «Жирные глины» характеризуются слабой запесоченностью (условно пластичные глины). Они не имеют в своем составе песка пылевидной фракции (крупность менее 0,1 мм) и содержат включения кварцевого песка (крупность 0,1–0,2 мм) в концентрации до 30 включений на 1 см², а также единичные включения песка (крупность 0,3–0,5 мм). «Тощие» глины, исходя из степени запесоченности, были разделены на две подгруппы: Т-1 – слабо запесоченные (условно среднепластичные), содержащие в составе зерна

Таблица 1. ИПС

	ИПС: глины		
	Жирные	Тощие	
		Т-1	Т-2
Всего	17	23	20
Итого	28 %	72 %	
Примесь бурого железняка и железистых включений	12	11	9
Итого	41 %	32 %	31 %
Использование сырья в сухом состоянии	-	3	6
Итого	-	12 %	23 %

песка (крупность 0,1–0,2 мм) в концентрации до 30 включений на 1 см², а также единичные включения песка (крупностью 0,3–0,5 мм) и небольшое количество пылевидного песка; Т-2 – средне запесоченные с пылевидным песком и фракцией кварцевого песка (крупность 0,1–0,2 мм) в концентрации до 60 включений на 1 см², а также с единичными включениями песка (крупностью 0,3–0,7 мм). Всем видам ИПС присуще наличие в составе примесей оолитов бурого железняка размером от 0,7 до 2 мм и железистых включений округлой и аморфной формы красно-коричневого цвета крупностью от 0,1 до 1,5 мм. Исходя из наличия

или отсутствия в составе глин этих примесей, можно выделить шесть условных «мест» добычи (или вариантов) ИПС.

На ступени обработки ИПС было выделено два приема: дробление тощих глин в сухом состоянии и использование ИПС в естественно увлажненном виде. Зафиксированы следующие признаки дробления ИПС: наличие в тесте нерастворившихся фрагментов сухой глины окатанной формы (величина от 1 до 6 мм), а также линзовидных слоев чистой глины.

Подготовка (ФМ (табл. 2). Установлено, что в качестве компонентов ФМ использовались преимущественно минеральные добавки – дресва и в единичных случаях шамот. В нескольких образцах выявлена органо-минеральная примесь – кальцинированная кость. Широко применяли органические примеси. Дресва представлена фрагментами гранито-гнейсовых пород крупностью от 0,5 до 6 мм. Ее концентрация различна: от 1:6/7 до 1/4. Содержащийся в составе ФМ шамот, который имеет размеры 1-2 мм, встречен в единичных случаях в концентрации 1:6/7.

Таблица 2. ФМ

	Всего	Итого	Крупность	Всего	Концентрация	Всего
Д	2	3 %	1-2 мм	2	1:5	2
К	1	2 %	до 2 мм	1	до 10 включений на 1 см ²	1
Ш	2	3 %	1-2 мм	2	1:7/1:8	2
В	4	7 %	-	-	-	-
Д+В	8	13 %	1-2 мм	7 (87 %)	1:4	6 (75 %)
			2-3 мм	1 (13 %)	1:5	2 (25 %)
Д+ОР	40	67 %	0,5-1 мм	6 (15 %)	1:4	13 (32 %)
			1-2 мм	30 (75 %)	1:5	19 (48 %)
			2-3 мм	4 (10 %)	1:6/1:7	8 (20 %)
Д+К+ОР	1	2 %	Д – 0,5-1 мм; К – до 2,5 мм	1	Д – ед., К – до 15 включений на 1 см ²	1
Д+Ш+ОР	2	3 %	Д – 0,5 до 1 мм; Ш – 0,5 до 1 мм	1	Д – ед.; Ш – ед.	1
			Д – 1-2 мм; Ш – 1-2 мм	1	Д – 1:5; Ш – 1:7/1:8	1
Итого	60	100%				

Принятые в таблице сокращения: Д – дресва; К – кость; Ш – шамот; В – выжимка из навоза; ОР – органический раствор; ед. – единичная концентрация

Кость обнаружена в виде фрагментов молочно-белого цвета величиной до 2,5 мм. Органические составляющие ФМ представляют собой органические растворы, часть из которых можно предположительно связать с выжимкой из навоза жвачных животных. Такие растворы фиксируются по наличию в пустотах и порах крупинок рыжевато-коричневого налета. В тех случаях, когда такой налет сочетался с выгоревшими фрагментами растительных остатков, сделано заключение о возможном использовании в качестве раствора выжимки. На основании сочетания различных видов добавок с ИПС удалось выделить восемь рецептов ФМ (табл. 2). Самыми распространенными рецептами оказались следующие: дресва в сочетании с органическим раствором (67 %) и дресва в сочетании с выжимкой из навоза (13 %).

Характеризуя гончарное производство на поселении Шава-1, можно с уверенностью говорить об устоявшихся гончарных традициях его населения. Установлено, что при изготовлении сосудов гончары отдавали предпочтение преимущественно тощим слабо запесоченным и средне запесоченным глинам. При подготовке ФМ в качестве основной примеси употребляли дресву в сочетании с органическими добавками. Дальнейшее проведение технико-технологических анализов керамики из других памятников поздняяковской культуры позволит проследить развитие гончарных традиций в разных частях ареала этой культуры.

Список литературы

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара. С. 5-109.
- Черников В. Ф., 1970. Отчет о раскопках поселения Шава II и селищ Шава Ia и Ib в 1969 г. // Архив ИА. Р-1, № 4871.

Информативность источников стоянок раннего железного века и памятников античного мира

Информационный потенциал погребальных конструкций при рассмотрении приемов домостроительства (на примере «домов мертвых» населения Марийского Поволжья)

*Воробьева Е. Е. (Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола)
veer47@mail.ru*

Ценным источником при изучении традиций и новаций домостроительства населения Марийского Поволжья в I тыс. до н.э. являются не только древние поселения и жилища, но и погребальные сооружения могильников. Не случайно П.П. Ефименко называет могильники «исторической реальностью уходящего в землю поселения» (Ефименко, 1926. С. 66–67).

Полностью изученный Старший Ахмыловский могильник занимал невысокую террасу Ахмыловского озера на восточной окраине деревни Ахмылово Коротнинского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл. В ходе раскопок здесь было вскрыто 944 погребения, включая семь камер с захоронениями, а также три вещевых комплекса, шесть камер без остатков погребений и 13 сложных сооружений в виде длинных наземных построек – так называемые «дома мертвых», которые двумя большими группами располагались в северной и юго-западной частях могильника (Патрушев, Халиков, 1982. С. 34, рис. 4).

Однако изучение полевых отчетов о раскопках этого могильника показало, что на нем зафиксировано 18 сложных сооружений, оконтуренных по периметру гумусно-углистой полосой. Из них лишь несколько можно отнести к числу срубов. Прежде всего следует назвать камеру-склеп (в соответствии с терминологией авторов раскопок) погребения № 396 и вещевых комплексов №№ 390, 391, примыкающих к «дому мертвых» № 1» (Воробьева, 2001. Рис. 39). На плане четко прослежены лункообразные углубления венцов. Сруб был впущен в канавку по периметру ямы на глубину до 0,8 м, а погребение находилось на глубине 0,75 м. Судя по сплошному углистому заполнению

непосредственно под слоем пашни (глубина 0,4–0,45 м), сруб возвышался и над землей. Его приблизительная реконструкция представлена одним из исследователей Старшего Ахмыловского могильника В.С. Патрушевым (1984. Рис. 56: А, Б).

«Дома мертвых» по форме, размерам, ориентации, а также по характеру погребений внутри них подразделяются на два типа: I – «дома» с частичными захоронениями и отдельными комплексами вещей (№ 1–3, 11, 13), II – с одиночными (реже парными) захоронениями по обряду труположения (№ 4–10, 12). Кроме того, «дома мертвых» II типа отличаются большими размерами камер и меньшим их количеством.

Судя по внутренней планировке, «дома мертвых» I типа можно разделить на два подтипа. Подтип А («дома» №№ 1–3) характеризуется сооружениями вытянутой формы, которые состоят из нескольких камер. Последние, как полагают исследователи, были пристроены друг к другу в процессе последовательных захоронений (Патрушев, Халиков, 1967. С. 9). Подтип Б («дом мертвых» № 11) представляет собой большую четырехугольную камеру-склеп (4,8 × 4,1 м), не разделенную внутренними перегородками.

Определить характер этих сооружений весьма сложно. С одной стороны, заполнение канавок сплошной массой угля на уровне фундамента «дома» предполагает его бревенчатую конструкцию, исключаящую наличие стен в виде частокола, так как выявленные столбовые ямы «дома» разделены довольно большим расстоянием. С другой стороны, расплывчатые очертания рассматриваемых конструкций, особенно «дома» № 2, наличие у них закругленных углов и обнаружение столбовых ям в профиле канавок наводит на мысль о том, что стены сооружений могли представлять собой плетень (Крайнов, 1969. С. 95).

Характерной чертой «домов мертвых» этого типа является наличие мощных стен (0,25–0,4 м), углубленных в землю на 0,4–0,8 м («дома» № 1–3) или на 0,1–0,2 м («дом» № 13).

«Дома мертвых» II типа отличаются большими размерами, вследствие чего каждая камера служит дополнительной пристройкой к предшествующей. В отличие от «домов» I типа стены «домов» II типа имеют меньшую толщину (0,05–0,18 м). Возможно, что некоторые камеры имели вход в наземной части, о чем свидетельствуют полосы гумуса в виде отростков, отходящих от основной линии стенок «дома».

Погребения в «домах мертвых» II типа располагаются на уровне дна канавок сооружений или ниже его на 0,2–0,3 м. Углистые развалы конструкций обычно находились над могильными ямами. Данный факт еще раз подтверждает наземный характер сооружений, очевидно, построенных над могилами в виде ограды. Доказательством этого является меньшая насыщенность слоя углей над «домами».

Анализируя рассмотренные выше материалы, следует отметить, что значение могильников, как исторического источника, для характеристики приемов домостроительства неоспоримо велико.

Список литературы

- Воробьева Е. Е., 2001. Домостроительство населения Марийского Поволжья во II–I тыс. до н. э. (по археологическим данным). Йошкар-Ола. Ефименко П. П., 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. I. Л.
- Крайнов Д. А., 1969. Отчет о результатах работ Верхневолжской археологической экспедиции за 1968 г. на территории Ивановской, Ярославской и Калининской областях. Раскопки Волосовско-Даниловского могильника // Архив ИА РАН. Р-1, № 3567.
- Патрушев В. С., 1984. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола.
- Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1967. Ахмыловский археологический комплекс // АО 1966 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.
- Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.

К исследованию памятников городецкой культуры в нижнем течении р. Ока (Владимирская область)

*Галкин Т. О. (Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир)
galkintimyr@gmail.com*

Археологические памятники в нижнем течении Оки в Муромском и Меленковском районах Владимирской области всё ещё недостаточно

изучены. В первую очередь это касается поселений городецкой культуры, относящихся к эпохе раннего железного века.

В данном регионе насчитывается одно не укрепленное и не более 10 укрепленных поселений этой культуры. Обращение к Археологической карте России (далее АКР) (АКР, 1995. С. 162 – 168, 193) показало, что ряд памятников отнесен к вышеупомянутой эпохе без указания их культурной принадлежности, что стимулировало обращения к полевым отчетам, перед проведением собственных исследований, которые предусмотрены программой «Изучение этнической истории Волго-Окского междуречья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Городища железного века в нижнем Поочье»¹.

Работа с отчетами выявила интересный факт – присутствие на памятниках так называемых «рогожных» (городецкая культура) и «сетчатых» (дьяковская культура) сосудов. Таким образом, можно предположить наличие некой «контактной зоны» между этими двумя культурами в данном регионе. Этот вопрос, уже рассматривавшийся нами на архивных материалах (Галкин, 2014), требовал проверки новыми исследованиями.

За исключением двух городищ, о которых будет сказано ниже, большая часть упомянутых в АКР памятников не была исследована широкой площадью. Обычно их визуально осматривали, собирали здесь подъемный материал и шурфовали.

Городище Окшовский городок (АКР, 1995. С. 169 – 170) было исследовано в 1989 году Е. А. Леонтьевым (Леонтьев, 1990). Здесь вскрыто 16 м². Обнаружена керамика с «рогожным» и «сетчатым» орнаментом, а также гладкостенная посуда с ямчатым и точечным орнаментом городецкой культуры. Среди индивидуальных находок можно отметить двухчастные бусы-пронизки из синего стекла, шаровидную синюю бусину, ряд железных предметов. Интерес вызывают и кальцинированные кости, обнаруженные в материковых углублениях, возможно, остатки пока «неуловимого» погребального обряда городецкой культуры.

Городище Воютино, привлекало к себе внимание исследователей, начиная с 40-х годов XX столетия. Оно было обнаружено директором Муромского музея, И. П. Богатовым в 1947 году, при проведении им

¹ Г/Б НИР № 530/14 (ВлГУ).

археологической экскурсии для школьников из г. Муром². В 1970 году памятник осматривала Н. В. Тухтина (Тухтина, 1971). Поселение было обследовано в 1976 г. владимирским археологом В. П. Глазовым. Он заложил два разведывательных шурфа, которые дали возможность выявить мощность культурных напластований, определить стратиграфию городища и собрать керамический материал, позволивший отнести памятник к городецкой культуре. Кроме того ученый обследовал вал поселения (Глазов, 1977а). В 1991 году при составлении археологической карты Владимирской области городище было повторно обследовано А. Е. Леонтьевым. Он осмотрел памятник, определил его сохранность и произвел сбор подъемного материала (Леонтьев, 1992).

Столь пристальный интерес исследователей был вызван как крупными размерами поселения (размеры площадки составляют по оси З–В – 34 м, по оси С–Ю – 26 м), так и необычной системой его укреплений (два рва, и два вала, опоясывающих площадку). Наружный вал имеет длину 20,5 м, а внутренний – 20 м. Ширина наружного вала в основании составляет – 6 м, внутреннего – 6,5 м. Глубина рва между валами достигает 1,2 м, а его ширина – 2,6 м. По склонам оврагов ров переходит в эти глубокие впадины.

Городище Воютино было выбрано нами для дальнейшего обследования³. В ходе полевых работ 2014 года (Галкин, 2015) здесь был собран керамический материал, среди которого также представлены фрагменты керамики, как с «рогожным» (32), так и с «сетчатым» орнаментом (4). Кроме того были найдены ножевидная кремневая пластина и кремневый отщеп (рис.1: 1–2).

Среди малоинформативных фрагментов стенок сосудов, выделяются черепки, орнаментированные вдавлениями по тулову (рис. 1: 3–4), а также два венчика, с защипами (рис. 1: 5). Стоит отметить, что среди

² Благодарю за это любезное сообщение Тюрину Е. К., заведующую сектором хранения коллекций тканей, керамики, стекла, фарфора, кости, металла Муромского историко-художественного музея

³ В. П. Глазов, единственный, кто проводил земляные работы на памятнике, и выявил керамические комплексы с «рогожной» и «сетчатой» керамикой, к сожалению, не оставил в отчёте фотографий материала (Глазов, 1977б). Поиски коллекции в фондах Владимиро-Суздальского музея – заповедника, к сожалению, ни привели ни к какому результату. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Кокориной Н. А. за помощь, в, увы, безрезультатных поисках коллекции.

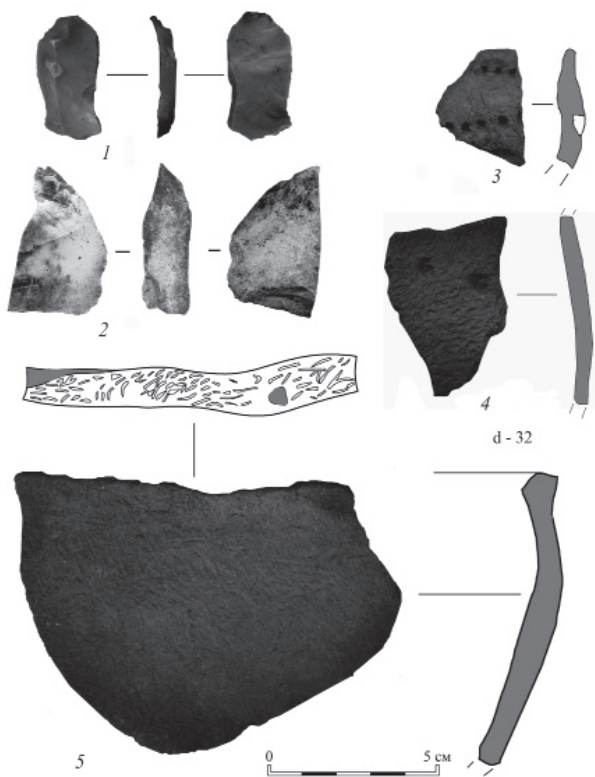

Рис. 1. Находки на городище Ваютино: 1 – ножевидная пластина, 2 – отщеп, 3–5 – фрагменты венчиков с «рогожным» орнаментом (1, 2 – кремь, 3–5 – глина)

обломков керамики не обнаружена гладкостенная лощеная керамика, характерная для поздних этапов существования городецкой культуры.

В заключении можно отметить, что полевые разведки и архивные изыскания действительно подтверждают факт присутствия на нижнеокских городищах двух керамических традиций: «рогожной» и «сетчатой». Однако, количество «сетчатой» керамики на этих памятниках невелико.

Значит ли это, что на данных поселениях происходило смешение керамических традиций разных групп финно-угорского населения, как это предполагал В. П. Глазов: «...Нижнее Поочье находилось в зоне пограничных контактов двух археологических культур раннего железного века лесной полосы Восточной Европы» (Глазов, 1977б, Л.18) или перед нами что-то иное, смогут ответить только дальнейшие изыскания.

Список литературы

Археологическая карта России, 1995. Владимирская область. М.

Галкин Т. О., 2014. Нижнее Поочье: контактная зона городецкой и дьяковской культур? К постановке проблемы // IX международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (материалы конференции. Ростов-на-Дону. С. 200–202.

Галкин Т. О., 2015. Отчет об археологической разведке на территории памятника «Городище Воютино – Погорельское» в с. Воютино Меленковского района Владимирской области в 2014 году // Архив ИА РАН (без номера).

Глазов В. П., 1977а. Новые археологические памятники Владимирской области // АО 1976 года. М. С. 47 – 48.

Глазов В. П., 1977б. Археологическое обследование Меленковского и Муромского районов в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9673.

Леонтьев А. Е., 1990. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1989 году (Владимирская и Ярославская области) // Архив ИА. РАН Р-1 № 14624.

Леонтьев А. Е., 1992. Отчет о разведках во Владимирской области в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 15503.

Тухтина Н. В., 1971. Отчет о работе Владимирской экспедиции ГИМ в 1970 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 4359.

Вопросы атрибуции архитектурных фрагментов из Мирмекия

*Колосов В. П. (Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)
tepavi@yandex.ru*

В ходе археологических работ 1937 г. экспедиция под руководством В. Ф. Гайдукевича обнаружила две детали антаблемента дорического здания: плита горизонтального карниза, а также фриз и архитрав в едином блоке. Обе детали находились во вторичном использовании в качестве плит вымостки, относящейся к концу III в. до н.э. Архитектурные фрагменты выполнены из местного плотного известняка и, несмотря на некоторые повреждения, имеют удовлетворительную сохранность. По разным оценкам антаблемент относится к IV–III вв. до н.э. (Гайдукевич, 1952. С.153-154; Ковалевская, 1958. С. 320; Пичилян, 1984. С. 193).

На основе анализа пропорций антаблемента Л. Е. Ковалевская предложила следующий вариант реконструкции отсутствующих частей постройки: высота колонны – 2,89 м, нижний диаметр – 0,45 м, верхний – 0,35 м, высота капители – 0,16 м. В качестве аналогий были привлечены девять дорических построек IV–III вв. до н.э. Основой подсчёта для реконструкции мирмекийского здания стали средние значения ордерных пропорций по всем девяти памятникам. Антаблемент в реконструкции был решён в сочетании с колоннадой, а также в качестве венчающего завершения стены (Ковалевская, 1958. С. 322-329). И.Р. Пичилян, соглашаясь с пропорциями ордерных членений, полученными Л.Е. Ковалевской, дополнил реконструкцию и предложил в качестве композиционного решения вариант храма в антах (Пичилян, 1984. С. 192-193).

Реконструкция, предлагавшаяся Л. Е. Ковалевской, основывалась на исследовании небольшого количества памятников. Более точная атрибуция возможна при привлечении более широкого круга аналогий и большего количества признаков.

С этой целью к исследованию было привлечено 110 дорических сооружений из разных регионов античного мира с широким хронологическим диапазоном от конца VI до начала II в. до н.э. В данной выборке 50 объектов являются памятниками IV–III вв. до н.э., т.е. наиболее близкими ко времени возможного существования здания в Мирмекии. Анализ проведён на основе вариации 43 признаков (измерения ордерных деталей, форма декоративных элементов и основных пропорциональных соотношений).

Для анализа вариаций линейных измерений использованы статистические методы на базе пакета программ Statistica 8.0. При изучении изменчивости формы архитектурных деталей были привлечены методы геометрической морфометрии, реализованные в программах tpsDig и MorphoJ (Rohlf, 2005; Klingenberg, 2011).

Статистический анализ соотношений ордерных элементов показывает, что в дорических сооружениях IV–III вв. до н. э. наблюдается высокая вариация пропорций ордерных членений. Так, отношение высоты колонны к нижнему диаметру при среднем значении 6,6 варьирует от 5,3 до 8,3, а соотношение высоты капители к высоте колонны при среднем значении 0,06 меняется от 0,037 до 0,085. Среднее отношение общей высоты фриза и архитрава к высоте колонны равно 0,22 и варьирует от 0,16 до 0,28.

Анализ, проведенный методом главных компонент, демонстрирует наибольшее сходство мирмекийского антаблемента с памятниками IV в. до н.э. Анализ методом геометрической морфометрии показывает, что наиболее близкими аналогиями оформления тригливов являются фризы дорических сооружений Аттики того же периода. Дорические сооружения данной группы характеризуются пропорциями, близкими к указанным выше средним значениям. Среднее отношение высоты капители к высоте колонны равно 0,067, а отношение суммарной высоты фриза и архитрава к высоте колонны – 0,23. Существенно отличается среднее соотношение высоты колонны и нижнего диаметра, оно меньше, и составляет 5,88.

Результаты, полученные на основе анализа расширенной выборки, отличаются от результатов, предложенных Л.Е. Ковалевской. Исходя из добытых нами данных, можно предложить следующие размеры дорической сооружения в Мирмекии: высота колонны – 2,3 м, высота капители – 0,15 м, нижний диаметра колонны – 0,38 м. Маловероятно, что здание таких небольших размеров могло быть храмом, как предполагал И.Р. Пичикян. Скорее всего, обнаруженные архитектурные детали являлись частью жилого дома или общественной постройки.

Список литературы

Гайдукевич В. Д., 1952. Раскопки Мирмекии в 1935 – 1938 гг. // МИА. №25. С. 135–220.

Ковалевская Л. Е., 1958. Из истории архитектуры Мирмекия (Опыт реконструкции здания дорического ордера по архитектурным фрагментам) // МИА. №85. С. 317–329.

Пичикян И. Р., 1984. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М.

Klingenberg C. P., 2011, MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics // Molecular Ecology Resources. Vol. 11. P. 353–357.

Rohlf F. J., 2005. Tps Dig, digitize landmarks and outlines, 2.05. New York.

Классификация полнофигурных изображений вепря в скифо-сибирском зверином стиле

*Леонтьева А. С. (Институт Археологии РАН, г. Москва)
ananyeno@yandex.ru*

Образ вепря – довольно устойчивый мотив в скифо-сибирском зверином стиле (далее ССЗС). Данный образ развивался в период VIII – III вв. до н.э. на огромной территории от Северного Причерноморья до Ордоса по широте, а также от северных границ Красноярского края до северных отрогов Каратау по долготе. В материальном воплощении изображения кабана представлены в цветном металле, камне, дереве, кости. Образ воплощен на бляшках, навершиях инсигний власти и накладках клинкового оружия, элементах конской узды, предметах декоративно-прикладного искусства, на каменных поверхностях. В основном, изображения кабанов происходят из подкурганых захоронений.

Учтено 87 оригинальных полнофигурных¹ изображений кабана, которые легли в основу классификации.

Классификация построена на соотношении позиций ног и головы животного (рис. 1). Позиции ног: 1 – ноги параллельны друг другу и находятся под прямым углом к горизонтали (рис. 1, 1); 2 – ноги параллельны друг другу под углом в 15°–20° от вертикали по отношению к горизонтали (рис. 1, 2); 3 – ноги параллельны друг другу под углом

¹ Полнофигурный – изображение всей фигуры животного.

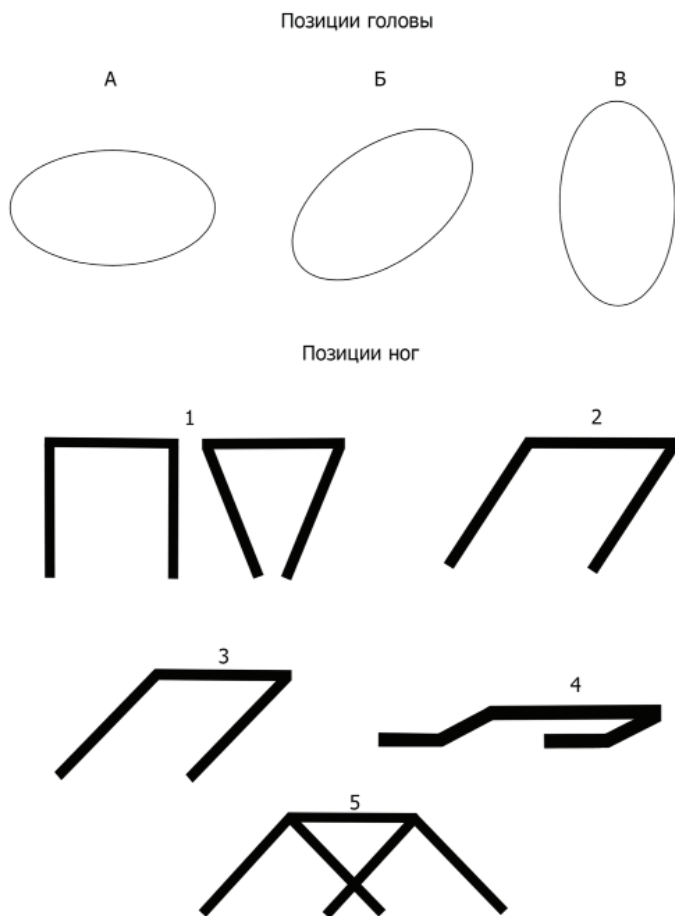

Рис. 1. Позиции головы (А-В) и параллельных ног (1-5)

в 45° – 60° по отношению к горизонтали (рис. 1, 3); 4 – ноги параллельны друг другу под прямым углом по отношению к вертикали (рис. 1, 4); 5 – правая передняя-задняя конечности и левая передняя-задняя конечности параллельны друг другу (рис. 1, 5); 6 – ноги не параллельны. Позиции головы: А – голова горизонтальна (рис. 1, А); Б – голова под небольшим углом отклонена от горизонтали или приближена к вертикали (рис. 1, Б); В – голова вертикальна (рис. 1, В).

Каждая из шести позиций ног сочетается с одной, двумя или тремя позициями головы. Таким образом, в рамках группы внутри подгрупп образуются типы.

Группа 1. Кабан изображен с головой, смотрящей вперед, наклоненной или вертикально опущенной. Ноги, параллельные друг другу, могут безвольно свисать и сводиться в точку в редких случаях.

Группа 2. Кабан изображен в строго профильном ракурсе с параллельными прямыми или подогнутыми ногами, направленными под углом с небольшим отклонением (15° – 20°) от вертикали по отношению к горизонтали с вертикально опущенной головой. У вепря могут быть подогнуты обе ноги, или задние меньше, а передние больше. При этом голова очень сильно наклонена к земле.

Группа 3. Кабан изображен в «позе внезапной остановки». Голова располагается по диагонали относительно линии туловища или вертикально опущена. Задние ноги притянуты к передним, а передние, в свою очередь, – к голове. Таким образом, показана фигура «тормозящего» кабана.

Группа 4. Кабан лежит с подогнутыми под туловище ногами, с головой, покоящейся на передних копытцах или лежащей на земле. Голова может находиться горизонтально, диагонально относительно линии тела или же вертикально упираться пяточком в землю.

Группа 5. Стоящий/идущий кабан в основном показан в сценах, где его голова смотрит вперед или вертикально опущена.

Группа 6. Ноги кабана не параллельны.

Классификация изображений кабана, выполненных в ССЗС, выявила по полнофигурным изображениям 6 групп, 14 подгрупп и 31 тип. Каждая из шести групп включает от одной до трех поз.

В рамках шести групп, в каждом типе или группе типов, динамика изменения поз во времени демонстрирует периоды, в которых непосредственно шло развитие каждой позы (позы перечисляются в порядке их частоты встречаемости): «внезапная остановка» (VIII–V вв. до н.э.); «на цыпочках»/«на пуантах» (VIII–III вв. до н.э.); стоящий/идуший, причем кабан, показан с двумя (четырьмя) ногами (VI–IV вв. до н.э.); лежащий (вторая половина VII – начало IV вв. до н.э.); со сведенными в точку ногами (VII–VI вв. до н.э.); в шаге/беге (середина V–IV до н.э.); убегающий/догоняющий (вторая половина VI в. до н.э.); полустоящий/полулежащий (конец IV – начало III вв. до н.э.).

Самые популярные позы существовали намного дольше, чем те, которые не были широко распространены. Последние бытуют короткий промежуток времени.

Полнофигурные изображения кабанов преимущественно сконцентрированы в азиатской части скифо-сибирского мира (Красноярский край, республики Хакасия и Тыва, Казахстан и Монголия) для которого характерны монофигурные² изображения кабана в VIII–III вв. до н.э. Для Восточноевропейской степи и Казахстана свойственна полифигурность³ сцен с участием кабана, присущая больше концу VII в. до н.э. – началу V в. до н.э., причем эти изображения испытывали в какой-то степени влияние античной цивилизации.

Ожерелья Гочевского некрополя

*Лясковская Л. Е. (Библиотека АН, г. Санкт-Петербург)
lalidok@mail.ru*

Древнерусский курганный некрополь у с. Гочево входит в состав Гочевского археологического комплекса (далее – ГАК), находящегося на правобережной террасе р. Псёл (Курская область, Беловский район). Комплекс включает также городища Царский Дворец и Крутой Курган, обширное открытое поселение и бескурганый могильник (Стародубцев, 2005. С. 244).

ГАК, являвшийся важным стратегическим пунктом, находился на трансевропейском торговом пути и был самым восточным пунктом

² Монофигурный – изображение лишь одного животного.

³ Полифигурность – группа изображаемых животных.

остановки торговых караванов на древнерусском отрезке сухопутного пути Киев – Булгар.

Такое положение ГАК объясняет наличие в погребениях курганного могильника большого количества импортных изделий, основную часть которых составляют бусы. Эти предметы были изготовлены в византийских (золотостеклянные и др.) (Фехнер, 1959. С. 158)) и индийских (каменные) (Енуков, 2008) мастерских. Импорт поставляли сюда на протяжении всего времени существования некрополя (рубеж X и XI–XII вв.). Это явление, в целом, отражает характерную для Древнерусского государства специфику распространения привозных изделий подобного рода.

Образующие ожерелья Гочевского некрополя многочисленные бусы представлены небольшим количеством типов. Основную часть поделок составляют золото- и серебростеклянные бусы, которые могли использовать также в качестве мелкой разменной монеты (Фехнер, 1959. С. 168).

Нами предпринята попытка воссоздать на основе сохранившихся материалов музейных коллекций, отчетной документации и публикаций, по возможности, целостный облик ожерелий из Гочевского некрополя, которые были богато представлены практически во всех женских погребениях, но своевременно не были описаны и изучены, а впоследствии, в значительной степени, оказались разрознены и утрачены. В результате анализа совместной встречаемости отдельных типов бус и подвесок нами были выделены типы ожерелий. На основе датировок составляющих их элементов и выявленных Е.А. Шинаковым комплексов инвентаря женских погребений Гочевского могильника (Шинаков, 1982), была установлена хронология ожерелий. Некоторые выделенные их типы отражают универсальные общерусские тенденции моды (её особенности, представленные в погребальном облачении) рассматриваемого времени, другие имеют региональные (южные) отличительные черты.

К универсальным типам ожерелий относятся: 1) ожерелья из золото-стеклянных бус; 2) ожерелья из серебростеклянных бус; 3) ожерелья, сочетающие золото- и серебростеклянные бусы; 4) ожерелья, сочетающие золото- и серебростеклянные бусы с каменными (сердоликовые и / или янтарные; горный хрусталь); 5) ожерелья из мелких стеклянных бус с предметами христианской символики и языческими амулетами.

Первые три типа ожерелий широко распространены на всей территории Древней Руси и на сопредельных территориях (Жукова, Степанова, 2010;

Захаров, Кузина, 2010; Сухобоков, 2012; Zarina, 2006). В соответствии с датировкой бусин, мы можем отнести эти украшения к XI в. (Фехнер, 1959. С. 158).

Четвертый тип ожерелий довольно часто представлен в уборе древнерусских женщин. Эти украшения, скорее всего, были дорогостоящими за счет включения в них бус из сердолика и горного хрусталя, янтарные же бусы являлись дешевыми заменителями сердоликовых (Розенфельдт, 1978. С. 202). Данный тип ожерелий (группа 7 по Е. А. Шинакову) можно датировать концом XI – началом XII вв. (Шинаков, 1982. С. 93). Пятый тип ожерелий характерен для периода XI–XII вв. (Щавелев, 2004. С. 200).

К региональным южным типам ожерелий относятся: 1) ожерелья из мелких округлых бус с металлическими бубенчиками-пуговками; 2) ожерелья из стеклянных ягодовидных бус.

Аналогии ожерельям первого типа обнаружены в погребениях на территории Южной Руси. На данном этапе исследования мы можем говорить о том, что эти украшения были характерны для населения бассейнов Десны, Сулы, Псла и Воркслы (Падин, 1958. С. 106, 114, 225; Самоквасов, 1908; Сухобоков, 2012. С. 114) в конце XI–начале XII вв. (Шинаков, 1982. С. 93). Ожерелья второго типа, встреченные в детских погребениях Посемья (Сухобоков, 2012. С. 155), датируются X–XI вв. (Захаров, 2004. С. 45–46).

Обращает на себя внимание то, что в выделенных типах ожерелий могут совместно встречаться бусы различного происхождения (например, византийские и индийские). В связи с этим встает вопрос: кем и где комплектовались подобные наборы? Если бусы продавались россыпью, что заставляло набирать схожие низки в отдаленных друг от друга районах Древней Руси? Видимо, это можно объяснить сходством эстетических предпочтений обладательниц ожерелий, либо модой, распространенной на довольно широкой территории. Также нельзя забывать того, что рассматриваемый нами материал происходит из погребальных памятников, в связи с чем все выше выделенные особенности совместной встречаемости элементов ожерелий могут являться отражением специфики исключительно погребального обряда. Любопытно отметить, что в соседней Волжской Булгарии отсутствуют столь распространенные на Руси ожерелья из золото- и серебростеклянных бус (Валиулина, 2005), хотя они обильно представлены в могильниках на территории современной Латвии (Zarina, 2006).

Список литературы

- Валиулина С. И., 2005. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Биярского городища). Казань.
- Енуков В. В., 2008. К вопросу о динамике импорта сердоликовых бус на территорию Восточной Европы // Славяно-русские древности Днепроовского Левобережья. Курск. С. 70–80.
- Жукова Е. Н., Степанова Ю. В., 2010. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозера. М.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2010. Торгово-экономические отношения Руси и Волжской Болгарии (по материалам средневековых памятников Русского Севера // Русь и Восток в IX–XVI вв. Новые археологические открытия. М. С. 28–35.
- Падин В. А., 1958. Материалы из раскопок Кветунских курганов X–XIII вв. // СА. № 2. С. 218–222.
- Розенфельдт Р. Л., 1978. Янтарь на Руси X–XIII вв. // Проблемы Советской археологии. М. С. 197–208.
- Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы Русской земли: описание археологических раскопок и собрания древностей. М.
- Стародубцев Г. Ю., 2005. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса (летописного Римова) // Ю. А. Липкин и археология Курского края. Курск. С. 94–97.
- Сухобоков О. В., 2012. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X–XIII вв. по материалам роменско – древнерусского комплекса в с. Каменное. Киев.
- Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Тр. ГИМ; Вып. 32). М. С. 149–224.

Шинаков Е. А., 1982. Население верхнего течения реки Псел в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Сер. 8. М. С. 90–97.

Щавелев С. П., 2004. Лунница и крест (начало христианизации Курского Посемья по данным археологии) // Деснинские древности. Вып. III. Брянск. С. 188–202.

Zarina A., 2006. Salaspils Laukskolas kapulauks. 10–13 gadsimts. Riga.

Новые критерии для интерпретации массовой гробницы G-4924 из античного Вимиация

*Микич И. Ж. (Археологический институт, г. Белград, Сербия)
mikičilija82@gmail.com*

На месте нахождения «Пещеры», являющейся частью большого некрополя римского города и военного лагеря Вимиация, в 1986 г. найдена гробница № 4924, содержащая не менее 153 вторично захороненных человеческих черепов обоих полов и всех возрастов. Номера 151, 152 и 153 являются частями черепов, которые, безусловно, принадлежат более чем трем лицам. Разделить их детальнее не представлялось возможным, учитывая плохую сохранность материалов.

Рассматриваемая гробница относится к позднему римскому периоду. В ходе ее раскопок было выделено пять уровней залегания черепов. Первый (верхний) уровень включал 55 черепов, второй – 30, третий – 21, четвертый – 27 и пятый – 20. Общая высота всех уровней составляла примерно 65 см, а длина и ширина участка с черепами колебались, в зависимости от уровня, от 100 см до 60 см.

В Вимиации за период 1977–1988 гг., были найдены 4651 индивидуальная гробница, однако 1411 скелетов происходят из 458 коллективных усыпальниц. Гробница № 4924, в которой обнаружено не менее 153 черепов, является особенностью Вимиация.

Обнаружение столь необычной находки в данной гробнице повлияло на ее скорую публикацию уже в 1988 г. (Mikić, 1988a; 1988b). Из-за плохой сохранности останков было измерено около 58 черепов, причем

у большинства из них определен пол и возраст. Была написана и одна магистерская диссертация по данному материалу (Стојић, 2003). Все авторы полагали, что речь идет о гробнице, представляющей собой единый комплекс.

Обзор имеющейся археологической документации, а также изучение всех сохранившихся черепов, позволило установить, что данную гробницу археологически, а тем самым и антропологически, нельзя рассматривать как единый комплекс. Причиной тому является обнаружение между вторым и третьим уровнями примерно сотни фрагментированных посткраниальных костей человека, а также очень маленьких обломков костей крупных животных. Речь идет о 30 бедренных костей, 10 больших берцовых, 2 малых берцовых, 8 плечевых, 6 лучевых, 4 локтевых, 19 тазовых, крестце, 2 лопатках, 2 ключицах, более чем 20 ребрах, 11 позвонках, 4 верхних и 3 нижних челюстях взрослого человека. Кроме того были обнаружены кости детей не старше 5 лет: 2 большие берцовые и 4 плечевые. Выявлено также около 20 фрагментов костей животных (рис. 1).

Рис. 1.1, 1.2 Некрополь Пещеры, G-4924

Рис. 1. Уровни залегания человеческих черепов в гробнице G-4924 из античного Виминация

Этот горизонт посткраниальных костей, возможно, являлся «изолирующим слоем» или «слоем разделения» человеческих останков данной гробницы, в которой следует выделить два слоя погребений, причем верхний слой содержит 85 черепов, а нижний – 68.

Также следовало бы выявить на черепках следы травм со смертельными последствиями, установить антропологические палеодемографические и эпигенетические характеристики костного материала. При исследовании останков каждого уровня необходимо использовать изотопный и генетический методы.

Список литературы

Стојић, И. 2003: Методологија и резултати антрополошке анализе масовне сахране на примеру гроба БР.4924 са античког Виминацијума. Београд.

Mikić, Ž. 1988a: Antropološki aspekti tumačenja nekih sahrana na antičkom Viminacijumu, Godišnjak XXVI/24 Centra za Balkanološka ispitivanja ANU BiH, Sarajevo, 121-145.

Mikić, Ž. 1988b: Rezultati obrade masovnog groba 4924 sa antičkog Viminacijuma, Glasnik ADJ, Beograd, 19-34.

Некрополь Древнего Мерва: история исследования и проблема интерпретации захоронений

*Михеева А. А. (Государственный Музей Востока, г. Москва)
hmunter666@mail.ru*

1954 г. в 5 км к северу от города Байрам-Али (Туркменистан), за пределами развалин старого Мерва, при работах мелиоративного отряда по планировке полей, на одном из бугров было обнаружено большое количество керамических кувшинов и ящиков. В одном из ящиков обнаружили скелет человека. В этом же году Институт истории, археологии и этнографии АН ТССР направил на место обнаружения находок археологическую экспедицию, положившую начало изучению этого уникального памятника. Первый полевой сезон был проведен в 1954 г. под руководством С. А. Ершова (1959). Некрополь занимал

территорию в 2,6 га и представлял собой семь небольших, но сильно оплывших бугров, расположенных рядом друг с другом (рис. 1).

С 1954 г. по 1956 г. работами С. А. Ершова был выявлен большой квадратный наус с тремя уровнями полов, на которых располагались захоронения. Автор датировал нижний горизонт погребений V в. н.э., а средний и верхний – VI–VII вв. н.э. Он пришел к выводу о том, что некрополь принадлежал не зороастрийцам, а маздакитам (Ершов, 1959. С. 180). В 1955 г. М. Е. Массон¹, подвергнув критике методику раскопок С. А. Ершова и его выводы, решил провести раскопки некрополя силами сотрудников ЮТАКЭ (Массон, 1969. С. 9)

Поэтому в 1955–1956 гг., О. В. Обельченко и Р. С. Сусенкова провели раскопки холма, расположенного северо-восточнее бугра, где работал С. А. Ершов. О. В. Обельченко считал, что в первых веках н.э. на данном месте существовало кладбище зороастрийцев. Затем здесь был построен наус, также предназначенный для захоронения зороастрийцев. После некоторого запустения (VI в. н.э.) сооружение стало использоваться для христианских погребений, и только ближе к позднесасанидскому времени наус вновь вплоть до VII в. н.э. стали использовать зороастрийцы (Обельченко, 1969). В 1956 г. на этом же холме археологические работы продолжила Р. С. Сусенковой, пришедшая к выводу о том, что некрополь, принадлежавший зороастрийцам и христианам, действовал, начиная с позднепарфянского периода вплоть до арабского завоевания (Сусенкова, 1969).

В 1963 г. на некрополе работал Г. А. Кошеленко (XVIII отряд ЮТАКЭ). Он исследовал холм к северу от места раскопок С. А. Ершова и к западу от раскопок О. В. Обельченко и Р. С. Сусенковой. Выяснилось, что первоначально здание было построено как зороастрийский наус. С III по V вв. н.э. некрополь, по мнению автора, скорее всего, принадлежал христианам, а с VI в. н.э. – вновь зороастрийцам (Кошеленко, 1963. С. 1–13). В 1965 г. Г. А. Кошеленко и Ю. М. Десятчиков (ИА АН СССР) исследовали холм в самой западной части некрополя и два бугра в его северной части (Кошеленко, Десятчиков, 1966). Авторы предположили, что на некрополе Мерва не существовало строго канонизированного обряда погребения. Не исключая полностью «христианской» гипотезы, Г. А. Кошеленко решил, что использование одного и того же кладбища

¹ Массон М.Е. – создатель Среднеазиатской школы археологии; с 1946 г. по 1968 г. – руководитель Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ).

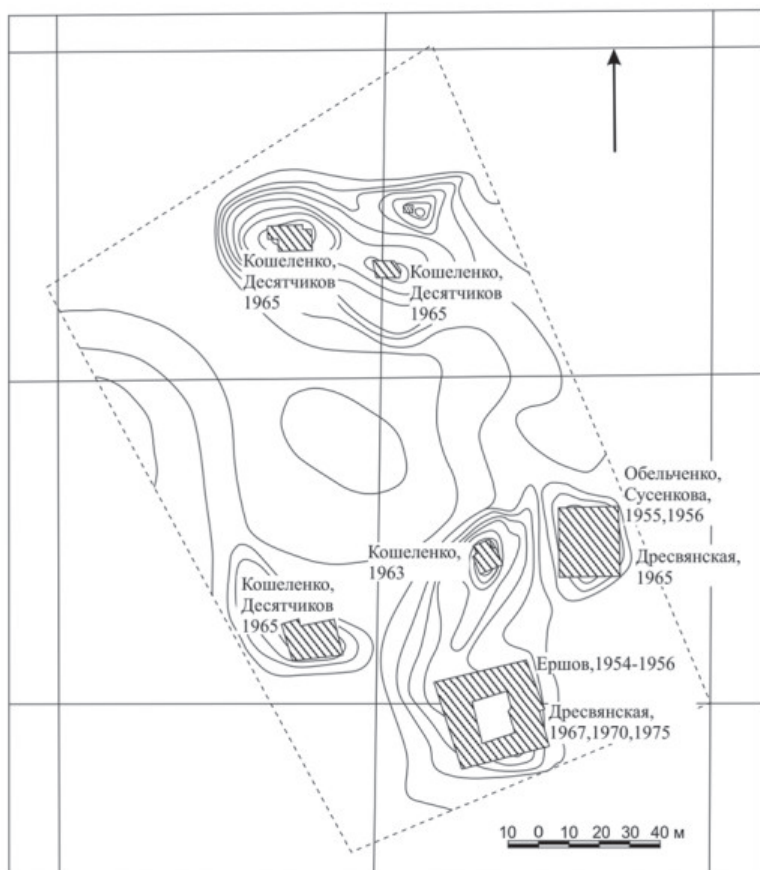

Рис. 1. План некрополя Древнего Мерва с указанием года и места работ исследователей (Ершов, 1959; Дресвянская, 1989)

для различных религиозных групп маловероятно, и, скорее всего, зороастрийцы Мерва допускали возможность трех вариантов захоронений: типично зороастрийские в сосудах-оссуариях; труположения; погребения, когда после удаления с дахмы кости складывали кучкой на площадку рядом с оссуариями в наус (Они же, 1966. С. 181).

В 1965–1967 и 1970 и 1975 гг. по линии ЮТАКЭ работы на Мервском некрополе были проведены под руководством Г. Я. Дресвянской (1989),

которая была убеждена, что некрополь принадлежал, скорее всего, христианам, иудеям, и, возможно, манихеям.

Исследователи, работавшие под руководством М. Е. Массона, считали, что на рассматриваемом кладбище наряду с зороастрийцами хоронили и членов значительной раннехристианской общины Мерва. В этом был убежден и М. Е. Массон, исходя из общей картины исторического развития Средней Азии (Массон, 1969. С. 9). Однако проследить археологические следы присутствия христиан в Мерве ранее VI в. пока не удалось. По мнению А. Б. Никитина, большую часть захоронений некрополя в Мерве можно датировать V–VI вв., так как принятая в публикациях ЮТАКЭ условная датировка археологических комплексов Мерва ошибочна примерно на 150 лет (Никитин, 2001).

Я полагаю, что вопрос об интерпретации захоронений некрополя в Мерве до сих пор остается открытым, и лишь комплексный анализ всех проведенных на памятнике работ, в совокупности с новыми открытиями и исследованиями в Средней Азии, позволит решить проблему принадлежности захоронений этого интересного кладбища той или иной конфессии.

Список литературы

- Дресвянская Г. Я., 1989. Некрополь Старого Мерва // Древний Мерв // Труды ЮТАКЭ: Сб. статей. Т. XIX. Ашхабад. С. 122–163.
- Ершов С. А., 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954–1956 гг.). // Труды института истории, археологии, и этнографии АН СССР. Т. V. Ашхабад. С. 160–217.
- Кошеленко Г. А., 1963. Отчет о раскопках некрополя древнего Мерва в 1963 г. Копия отчета № 2884 // Архив ИА. Р-1, № 2884, 2884а.
- Кошеленко Г. А., Десятчиков Ю. М., 1966. Раскопки некрополя Древнего Мерва // АО. М. С. 179–181.
- Массон М. Е., 1969. От редакции // Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад. С. 9.
- Никитин А. Б., 2001. К истории христианства в Мерве // Пилигримы. СПб. С. 38–39.

Обельченко О. В., 1969. Некрополь Древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.).
// Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад. С. 86–99.

Сусенкова Р. С., 1969. Некрополь Древнего Мерва (материалы раскопок 1956 г.).
// Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад. С. 100–108.

Танаис в I – первой половине II в. н.э.: к постановке вопроса

Преснова Н. Н. (Институт Археологии РАН, г. Москва)

За время изучения Танаиса и его некрополя были выявлены основные периоды развития города. Однако остаются еще вопросы, не получившие освещение в полной мере. Один из них – период после разгрома Танаиса царем Полемоном (I – первая половина II в. н.э.). Сложность изучения этого отрезка времени вызвана трудностью выделения сравнительно небольшого количества комплексов рассматриваемого периода, сохранившихся после более поздних перестроек города.

Вопросы истории Танаиса в римский период в целом рассматривались в работах Т. Н. Книпович, Д. Б. Шелова, Т. М. Арсеньевой и ряда других исследователей. Из-за недостаточного количества материала послеполюмонову Танаису в них уделено лишь несколько строк. Однако, высказанные в этих работах предположения о существовании города после катастрофы I в. до н.э. находят все больше подтверждений. Рассмотрение историографии развития Танаиса в I – первой половины II в. н.э. и актуальности выделения этого периода является целью данной работы.

Впервые материал, накопленный в первой четверти XIX – начале XX в., исследовала Т. Н. Книпович (1949). Рассматривая материал римского времени, автор приходит к выводу об отсутствии длительного временного перерыва в развитии города, о достаточно активных торговых отношениях в это время (1949. С. 124). Об этом говорят находки предметов неместного происхождения: краснолаковые изделия, привезенные в Танаис из Малой Азии, а также ряд бронзовых изделий, имеющих аналогии в продукции италийских центров производства. Наряду с импортными вещами, в комплексах присутствовал и материал местного происхождения, в основном представленный лепной керамикой.

Д. Б. Шелов также указывал на развитость города в начале новой эры (Шелов, 1970, 1972). На основном четырехугольнике городища и

в его западном районе он выделил слой с материалом I – II вв. н.э., а также открыл помещения этого времени (Шелов, 1957). Однако данный слой зафиксирован лишь фрагментарно, и основную часть открытых комплексов из-за более поздних перестроек датировали II – III вв. н.э. Исключением является широтная улица А, открытая в 1980-е гг. на центральном раскопе. Здесь выявлен уровень полотна дороги I в. до н.э. – I в. н.э. (Арсеньева, Науменко, 1993. С. 95). Поэтому представить полную картину развития города в I – первой половины II вв. н.э. в 1950-е–1980-е гг. еще не представлялось возможным. При дальнейшем изучении Танаиса (1990-е – 2000-е гг.) в западной и южной частях городища были открыты новые помещения, существовавшие в рассматриваемое время, продолжены работы по изучению оборонительной системы города (Арсеньева и др., 2011. С. 139). Накопленные в результате археологического исследования Танаиса данные на сегодняшний момент позволяют говорить о существовании города в начале новой эры. Кроме этого, открытые комплексы дают возможность выявить основные особенности развития Танаиса между полемоновским разгромом и разрушением города в середине II в. н.э.

В 1950-е гг. было выдвинуто также предположение о том, что в I в. н.э. в Танаисе усиливается влияние ираноязычных племен, что прослеживалось по нововведениям в погребальном обряде. При дальнейшем изучении некрополя в 1960-е–1970-е гг. Т. М. Арсеньева приходит к выводу о том, что процесс слияния греческого и варварского населения начался еще в III в. до н.э. Он носил характер «постепенного проникновения сарматского элемента» в городское население (Арсеньева, 1977. С. 149). Об усилении варварского влияния можно говорить лишь с середины II в. н.э., с приходом в нижнедонской регион носителей позднесарматской культуры. Надо отметить, что материал, полученный при изучении некрополя в последние годы, подтверждает выводы 1970-х гг. (Вдовченков, Ильяшенко, 2013. С. 292).

Проведенный в последнее время анализ различных материалов из Танаиса тоже говорит о продолжающемся развитии города в начале новой эры. Так, А. И. Иванчик и С. Р. Тохтасьев, рассматривая надписи, посвященные царице Динамии, приходят к выводу о том, что Танаис был восстановлен еще до начала правления Савромата I (93–123 гг. н.э.) (2009. С. 98). Интересные результаты получил С. И. Безуглов при рассмотрении нумизматического материала Танаиса (2001). Он отмечал постепенное восстановление торговых связей города в первой половине I в. н.э., которое приводит к подъему его экономики в последней

трети I – начале II вв. н.э. После Савромата I отмечается некий спад торговли, выразившийся в сокращении находок в Танаисе монет и товаров импортного производства. Упадок торговых связей города в первой половине I в. н.э. подтверждается и на основе анализа амфорного материала. С. Ю. Внуков отмечает, что в это время заметно сократился южнопонтийский импорт, связанный с нестабильностью в отношениях Боспора и Рима (Внуков, 2006. С. 265).

Об отсутствии длительного перерыва в жизни Танаиса после карательного похода Полемона I в конце I в. до н.э. впервые заговорили еще в середине XX столетия. По мере изучения городища и накопления материала появилась необходимость выделить еще один этап в развитии города, охватывающий I – первую половину II вв. н.э. Комплексы этого времени указывают на развитие жилой застройки и на перестройку фортификационной системы. Находки монет боспорских царей и импортных изделий свидетельствует о включении Танаиса в единую экономическую систему Боспора. Накопленный материал рассматриваемого периода требует подробного изучения, что будет предметом следующего этапа работы.

Список литературы

- Арсеньева Т. М., 1977. Некрополь Танаиса. М.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 1993. Раскопки Танаиса в 1985 – 1989 гг. // КСИА. Вып. 207. М. С. 93–102.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А., Ильяшенко С. М., 2011. Исследования на городище Танаис в 2009 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2009 г. Азов. С. 129–140.
- Безуглов С. И., 2001. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.): Дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. М.
- Вдовченков Е. В., Ильяшенко С. М., 2013. Тамги Танаиса – этнокультурный контекст явления // Боспорский феномен. СПб. С. 292–296.
- Внуков С. Ю., 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (петрография, хронология, проблемы торговли). М.

Иванчик А. И., Тохтасьев С. Р., 2009. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. № 3. С. 95–107.

Книпович Т. Н., 1949. Танаис. М.

Шелов Д. Б., 1957 Отчет о полевых работах Нижне-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. // Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1. № 1496.

Шелов Д. Б., 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.

Шелов Д. Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.

Сяньбэй и стремена

*Трубникова В. Б. (г. Санкт-Петербург)
barbarera@gmail.com*

Одним из дискуссионных вопросов в современной археологии остается проблема происхождения металлических стремян в Южной Сибири и Центральной Азии. На сегодняшний момент ранние стремена принято разделять на два типа: с «петельчатой» или «пластинчатой» дужкой (Савинов, 1996. С. 20). При этом их одновременное существование предполагает не эволюционное развитие из одного типа в другой, а, вероятно, разный генезис. Предыдущие исследования позволили соотнести петельчатые стремена с таштыкской культурой, а пластинчатые – с восточно-азиатским (корейским) регионом только на основании отдельных аналогий (Азбелев, 2008; Вайнштейн, Крюков, 1984; Савинов, 1996).

В отечественной археологии этот вопрос был поднят еще в 1966 году, когда вышла статья С.И. Вайнштейна, посвящённая проблеме выделения древнетюркской культуры, а также появления седла с жёсткой основой и стремян (Вайнштейн, 1966). Оппоненты этой теории И.Л. Кызласов и А.К. Амброз высказали предположение, что родиной ранних типов стремян являются Япония и Корея (Кызласов, 1973; Амброз, 1973). Далее, в 1984 году С.И. Вайнштейн и М.В. Крюков впервые ввели в советский научный оборот археологические данные по сяньбийскому погребению около г. Аньян со стременами. При его раскопках был найден богатый материал, позволяющий датировать погребение началом IV в. (сейчас

датировка уточняется в пользу её омоложения) (Вайнштейн, Крюков, 1984. С. 124). Предметы конской упряжи, найденные в Аньяне, считались на тот момент самыми ранними, что вновь поставило вопрос об их связи с сяньбэй. Сегодня список сяньбийских стремян пополнился. В отечественной археологии уже были введены в научный оборот пластинчатые стремяна из Фаншэньцунь, в могиле № 8, датированные серединой III – началом IV вв. (Комиссаров, 2006). Помимо этого, среди ранних находок выделяются стремяна из Бэйвэйму в округе Гуюань, а также из могилы № 154 Сяоминьтинь (Sun Wei, 2006. Fig. 5, 9).

По хронологии мужун-сяньбэй первые стремяна происходят из погребений конца III – середины IV вв. К тому моменту, в отличие от тоба-сяньбэй, ассимилировавшихся с китайцами, мужун-сяньбэй еще сохранили свою самобытность и кочевую культуру. Об этом свидетельствует продолжение традиции устраивать погребения в цистах в неглубоких ямах (около 1 метра от уровня древней поверхности). В изголовье основного погребения часто устраивали отдельную камеру или вырубали ступень для погребения коня (иногда вместо целой туши клали ее отдельные части, к примеру, голову). Вместе с останками коней часто обнаруживают пластинчатые стремяна. Именно мужун активно контактировали с протокорейским государством Пуё и ранним Когурё в середине IV в., когда и могло произойти заимствование последними новых элементов конской упряжи (Комиссаров, 2006. С. 22).

Ранние сяньбийские находки позволяют пересмотреть привычные корейские аналогии культур Когурё и Силла для южно-сибирских пластинчатых стремян. Одним из доказательств их корейского происхождения принято считать большее количество находок стремян на полуострове. Однако расхождение на поздних этапах китайских и корейских форм стремян – подножие у корейских стремян из прямленного становится более закругленным, а сам корпус более узким – говорит скорее об их независимом развитии на протяжении столетия (Choi, 2014. Fig. 12). Не стоит также забывать о некоторой топографической путанице из-за близости ареалов культур когурё и мужун-сяньбэй, что дало повод для отнесения одних и те же стремян к разным культурам.

В пользу сяньбийского происхождения «пластинчатых» стремян в Южной Сибири может также свидетельствовать и пересмотр атрибуций некоторых уже известных памятников. Так, впускная могила № 1 в Улуг-Хорум с пластинчатыми стремянами имеет отличное от тюркской

традиции погребение коня за головой человека, причем лошадь отделена от умершего каменной перегородкой (Грач, 1982. С. 159). Очевидно, наличие стремян вместе с особым мужунским погребальным обрядом, описанным выше, позволяет атрибутировать впускное погребение как мужунское, относящееся к началу V в.

Таким образом, накопление новых археологических данных и пересмотр уже известных атрибуций, позволяют решить вопрос о происхождении пластинчатых стремян в пользу мужун-сяньбэй. Также любопытно отметить, что в середине IV – V вв. Южная Сибирь оставалась в поле зрения сяньбэй, хотя основное распространение сяньбийских культурных компонентов пришлось на II – III вв., что позволяет ожидать новых открытий в будущем (Трубникова, 2015).

Список литературы

- Азбелев П. П., 2008. Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб. С. 56–68.
- Амброз А. К., 1973. Стремена и сёдла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. №4. С. 81–98.
- Вайнштейн С. И., 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. №3. С. 60–81.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В., 1984. Седло и стремя // СЭ. №6. С. 114–130.
- Грач В. А., 1982. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск. С. 156–168.
- Комиссаров С. А., 2006. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 4. Новосибирск. С. 20–23.
- Кызласов И. Л., 1973. О происхождении стремян. СА, №3. С. 24-36.
- Савинов Д. Г., 1996. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул. С. 16–20.

Трубникова В. Б., 2015. Сяньбийская изобразительная традиция как индикатор присутствия сяньбэй (сяньби) в Южной Сибири // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы III Международной конференции молодых ученых. М. С. 159–160.

Sun Wei, 2007. Xianbei kao gu xue wen hua yan jui / Archaeological study on the Xianbei culture // Inner Mongolia. (На кит. яз.)

Choi Byung-Hyu, 2014. Chogi teunjae palchon / The development of early stirrups in ancient Northeast Asia // Chung-Ang. (На кор. яз.)

Чернолаковая керамика из раскопок дома эллинистического времени в XIX квартале Херсонеса Таврического

*Ушакова К. С. (ФГБУК историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь)
ushakova.ks84@gmail.com*

Многолетние археологические исследования Херсонеса Таврического и памятников его ближней хоры позволили осветить многие вопросы истории города. Тем не менее, значительная часть массового археологического материала, накопленного за годы раскопок, до сих пор не только не получила должной научной интерпретации, но даже не введена в научный оборот. В этой связи, наряду с изданием материалов новейших исследований, очевидна необходимость публикации (или републикации) и анализа на основе современных классификаций как отдельных категорий находок, так и целых комплексов из раскопок предшествующих лет.

В данной работе предпринята попытка исследовать чернолаковую керамику из раскопок дома эллинистического времени в XIX квартале Херсонеса Таврического, изученного Г. Д. Беловым в 1949 г. (дом III по нумерации Г. Д. Белова) (Белов, 1949; Белов, 1955; Белов, 1956). По мнению автора раскопок, дом, как и соседние постройки, существовал на протяжении III–II вв. до н.э. и погиб результате катаклизма в конце II в. до н.э. (Белов, 1955. С. 267).

Чернолаковые сосуды из данного комплекса распределяются по типам следующим образом.

Сосуды для питья представлены почти исключительно аттическими канфарами классической серии последней четверти IV – первой половины III в. до н.э. (Егорова, 2009. С. 87. Рис. 4: 42, рис. 10: 132; Rotroff, 1997. Pl. 3, 27-30, fig. 4: 5; Handberg et al. 2010. P. 212, pl. 102, Db108) (рис. 1: 1–7), причем два их фрагмента украшены росписью в стиле West Slope: плющевая гирлянда вправо (ср.: Егорова, 2009. С. 84–87. Рис. 1: 11, 2: 23, 3: 26, 4: 39; Rotroff, 1997. Pl. 3: 31, 5: 47; Hannestad et al., 2002. P. 132. Pl. 62: B7, 63: B 42) (рис. 1: 3, 5).

Единственный фрагмент чашевидного канфара можно отнести к концу IV в. до н.э. (типа: Rotroff, 1997. Fig. 7: 55; ср.: Масленников, 2010. С. 386. Рис. 3: 7) (рис. 1: 8).

Среди мисок с отогнутым краем аттического производства встречаются как фрагменты классического типа последней четверти IV – III вв. до н.э. (Егорова, 2009. Рис. 13: 175, 177, рис. 14: 188; Rotroff, 1997. P. 157. Pl. 144: 866–869; Hannestad et al., 2002. Pl. 64: B103) (рис. 1: 10, 11), так и эллинистического – второй четверти III в. до н.э. (Егорова, 2009. Рис. 17: 228, 229, 234, 235; Rotroff, 1997. Fig. 60. Pl. 146: 905, 907) (рис. 1: 9, 12).

Миски с загнутым краем представлены двумя вариантами. Среди мелких мисок выделяются сосуды аттических мастерских последней четверти IV – начала III вв. до н.э. (Егорова, 2009. Рис. 20: 283, 284, 287; Rotroff, 1997. Fig. 62: 971, 974) (рис. 1: 13) и малоазийских мастерских начала – второй четверти III в. до н.э. (Егорова, 2009. С. 42, 156. Рис. 159–160: 621, 623, рис. 39: 589) (рис. 1: 14, 15, 17). Закраина глубокой миски датируется последней четвертью III – началом II вв. до н.э. (типа: Rotroff, 1997. Pl. 77: 1031; ср. также: Егорова, 2009. Рис. 23: 326, 327) (рис. 1: 16).

Рыбные блюда представлены аттическими образцами последней четверти IV – первой четверти III вв. до н.э. (Егорова, 2009. С. 142. Рис. 29: 479, 485, 487; Rotroff, 1997. Fig. 51: 718) (рис. 1: 21). Еще один фрагмент аналогичен блюду из Пергама последней четверти III – начала II в. до н.э. (Schäfer, 1968. S. 43, taf. 1, 2, C4) (рис. 1: 26). Два обломка рыбных блюд с небольшими бортиками, возможно, имеют местное происхождение (ср.: Егорова, 2009. С. 66–68. Рис. 49: 740, 741) (рис. 1: 22, 23).

Тарелки с валикообразными венчиками, относящиеся к поздним вариантам такой посуды, датируются второй половиной III – началом II вв. до н.э. Они происходят из Аттики (Егорова, 2009. Рис. 28: 463, 464; Rotroff, 1997. P. 142–145, Pl. 143, 661. Fig. 47: 660, 663, 676, 677) (рис. 1:

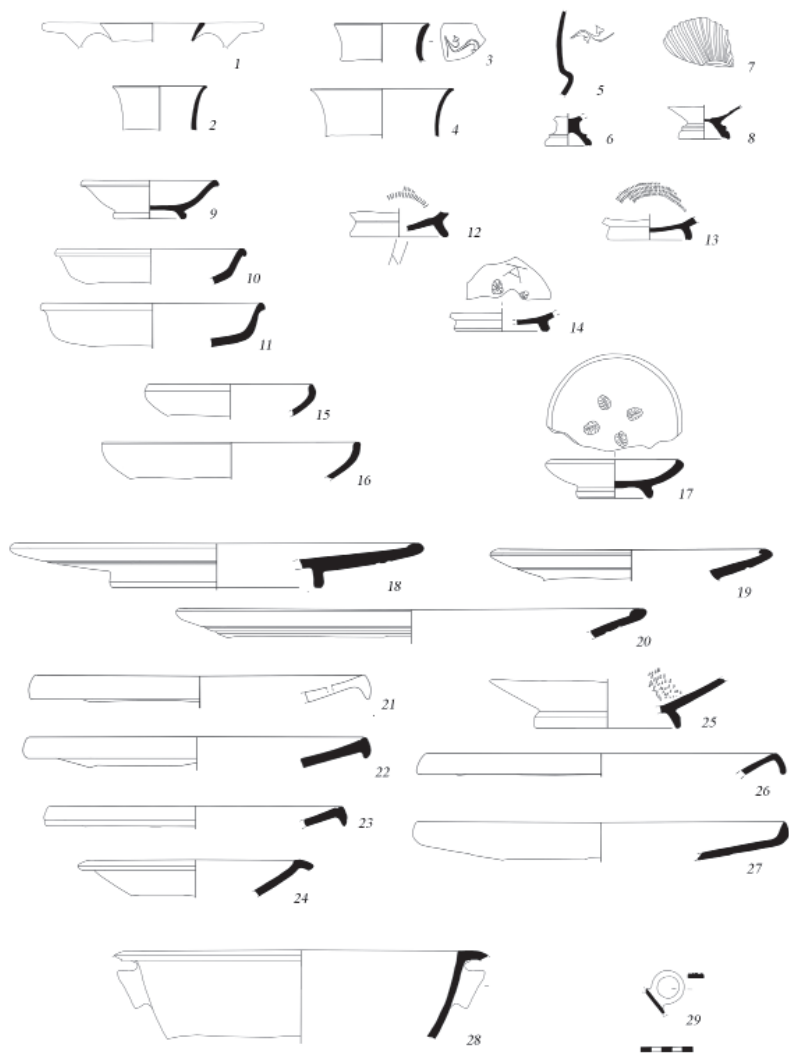

Рис. 1. Чернотаковые сосуды из раскопок дома эллинистического времени в XIX квартале Херсонеса Таврического

19, 25) и Малой Азии (Егорова, 2009. С. 166. Рис. 45: 679; ср.: Schäfer, 1968. Taf. 1: C2) (рис.1: 18, 20).

Редкая для памятников Северного Причерноморья форма сервировочных сосудов – блюда с сильно отогнутым краем (Стоянов, 2005. С. 46. Рис. 4: 34, 35; Егорова, 2009. С. 42, 144. Рис. 30: 505; Rotroff, 1997. P. 150, 318. Fig. 52, pl. 66: 743-745) датируется концом III – первой четвертью II вв. до н.э. (рис. 1: 24).

Блюдо с массивным вертикально отогнутым краем напоминает пергамский экземпляр второй половины II в. до н.э. из Северо-Западного Крыма (Егорова, 2009. С. 170. Рис. 46: 712) (рис. 1: 27).

Сосуды для хранения масла представлены фрагментом ручки гуттуса, скорее всего, малоазийского производства (ср.: Schäfer, 1968. S. 58, 62, C26a. Taf. 19, D73, 74; Mitsopoulos-Leon, 1991. Taf. 58, B125) (рис. 1: 29).

Интересна находка обломка кратера с ручкой-упором. Наш фрагмент, судя по отсутствию росписи в стиле West slope, имеет аттическое происхождение и датируется последней четвертью III в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 137–139. Pl. 56: 590-592, 594, 595) (рис. 1: 28).

Таким образом, основная масса чернолаковых сосудов из комплекса относится к последней четверти IV – первой четверти II в. до н.э., тогда как более поздним временем, второй половиной II – началом I в. до н.э., датируется только один фрагмент. Прослеживается также традиционное преобладание аттического импорта над продукцией других центров (в частности, малоазийских), и постепенное уменьшение его доли к концу III в. до н.э.

Список литературы

- Белов Г. Д., 1949. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1949 г. // Архив ФГБУК ИАМЗ «Херсонес Таврический». № 622.
- Белов Г. Д., 1955. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // СА. № XXIV. С. 257–281.
- Белов Г. Д., 1956. Эллинистический квартал в Херсонесе // ВДИ. № 3. С. 141–151.
- Егорова Т. В., 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.

- Масленников А. А., 2010. Чернолаковая посуда с поселения Генеральское-Западное (юго-западный склон) // Древности Боспора. № 14. С. 373–396.
- Стоянов Р. В., 2005. Расписная и чернолаковая столовая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V-I вв. до н. э. // Боспорские исследования. Вып. VIII. С. 39–53.
- Handberg S., Petersen J.H., Bilde P.G., Bjerg L.M.H, Samojlova T., 2010. Glosed Pottery // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6 century BC to the 4 century AD. Vol. I, II. N.A. Lejpunskaja, P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.V. Krapivina, S.D. Kryžickij (eds.). Aarhus. P. 185–260.
- Hannestad L., Stolba V. F., Hastrup H. B., 2002. Black-glazed, Red-figure, and Gray Ware Pottery // Panskoe I. The monumental building U6. Text, plates. L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Ščeglov (eds.). Aarhus. P. 127–149.
- Mitsopoulos-Leon V., 1991. Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos Kleinfunde. 1. Teil: Keramik hellenistischer und römischer Zeit. Bd. IX. Vienna.
- Rotroff S. I., 1997. Hellenistic pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, New Jersey.
- Schäfer J., 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin.

Изучение средневековых памятников Евразии: общие проблемы, локальные материалы

Опыт реконструкции сооружений первого строительного горизонта городища Ендырское I

Абакумова О. С. (Уральский Федеральный университет, департамент «Исторический факультет», г. Екатеринбург) olesya_93@list.ru

Городище Ендырское I расположено примерно в 68 км к ЮЮВ от г. Нягани (Октябрьский район Ханты-Мансийского автономного округа), на левом берегу р. Ендырь, в ее большой излучине. Памятник занимает оконечность мыса, образованного с востока изгибом береговой террасы, а с запада – глубоким логом, уходящим под прямым углом в глубь террасы (Зыков, Кокшаров, 2001. С. 9).

На городище Ендырское I обнаружены 9 строительных горизонтов, первый из которых на основании находок зеленогорской керамики датируется VI–VII вв. н.э. Начиная с кинтусовского периода (XI–XII вв.) и заканчивая сайгатинским (XV–XVI вв.) на этом месте существовал городок Эмдер – столица одноименного княжества, прославленная в героическом эпосе обских угров в «Былине про богатырей города Эмдер».

Эмдер упоминается и в русских письменных источниках – в «Книге Большому Чертежу», которая опирается на источники XVI века. В «Книге» приводится описание цепочки укрепленных «городков», расположенных в Нижнем Приобье: Чемаш, Шеркар, Нецгаркор, Курмыш-Юган, Атлам, Карымкан, Емдыр, Калым и Обской Большой (Сербина, 1950. С. 169).

Местонахождение городка Эмдер (городище Ендырское I) обнаружил инженер-геофизик В. В. Долганов. Он передал эту информацию археологам Уральского Государственного университета – А. П. Зыкову и С. Ф. Кокшарову. В 1993 году здесь начаты исследовательские работы, в ходе которых было обнаружено целое скопление археологических памятников. С 1994 года начались стационарные раскопки городища Ендырское I, а с 1997 года – его некрополей. Эти работы продолжаются до настоящего времени.

Первый строительный горизонт городища Ендырское I (рис. 1). В этом слое были обнаружены части двух жилищ, а также связанные с ними канавки и столбовые ямки. Кроме того на памятнике выявлены остатки фортификации.

Котлован жилища 1 прослежен на глубине около 100 см от современной поверхности. От уровня погребной почвы он был углублен на 20 см. Раскопками обнаружены части юго-западной и юго-восточной стен, а также юго-восточный угол жилища, которое было ориентировано по линии ССВ – ЮЮЗ. Его точную форму и размеры установить сложно.

Вдоль западной стенки раскопа была выявлена цепочка из канавок, длина которых варьирует от 20 до 80 см, ширина – от 2 до 4 см, а глубина составляет 10 см. Они были заполнены светло-желтым переотложенным песком. При изучении более поздних слоев, было установлено, что

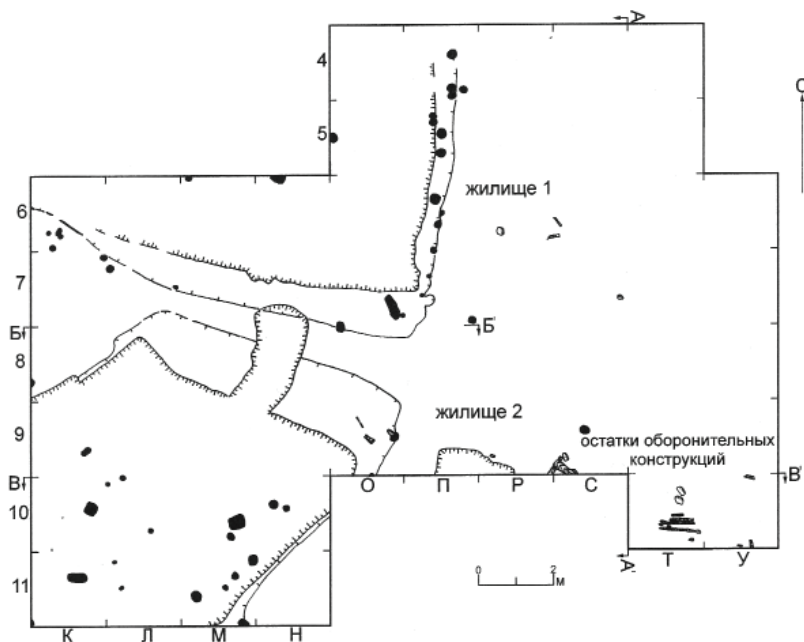

Рис. 1. Городище Ендырское I. План остатков сооружений I строительного горизонта

подобные канавки образовывались при вбивании в грунт досок или плах, которыми крепились стены котлованов для предотвращения их осыпания. Исходя из размеров канавок, можно предположить, что речь идет о колотых плахах шириной до 4 см и длиной до 80 см. Подобную методику строительства использовали на другом угорском городке – Надым (Кардаш, 2009. С. 9).

В 70–145 см южнее юго-западной стенки жилища 1 расположен котлован жилища 2, который находится на глубине около 70 см от современной поверхности и углублен от уровня погребенной почвы на 20–30 см. При раскопках обнаружены северный и восточный угол постройки, а также полностью или частично северо-восточная, северо-западная и юго-восточная ее стенки. Размеры котлована составляли $7 \times 7,2$ м (Кокшаров, 1995. С. 7). Его юго-восточная стена также укреплена досками.

К востоку от жилищ удалось проследить остатки укреплений того же периода, которые были перекрыты напластованиями поздних сооружений.

В юго-восточном углу раскопа было отмечено скопление параллельно лежащих спрессованных грунтом жердей, длиной до 80 см и диаметром до 6 см. Они, возможно, связаны с развалом оборонительной стены. Помимо этого здесь удалось расчистить угол срубной клетки с подведенным под угол выравнивающим столбом, длина которого составляла более 12 см, а диаметр – около 8 см. Угол клетки был укреплен булыжником размерами 22×12 см.

Обнаруженные объекты позволяют реконструировать фортификацию городища (рис. 2). Она состояла из срубной стены, сложенной из бревен длиной до 2 м и шириной до 25 см. Стена забутована песком на высоту не менее метра. Ее нижние венцы зафиксированы дополнительно крупными камнями и кольями, что доказывается обнаруженными к северу от развала оборонительной стены двумя крупными булыжниками размерами 28×20 и 27×16 см. Также можно предположить наличие бруствера стрелковой площадки, который был выполнен из частокола, приставленного внутри сруба к его внешней стенке. Возможно, облик оборонительной стены был схож с реконструированной фортификацией Сургутского I городища, синхронной объектам первого строительного горизонта Ендырского I городища (Зыков и др., 1994. Рис. 19). Можно предположить, что в основании холма, на котором располагался рассматриваемый памятник, находился ров VI–VII вв., из которого брали грунт для забутовки крепостной стены.

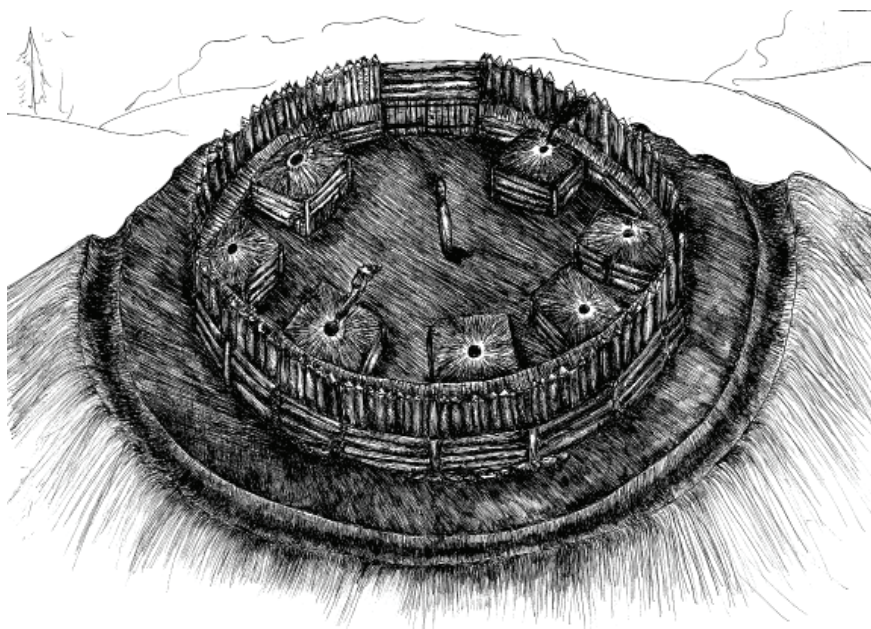

Рис. 2. Реконструкция городища Ендырское I в зеленогорский период (VI–VII вв.)

Жилища, пристроенные вплотную к стене в целях экономии ресурсов и времени, имели квадратную (прямоугольную?) форму котлована ($7 \times 7,2$ м). Сложенные из бревен и жердей срубные дома подпирались плахами и досками, длиной от 20 до 80 см, которые вбивались на глубину до 10 см. Постройки, изученные на Сургутском I городище, позволяют предполагать, что дома обогревал и освещал центральный очаг-коstriще.

Большая часть объектов строительного горизонта пострадала при поздних перекопах и строительстве средневекового городка Эмдер. В дальнейшем материалы зеленогорского периода следует сверять с данными уже изученных крепостей Западной Сибири этого же периода.

Список литературы

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., 2001. Древний Эмдер. Екатеринбург.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В., 1994. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург.

Кардаш О. В., 2009. Надымский городок. Екатеринбург.

Кокшаров С. Ф., 1995. Отчет о раскопках городища Ендырского I, проведенных в 1995 году. Екатеринбург //Личный архив автора.

Сербина К. Н., 1950. Книга Большому чертежу. М., Л.

Пенджикент в предмонгольское время: новые исследования

*Аминов Ф. Ш. (г. Санкт-Петербург)
iruzaminov@gmail.com*

Городище древнего Пенджикента является одним из самых известных археологических памятников раннесредневекового времени Центральной Азии, его изучение продолжается непрерывно уже 70 лет. Древний Пенджикент запустел в 770-х гг. Процесс перехода Пенджикента от раннесредневекового времени к периоду развитого феодализма, т.е. периоду после арабского завоевания, археологически изучен слабо. До сих пор нет четкого представления, где располагался Пенджикент в IX–XII вв., поскольку современный город Пенджикент прежде не был объектом специального археологического изучения. Материалы, найденные здесь, являлись случайными находками, обнаруженными в процессе строительных работ.

В начале 1990-х гг. при исследовании зданий раннесредневековых винодавilen у подножья цитадели древнего Пенджикента, Н. Ф. Саввониди нашел керамику IX–X вв. (Саввониди, 1991). В 1997 г. И. К. Малкиель обследовал случайные находки поливной керамики, сделанные во время строительства в жилом домовладении в 500 м к северо-востоку от городища древнего Пенджикента. Эти фрагменты он датировал X–XI вв. (Малкиель, 1997). В 2013 г. недалеко от этого места автор этих строк осмотрел случайные находки поливной и неполивной керамической посуды X–XII вв., также сделанные в ходе строительных работ (Аминов, 2013).

Сложность археологического изучения Пенджикента саманидского времени (IX–X вв.) заключается в том, что территория, где обнаружены

вышеупомянутые находки, занята плотной застройкой. В настоящий момент целью нашего исследования является археологическое изучение Пенджикента предмонгольского времени и долины Верхнего Зеравшана, в которой он расположен. Для этого необходимо определить границы города саманидского времени, исследовать его материальную культуру, выявить внутренние и внешние культурные связи, традиции и инновации в урбанистическом развитии. В рассматриваемое время регион входил в состав государства Саманидов (874–999 гг.), а затем Караханидов (X в. – 1209 г.). В окрестностях Пенджикента родился и вырос придворный поэт Саманидов Абу Абдуллах Рудаки. Все вышеперечисленные факты определяют актуальность археологического изучения Пенджикента домонгольского времени.

В 2015 г. Пенджикентская археологическая экспедиция (Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан и ГЭ) начала работы по археологическому изучению современного города Пенджикент. Местом раскопок был выбран колхозный стадион, в 800 м к северо-востоку от подножья городища древнего Пенджикента, недалеко от места вышеупомянутых находок. Первый подъемный материал был встречен здесь в траншее глубиной 50–80 см, вырытой местными жителями вдоль восточной стены стадиона. Нами заложено два шурфа в южной и северной частях стадиона. Глубина культурного слоя в шурфах составляла 1,2–1,5 м. Архитектурных сооружений обнаружено не было, но в результате работ собран археологический материал.

Самой массовой категорией находок стали фрагменты поливной и неполивной керамики, причем количественно преобладает полевая керамика – 105 черепков. Ее можно условно разделить на четыре типа по цвету фона: светлый, коричневый, зеленый и черный. Преобладают фрагменты чаш и блюд с коричневым фоном росписи. Черепки украшены растительным и геометрическим орнаментами, некоторые образцы имеют однотонную поливу без орнаментации (рис. 1: 1, 5, 7-8, 11). Встречаются фрагменты с эпиграфическим (два черепка с куфическими надписями; один из них с надписью белой глазурью на черном фоне, читается как «Аллах», – вероятно, часть благопожелания) (рис. 1: 4, 9) и псевдоэпиграфическим орнаментами (рис. 1: 10). Большой интерес представляет фрагмент блюда с зооморфным изображением мифического существа с хвостом и ушами (рис. 1: 2). Приблизительные аналогии этому черепку имеются в материалах городища Афрасиаб (Шишкина, 1979. Табл. LXXVIII: 2). Среди неполивной керамики встречаются фрагменты

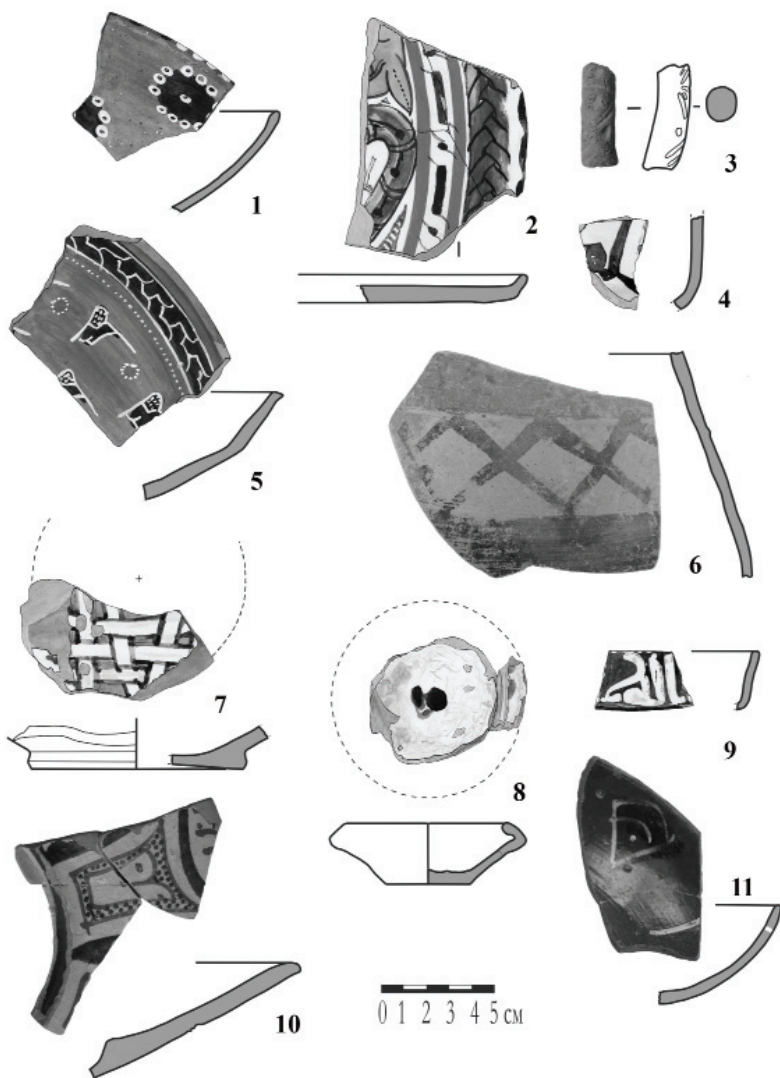

Рис. 1. Новые находки фрагментов поливной и неполивной (3, 6) керамики предмонгольского времени в г. Пенджикенте: 1, 5, 7, 11 – с коричневым фоном росписи; 2 – с зооморфным мотивом росписи; 4, 9 – с эпиграфическим орнаментом; 3 – с резным орнаментом; 6 – светло-коричневый ангоб; 8 – белый ангоб под прозрачной поливой; 10 – с псевдоэпиграфическим орнаментом

с ангобным орнаментом (рис. 1: 6), наlepным и резным узором (рис. 1: 3). Примечательно отсутствие характерной штампованной посуды.

Среди поливной керамики Пенджикента есть образцы, которые имеют точные аналогии в посуде округа Пенджикента (Тепе Ери, Муборакшах, Кири Носир, памятники долины р. Магиандарья), а также в керамике столичного Афрасиаба (Шишкина, 1979; Ташходжаев, 1967). Эта посуда датируется X–XII вв.

На объекте также были найдены фрагменты стеклянных сосудов: венчик прозрачного бесцветного стекла, стенка голубого прозрачного стекла, дно и ножка на подставке от флакончиков полупрозрачного стекла зеленоватого оттенка, а также стенка прозрачного бесцветного стекла с накладным декором в виде змейки из стеклянной нити, расположенной вертикально под углом 90 градусов. Последний фрагмент, возможно, был частью подвесной лампы, подобной найденным в Змейском могильнике в Северной Осетии и поселении Бокаташ в Крыму, а также лампе из музея Коллекция Давида в Копенгагене, украшенных аналогичным декором и также датируемых рассматриваемым временем (Сокровища Алании, 2011. С. 228, рис. 326; Крамаровский, 2012. С. 201, рис. 49; The David Collection).

Среди других находок следует отметить две бусины – сердоликовая граненая и вытянутая перламутровая, а также фрагмент бронзовой монеты 410 г. хиджры (1019–20 гг.), чеканенной в Самарканде. Легенда на ней обрывается на имени правителя – Мансур (?) (определение А.В. Кулиша). Известна аналогичная монета карханидского правителя Мансура бин Али хана, однако, чеканенная годом ранее – в 409 г. хиджры (Oriental Coins Database. Fig. 53088). Монета этого же повелителя, выпущенная в 410 г. хиджры, чеканена в Кузорду – Баласагуне (Кочнев, 2006. С. 132). Самаркандская монета того же правителя, относящаяся к 412 г. хиджры, отличается от нашей орнаментом (Oriental Coins Database. Электронная версия. Fig. 44603).

Современный город Пенджикент расположен на равнине, тогда как домонгольские археологические памятники его округа, в основном, сосредоточены на возвышенностях (тепе). Кроме того, они располагаются на местах поселений более раннего времени, тогда как исследуемая равнина не имеет таких памятников. Очевидно, что обитатели ранне-средневекового Пенджикента в конце VIII в. стали селиться именно в равнинной местности. На основании аналогий найденным материалам

можно судить о тесных торговых отношениях Пенджикента с Самаркандом, одним из крупнейших городских центров рассматриваемого времени. Также не исключается местное производство гончарной посуды или её импорт из близлежащих поселений. В планах дальнейшей работы предусмотрено продолжение археологического изучения Пенджикента и других памятников Верхнего Зеравшана предмонгольского времени.

Список литературы

- Аминов Ф. Ш., 2013. К исследованию памятников предмонгольского времени в округе Пенджикента // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и конфликте: Междунар. науч. конф. молодых ученых. (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2014 г.). СПб. С. 20–25.
- Кочнев Б. Д., 2006. Нумизматическая история караханидского каганата (991–1209 гг). Ч. I. Источниковедческое исследование. М.
- Крамаровский М. Г., 2012. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.
- Малкиель И. К., 1997. Новые находки поливной керамики саманидского времени из Пенджикента // 50 лет раскопок Древнего Пенджикента: Сб. тезисов науч. конф. Пенджикент. С. 42–43.
- Саввониди Н. Ф., 1991. Керамика IX–X вв. Древнего Пенджикента // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: Сб. тр. молодых ученых. Л. С. 77–86.
- Сокровища Алании, 2011. Сокровища Алании / Под ред. М.М. Блиева. М., 2011.
- Ташходжаев Ш.С., 1967. Художественная поливная керамика Самарканда IX–начала XIII вв. Ташкент.
- Шишкина Г. В., 1979. Глазурованная керамика Согда. Ташкент.
- The David Collection. Электронная версия. <http://www.davidmus.dk/en/collections/islamic/materials/glass/art/14-1964/>.
- Oriental Coins Database. Электронная версия. <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=53088>

Изучение гончарной посуды конца XVI – XIX веков из раскопок города Тобольска

*Балюнов И. В. (ГАУК ТО Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник; Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск)
balyunoff@mail.ru*

В последние десятилетия керамические комплексы русских поселений, городов и острогов в Сибири стали объектом пристального изучения. Опубликованный археологический материал достаточно разнообразен, и вполне закономерно, что авторы используют различные критерии для описания и систематизации находок.

В связи с этим заслуживает внимание археологическое наследие г. Тобольска, где сохранился культурный слой, формирование которого происходило с конца XVI в. Город был основан в 1587 г. и на протяжении нескольких столетий являлся административной и духовной столицей Сибири. Не случайно, что для Тобольска определена так называемая историческая часть, где уже неоднократно производились археологические исследования, направленные на изучение культуры русского населения. Основным материалом, полученным при раскопках, являются фрагменты гончарной посуды, обработка и осмысление которой из-за ее массовости, ещё далеки от завершения.

В публикации 2007 г. И. В. Балюнов, рассматривая горшки как отдельный вид гончарной посуды XVII в., разработал типологию данного вида посуды, а также отметил, что для этого времени характерна, прежде всего, серо-коричневая керамика (Балюнов, 2007). В обзорной работе 2008 г., посвященной материальной культуре жителей г. Тобольска, он дал краткую характеристику керамики периода XVII–XVIII вв. (Адамов и др., 2008. С. 67–68).

В 2009 г. О. М. Аношко и Т. В. Селиверстовой опубликовали гончарную посуду, происходящую из раскопов 2007–2008 гг., которая отнесена авторами к широкому временному периоду (XVII–XIX вв.). При описании материалов ими был широко использован статистический анализ, учтены многочисленные метрические параметры найденных сосудов. Но стоит отметить, что указанные раскопы были заложены на северной периферии Тобольского кремля, где материалы XVII в. представлены сравнительно редко, и в количественном отношении уступают находкам

более позднего времени. Авторы публикации, используя в качестве одного из критериев цвет черепка, выделяют три группы горшков: черные (мореные), серые, коричневые (Аношко, Селиверстова, 2009. С. 86). Распределив выделенные группы по горизонтам культурного слоя, исследователи приходят к выводу, что черная (мореная) керамика относится к ранней группе сосудов, а серая и коричневая появляются позднее и сосуществуют с черной на протяжении XVIII – начала XIX вв (Аношко, Селиверстова, 2009. С. 89).

Еще одна статья, дополненная новыми материалами, была опубликована Т. В. Селиверстовой в 2011 г. Исследовательница, корректируя некоторые выводы, сделанные ею прежде, приходит, в частности, к заключению о том, что серо-коричневую посуду следует относить к ранней группе керамики, а черные сосуды появляется несколько позже (Селиверстова, 2011. С. 376).

В 2014 г. И. В. Балюнов подробно охарактеризовал керамику конца XVI–XVII вв., выделив существовавшие формы посуды и разработав дробную классификацию отдельных ее видов на основе таких признаков как форма венчика сосуда и длина его шейки. Отмечено, что в этот период времени бытовала преимущественно серо-коричневая посуда, изготовленная на ручном круге, а более качественная темно-серая подлощенная и поливная посуда, представленная единичными экземплярами, относится, очевидно, к привозной продукции (Балюнов, 2014. С. 50–53, 99–117). В 2015 г. он же рассмотрел хранящиеся в фондах ТИАМЗ керамические комплексы конца XVI – начала XX века, происходящие как из археологических коллекций, так и принадлежащие этнографическим собраниям. Автор впервые обосновал выделение трех хронологических периодов развития этой посуды (конец XVI–XVII вв.; XVIII в.; XIX – начало XX вв.), дал ее краткую характеристику для каждого из периодов, определил отличительные особенности керамики, свойственные тому или иному периоду (Балюнов, 2015. С. 80–92).

Таким образом, можно констатировать, что уже проделанная работа позволяет определить информационные возможности керамического материала. При дальнейшей обработке можно детально разработать классификацию посуды по таким признакам как форма сосуда, форма венчика, состав формовочной массы, вид обжига, технология изготовления. На основе этих разработок следует определять хронологические особенности посуды и характеризовать некоторые особенности экономической жизни города и региона.

Список литературы

- Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г., 2008. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск.
- Аношко О. М., Селиверстова Т. В., 2009. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории Верхнего посада г. Тобольска // Вестник Тюменского государственного университета. Вып. № 7. Тюмень. С. 80–90.
- Балюнов И. В., 2007. Об одном из видов гончарной посуды г. Тобольска XVII в. // II Емельяновские чтения: Матер. Всерос. науч.-практич. конф. Курган. С. 45–47.
- Балюнов И. В., 2014. Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII вв. по данным археологических исследований: Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск.
- Балюнов И. В., 2015. Керамические комплексы Тобольска конца XVI – начала XX века // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей к 50-летию Ларисы Вениаминовны Татауровой. Омск. С. 80–92.
- Селиверстова Т. В., 2011. Русская гончарная посуда из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск. С. 369–377.

Особенности поселений эпохи раннего средневековья (V–VIII вв. н. э.) Новосибирского и Томско-Нарымского Приобья (по материалам исследований 1960-1990-х гг.)

*Демахина М. С. (Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск)
marshinza@mail.ru*

В эпоху раннего средневековья на территории Западной Сибири синхронно существовали несколько археологических культур: верхнеобская в Новосибирском, Томском Приобье и Кузнецкой котловине, одинцовская – в Барнаульско-Бийском Приобье и рёлкинская – в Нарымском Приобье.

Материалы Томского Приобья исследователи делят на две хронологические группы – V–VI вв. н. э., и VI–VIII вв. н. э. (Беликова, Плетнева, 1983). Материалы Нарымского Приобья, относящиеся к рёлкинской культуре, Л. А. Чиндина относит к VI–IX вв. н. э., при этом хронологических этапов не выделяет (1991). В Новосибирском Приобье исследователи выявляют три этапа верхнеобской культуры – одинцовский (V–VI вв. н. э.), тимиразевский (VII–VIII вв. н. э.) и юрт-акбалыкский (VIII–IX вв. н. э.) (Троицкая, Новиков, 1998).

Для раннего средневековья Томского Приобья характерны два типа поселений: селища и городища, которые относятся к речному типу заселения. Городища расположены на мысах и террасах. Оборонительные сооружения состояли из одной (городище Басандайка IV) или нескольких (Тимиразевское IV) линий обороны. К городищам часто примыкали селища. Западины на городищах и селищах располагались согласно топографии местности, причем характерны три варианта застройки памятников: рядовая застройка, представляющая систему параллельных рядов жилищных западин; локализация по линии валов и рвов, когда западины размещаются по периметру городища; хаотичная застройка (Плетнева, 1996. С. 9–10).

В Нарымском Приобье поселенческие комплексы представлены в основном селищами, городища изучены слабо. Городища делятся на террасные и мысовые, их площадь варьируется от 0,5 до 1,2 тысяч м². Оборонительная система таких памятников состояла из рва и вала. Некоторые городища окружены ими со всех сторон, другие – лишь с трех, тогда как четвертая сторона омывалась рекой. Городища, расположенные на узком мысу были с трех сторон окружены водой, а с четвертой стороны защищены валом и рвом, устроенными поперек мыса. В свою очередь, селища располагались на берегах мелких рек, озер и стариц. По площади можно выделить крупные селища (10–20 тысяч м², 40–120 западин) и мелкие (меньшая площадь, 5–15 западин). Четкая планировка селищ отсутствует, выявлена лишь концентрация западин в отдельные группы (Чиндина, 1991. С. 14–16).

Культурный слой на памятниках представлен в основном серой и темно-серой супесью небольшой мощности (30–50 см), насыщенность которой находками незначительна (Чиндина, 1991; Беликова, Плетнева, 1983).

Рассматривая памятники Новосибирского Приобья, исследователи выявляют такие общие особенности как расположение поселений на

террасах над мелкими речками, старицами и протоками. Культурный слой памятников слабо гумусирован. Он характеризуется небольшой насыщенностью находками. Городища имели оборонительные сооружения, представленные валом и рвом (Троицкая, Новиков, 1998. С. 16). Вместе с тем, отличительные черты поселений, свойственные каждому этапу развития верхнеобской культуры, практически не были выявлены.

Одинцовский этап представлен в основном однослойными городищами и городищами с селищами, размерами 1–3 тысяч м², расположенными на прибрежных террасах. Городища полностью или только с трех сторон окружены валом и рвом. Дополнительные сооружения в виде защитных бастioned, а также въезды встречены на единичных городищах. Эти памятники являются одноплощадочными, то есть городищами, все жилые строения которых окружены оборонительной системой, на некоторых из них видны следы расширения территории. Известны поселения округлой, овальной, прямоугольной и трапециевидной формы. Расположение жилищ внутри городища зависит от формы последних: в прямоугольных и трапециевидных они спланированы линейно, в округлых и овальных – радиально. Количество западин от размеров памятника не зависит. В среднем встречается от 4 до 30 западин.

К тимирязевскому этапу относятся однослойные и многослойные городища и селища, располагающиеся на прибрежных террасах. Преобладает включающая вал и ров оборонительная система, окружающая памятник с трех сторон. Дополнительные сооружения встречены в единичных случаях, как и въезды на городища. Доминируют одноплощадочные памятники, имеющие подпрямоугольную и овальную формы. Расположение жилищ также зависело от формы городища: для прямоугольных характерна линейная планировка, для овальных – радиальная. В городищах выявлено в среднем от 6 до 25 западин, на селищах – от 2 до 40–60. Бóльшее количество западин на многих селищах объясняется тем, что последние имели часто бóльшую площадь, чем городища. Площадь укрепленных поселений составляет, в среднем 2–5 тысяч м², встречаются памятники, у которых этот показатель достигает и 40 тысяч м². Площадь селищ варьирует от 3–5 тысяч м² до 10–25 тысяч м².

К юрт-акбалыкскому этапу также относятся, в основном, многослойные, городища и селища, располагавшиеся на прибрежных террасах. Фортификация включала рвы и валы, окружавшие поселение с трех сторон, а, порой даже разделявшие его на две площадки. Дополнительные

сооружения, как и въезды, зафиксированы лишь на единичных памятниках. Как и на предыдущих этапах, расположение жилищ зависело от формы городища, среди которых преобладали прямоугольные. Доминируют многослойные поселения, площадь городищ варьируется от 1–8 тысяч м² до 50–80 тысяч м², площадь селищ составляла около 20 тысяч м². О количестве жилищных западин сложно что-либо сказать, поскольку, на многих памятниках они не сохранились.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Памятники Новосибирского Приобья отличаются своим преобладанием террасного расположения, а также четкой планировкой городищ. Поселенческие памятники Новосибирского Приобья имеют крупные размеры на втором и третьем этапах бытования культуры, в отличие от объектов соседних территорий. Еще одним отличием является примыкание в Томско-Нарымском Приобье селищ к укрепленным поселениям.

Общими чертами всех памятников являются слабо гумусированный культурный слой поселений с небольшим количеством вещественного материала. В Новосибирском Приобье наблюдается развитие системы оборонительных сооружений от простых (V–VIII вв. н. э.) к более сложным (VIII–IX вв.). В единичных случаях в оборонительную систему включены защитные бастионы. Форма городищ к последнему этапу бытования культуры становится, в основном, единой. Наблюдается увеличение количества жилищных площадок. Со временем увеличиваются и площади памятников.

Список литературы

- Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск.
- Плетнева Л. М., 1996. Томское Приобье в Средневековье (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Чиндина Л. А. 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск.

Монеты XVI-XVII вв. с территории Земляного города в Старой Ладогe (по материалам раскопок 1999–2013 гг.)¹

Григорьева Н. В., Горлов К. В. (ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург)
mak-kon4@yandex.ru , costik.gorlov@yandex.ru

Англичане говорят: время – деньги.

Русские говорили: жизнь – копейка.

В кольце укреплений Земляного городища (Старая Ладога) Староладожская экспедиция ИИМК РАН (руководитель А. Н. Кирпичников) с 1999 по 2013 гг. нашла в верхней части культурных отложений 19 русских серебряных средневековых монет, которые выявлены в раскопах 3, 4, 5, располагавшихся вдоль внутренней стороны южного земляного вала. «Чешуйки»², номиналом деньга и копейка, относятся ко времени от правления Ивана IV до Петра I.

Шесть обнаруженных монет имеют точную стратиграфическую и планиграфическую привязку к культурному слою, остальные 13 происходят из отвалов раскопа. Все монеты, включая экземпляры из отвала³, были зафиксированы при изучении позднесредневекового верхнего слоя и находящихся в нем остатков деревянных конструкций в 2006 г. и 2007 г. (Кирпичников, 2007; Кирпичников, 2008). «Чешуйки» из отвала выявлены с помощью металлодетектора при контрольном просмотре вынутого в соответствующий год раскопок грунта, но без привязки к квадратам раскопов. Это обстоятельство позволяет использовать для датирования монеты из отвала с той же достоверностью, как и экземпляры, происходящие из культурного слоя (рис. 1; табл. 1).

Среди монет, имеющих точную привязку, три относятся ко времени правления Ивана IV⁴. Две из них, самые ранние, датируются «княжеским» периодом правления Ивана: московская деньга (№ 51 по полевой описи 2007 г.) и новгородская копейка (№ 675, 2006 г.) выпущены в 1535–

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 13-01-00147 «Новые материалы в истории Старой Ладогe» (по материалам раскопок последних лет)».

² Распространенное название русских монет, чеканенных из проволочных заготовок.

³ Кроме монеты 2004 г. (Кирпичников, 2005).

⁴ При определении монет использован каталог И. В. Гришина, В. Н. Клещинова, А. В. Храменкова (2015) и книга А. С. Мельниковой (1989).

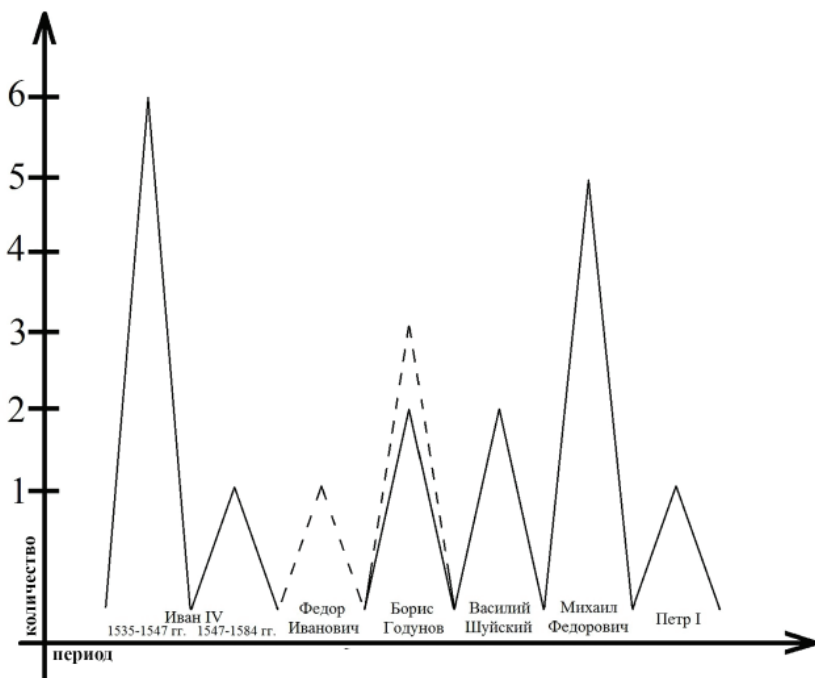

Рис. 1. График временно-количественного распределения монет. Прерывистая линия, указывает на принадлежность монеты к одному из двух правителей

1547 гг. Еще одна московская деньга (№ 914, 2006 г.) в составе легенды содержит титул «царь», что дает основание определить время ее выпуска 1547–1584 гг.⁵ К эмиссии Бориса Годунова принадлежит одна копейка, чеканенная в 1599 г. на Псковском денежном дворе (№ 338, 2006 г.). Правление Василия Шуйского представлено двумя младшими копейками, чеканенными в Новгороде. Плохое состояние сохранности одной из монет позволяет отнести дату ее чеканки к 1607 или 1608 гг. (№ 34, 2007 г.). Выпуск второй (№ 296, 2006 г.) относится к 1608 г.

Таким образом, представленная группа монет, отчеканенных по трех рублевой стопе, иллюстрирует срез монетного обращения в России к началу XVII в.

⁵ Плохая сохранность монеты не позволят определить для более нее более узкий период чеканки.

Среди монет, найденных в отвале, три деньги (№11, 2007 г.; № 141, 2006 г.; № 154, 2006 г.) и одна копейка (№ 23, 2006 г.), отчеканенные в Москве на «Варварке», относятся к «княжескому» периоду правления Ивана IV (1535–1547 гг.).

Копейка под № 22 (2006 г.), битая в Пскове, может принадлежать как к поздней чеканке Федора Ивановича, так и к ранним выпускам Бориса Годунова, который на протяжении первых восьми месяцев своего правления использовал оборотные штемпеля Федора⁶.

К эмиссии Бориса Годунова имеет отношение копейка (№ 1179, 2006 г.), плохая сохранность которой с определенной долей осторожности позволяет отнести ее к новгородской чеканке 1603 гг.

Чеканка Михаила Федоровича представлена пятью монетами. Три самые ранние копейки (№ 4, 2006 г.; № 29, 2007 г.; № 193, 2006 г.) биты в Москве в 1614 г. Еще две копейки 1616 (№ 294) и 1617 (№40, 2006 г.) гг. также относятся к выпуску «кремлевского» денежного двора.

Замыкает цепочку рассмотренных «чешуек» происходящая из верхнего перемешанного слоя копейка Петра I, битая на Старом денежном дворе в Москве в 1696 г. (№ 1, 2006 г.).

Неопределенна по причине сильной потертости рельефов одна монета (№ 178, 2006 г.). Ее атрибуция на основании ее веса невозможна из-за утраты значительного фрагмента монетного кружка.

Определение монет чрезвычайно важно в свете дискуссии о времени возникновения укреплений Ладожского Земляного города и особенностей использования этого участка поселения в позднесредневековый период (Кирпичников, Сорокин, 2002; Кузьмин, Волковицкий, 2002; Селин, 2010).

Хронологический анализ времени эмиссий позволил выявить некоторые закономерности в попадании нумизматического материала в культурный слой.

Только одна монета Ивана Васильевича принадлежит к «царскому» периоду, а остальные шесть к «княжескому». Новгородская чеканка представлена всего одной «княжеской» копеей, остальные экземпляры выпускались в Москве, хотя Новгородский и Псковский дворы переживали период своего расцвета именно во второй половине XVI в. (Мельникова,

1989. С. 43). Создается впечатление, что выпадение большей части этих монет в культурный слой происходило до определенного момента – условно до 1547 г.

Дальнейшие правления Федора Ивановича (?), Бориса Годунова и Василия Шуйского хорошо представлены копейками новгородской и псковской чеканки, что вполне закономерно для рассматриваемой территории (Мельникова, 1989. С. 38). Это обстоятельство контрастирует с ситуацией минимального присутствия «царских» монет Ивана IV.

Копейки Михаила представляют группу исключительно ранних московских монет, чеканенных до 1620-х гг. на «Кремлевском» дворе. Отсутствие денежных знаков, битых в более позднее время в Москве⁷, и выпусков Новгорода, Пскова (с 1517 гг.), Ярославля (с 1618 г.) и «деннинги» (с 1619 г.) (Мельникова, 1989. С. 159) позволяет заключить, что монеты Михаила компактно отложились в культурном слое до конца второго десятилетия XVII в.

Типологически единый состав монет, зафиксированных в раскопе и отвале, указывает на правильность методического подхода к рассмотрению этого нумизматического материала единым блоком.

Все монеты находились в слоях серого и коричневого гумуса, на глубине от +70 до +20, ниже уровня насыпной куртины. В этом слое наблюдалась высокая концентрация крупной битой известняковой плиты и плинфы, со следами связующего строительного раствора (Кирпичников, 2002). Предположительно этот мусор может быть связан с разрушением каменной церкви Святого Климента, находившейся в центральной части Земляного города, южнее участка исследований. Слой разрушения подстилают остатки, сохранившегося в виде тлена, деревянных настилов, и, частично обгоревших деревянных конструкций. Для остатков этих сооружений были получены две радиоуглеродные даты, свидетельствующие о том, что конструкции функционировали на протяжении 1520-1570-х гг. (Кирпичников, 2002), после чего они оказались перекрыты слоями разрушения, в котором находился нумизматический материал.

Выявленные закономерности периодичности попадания монет в культурный слой могут быть связаны с несколькими этапами строи-

⁷ Массовость выпусков указывает на их обязательное присутствие.

Таблица 1. Описание монетных находок из раскопок на Земляном городище 1999-2013 гг.

№ по порядку	Год раскопок	№ по описи	Определение	Обстоятельства находки		
				Квадрат	Глубина	Слой, горизонт
1	2004	294	Государство: Россия. Правитель: Михаил Федорович. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1616 г. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	–	–	Отвал
2	2006	1	Государство: Россия. Правитель: Петр I. Номинал: Копейка Дата чеканки: 1696 г. Место чеканки: Старый д/д (Москва). Металл: Ag.	–	–	Верхний мешаный слой
3	2006	4	Государство: Россия. Правитель: Михаил Федорович. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1614 г. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	–	–	Верхний мешаный слой
4	2006	22	Государство: Россия. Правитель: Федор Иванович или Борис Годунов. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1596–1598 гг. или 1598 г. Место чеканки: Псковский д/д. Металл: Ag.	–	–	Верхний мешаный слой
5	2006	23	Государство: Россия. Правитель: Иван IV. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1535–1547 гг. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	–	–	Верхний мешаный слой
6	2006	40	Государство: Россия. Правитель: Михаил Федорович. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1617 г. Место чеканки: Новгородский д/д. Металл: Ag.	–	–	Отвал
7	2006	141	Государство: Россия. Правитель: Иван IV. Номинал: Деньга. Дата чеканки: 1535–1547 гг. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	–	–	Отвал
8	2006	154	Государство: Россия. Правитель: Иван IV. Номинал: Деньга. Дата чеканки: 1535–1547 гг. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	–	–	Отвал
9	2006	178	Монета неопределима.	–	–	Отвал
10	2006	193	Государство: Россия. Правитель: Михаил Федорович. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1614 г. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	–	–	Отвал

Определение нумизматического материала выполнено Горловым К.В., ИИМК РАН.

11	2006	296	Государство: Россия. Правитель: Василий Шуйский. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1608 г. Место чеканки: Новгородский д/д. Металл: Ag.	Н -XIII	+70	Б
12	2006	338	Государство: Россия. Правитель: Борис Годунов. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1599 г. Место чеканки: Псковский д/д. Металл: Ag.	З -XIII	+65	Б
13	2006	675	Государство: Россия. Правитель: Иван IV. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1535–1547 гг. Место чеканки: Новгородский д/д. Металл: Ag.	Н-XII	+46	В
14	2006	914	Государство: Россия. Правитель: Иван IV. Номинал: Деньга. Дата чеканки: 1547–1584 гг. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	Ж -XIII	+30	В
15	2006	1179	Государство: Россия. Правитель: Борис Годунов. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1603 г. (?) Место чеканки: Новгородский д/д. (?) Металл: Ag.	–	–	Отвал
16	2007	11	Государство: Россия. Правитель: Иван IV. Номинал: Деньга. Дата чеканки: 1533–1547 гг. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	–	–	Отвал
17	2007	29	Государство: Россия. Правитель: Михаил Федорович. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1614 г. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	–	–	Отвал
18	2007	34	Государство: Россия. Правитель: Василий Шуйский. Номинал: Копейка. Дата чеканки: 1606 или 1607 гг. Место чеканки: Новгородский д/д. Металл: Ag.	Ж-XIV	+20	Коричневый гумус на уровне дерева, А
19	2007	51	Государство: Россия. Правитель: Иван IV. Номинал: Деньга. Дата чеканки: 1535–1547 гг. Место чеканки: Московский д/д. Металл: Ag.	К-XII	+20	Черный горелый слой, Б

тельных и восстановительных работ на Земляном городе в конце XVI – начале XVII вв. Это явилось следствием нестабильной ситуации, требующей как строительства крепостных сооружений, так и постоянного их ремонта и обновления.

Список литературы

Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.

- Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е., 2002. Исследование Староладожского «Земляного городища» в 2000 г. // Ладога и ее соседи в эпоху раннего средневековья. СПб. С. 151-158.
- Кирпичников А. Н., 2002. Отчет о работе Староладожской археологической экспедиции ИИМК в 2001 г. в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2001. № 31.
- Кирпичников А. Н., 2005. Отчет о работе Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2004 г. в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2004. № 28.
- Кирпичников А. Н., 2007. Отчет о работе Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2006 г. в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // Архив ИА РАН.
- Кирпичников А. Н., 2008. Отчет о работе Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2007 г. в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 2007. № 30.
- Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И., 2002. Ладожские бастионы и горизонт В Земляного городища (проблема хронологии) // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Сб. статей по материалам Шестых чтений памяти Анны Мачинской. (Старая Ладога, 21-23 декабря 2001 г.). СПб. С. 195-199.
- Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533–1682 год). М.
- Селин А. А., 2010. О времени строительства земляного города в Ладоге // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова. Т.2. СПб. С. 334-349.

Идентификация погребенных Тихвинского некрополя Царевококшайска: опыт перекрестного анализа археологических и письменных источников (предварительные итоги)

*Калыгина Ж. С. (Марийский государственный университет,
учебно-научный археолого-этнологический центр, г. Йошкар-Ола)
kost1991.mihajlov@yandex.ru*

Тихвинское кладбище как первое общегородское место погребения возникло в Царевококшайске в 1772 году в результате Указа Екатерины II от 24 марта 1771 г. о создании кладбищ для городских жителей за чертой города. На протяжении 150 лет (официально до 1926 г., а фактически до начала 30-х гг. XX столетия) на Тихвинском кладбище совершались захоронения людей, в большинстве своем православных.

Сегодня территория Тихвинского некрополя располагается в черте современного города Йошкар-Ола (ныне это улица Комсомольская), где размещены Центральный парк культуры и отдыха (в советское время имени XXX-летия ВЛКСМ), а так же здания общественных учреждений.

В связи со строительством жилого многоэтажного здания, на участке бывшей территории Тихвинского некрополя с марта по ноябрь 2012 года были проведены охранные археологические раскопки. В результате было спасено от разрушения и исследовано 781 погребение на площади 1100 м².

В рамках охранных археологических раскопок на данном участке Тихвинского некрополя было получено большое количество культовых предметов – нательных крестов, медальонов, икон-образков. Всего зафиксировано 1193 артефакта.

Значительное количество погребального инвентаря и большой объем полученных данных дают возможность идентификации личности некоторых погребенных. Для этого необходимо также использование письменных архивных источников. Археологическое изучение дает возможность наполнить конкретным содержанием сведения письменных источников, позволяет зримо воссоздать историю материальной культуры. Основным источником по идентификации погребенных являются метрические книги церквей г. Царевококшайска. К сожалению, существует проблема их малого количества.

Косвенные данные можно получить из таких архивных источников, как карты и планы, а также воспоминания современников. В числе картографических источников следует упомянуть план «Город Царевококшайск (1916-1917)» (рис. 1), в котором подробно показаны местоположения церквей и городского кладбища. Известной и часто цитируемой в исторической литературе работой является труд В. А. Мошкова «Царевококшайск: путевые заметки», 1901 год; Воспоминания Макса Майна о закладке парка на месте городского кладбища, очерковые заметки барона Александра фон Келлера и другие.

Говоря о результатах работы на первом городском кладбище, следует отметить, что среди значительной части захоронений Тихвинского некрополя, совершенных по православному обряду в вытянутом положении на спине, головой на запад, в деревянных гробах, большой интерес вызывают шесть погребений, в которых люди лежали головой на восток. Эти могилы располагались на одном участке, где был найден медальон с изображением почитаемой у католиков Матери Божьей Остробрамской. На основании этой находки был сделан вывод, о том, что в упомянутых могилах погребены поляки, сосланные в Царевококшайск после восстания 1863 г.

Следует отметить погребение, в котором лежал человек в военном мундире с медалью ветерана Крымской войны. Любопытно, что в четырех могилах оказались покойники с трепанацией черепа, видимо, пациенты больницы. В одном из склепов был обнаружен погребенный, одетый в мундир со знаками Лесного ведомства, форма которых была утверждена в 1901 г. Возможно, здесь был похоронен лесничий Кучкинское лесничества Царевококшайского уезда, титулярный советник Сергей Никитич Киселёв, умерший 27 апреля 1907 г. от крупозного воспаления легких в возрасте 37 лет.

Говоря об идентификации погребенных Тихвинского некрополя, нужно отметить, что по итогам антропологического анализа большинство усопших были явными европеоидами, то есть выходцами из центральной России. Однако, многие скелеты имеют смешанные расовые признаки, будучи похожими в этом отношении на костяки из мариинских могильников XI–XVII вв.

Имеют значение следующие выявленных при раскопках Тихвинского кладбища признаки: ориентация погребения по сторонам света (запад, восток), наличие надмогильного сооружения (склеп) как признак

статусного захоронения и погребальный инвентарь. Существенным признаком является также украшение гроба (обивка из ткани и различные навершия), впрочем, учитывая разную сохранность гробов, сложно делать выводы, учитывая только эти данные.

Анализ орнамента керамики неволинской культуры Среднего Поволжья (на примере Чертова городка и поселения Подгоры I)

*Караваешкина Е. А. (НИИ истории и культуры Ульяновской
области имени Н.М. Карамзина, г. Ульяновск)
Elena_k_1990_ul@mail.ru*

Данная работа посвящена анализу орнамента посуды неволинской культуры, обнаруженной на двух памятниках Среднего Поволжья: Чертов городок (Старомайнский район Ульяновской области, левый берег р. Волга) (Семькин, 2012. С. 225-227) и поселение Подгоры I (Волжский район Самарской области, правый берег р. Волга) (Скарбовенко, 2000).

Для анализа орнамента керамических комплексов этих памятников был применен метод структурного анализа, разработанный Е. В. Волковой. Метод заключается в том, что орнамент исследуется на четырех структурных уровнях: элемент, образ, мотив и композиция (Волкова, 2010. С. 90-91).

Приспособления для нанесения орнамента. На обоих поселениях для этой цели использовались зубчатые и гладкие штампы, шнур, а также инструмент для нанесения небольших вдавлений округлой формы. На посуде Чертова городка выявлен орнамент, оставленный ножом для прочерчивания.

Элементы. Упомянутыми штампами нанесены четыре стилистических элемента: короткая прямая линия, длинная прямая линия, точка и волна. Короткая линия оставлена гладким и зубчатым штампами; длинная линия – шнуром и зубчатым штампом; волна – зубчатым штампом. В целом, все эти элементы характерны для посуды неволинской культуры Верхнего Прикамья.

Образы (табл. 1). Выделено 18 орнаментальных образов, причем на обоих памятниках распространено два образа: длинная прямая линия,

Табл. 1. Орнаментальные образы на керамике Чертова городка и поселения Подгоры I

	Образы	Чертов городок	Подгоры I
1		2	
2		5	5
3		1	
4		2	2
5		1	22
6		1	
7			2
8			1
9		1	
10		15	
11			1
12		1	
13		1	
14			4
15			1
16			18
17			8
18		4	6

выполненная оттиском шнура; оттиски гладкого и зубчатого штампов, нанесенные по кромке венчика.

Для керамики Чертова городка свойственен образ в виде «арки», выполненный протаскиванием зубчатого штампа (15 фрагментов). Этот образ не характерен для посуды неволинской культуры и встречается только на данном памятнике.

Для керамики поселения Подгоры I присущ образ в виде горизонтальной слочки, выполненный преимущественно штампом. На посуде Чертова

городка такой образ встречается только в одном случае. Также в орнаментации керамики поселения Подгоры I (18 случаев) выявлен образ, состоящий из параллельных оттисков шнура, образующих косичку, и пары оттисков шнура, в которых нити расположены в одном направлении (8 сосудов).

К образам, встречающимся только на посуде Чертова городка, можно отнести горизонтальный зигзаг, выполненный зубчатым штампом; горизонтальный сдвоенный зигзаг, выполненный гладким штампом; неоконтуренный ромб; вертикальный зигзаг (1 сосуд); волна, выполненная протаскиванием зубчатого штампа (1 сосуд); насечки по венчику, сочетающие резной крест и прямые насечки, выполненные ножом для прочерчивания (1 сосуд); ямчатые элементы продолговатой формы (1 сосуд).

На керамике поселения Подгоры I выявлены круглые вдавления, вертикальные оттиски штампа (1 сосуд); косая решетка (1 сосуд), бессистемные оттиски горизонтального зубчатого штампа (4 сосуда).

Мотивы. Все мотивы, встречающиеся на посуде, являются основными и занимают целую орнаментальную зону. Исключение составляют два фрагмента с поселения Подгоры I, на которых представлены круглые вдавления. Из-за сильной фрагментарности нет возможности судить о месте этого образа в орнаментации сосуда.

На шейке керамического изделия часто находятся оттиски шнура или горизонтальная елочка, выполненная гладким штампом. На плече сосуда обычно встречаются зигзаг и горизонтальная елочка, нанесенная различными штампами.

Композиция. Фрагментарность посуды не позволяет судить о композиции всего орнамента, однако, при сопоставлении с керамикой, происходящей с традиционной территории распространения неволинской культуры, можно судить о том, что орнамент на сосудах располагался горизонтальными зонами в их верхней части.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что оба рассматриваемых поселения имеют близкие орнаментальные традиции: распространение образов на определенных зонах посуды, общие для всей культуры мотивы (сочетание шнура и елочки). Также в орнаментации керамики двух памятников есть различия, которые позволяют предположить о том,

что на этих поселениях проживали носители разных традиций: арки, выполненные при помощи протаскивания зубчатого штампа (городище Чертов городок) и оттиски шнура в виде косички (поселение Подгоры I).

Список литературы

Волкова Е. В., 2010. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.

Семыкин Ю. А., 2012. «Чертов городок» – протогородской центр ранней Волжской Болгарии // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. Чебоксары. С. 225–239.

Скарбовенко В. А., 2000. Отчет о раскопках селища Подгоры I в Волжском районе Самарской области // Архив археологической лаборатории СамГУ. Самара.

Археологические исследования церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино

*Ковалева И. В., Филатов Е. А. (Забайкальский государственный университет, г. Чита)
irinavictorovna2015@mail.ru, egor_filatov_1992@mail.ru*

В 2015 г. археологический отряд Забайкальского государственного университета при поддержке Забайкальского регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» проводил изучение церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино Нерчинского района Забайкальского края.

Данная церковь является уникальным памятником истории и культуры. Ее строительство было связано с началом освоения русскими земель за Байкалом. В 1706 г. Петр I издал указ, по которому здесь было разрешено открыть Успенский мужской монастырь. Царский указ был издан в ответ на челобитную сына боярского Никиты Варламова, ему поручалось осуществлять строительство. Церковь была сооружена в 1712 г. и на сегодняшний день является единственным каменным храмом того времени на пространстве от Байкала до Тихого океана (Бунтовский, Бунтовская, 2000. С. 251). Особый интерес представляет архитектура церкви: «Церковь каменная, о пяти маковицах. Кресты обиты белым

железом, а маковицы деревянным лемехом. Над алтарем глава каменная, крест железный с позолотой. При ней каменная же колокольня, а под колокольней, в середине, палатка каменная для содержания казны и прочей церковной утвари» (ГАЗК, ф. 282, оп. 1, д. 36, л. 11).

В церкви имелась особая тюремная камера, в которой содержались государственные преступники. Самым известным узником стал вице-президент Святейшего Синода Гедеон (Дашков), сосланный сюда в 1735 г. с наказом «содержать его там до смерти не исходно под крепким караулом и никого к нему не допускать» (Карташев, 2007. С. 260). Со временем вокруг монастыря возникло село, получившее название Монастырское. Монастырь оставался действующим до 1773 г., когда было принято решение его закрыть. Во второй половине XIX в. храм был отремонтирован на средства, собранные местными жителями, вокруг церкви построена ограда. В 1923 г., после посещения села председателем Центрального исполнительного комитета СССР от РСФСР М.И. Калининым оно было названо его именем. В 1930-х гг. церковь была закрыта и использовалась для хозяйственных нужд, а в 1970-х стала бесхозной.

Первым, кто стал изучать Успенскую церковь, был известный архитектор Н.П. Крадин. В опубликованной в альманахе ВООПИиК статье он отразил историю Нерчинского Успенского мужского монастыря. Исследователь сумел оценить масштаб разрушений церкви и поставил вопрос о необходимости ее срочной реконструкции (Крадин, 1984). Однако в то время никаких конкретных шагов для восстановления церкви сделано не было.

В 2000-х гг. интерес к церкви еще более усилился. Об ее истории, архитектуре и необходимости реконструкции храма написаны десятки статей. В 2010 г. в крае был проведен конкурс «7 чудес Забайкалья». По итогам конкурса наибольшее количество голосов набрала именно Успенская церковь. Тогда и было принято решение о необходимости ее восстановления. В связи с этим был создан попечительский совет, открыт расчетный счет и начат сбор добровольных пожертвований. В 2011 г. разрабатывается проектно-сметная документация — «Проект консервации объекта культурного наследия» и «Реконструкция церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино, Нерчинского района». Начался сбор средств для реконструкции храма. Начать работы планировалось в 2012 г., однако вопрос о проведении археологических исследований на прилегающей к церкви территории в принятых документах не ставился.

Цель работ 2015 г. заключалась в привлечении внимания общественности к необходимости проведения археологических работ на территории Успенской церкви. В ходе осмотра храма на его колокольне, в слое мусора, была обнаружена медная прямоугольная накладка, видимо, от церковной книги. Она украшена сферическим выступом, от которого в разные стороны расходятся лучи. Археологические работы проводились вдоль северной стены здания церкви, обращенной к реке. Площадь раскопа составила 65 м². Раскопки позволили выявить стратиграфию памятника, получить набор артефактов, понять характер их распределения, выявить неизвестные прихрамовые структуры. Все находки связаны с верхней частью отложений (почвенно-дерновый слой) и залегают в нем до глубины в 15–20 см. Ниже идет другой литологический слой – темное (до черноты) почвенное отложение времени атлантического оптимума (8–4 тыс. л.н.). В нем нет находок.

В ходе раскопок найдено 242 предмета. Среди них представлены 106 черепков керамики, 12 обломков фаянсовых и 8 фрагментов стеклянных сосудов, 110 кованых железных гвоздей и их обломков, 5 фрагментов слюды. Особый интерес представляет медный нательный крестик длиной 5,3 см, шириной 3,5 см, толщиной 0,2 см. К верхней части мачты (вертикальная часть креста) примыкает кольцо, в котором находится отверстие для подвешивания, имеющее диаметр 0,22 см.

В процессе исследования обнаружена преимущественно лепная, неорнаментированная керамика, средняя толщина фрагментов которой составляет 0,5–0,7 см. Цвет посуды варьирует от светло- до темно-коричневого. Пористое тесто обожжено неравномерно. В качестве отощителя использованы мелкозернистый песок и дресва. Найдены 12 фрагментов венчиков: три прямые гладко срезанные и девять слегка отогнутых наружу. Фрагменты фаянсовой посуды преимущественно белого и голубого цвета имеют среднюю толщину 0,3–0,5 см. На ее обломках отсутствуют клейма. Толщина осколков сосудов, изготовленных из полупрозрачного зеленого стекла, составляет от 0,5 до 1,2 см. Представлено также доньшко из стекла зеленого цвета, толщина фрагмента достигает 1,0 см. Все обнаруженные железные кованые гвозди имеют четырехгранное или круглое сечение. Длина одного экземпляра составляет в среднем от 4 до 10 см, ширина шляпки – от 0,7 до 1,0 см. Находки в целом распространены по площади равномерно, однако количество гвоздей возрастает под церковными окнами. Большое количество гвоздей объясняется также, на наш взгляд, наличием в прошлом изгороди вокруг церкви. Обнаруженный материал датируется временем начала XVIII в. – началом XX в.

В 2,7 м от северного входа в церковь и в 2 м от ее стены на глубине примерно 5 см от поверхности была обнаружена хорошо сохранившаяся выкладка из плиток алевролита (толщина плитки составляет 1 см). Выкладка, имевшая длину 1,85 м, ширину с западной стороны – 0,5 м и с восточной – 0,35 м., тянется вдоль стены. Своими очертаниями выкладка напоминала крышку гроба, свидетельствуя о наличии здесь захоронения. Однако в этом месте его не оказалось, что подтвердила небольшая траншея, прорытая параллельно выкладке, которую не стали разбирать. Можно предположить, что она играла роль своеобразного кенотафа.

Известно, что с северной стороны храма, недалеко от входа, в 1739 г. был похоронен упомянутый выше опальный церковный иерарх Гедеон, но место его захоронения не было обозначено. Известие о реабилитации арестанта пришло в монастырь уже после его смерти. Может быть, данная выкладка связана с именем Гедеона? Данную версию еще предстоит проверить. Известно, что помимо Гедеона рядом с церковью, но с восточной ее стороны, были похоронены священники Знаменские долгое время служившие при храме.

Проведенные раскопки показали перспективность исследований Успенской церкви, которые планируется продолжить. Изучение данного храма приобретает особую актуальность в связи с необходимостью его срочной реконструкции. Интересные находки способны привлечь к этим работам общественное внимание. Надеемся, что их результаты будут учтены при реконструкции церкви.

Список литературы

- Бунтовский Н. Н., Бунтовская Р. Ф., 2000. Архитектура и градостроительство // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 2т. Т. 1: Общий очерк. Новосибирск. С. 252.
- ГАЗК, Фонд 282, оп.1, д.36, л.11
- Карташев А. В., 2007. Очерки по истории русской церкви. Т.2. Патриарший период. М.
- Крадин Н. П., 1984. Нерчинск // Альманах ВООПИиК. Памятники Отечества. 1 (9). С. 50-53.

Вышивка оловянным бисером в традиции древней мордвы

*Королева М. С. (МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск)
kms220@yandex.ru*

Мордовская вышивка во все времена оставалась очень нарядной, красочной и разнообразной. Мордовские рукодельницы брали шерстяные нити красного цвета и довольно плотно, стежок к стежку, создавали свои шедевры. В этом рукоделии вместо пальцев использовали крючки «кечказ». Их одной стороной привязывали шнурком к кусочку ткани (так называемый карман), а другой цепляли за полотно. На сам «карман» садились, придавая натяжение шнурку и самому полотну. Другим инструментом для вышивания служили иголки. И крючки, и выполненные из металлической проволоки иглы часто находят на памятниках Вадской мордвы (Петербургский, 2006. С. 133. Рис. 14: 19–21).

Мордовская вышивка исполнялась по счету нитей самой ткани, поэтому расположение узора на ней всегда строго линейное и геометрическое. Изображение располагалось по горизонтали, вертикали или диагонали. Самыми распространенными приемами вышивки стали роспись, набор, счетная гладь, косая стежка (Гвоздева, Прокина, 2009. С. 9–10), которые образуют узор только с одной или сразу с двух сторон. Все зависит от использованных видов швов. Например, гладь отображается с лицевой и оборотной сторон. При использовании потайных или глухих швов рисунок с изнанки практически незаметен. Так или иначе, о мастерстве хозяйки судят именно по оборотной стороне вышивки. Чем она аккуратнее сделана, тем талантливее рукодельница.

В XIX–XX вв. мордовские мастерицы часто вышивали орнаменты в виде зигзагов, квадратов, ромбов, розеток, крестов (Мартьянов, 1991. С. 54). Эти узоры символизируют природные явления, растения, божества и ритуальные действия. Считалось, что вышивка обладала магическими свойствами. Именно поэтому она проходила по краю одежды, чтобы злые силы не могли навредить человеку. Эта традиция прослеживается и по данным археологии, причем во время раскопок часто обнаруживают ткани с отпечатками оловянного бисера. Его бытование относят к VI–XIII вв., когда развивается традиция захоронений женщин-литейщиц. Считается, что при жизни они сами изготавливали украшения, в том числе и оловянный бисер.

При рассмотрении фрагментов текстиля с этими украшениями из Степановского, 2 Журавкинского, Крюковско-Кужновского, Абрамовского,

Селиксенского, Личадеево 5 и Шокшинского могильников удалось установить форму, размеры и варианты расположения оловянного бисера. Его размеры колеблются в пределах 9 x 3 мм и меньше. Каждая бисеринка пришивалась строго вертикально, достаточно близко друг к другу. Наличие двух отверстий в бисеринке гантелеобразной формы говорит о поочередном креплении бусины сверху и снизу, причем с оборотной стороны ткани образуются вертикальные стежки. Для перехода от одной бисеринки к другой необходимо сделать с внутренней стороны косой стежок. Образуется ровный зигзаг, который скрепляет бисер, делая его практически неподвижным.

Избежать зигзага позволяет другой способ. Пришив одну бисеринку, можно сделать стежок по горизонтали в сторону продолжения узора. С лицевой стороны игла выйдет там, где начинался предыдущий стежок. На оборотной стороне ткани образуется змейка из прямоугольников, лишенных одной стенки. Плохая сохранность археологического материала не позволяет уточнить все виды пришивания бисера. Поэтому информацию смогли получить благодаря эксперименту. При помощи ювелира из Саранска и консультации С. Агапова удалось выплавить 25 штук аналогичных бисеринок. Опробованы также способы их пришивания и варианты расположения бисеринок.

Самым распространенным вариантом орнамента, согласно археологическим материалам, были полосы из двух-трех рядов бисеринок с промежутком и без него. Расположение такого узора характерно для краев одежды – рукавов, подола, горловины, края полотенца и т.д. Текстиль с бисером представлен полотняным переплетением с тониной нити 0,3–0,5 мм (Королева, 2015. С. 46–47). Соответственна и тонина нити для вышивания. Она изготовлена из коричневой шерсти. Плотность ткачества указывает на вертикальный стан. Вышивка начиналась с самого края ткани. После завершения первого ряда узора симметрично переходили ко второму, ближе к центру куска материи. Фрагмент вышивки из погребения 14 (могильник Личадеево 5) имеет промежуток между рядами в 2 мм, из погребения 35 (Абрамовский могильник) – 4 мм. С практической стороны эта вышивка препятствовала изнашиванию ткани, служила своеобразным каркасом одежды.

Оригинальным изделием с отпечатком богатой вышивки, является головное полотенце из погребения 300 (Крюковско-Кужновский могильник) (Материальная культура, 1969. С. 100). Сохранившееся практически целиком оно состоит из двух полотен размером 85 x 16 см. Бисерный

узор проходит по краю и перпендикулярно ему, образуя четыре прямоугольника, причем третий из них имеет диагональ, а в четвертом (самом нижнем) пришиты три сюлгамы (рис. 1: 1). Бисер по краю полотенца пушен в 2–3 ряда (рис. 1: 3).

Кроме вышеупомянутых стандартных полос орнамента в этом головном полотенце имеется линия диагонали, соединяющая два противоположных угла одного из образованных узором прямоугольника. В этом случае верхние части крайних бисеринок совмещены, а края расходятся, образуя пространство в форме квадрата. Диагональ также типична для мордовской вышивки. Направление бисера в ней подобрано перпендикулярно направлению бисера в полосе, идущей по краю. В том

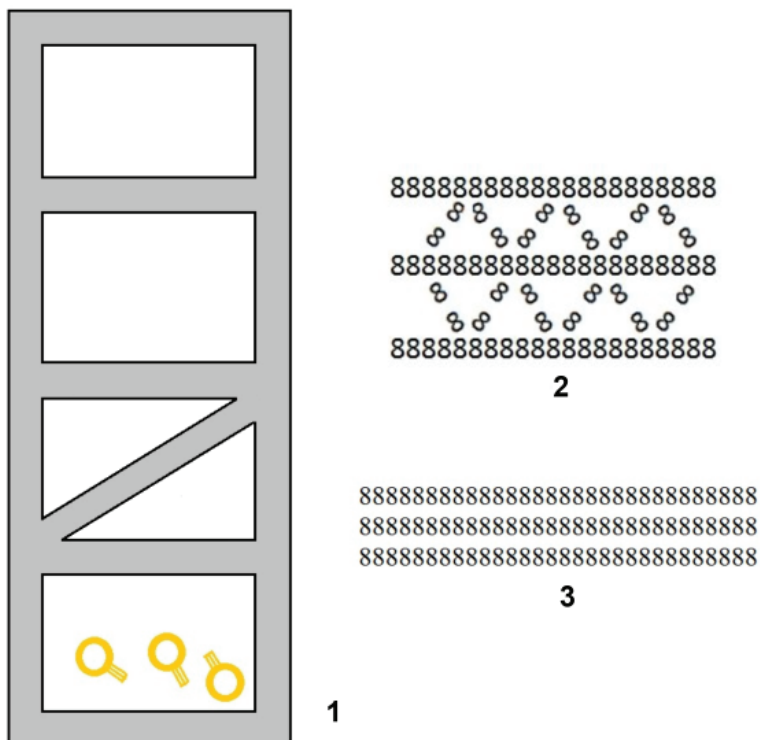

Рис. 1. Декор головного полотенца из погребений Крюковско-Кузновского могильника

месте, где диагональ отходит от угла узора, бисер крепится сфера к сфере также по счету нитей. При этом образуются небольшие фактически незаметные пространства. Это происходит из-за строго геометрического построения узора и формы самого бисера. Вышивка украшала только одну сторону полотенца. Второе полотнище скрыло все швы, сделанные вышивальщицей. Поэтому полотенце стало более плотным и аккуратным.

Выделяется также узор головного полотенца из погребения 91 (Крюковско-Кужновский могильник) (Материальная культура, 1969. С. 38). На его фрагментах сохранились ровные параллельные полосы бисерного узора. Между ними находился зигзагообразный узор, который зеркально отражается в соседних промежутках. Возможно, что перед нами имитация Цнинского головного убора с полосами (Воронина, 1973. С. 52. Рис. 14: 1). Рассматриваемый узор начинался с оформления полос. Затем по количеству полос бисера нашивались зигзаги (рис. 1: 2).

Традиция сложной вышивки характерна для мордовской культуры. Оловянный бисер использовался в качестве декора костюма в VI–XIII вв. В основном это был однообразный узор из полос в один или несколько рядов. Более сложные формы с ромбами из погребения 91 (Крюковско-Кужновский могильник) относятся к X в. Большинство женщин выплавляли бисер самостоятельно, поэтому они занимали особое положение в обществе.

Список литературы

- Воронина Р. Ф., 1973. Женский головной убор Среднецнинской мордвы VIII – XI вв. // КСИА. № 136. С. 47-55.
- Гвоздева Т. Н., Прокина Т. П., 2009. Мордовская народная вышивка // методическое пособие по вышивке. Саранск.
- Королева М. С., 2015. Прядение и ткачество древней мордвы 1 – начала 2 тыс. н.э. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве РМ. № 2(34). С. 45-49.
- Мартьянов В. Н., 1991. Мордовская народная вышивка. Саранск.
- Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII – XI вв., 1969. Саранск.
- Петербургский И. М., 2006. Вадская мордва в VIII – XI вв. Саранск.

Ювелирные мастерские Владимиро-Суздальского княжества (на примере черневых браслетов-наручей)

*Корниенко А. И. (Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург)
kornienko.job@mail.ru*

Древнерусские створчатые браслеты, декорированные чернью, готовили как из широкой, так и узкой серебряной пластины-основы. В первой половине – середине XII столетия появляются обручи, выполненные в технике ручной выколотки. Они украшены жгутами рубчатой проволоки, гравированными изображениями плясуний и музыкантов, птиц и зверей, а также растительным узором. Все орнаменты выполнены на черневом фоне. Самое большое количество ювелирных украшений с чернью было найдено в кладях на территории Киева. В связи с этим многие исследователи считают, что черневое дело зарождалось именно на Киевщине (Макарова, 1986. С. 116; Жилина, 2014. С. 89). Возникновение ремесла в данном регионе объясняется политическим значением Киева, а также его территориальным расположением на одном из важных путей средневековья («путь из варяг в греки»). Овладение таким сложным ремеслом, как чернение, само по себе предполагает длительную традицию металлообработки, и эта традиция сложилась именно в Среднем Поднепровье.

Художественные традиции киевских ювелирных мастерских и ассортимент черневых украшений исключительно богаты. Именно киевские мастера задавали тон в черневом деле, экспериментируя со способами наложения сплава – чередуя чернение то по фону изделия, то в линиях гравировки. Помимо художественных приемов, они начинают применять разнообразные штампы и чеканы для декорирования браслетов-обручей. Позже, в XIII–XIV вв., использование «механизации» на рассматриваемых изделиях становится излюбленным технологическим приемом. Традиции великокняжеских киевских мастерских прослеживаются в ювелирном ремесле соседних княжеств.

Ко второй половине XII в. относится продукция крупного ювелирного центра Владимиро-Суздальской земли. Черневое дело оставило нам мало изделий своих мастеров. По мнению Т.И. Макаровой, два браслета, найденные во Владимире, изготовлены в технике литья (Макарова 1986: 120). С этим утверждением можно поспорить. Так орнаментированные валики, на которые исследовательница указывает как на признаки литья,

на браслете из Печерного города во Владимире (клад 1896 г.), вероятно, выполнены при помощи чекана (на обратной стороне браслета различимы следы бороздки, оставленной им). В случае со вторым браслетом из этого же клада, уверено говорить о способе изготовления еще сложнее, поскольку такие изделия как серебряные браслеты-обручи, создавались не для массового использования, а по индивидуальному заказу, что подтверждает нецелесообразность трудоемкого изготовления литейной формы. Кроме того, среди известных литых створчатых браслетов нет экземпляров, декорированных чернью.

Более важным является анализ наручей, входивших в состав кладов, обнаруженных на территории Московского Кремля (Панова, 1988. С. 107). Отметим, что близкие по стилистике браслеты найдены в разных кладах. В составе клада 1988 г. представлены два серебряных наруча, причем оба имели двухъярусную композицию. В одном случае, в нижнем ярусе помещен растительный побег, а в верхнем ярусе под выгравированными арочками расположены изображения птиц по бокам и животных в центре. Стилистически этому браслету близок наруч из клада 1991 г. (Панова, 2009. С. 443). Для обоих украшений характерны двухъярусная композиция, изображения птиц, прочерчивание фона сеткой, чередование заполнения фона и линий гравировки чернью (Панова 2009: 443). Даже при беглом рассмотрении обоих браслетов создается впечатление их стилистического единства. Нет сомнений, что они были сделаны одним и тем же умелым мастером, хорошо знакомым с традициями ведущей киевской «школы» ювелирного дела.

На втором браслете из клада 1988 г. чернью заполнен только фон изделия, изображения даны в два ряда. Стилистически это украшение близко киевским экземплярам, однако прорисовка зооморфных персонажей отличается непропорциональностью тел (короткие ноги и длинные тела). Этот момент связывает данное изделие с браслетом из Владимира, который был обнаружен в 1896 г. в составе клада на территории Печерного города (Корзухина, 1954. С. 146–147, клад № 168; Макарова. С. 241, № 218). На этом экземпляре горизонтальное членение створок подчеркнуто накладной рубчатой проволокой и продольными золочеными полосами. Сюжеты помещенных в прямоугольные клейма изображений традиционны: птицы, звери, древо жизни, фигура из переплетающихся стеблей. Однако только в одном случае они образуют обычную композицию из древа и стоящих по его сторонам птиц. Во всех других клеймах они композиционно никак не связаны. Все изображения были покрыты позолотой, в настоящее время почти полностью стершейся.

След резца, которым работал гравер, похож на частый пунктир. Фигуры зверей и птиц прорисованы одним уверенным контуром, они приземисты и статичны.

Еще один браслет из Владимира дошел до нас в виде шести небольших фрагментов, но композиционно он был оформлен как и браслет из клада 1896 г. Возможно, эти изделия были работами одного и того же мастера. К сожалению, говорить об орнаменте фрагментированного изделия нельзя из-за его плохой сохранности. Однако, при сопоставлении следов гравировки на сохранившихся фрагментах видно, что мастер использовал тот же набор инструментов, что был применен при декорировании обруча из клада 1991 г., обнаруженного на территории Московского Кремля. Учитывая особенности других браслетов владимирских кладов, единые стилистические и композиционные элементы на рассмотренных изделиях, а также выводы многих исследователей о существовании развитой владими́ро-суздальской ювелирной школы уже в первой четверти XII в. (Рыбаков, 1948; Макарова, 1986), второй браслет из клада в Московском Кремле (1988 г.) следует, на наш взгляд, считать работой владимирских мастеров.

Отличительной особенностью владимирской группы браслетов является принцип разделения композиции на ярусы. В отличие от киевского традиционного деления створки с помощью накладной орнаментированной полоски серебра, владимирские мастера организовывали пространство в центральной части створки благодаря напаянным отрезкам рубленой проволоки по границам орнаментальных зон. Таким образом, ярусы были отделены друг от друга нетронутым пространством основы.

Еще одним признаком стилистической самостоятельности владимирской ювелирной школы следует считать использование позолоты на рассматриваемом типе изделий. В частности, мастера золотили разделительные элементы на створках. Только в одном случае мы имеем образец использования позолоты по всей поверхности створки, включая шарниры и крепления – браслет из клада в Московском Кремле (1988 г.)

Таким образом, во второй половине XII в. на территории Древней Руси наряду с Киевскими ведущими ювелирными мастерскими существуют как минимум две мастерские во Владимире.

Продукция первой мастерской хорошо выделяется на фоне остальных изделий – двухъярусная композиция браслета с маленькими киотцами, внутри которых помещены приземистые животные и птицы. Есть

возможность проследить торговые связи этой мастерской. Ее продукция была найдена на территории Древней Москвы.

Вторая владимирская мастерская остается для нас загадкой, к ее работе следует относить пару браслетов-наручей, которые Т.И. Макарова считала единственными примерами литья серебряных браслетов (Макарова, 1986. С.91).

Оба эти украшения выполнены на высоком художественном уровне. Своеобразие данных изделий позволило Б. А. Рыбакову видеть в них произведения местного черневого дела, в чем нет никаких сомнений. Судя по стилю рисунка, разному на обоих обручах, их делали два равных по дарованию гравера, работавших в одной традиции и, вероятно, в одной мастерской.

Список литературы

- Гущин А. С., 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси X – XIII вв. Л.
- Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX-XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.
- Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX – XIII вв. М.-Л.
- Макарова Т. И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.
- Панова Т. Д., 1988. Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле // СА. №2. М. С.207.
- Панова Т. Д., 2009. Свидетель трагедии 1238 г. – клад с территории Боровицкого холма Москвы // Археологические открытия 1991-2004 гг. Европейская Россия. М. С.439-448.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Образы коня и птицы в древнерусских подвесках первой трети II тыс. н.э.

*Кузнецова В. Н. (Российский этнографический музей,
г. Санкт-Петербург)
valentkuznets@mail.ru*

Новые интерпретации средневековых подвесок связаны с анализом иконографии и сопоставлением этих артефактов как с изобразительными, так и с фольклорными источниками. Например, А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова (2010) сопоставили изображения на подвесках, известных в литературе как «всадница на коне», с небесными богатырями, в частности, с Мир-Сусне-Хумом. Р. Спиргис (2012) переосмыслил семантику «коньков смоленского типа», интерпретировав эти изделия как левкроты на основании материалов средневековых bestiaries.

Самыми распространенными названиями древнерусских подвесок первой трети II тыс. н.э. являются «уточка» и «конек». «Принадлежность» к тому или иному виду стала даже основой их классификации.

Пластинчатые подвески представлены профильными образами животных и птиц, а также композициями парных протом в зеркальной симметрии. К профильным изображениям коня на подвесках может быть отнесен тип XIII таких изделий, по Е. А. Рябинину (1981. С. 27–28). Интерпретация всех двуглавых зооморфных подвесок в качестве фигурок коней не всегда может приниматься как безоговорочная. Украшения с фигурными прорезями на нижнем крае щитка вошли в историографию как изображение «человека между двумя конями». Однако в данных поделках отсутствует антропоморфная составляющая (рис. 1: 1–3), а набор зооморфных образов не ограничивается изображениями коней – головы некоторых типов дополнены роговидными навершиями (Кузнецова, 2015). Аналогичная деталь появляется и в украшениях, возникших на основе «пермских всадников» и подвесок «смоленского» типа. Изображение рогов в виде кольца было характерно для подвесок-«олений/лосей», распространенных в Юго-Восточном Приладожье в X–XI вв., а также для многих прибалтийских украшений. На матрице из Серенска и подвеске из Пярну XII – первой половины XIII в. также изображено полиморфное существо с рогами, сомкнутыми в кольцо (Сарачева, 2003. Рис. 5: 5–6; Зайцева, 2005. Рис. 3).

Весьма вариативной является группа двуглавых подвесок с подпрямоугольными прорезями в нижней части щитка (рис. 1: 4-7). Самые

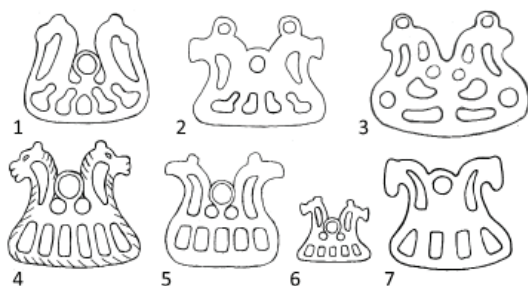

Рис. 1. Варианты оформления двуглавых зооморфных подвесок

качественные образцы с шестью прорезями (рис. 1: 4) отличает укороченная морда, ступенчатый профиль, часто показана оскаленная часть, которая просматривается и на миниатюрных подвесках с пятью прорезями в нижней части щитка (рис.1: 6). Подобная трактовка соотносится скорее с иконографией «лютых зверей», чем с изображением коней. Схожим образом трактованы головы кошачьих хищников на Людогощенском кресте, резьбе Дмитриевского собора, инициалах Остромирова Евангелия (Кузнецова, 2013).

Орнитоморфные подвески часто обозначались как «уточки». Изображения водоплавающих птиц действительно характерны для X–XII вв. Начиная с XI в., на полых и пластинчатых подвесках появляются образы птиц с гребешками и заостренными клювами. Пластика XII–XIII вв. представлена разнообразными изображениями куриных; подвески, которые можно было бы ассоциировать с водоплавающими птицами – редки.

Черты водоплавающих птиц сохраняются на полых полиморфных подвесках. Полые изделия представляют собой колоколовидный корпус, в центре которого расположено сквозное отверстие, а с боку – изображение головы. Такая форма является очень устойчивой – орнитоморфные изделия известны на территории Древней Руси уже в X–XI вв. (Рябинин, 1981. Табл. XVIII: 1–5). Они становятся основой для зоо- и полиморфных подвесок XII–XIV вв. Последние распространены преимущественно на территории Верхнего Поволжья и Белозерья и представляют собой контаминацию изображений водоплавающей птицы с наиболее ранними для древнерусской металлопластики образами «коня» и «барана». В изображениях на подвесках соединяются «утиный» клюв, «конская»

грива, «бараньи» рога. Примечательно, что фигурки, показанные на пластинчатых изделиях Верхневолжья также характеризуются сочетанием черт коня и птицы.

Интерпретируя изображения на подвесках, исследователи, начиная со второй половины XIX в., обращаются к материалам этнографии. Образы коней и птиц, с которыми чаще всего ассоциировали подвески, широко представлены в вышивке, резьбе и росписи северорусского и финно-угорского населения. Однако в этнографических материалах присутствуют и полиморфные фантастические образы. В них представлена контаминация изображений птицы, коня, оленя/лося, льва и других.

Развитие тератологических образов происходит на основе известных типов украшений. Адаптация изображения или композиции проявляется в добавлении или редуцировании определенной детали (к таковым относятся появление роговидного навершия, исчезновение антропоморфного изображения на подвесках на основании и прочее). В подвесках первой трети II тыс. н.э. также нашли отражение образы городской культуры. В целом, в данных изделиях проявляются гротеск и полиморфизм, характерные для искусства средневековья.

Список литературы

- Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2010. Предметы с изображением сюжета «животное/всадник на основании» в культуре средневекового населения Северной Евразии // Археология, антропология и этнография Евразии. № 2 (42). С. 79–88.
- Зайцева И. Е., 2005. Традиции Северной и Южной Руси в ювелирном деле Серенска // Русь в XI–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М. С. 145–151.
- Кузнецова В. Н., 2013. Зооморфные образы в изобразительной традиции населения лесной зоны Восточной Европы II тыс. н.э. // Музей. Традиции. Этничность. №2 (4). С. 52–64.
- Кузнецова В. Н., 2015. «Человек между двумя конями» (об одной разновидности двуглавых подвесок) // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Междунар. конф. молодых ученых. М. С. 142–143.

- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.
- Сарачева Т. Г., 2003. Древнерусские привески с изображением зверя // РА. № 4. С. 102–115.
- Спиргис Р., 2012. Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии и их новая интерпретация // Stratum Plus. Культурная антропология и археология. № 5. Другая Русь. Чудь, меря и инии языци. С. 195–220.

Новая типология погребений кочевников IX–XIV вв. степного Приуралья

*Матюшко И. В. (ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург)
irina_dojnikova@mail.ru*

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 33.1471.2014К. на выполнение научно-исследовательской работы «Археологические культуры кочевников степной зоны Волго-Уральского междуречья (IV тыс. до н.э. – XV в)».

Для создания типологии погребального обряда был использован статистический метод (определение взаимовстречаемости признаков погребального обряда) и кластерный анализ.

На первом этапе изучения структуры погребального обряда кочевников IX–XIV вв. степного Приуралья был определен набор признаков, по которому описывалось каждое погребение. Для этого использовался перечень признаков, апробированный в ряде исследований (Кригер, 1985; Иванов, Кригер, 1988; Гарустович, Иванов, 2001).

Перечень содержит признаки, позволяющие различать следующие показатели: отсутствие признака как такового или же отсутствие признака из-за разграбленности погребения. Такой подход к формированию описания признаков соответствует основным установкам, выработанным в ходе предыдущих работ, посвященных кодификации археологических материалов для статистической обработки (Каменецкий, 1986. С. 136–140).

Всего были учтены 174 признака погребального обряда, последовательно описывающие ритуальные действия в обратном порядке, начиная от характера надмогильного сооружения, а также включая категории погребального инвентаря.

Для вычисления коэффициента взаимовстречаемости признаков погребального обряда была использована следующая формула определения вероятности взаимовстречаемости двух явлений:

$K = (ab)/N \cdot 100\%$, где N – общее количество погребений в базе данных, (ab) – количество сочетаний (случаев взаимовстречаемости) обоих признаков. Дополнительно расчеты были проверены в программе MathCAD. Так были получены абсолютные показатели взаимовстречаемости каждого признака с каждым.

Следует отметить, что абсолютные показатели взаимовстречаемости не дают оснований для оценки степени сопряженности признаков, поскольку различные признаки встречаются в анализируемой базе данных неравномерно – одни больше, другие меньше. Диапазон их изменчивости варьирует в пределах от «0» - до числа единиц исследования. В связи с этим, необходимо было оценить силу связи между признаками. Для оценки силы связи между признаками была использована простая формула определения коэффициента вероятности взаимовстречаемости двух явлений (Генинг и др., 1990. С. 98).

$K = ab^2/AxB$, где A – общее количество одного признака в выборке, B – общее количество другого признака в базе данных, (ab) – количество сочетаний (случаев взаимовстречаемости) обоих признаков. Коэффициент принимает значения от 0 до 1,0, причем полное отсутствие взаимовстречаемости обозначается как 0,0, полное совпадение – как 1,0.

Таким образом, были определены коэффициенты взаимовстречаемости признаков, учитывая силу их связей. Ранжирование связей проводилось методом простой последовательной группировки (Федоров-Давыдов, 1987. С.152). Было установлено, что для анализируемого материала порогом показателя силы связи является коэффициент 0,09. Затем были выделены устойчивые сочетания признаков погребального обряда, учитывая силу связи (рис. 1).

В соответствии с выявленными комплексами связанных признаков исследуемая выборка погребений IX-XIV вв. н. э. была разделена на три совокупности погребений. В результате их сравнения было обнаружено,

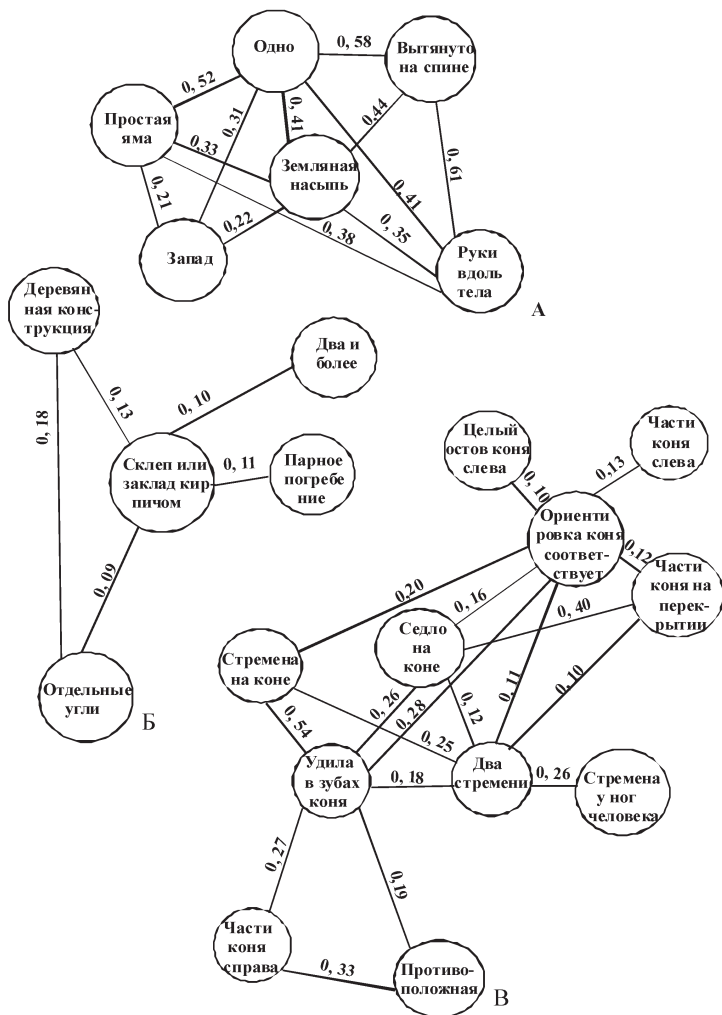

Рис. 1. Графы комплексов связанных признаков погребений IX-XIV вв. степей Приуралья

что они различаются по такому элементу как наличие или отсутствие сопроводительных захоронений коня. В первой и третьей совокупности погребений нет захоронений коня, а во второй – погребения всегда сопровождаются захоронением коня. При наличии костей коня в погребении следует учитывать способ и место захоронения коня.

Погребения без костей коня различались, прежде всего, характером надмогильного сооружения.

Таким образом, для создания классификации погребений были отобраны такие признаки как способ и место захоронения коня (или его отсутствие) и характер надмогильного сооружения (Матюшко, 2015).

Возможность проверки классификации заключается в соответствии выделенных элементов обряда каким-то другим признакам, не участвующим в классификации, например временной характеристике (Федоров-Давыдов, 1987. С. 202-203). Для этого была проведена группировка материала по времени. Наложение классификаций друг на друга показало, что отделы и типы соответствуют группировке по времени. Это означает, что выделенные элементы и части обряда, отражают закономерные связи в системе погребальных ритуалов средневекового населения региона и стали объективной основой для создания классификации. Выделенные типы погребений являются этническим, датирующим и социальным репером.

Список литературы

- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2001. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа.
- Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовлов С. Ж., Рычков Н. А., 1990. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев.
- Каменецкий И. С., 1986. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. Вып. 1. М.
- Кригер В. А., 1985. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X—XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.). М.
- Матюшко И. В., 2015. Погребальный обряд кочевников IX-XIV вв. Степного Приуралья. Оренбург.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

Перстни и браслеты древнерусского типа из средневековых памятников Пермского Предуралья¹

*Моряхина К. В. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
ktoryaxina@mail.ru*

Торговые отношения между Северо-Восточной Русью (Новгород, Тверь, Серенск) и Пермским Предуральем устанавливаются с XI в., сначала при посредничестве Волжской Булгарии, затем напрямую. Со временем древнерусское влияние становится все заметнее, особенно после падения Волжской Булгарии. В первую очередь это заметно по украшениям. Не исключено, что отдельные торговцы из Древней Руси переселялись в Пермское Предуралье, внося свою культуру в ремесло и быт местного населения (Белавин, 2000. С. 137–142; Крыласова, 2014. С. 28–34).

В данной статье рассматриваются украшения древнерусского типа, которые включают себя импортные вещи, а также поделки, изготовленные местными мастерами, в подражание древнерусским украшениям. Отличительными признаками подражаний являются наличие бракованных изделий, различия в технике изготовления украшений и в составе металла, из которого они произведены, а также особенности декора этих поделок.

Десять украшений, обнаруженных на средневековых памятниках Пермского Предуралья, можно отнести к древнерусскому импорту. Прежде всего, следует назвать неорнаментированные перстни с «усами» (2 экз.). Эти изделия, датирующиеся XI в., были обнаружены на Рождественском и Агафоновском II могильниках. Они получили распространение в Северо-Западной Руси, Прибалтике и Финляндии (Седова, 1981. С. 129). В Пермское Предуралье данные украшения, вероятно, попали при посредничестве новгородцев.

Витые перстни (2 экз.) найдены на Саламатовском I городище и могильнике Степаново Плотбище. Они относятся к XI в. Такие изделия повсеместно известны у вятичей (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 209).

Рубчатые перстни (3 экз.), датирующиеся, по мнению М.В. Седовой, XI–XIV вв., являются этническими маркерами славян. Большое количест-

¹ Статья подготовлена в рамках Задания Минобрнауки № 33.1091.2014/К «Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья».

во таких находок сосредоточено в Новгороде (Седова, 1981. С. 122). В Пермском Предуралье эти украшения найдены на Агафоновском II могильнике и селище Телячий Брод, вблизи с. Дубленово.

Перстень с круглым щитком, орнаментированным розеткой, относится ко второй половине XIII в. и обнаружен на селище Телячий Брод. Данный предмет также как и новгородские поделки изготовлен из легкоплавких металлов. Подобные перстни не получили широкого распространения в Новгороде и за его пределами (Седова, 1981. С. 132).

Перстень с круглым щитком, орнаментированным солярным знаком, датируется концом XIII – серединой XIV вв. Он найден вблизи деревни Златино. В Новгороде такие поделки были обнаружены в мастерской, причем часть их представлена незавершенными экземплярами. Аналогичные украшения выявлены и в новгородских курганах (Седова, 1981. С. 135). Из Новгорода перстни этого типа попали в Поволжье и Предуралье (Полякова, 1996. Рис. 61: 30; Михалева, 2006. Рис. 46: 21; Савельева, 2010. Рис. 152: 3).

Перстень с овальным щитком, орнаментированным расходящимися линиями, был найден на селище Телячий брод. Он имеет новгородское происхождение, но окончательно украшение было доделано (нанесен орнамент) уже в Пермском Предуралье. Такое предположение исходит из того, что неорнаментированные перстни с овальным щитком и валикообразным бордюром были распространены в Новгороде в конце XII–XV вв. (Седова, 1981. Рис. 51: 10).

Начиная с XI в. мастера Пермского Предуралья стали изготавливать украшения, подражающие древнерусским, причем широкое распространение подражания получили в XIII в. Образцом для подражания стали, например, ложновитые перстни, характерное украшение вятичей, в земле которых их обнаружено 117 экз. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 213). Такие перстни известны и в других землях Северо-Восточной Руси, а также в Поволжье и Предуралье.

Простая техника изготовления этих украшений позволила местным мастерам легко копировать импортные перстни. Об их местном производстве в Пермском Предуралье свидетельствует наличие бракованных изделий. Следует подчеркнуть, что новгородские украшения изготовлены из меди, а пермские – из оловянной бронзы (Моряхина, Семенов, 2015). Местной поделкой является и обнаруженный на

селище Телячий Брод ложновитой перстень с изображением свастики. От новгородских украшений он отличается массивностью и плавным переходом от щитка к дужке.

Пермские мастера заимствовали от древнерусских ремесленников техники изготовления украшений и их декор, комбинируя этими приемами по своему усмотрению. Техника изготовления браслетов в виде стержня с обмоткой была заимствована пермскими мастерами у ювелиров Северо-Восточной Руси. Такие изделия встречаются в Новгороде, Твери и Серенске. Но браслеты из Пермского Предуралья имеют свою особенность: стержень-основу украшения сгибают и укладывают во вторую линию, концы стержня смыкают. Идея создания пластинчатых браслетов с желобками и завернутыми в спираль концами, вероятно, появилась в результате синтеза декоративных элементов, распространённых в Древней Руси: у вятичей встречаются пластинчатые браслеты с завернутыми в спираль концами (Зайцева, Сарычева, 2011. Рис. 108: 3), у новгородских – браслеты с желобками (Седова, 1981. С. 114). Пермские мастера заимствовали у новгородских ремесленников и орнаментальные мотивы на перстнях: узор плетенки и пересекающей рубчатой линии, которые можно заметить на местных украшениях. Речь идет о серебряных кованых перстнях с овальным щитком и с орнаментами в виде пересекающихся линий или плетенки, так называемых «перстнях болгарского типа» (Брюхова, Подосенова, 2015. С. 304–309). Перечисленные изделия датируются XIII–XIV вв.

Таким образом, импорт украшений из Древней Руси в Пермское Предуралье постепенно становится разнообразнее. Привозные вещи, как правило, найдены на крупных памятниках, расположенных на центральных водных артериях. После падения Волжской Булгарии в XIII в. ювелирное дело Пермского Предуралья начинает испытывать влияние со стороны Древней Руси, пермские ремесленники заимствуют техники изготовления ювелирных изделий и их декор. Примечательно, что местные мастера совмещают традиции разных территорий, создавая свои оригинальные украшения.

Список литературы

Белавин А. М., 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь.

- Брюхова Н. Г., Подосенова Ю. А., 2015. Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.17, №3. С. 304–311.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII вв. М.
- Крыласова Н. Б., 2014. Начало «древнерусской колонизации» Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем «Пермь» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 9. С. 28–39.
- Михалева А. И., 2006. Поселения Марийского Поволжья в эпоху Средневековья (XIII–XV вв.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Моряхина К. В., Семенов Д. А., 2015. Перстень с солярным знаком – уникальный экспонат Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 5. С. 18–20.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. С. 154–268.
- Савельева Э. А., 2010. Жигановский могильник. Сыктывкар.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

О кожевнном промысле Царевококшайска в XVII–XIX вв. (по результатам раскопок в Йошкар-Оле)

*Огородников А. Д. (Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола)
skif125@mail.ru*

В 2008 и 2009 гг. Поволжская археологическая экспедиция проводила обширные охранные археологические работы на территории исторической части г. Йошкар-Олы во время строительства культурно-исторического комплекса «Царевококшайский кремль». В 2008 г. было раскопано 716 м², в 2009 г. – 2254 м², в 2010 г. был заложен небольшой раскоп

площадью 55 м². В 2015 г. охранные археологические работы были продолжены на площади 360 м² в ходе сооружения общежития для института образования. Таки образом, общая вскрытая раскопками площадь в исторической части города составила 3385 м². В результате этих исследований получен ценнейший материал о планиграфии города и материальной культуре его жителей, на основании которого можно делать вывод о некоторых сторонах жизни населения уездного города Среднего Поволжья в XVII–XIX вв.

В ходе охранных археологических работ 2008 г. был обнаружен «дом сапожника»: постройка с обилием кожного материала, найденного как внутри сооружения, так и вокруг него. Здесь же находились специализированные инструменты: шило, два сапожных ножа и деревянная затяжная колодка. Всего же за указанные годы встречено 364 находки изделий из кожи. Их подавляющая часть относится к элементам обуви.

Кожа из которой шили изделия, крайне разнообразна, ее толщина варьируется от 0,5 до 4 мм. Качество выделки также сильно отличается: от очень грубой до мягкой, использовавшейся, например, при пошиве детского сапожка. Эти факты свидетельствуют о высоком уровне выделки кож в регионе. Например, для получения толстой кожи, толщиной до 4 мм, требуется сложный процесс дубления, кожу такой толщины на Руси научились вырабатывать только в XIV веке, когда кожевенный промысел превратился в специализированное занятие.

В «доме сапожника» и рядом с ним не обнаружено инструментов и приспособлений для выделки кожи, к тому же постройка, которая, как предполагается, была мастерской сапожника, удалена от реки на расстояние до 200 м. Для выделки же кожи в кустарных условиях требуется близость водоёма.

Технология производства и конструкция кожаной обуви. Из 364 находок кожаных изделий 32 являются столь полными, что позволяют восстановить фасон обуви и определить технологию ее производства. Кроме того найдены 44 обувные головки, 27 задников и их фрагментов, 70 подошв и их элементов, а также 59 каблуков. Встречено цельнокроенное голенище. На основании всего этого материала можно говорить о преобладающих формах обуви и её конструкции.

Все находки отличаются совершенством форм и аккуратным ровным швом, что говорит о профессиональном характере производства. В раскопе

2015 г., был вскрыт городской дом с хозяйственными постройками, в котором также найдена обувь, свидетельствующая о профессиональном уровне ее производства. Никаких следов домашнего производства или ремонта обуви здесь выявлено не было.

Все найденные элементы относятся к обуви жёсткой конструкции и отличаются поднарядом головки, жёстким задником, состоящим из трёх слоёв кожи или имеющим берестяной или лыковый вкладыш. Обувь, обнаруженная в самых нижних слоях, имеет однослойную подошву из толстой кожи. Находки, более позднего периода (середина XVIII–XIX вв.), имеют многослойную подошву. Выявлены также образцы, характерные для переходного этапа обувных технологий, бытовавшие в Москве в период правления Петра I.

Конструктивно и технологически все находки обуви из Царевококшайска соответствуют кожаной обуви, найденной в Москве и Новгороде в слоях XVII–XVIII вв. Отметим только преобладание высокой кожаной обуви над низкой. Из 50 головок, у которых сохранился верхний срез, 40 относятся к элементам сапог, из оставшихся 10 только четыре принадлежали головкам туфель. Из 35 задников и их фрагментов 25 также являлись частями высокой обуви.

К числу редких находок кожаной обуви нужно отнести два детских сапожка (длина подошвы около 12 см). По конструкции оба изделия полностью соответствуют взрослой обуви, отличие заключается только в размерах. Единичны также изготовленный на ногу женщины или подростка поршень длиной 20 см, выполненный из двух слоёв дублёной кожи, и туфля с цельнокроенным верхом, имеющая, однако, жёсткий задник, поднаряд и многослойную подошву.

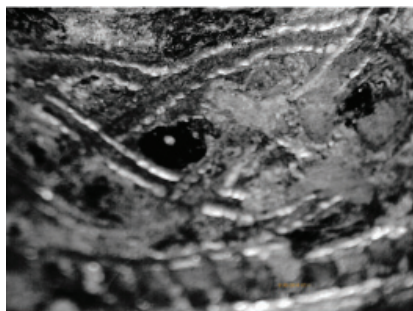
Таким образом, можно говорить о профессиональном характере кожевенного промысла в Царевококшайске в XVII–XIX вв. Технологии обувного производства здесь соответствовала тем, которые были распространены в Центральной России. Следует отметить преобладание высоких форм обуви во всех слоях, исследованных в Царевококшайске, а также высокий уровень местного производства кожаных изделий.

Гравировка на щитковосерединных перстнях Пермского Предуралья

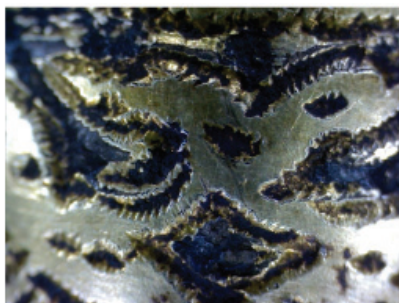
*Пермякова А. В. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
permyakova_av@mail.ru*

Ювелирное дело ведёт своё начало от глубокой древности. Уровень металлообработки и различные ювелирные техники до сих пор приковывают внимание к изделиям, которые создавались тысячелетия назад. Таковыми являются и поделки с гравировкой. Под гравировкой понимается процесс, при котором с помощью штихеля вырезается рисунок (Минасян, 2014. С. 244). Гравирование – одна из самых древних декоративных техник. «...Первоначально гравировка применялась изредка и не повсеместно» в виду того, что для штихелей необходима высококачественная обработка (Минасян, 2014. С. 244). Стоит отметить, что насечки, оставленные зубчатым штампом-колёсиком, или же граффити автор статьи не связывает с техникой гравирования, а считает их самостоятельными ювелирными техниками холодной обработки металла, поскольку не всегда известен инструмент, которым нанесены насечки или же начерчены граффити.

Рассмотрим гравировку такой категории украшений как перстни. Стоит заметить, что для техники гравировки и связанного с ней чернения сырьем для отливки заготовки часто служило серебро. «Выделяется две группы перстней: а) изготовление основы украшения способом расковки металлического прута прямоугольного сечения, б) изготовление основы украшения способом вырезания его контура из тонкой металлической пластины» (Брюхова, Подосёнова, 2015. С. 310). Поскольку получение гравированного рисунка является одним из этапов чернения, некоторые изделия с чернью так же отнесены к исследуемым образцам. Замечены два способа нанесения гравировки на щиток перстня: линейный шаг и зигзагообразный. Гравировка линейным шагом (рис. 1: 1) получается при прорезании штихелем контура рисунка, не отрывая руки (Пермякова, 2015а. С. 139). Зигзагообразный шаг или зубчатая гравировка (рис. 1: 2) получается при ведении штихеля в противоположные стороны под наклоном, не отрывая руки, причем, в зависимости от наклона руки рисунок варьирует от почти незаметного до ярко выраженного зигзага. Стоит заметить, что зубчатая гравировка являлась одним из наиболее излюбленных способов орнаментации изделий в Древней Руси (Макарова, 1986. С. 10).

1

2

3

4

Рис. 1. Гравировка на щитках перстней Пермского Предуралья.

1,3 – Плотниковский могильник; 2 – могильник Антыбары;

4 – Саломатовское I городище

Перстни с гравировкой представлены в Пермском Предуралье на таких памятниках как городища Анюшкар (VIII–XIV вв.) и Саломатовское I (VIII–XIV вв.), селище Калинское (XI–XIII вв.), могильники Плотниковский (XIII–XV вв.) и Телячий Брод (XI–XIII вв.), а также языческий некрополь Рождественский (VIII–XII вв.). В виду того, что эти памятники датируются в широких хронологических пределах, сложно определить, когда именно изделия с гравировкой появляются на исследуемой территории. Тем не менее, можно утверждать, что гравировка на поделках не известна в самых ранних материалах данных

памятников, поскольку щитковосерединные перстни из серебра бытовали в Пермском Предуралье и в соседних регионах (Среднее Поволжье, Северное Приуралье и Зауралье) продолжительный период времени: XI–XIV вв. (Брюхова, Подосёнова, 2015. С. 304) .

Перстень Плотниковского могильника (рис. 1: 3) аналогичен перстню из Рождественского языческого могильника (Белавин, Крыласова, 2008. С. 447. Рис. 182: 17). К.А. Руденко датирует такие изделия XII–XIII вв. (скорее XIII в.). Однако плотниковский перстень, возможно, относится к концу XIII в. (Руденко, 2015. С. 78), причем, отмечено, что на этом изделии выполнена гладкая гравировка, она скорее процарапана. В то же время исследуемый перстень имеет зигзагообразную гравировку, что позволяет судить об изменении ее типа для создания определенного сюжета. Другой перстень из Плотниковского могильника (рис. 1: 1) аналогичен изделию, которое находится в частной коллекции. Известен подобный перстень с черновой плетёнкой, которой украшали древнерусские браслеты – обручи, датирующиеся XII–началом XIII вв. (Руденко, 2015. С.78).

Чаще всего зигзагообразная гравировка встречается на перстнях из городища Анюшкар, селища Калинского и Плотниковского могильника. Изделия, украшенные зигзагообразной гравировкой, были иногда орнаментированы и линейной, однако последняя в этих случаях использовалась только для создания и проработки бордюра перстней (рис. 1: 3). Виды гравировки четко разделены на поделках. Например, если линейная гравировка нанесена на перстень, то она является единственным видом гравировки на этом изделии, за исключением, как сказано выше, бордюра (рис. 1: 4). Линейная гравировка на перстнях чаще сочеталась с последующим нанесением черни. Можно выделить два вида техники чернения: фоновое чернение и чернение по рисунку. В первом случае чернью покрывали всю часть поделки, где находился рисунок, а затем, на этапе полирования, с рисунка пемзой соскабливали чернь и полировали только его. Во втором случае чернь наплавливали на «бороздки» рисунка, а затем, на этапе полировки ее счищали, и она оставалась лишь в углублениях от гравировки (Пермякова, 2015б. С. 21).

Таким образом, на основании исследования щитковосерединных перстней с гравировкой, можно отметить следующее: оба способа нанесения гравировки присутствуют на перстнях, хотя в большинстве случаев на них представлен лишь один из рассмотренных способов. Чернение часто встречается на изделиях, свидетельствуя о высоком уровне этого мастерства; гравировка появляется на щитковосерединных перстнях

не ранее XI в. и получает широкое распространение в XII–XIII вв., что иллюстрируется находками из вышеупомянутых могильников.

Список литературы

Белавин А. Б., Крыласова Н. Б., 2008. Древняя Афкула. Пермь.

Брюхова Н. Г., Подосенова Ю. А., 2015. Перстни «Булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника Родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.17. №3. С. 304–311.

Макарова Т. И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.

Минасян Р. С., 2014. Металлообработка в древности и средневековье. Спб

Пермякова А. В., 2015а. Ювелирные техники на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья: гравировка // материалы XLVII Урало – Поволжской археологической студенческой конференции. Кострома. С. 138–142.

Пермякова А. В., 2015б. Средневековые изделия с чернью на территории Пермского Предуралья // Диалог культур и цивилизаций. Тобольск. С. 20–22.

Руденко К. А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань

Новые данные для реконструкции головного убора женщин Верхнего Повиля (по материалам раскопок курганного могильника Навры в 2015 году)

*Плавинский Н. А., Степанова М. И. (Международный
государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова
Белорусского Государственного университета, Национальный
исторический музей Республики Беларусь, г. Минск)
plavinsky_arc@mail.ru , mary1067@tut.by*

Курганный могильник Навры Сватковского сельского совета Мядельского района Минской области Республики Беларусь находится в верховьях Вилии. Некрополь лежит на левом берегу реки Узлянка, левый

приток Нарочи (Норочанка), которая, в свою очередь, является левым притоком Вилии.

Памятник известен с конца XIX в. (Покровский, 1893. С. 22). Первоначально могильник состоял из трёх курганных групп, насчитывавших не менее 130 насыпей, из которых не менее 117 курганов размещались в группе I (основная). Впервые раскопки могильника были предприняты экспедицией под руководством Е. Цегак-Голубович в 1934 г. Сотрудники экспедиции сняли план памятника и раскопали 29 курганов (Сєhak-Gołubowiczowa, 1937). В 1987 г. раскопки в Наврах возобновила экспедиция под руководством В. Н. Рябцевича и А. Н. Плавинского. Был снят новый план группы I, а также исследованы девять курганов. Анализ результатов раскопок 1934 и 1987 гг. позволил датировать могильник в Наврах концом X–XII вв. и отнести его к погребальным памятникам кривичей (Плавінскі М. А., Плавінскі А. М., 2011). В 2012 г. начался новый этап в изучении могильника (Плавінскі и др., 2014), который продолжился в 2015 г. За два полевых сезона экспедиция под руководством Н.А. Плавинского раскопала шесть погребальных насыпей. Исследования производились широкой площадью с изучением межкурганного пространства. Общая площадь изученной в 2012 и 2015 гг. территории, занимаемой курганами группы I, составила 480 м².

Таким образом, на протяжении 1934–2015 гг. в Наврах было раскопано 44 кургана, из которых 39 являлись частью группы I. Значительный процент изученных насыпей позволяет уверенно использовать материалы данного памятника в хронологических разработках, этно-культурных реконструкциях и для решения многих других вопросов изучения истории Верхнего Повилья начала II тыс. н.э.

Для реконструкции женского головного убора интерес представляет погребение, исследованное в 2015 г. в кургане 77. Курган полусферической формы имел высоту 0,75–0,78 м и диаметр 4,7 × 4,8 м. Погребение маленькой девочки (длина костяка – 0,95–1 м) располагалось на гумусированной прослойке в основании кургана и было ориентировано головой на запад с небольшим отклонением к северо-западу (рис. 1: 1). Костяк сохранился хорошо: представлены череп, кости рук, ребра, отдельные позвонки, кости таза и ног. В захоронении выявлен богатый инвентарь, состоявший из двух литых браслетов (пластинчатый с зооморфными концами и проволочный с заходящими концами (табл. 1: 4–5; рис. 1: 3, 7), два широкосрединных «усатых» перстня (табл. 1: 6–7; рис. 1: 4–5), фрагмент биконического шиферного пряслица (рис. 1: 6), лепной асимметричный горшок «с плечиками» (рис. 1: 2).

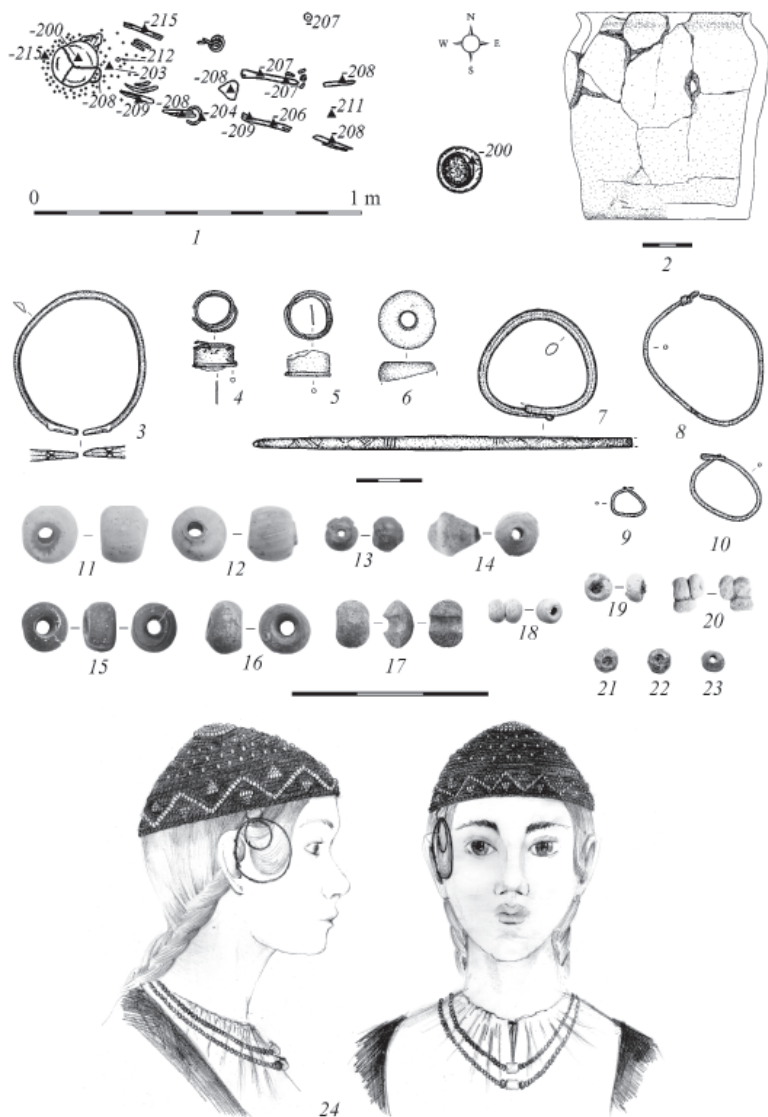

Рис. 1. Курганный могильник Навры. Курган 77: план захоронения (1) и погребальный инвентарь (2–23); 2 – лепной горшок; 3, 7 – браслеты; 4–5 – перстни; 6 – пряслице; 8–10 височные кольца; 11–17 – бусы; 18–23 – бисер; 24 – реконструкция головного убора погребенной (1–10 – рис. Н. А. Плавинского; 11–24 – рис. М. И. Степановой)

Особый интерес представляют обнаруженные в погребении три височных кольца, выявленные у правого виска (табл. 1: 1–3; рис. 1: 8–10), и россыпь бус и бисера, найденная в области головы и груди погребенной. Ассортимент бус представлен следующими типами: желтые лимоновидные двухслойные – 2 шт. (рис. 1: 11–12); лимоновидная с металлической прокладкой (золотостеклянная) – 1 шт. (рис. 1: 13); зонные глухого печеночно-бардового стекла – 3 шт. (рис. 1: 15–17); биконическая темного непрозрачного стекла с пояском из желтого пастового стекла – 1 шт. (рис. 1: 14); желтый пастовый бисер зонной формы одно и двухчастный, изготовленный в технике навивки – 217 шт. (рис. 1: 18–20); зеленый прозрачный бисер зонной и кольцевидной формы одно и двухчастный, изготовленный в технике навивки – 402 шт. (рис. 1: 21–23); условно белый (точный цвет установить не удалось) зонной формы, изготовленный в технике навивки – 6 шт.

Таблица 1. Курганный могильник Навры, курган 77. Элементарный состав металлических украшений из погребения

Образец, рисунок	Концентрация элементов (%)				
	Медь Cu	Цинк Zn	Олово Sn	Свинец Pb	Серебро Ag
№ 1 (рис. 1:8)	74,16	7,92	10,28	2,58	5,06
№ 2 (рис. 1:10)	74,86	10,64	8,42	3,81	2,28
№ 3 (рис. 1:9)	41,24	29,02	22,43	4,31	2,99
№ 4 (рис. 1:3)	86,09	3,97	5,03	0,88	4,04
№ 5 (рис. 1:7)	61,03	10,43	17,39	1,54	9,62
№ 6 (рис. 1:4)	78,98	5,16	4,77	3,59	7,50
№ 7 (рис. 1:5)	82,11	4,54	5,25	5,30	2,81

Данный набор бус, учитывая совместное нахождение с ними навитого бисера, мелкой лимоновидной бусины с металлической прокладкой и биконической бусины с пояском из желтого пастового стекла, может быть датирован серединой XI в., что и определяет время совершения погребения.

Судя по расположению в погребении, крупные бусины и часть бисера могли входить в состав ожерелья, висевшего на шее девочки. Другая же часть бисера украшала головной убор, предположительно, в форме небольшой вязаной, войлочной или кожаной шапочки (рис. 1: 24). Такой вывод можно сделать, исходя из того, что бисер найден на расстоянии 3–4 см вокруг черепа, на нем и под ним. Мысль том, что бисер был нашит на головной убор, подтверждается находкой трёх желтых пастовых бисерин, склеенных патиной, оси каналов которых расположены в разных направлениях, под углом примерно 90° (рис. 1: 20). Вероятно, это фрагмент бисерной вышивки, выполненной в виде зигзагов. Аналогии подобным головным уборам широко известны из женских погребений Юго-Восточной Прибалтики, где традиция богатого декора одежды, включавшего бисер, существовала на протяжении длительного периода (Волкайте-Куликаускаене, 1986; Зариня, 1986).

Список литературы

- Волкайте-Куликаускаене Р. К., 1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. С. 146–171.
- Зариня А. Э., 1986. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М. С. 172–189.
- Плавінскі М. А., Плавінскі А. М., 2011. Наўры // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 2. Мн. С. 126.
- Плавінскі М. А., Астаповіч Э. А., Сцяпанавы М. І., 2014. Раскопкі курганнага могільніка Наўры і разведкі на Мядзельшчыне і Браслаўшчыне // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 25. Мн. С. 351–359.
- Покровский Ф. В., 1893. Археологическая карта Виленской губернии. Вильна.
- Cehak-Но́ubowiczowa H., 1937. Materiał i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim // Rocznik archeologiczny. T. 1. Wilno. S. 5–49.

Соотношение лепной и круговой керамики в раннесредневековых памятниках верховьев Зеравшана

*Пулотов А. Г. (Таджикский педагогический институт,
г. Пенджикент, Таджикистан)*

В ходе археологических исследований, начиная с 1946 г.¹ и до сегодняшнего дня, в верховьях Зеравшана (Согдийская области Республики Таджикистан) были обнаружены разнообразные археологические материалы, которые являются важнейшими, иногда единственными, источниками по изучению и интерпретации материальной и отчасти духовной культуры региона в древности. В процессе археологического исследования раннесредневекового Согда в большом количестве были найдены керамические изделия, классификация которых разработана в трудах Б. И. Маршака и И. Б. Бентович (Маршак, 2012; Бентович, 1953, 1964). Основной вопрос, который интересует нас в ходе изучения и интерпретации керамических комплексов горного Согда, заключается в установлении соотношения лепных и круговых глиняных сосудов, найденных в трех раннесредневековых памятниках верховьев Зеравшана. Мы имеем дело с керамикой городища Хисорак (Хисорак) в Горно-Матчинском районе, городищ Санджар-шах и Пенджикент в Пенджикентском районе Республики Таджикистан. Все эти памятники существовали почти одновременно, но на городище Хисорак жизнь кипела не только в VII-VIII, но и в IX вв. Задача данной работы заключается в анализе взаимосвязей лепных и круговых керамических комплексов указанных памятников и в определении их процентного соотношения.

Лепная керамика городище Хисорак. Памятник расположен в окрестностях села Падаска Горно-Матчинского района, в самом верхнем течения реки Зеравшан, которая в этих местах носит название Матча. Городище было частично исследовано в 1947 и в 1998 гг. С 2010 по 2014 гг. оно планомерно раскапывалось сотрудниками ГЭ. Памятник, как и другие средневековые городища горного Согда, занимает важное место в изучении культуры согдийцев.

Сравнивая керамику Хисорака, с посудой других поселений горного Согда, Л. О. Смирнова справедливо отмечала, что «сложность хронологического анализа материалов с Хисорака определяется отсутствием

¹ В этом году отмечается 70-летия археологических раскопок в Древнем Пенджикенте.

находок монет в слоях самого городища и фрагментированностью керамического материала. За четыре года работы (с 2010 по 2014 гг.) мы можем насчитать лишь четыре (археологически) целых сосуда» (Смирнова, 2014. С. 60). Большую часть керамических изделий составляют здесь лепные формы (диаграмма 1; табл.1), тогда как в равнинном Согде этот показатель имеют противоположное значение. Действительно, согласно Б.И. Маршаку, в горном Согде чаще производили лепные керамические сосуды, а в таких регионах, как Пенджикент и его окрестности преобладало производство круговых керамических сосудов (Маршак, 2012; Якубов, 1988).

Диаграмма № 1. Процентное соотношение лепной и круговой керамики, найденной на городище Хисорак

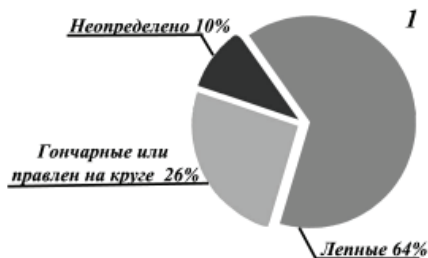

Диаграмма №1

Табл. 1. Количество фрагментов лепной и круговой керамики, найденной на городище Хисорак (по Смирнова, 2014)

	Усадьба I	Цитадель I	Цитадель II
Лепные	214 (котлов – 59)	144 (котлов – 29)	159 (котлов – 25)
Гончарный или правлен на круге	64 (хумов – 45)	52 (хумов – 25)	79 (хумов – 29)
Неопределено	44	10	21
Всего фрагментов керамики в 2013 г.	322	206	259

По данным Ю. Якубова, среди керамических изделий других поселений горного Согда (Гардани Хисор и Кум в Айнинском районе Согдийской области) также доминирует лепная керамика, доля которой составляет 60-70 %. Примерно 50 % лепной посуды составляют разнообразные котлы и сосуды, подобные котлам. По мнению исследователя, они датируются VII-VIII вв. (Якубов, 1988).

Процентное соотношение круговой и лепной посуды на таких раннесредневековых поселениях нижнего течения реки Зеравшан как городища Санджар-шах и Пенджикент противоположно характерному для памятников верхнего течения Зеравшана соотношению этих же групп керамики.

По способу изготовления посуда Санджар-шаха разделяется лепную и круговую. Тесто, из которого производили сосуды Санджар-шаха, насыщено примесями кварца, песка, шамота, сланца, гальки. При формовке нижняя часть круговых сосудов срезали ножом (Курбанов, 2015. С. 56–57).

В Санджар-шахе, как и в древнем Пенджикенте круговая керамика преобладает над лепной, причем к этому выводу впервые пришла И. Б. Бентович, изучая пенджикентскую посуду (Бентович, 1953. С. 144; Бентович, 1964. С. 265). По подсчетам Ш. Ф. Курбанова, доля лепной керамики Санджар-шаха составляет 14 %, доля круговой керамики – 86 % (Курбанов, 2015. С. 58). Аналогичное соотношение было установлено Б. И. Маршаком для керамики нижних слоев Пенджикента, где доля круговой керамики колеблется, в зависимости от комплекса, от 79 % до 86 % (Маршак, 2012. С. 70).

Согласно Б. И. Маршаку, «производство лепной посуды в горных районах, тяготеющих к Пенджикенту, представляло собой домашний промысел, связанный с рынком и развивающийся в сторону ремесла» (Маршак, 2012. С. 165).

По нашим анализам доля лепной керамики Санджар-шаха среди посуды, найденной в 2014 г., составляла 11 %, доля круговой керамики – 89% (диаграмма 2). В 2015 г. данные показатели мало изменились, хотя на городище раскапывали три объекта. Доля лепной керамики в этом году составляла 22 %, доля гончарной керамики – 78 % (диаграмма 3; рис. 1).

По количеству керамических материалов, найденных в 2009–2015 гг., лепные керамические изделия Санджар-шаха делятся на следующие

Диаграмма № 2. Процентное соотношение лепной и круговой керамики, найденной в 2014 г. на городище Санджар-шах

Диаграмма № 3. Процентное соотношение лепной и круговой керамики, найденной в 2015 г. на городище Санджар-шах

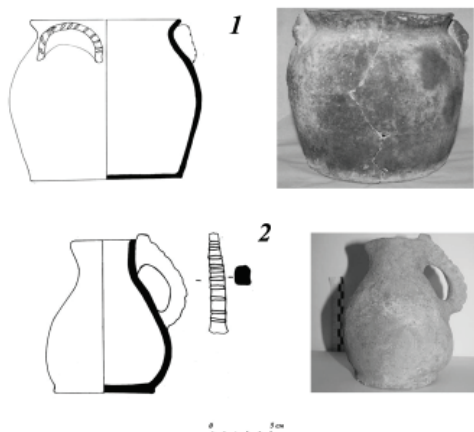
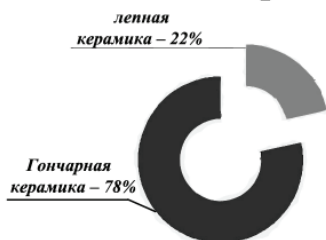

Рис. 1. Лепная керамика, найденная в 2015 г. на городище Санджар-шах:

- 1 – котёл с двумя подковообразными ручками;
- 2 – кухонный сосуд с ребристой ручкой

функциональные группы: детали интерьера и ткацкие аксессуары, статуэтки, музыкальные инструменты или игрушки, осветительные приборы, погребальные урны, посуда. Среди керамических материалов также представлены единичные находки фрагментов лепных оссуариев, терракотовых статуэток и музыкальных инструментов (Курбанов, 2015. С. 57). Поверхность керамических изделий, а также отдельные части лепных и круговых сосудов, часто покрывали красным, розовым, изредка коричневым или черным ангобом².

Таким образом, при помощи классификации форм керамических изделий, как по методике Б. И. Маршака, так и по данным других археологов, можно с уверенностью сказать, что в горном Согде производили в основном лепную керамику, а в равнинном преобладала круговая посуда.

Список литературы

- Бентович И. Б., 1953. Керамика Пенджикента // Материалы и исследования по археологии СССР. № 37: Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. Т. II: 1948–1950 гг. М.; Л. С. 133–145.
- Бентович И. Б., 1964. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 124: Труды Таджикской археологической экспедиции ИА АН СССР, ИИ им. А. Дониша АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. Т. IV: 1954–1959 гг. М.; Л. С. 265–298.
- Курбанов Ш. Ф., 2015. Локальное и региональное в керамике Санджар-шаха // Материалы Международной научной конференции, посвященной дню молодежи: «Проблемы образования современной молодежи». Пенджикент. С. 56–59.
- Маршак Б. И., 2012. Керамика Согда V-VII веков как историко-культурный памятник: (К методике изучения керамических комплексов). СПб.

² Пряслица, лепные котлы и лепные кружки, круговые горшки, венчики лепных мисок, чашечек, горшочков, кувшинчиков, круговых ойнохойевидных сосудов, венчики и ручки круговых кувшинов.

Смирнова Л. О., 2014. Керамика из раскопок городища Хисорак. (В сравнении с другими памятниками верховьев Зеравшана) // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции (Отчет о полевых работах экспедиции в 2013). СПб. С. 60–113.

Якубов Ю., 1988. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. (К проблеме становления феодализма). Душанбе.

Технология изготовления керамических сосудов могильника Шекшово 9 (предварительные результаты)¹

*Узулава Н. Д. (Институт Археологии РАН, г. Москва)
u.nani@mail.ru*

Могильник Шекшово 9 является самой крупной курганной группой, исследованной в XIX в. А.С.Уваровым в Суздальском Ополе. В 2011 г. Суздальская экспедиция ИА РАН под руководством Н.А. Макарова возобновила исследования памятника. Работы дали яркие находки и стали источником новых материалов о погребальных традициях второй половины X – XII вв. (Макаров и др., 2013, 2015). В могильнике представлены подкурганные и грунтовые захоронения в ямах, совершенные по обрядам кремации и ингумации.

Изучение технологии изготовления керамики рассматриваемого могильника основано на представлении о том, что при создании сосуда гончар осуществлял действия, которым он был обучен старшим мастером. Выполнение их в определенной последовательности является залогом успешного завершения работы. Данные приемы и навыки являются традиционными, повторяясь из поколения в поколение. В виду того, что обучение, как известно по этнографическим данным, происходило по родственной линии, гончарная технология отражает представления об изготовлении посуды, свойственные определенной группе населения. Следовательно, фрагмент керамики, может фиксировать гончарную традицию.

Методологической базой анализа и интерпретации данных является подход, разработанный А.А. Бобринским и специалистами, которые работают в рамках данного направления (Бобринский, 1978, 1999). Исследование проведено с помощью стереоскопического микроскопа.

¹ Работа проводится в рамках проекта РГНФ № 16-01-18037.

Изготовление керамических сосудов представляет собой систему действий, включающие три сменяющие друг друга стадии: подготовительную, созидательную и закрепительную (Бобринский, 1999. С. 9). В настоящий момент по материалам могильника Шекшово 9 получены результаты, характеризующие первую стадию производства, которая охватывает отбор исходного сырья, его подготовку и составление формовочной массы.

Для анализа использованы материалы из погребений, ям и ровиков, а также из скоплений керамики, которые были зафиксированы в пахотном слое в ходе работ 2015 г. Исследуемая выборка составила 31 сосуд. В качестве образцов взяты как целые, так и фрагментированные лепные и раннекруговые сосуды. Под последними подразумеваются изделия с признаками использования круга при профилировании и заглаживании верхней части сосуда.

Для частей формовочной массы: глины, минеральной и органической примесей в процессе изучения были выявлены основные характеристики исходного сырья и его подготовки.

Глина, из которой изготовлена значительная часть сосудов (12 из 31) имеет устойчивое сочетание некоторых признаков: ожелезненность средней степени (Цетлин, 2006); пылевидный песок в небольшом количестве, что является одним из признаков высокопластичной глины (Лопатина, Каздым, 2010); темный оолитовый бурый железняк, в основном мелкого размера, не превышающего 0,5 мм; оолитовые включения белого минерала не превышающие 0,1 мм. Судя по тому, что эта глина широко представлена в образцах, взятых от сосудов, которые были найдены в разных объектах могильника, ее допустимо считать местной.

12 других образцов характеризуются среднежелезненными глинами с включениями бурого железняка оолитовой формы в сочетании с пылевидным песком. Подобные примеси распространены в ожелезненных глинах. Форма упомянутых включений не достаточно выразительна, чтобы можно было отнести происхождение сырья этих образцов к какому-то одному источнику и утверждать, что он располагался на территории, входившей в ресурсную зону местного населения.

Изучено еще семь образцов, каждый из которых отличается своими особенностями гранулометрического состава. В этой группе отметим образец из нежелезненной глины.

Состояние глины. Перед составлением формовочной массы в подавляющем большинстве случаев (21 из 31 образца) глина имела влажное состояние. В 10 случаях в тесте зафиксированы крупные комки плотной нерастворившейся глины, что является свидетельством ее сухого состояния перед приготовлением массы. Из 12 сосудов, изготовленных из местной глины, для семи экземпляров взята влажная глина и для пяти экземпляров – сухая, что свидетельствует о бытовании данных технологических приемов среди местного населения.

Минеральная примесь. Все формовочные массы, подготовленные на основе железненной глины, включали в себя дресву, которую добавляли в большом количестве – в основном в концентрации 1:2–1:3, реже 1:4 (первый показатель означает долю минеральной примеси, второй – долю глины). Размер включений в 20 образцах характеризуется средним и крупным размером (от 1 до 2–3 мм), что предполагает предварительное удаление из примеси мелких частиц до 1 мм. Один образец содержал в себе смесь минеральных примесей (дресва и шамот). Они представлены частицами сходного размера (1–2 мм) и находятся почти в равной доле по отношению друг к другу. В сумме их концентрация в формовочной массе составляет одну часть на три части глины. В этом случае, размер и концентрация объединенных шамота и дресвы, укладываются в диапазон показателей минеральной примеси, характерных для большинства образцов коллекции. Единственный сосуд, не включавший дресву, изготовлен из белой глины.

Органическая примесь. Для различения гончарных традиций при подготовке органических примесей использована градация их состояния на момент введения в глину: сухое, влажное и органический раствор (твердая фракция отсутствует). По указанному критерию выделены сосуды с влажной (4 образца) и сухой (6 образцов) органикой, с органическим раствором (13 образцов). У 8 образцов органика не определена (в этих случаях, добавление органики в формовочную массу либо под вопросом, либо ее характер нельзя установить).

Приведенные данные фиксируют наличие разнородных технологических приемов на подготовительной стадии керамического производства у средневекового населения Шекшова. При этом мастера, изготавлившие сосуды, имели сходное представление об исходном пластичном и минеральном сырье, что выражалось в предпочтении железненных слабозапесоченных глин и введением в них дресвы в высокой концентрации с добавлением органики в массу.

Список литературы

- Бобринский А. А. (науч. ред.), 1999. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Лопатина О. А., Каздым А. А., 2010. Естественная примесь песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство итоги и перспективы изучения. М. С. 46–57.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2013. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополье: спустя 160 лет после раскопок А. С. Уварова // КСИА. Вып. 230. М. С. 219–233.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2015. Новые исследования средневекового могильника Шекшово в Суздальском Ополье // Археологические открытия 2010-2013 годов. М. С. 215–218.
- Цетлин Ю. Б., 2006. Об определении степени ожелезненности исходного пластичного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. С. 421–425.

Классификация колчанов кочевого населения степей Волго-Уралья в IX-XIV вв.¹

*Харламов П. В. (Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург)
kharlamovmore@rambler.ru*

Колчаны-футляры для ношения и хранения стрел были необходимым видом воинского снаряжения средневекового всадника-лучника. В данной работе изучены 133 колчанных комплексов, которые были обнаружены в могилах кочевников Волго-Уралья, погребенных с конём или с деталями упряжи, символизирующими коня. Эти захоронения, в основном, принадлежали тюркоязычным кочевникам IX – XIV вв.

¹ Работа выполнена при поддержке Задания №33.14.71.2014К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

В период развитого средневековья колчаны изготавливали преимущественно из бересты, иногда их орнаментировали и украшали резными костяными накладками. Колчаны делятся на группы по материалу для изготовления каркаса жесткости и на типы – по способу изготовления футляра.

Группа 1. Колчаны с берестяным конусообразным каркасом (иногда каркас жесткости состоял из реек).

Тип 1. Берестяные колчаны без дополнительного оформления. Самый распространенный тип изделия (88 экземпляров), представляет собой берестяной футляр, сшитый из древесной коры (рис. 1: 1). Его устье, как правило, в два раза уже дна, длина колчана варьируется от 40 до 70 сантиметров. Иногда встречаются орнаментированные берестяные футляры. Орнамент представлен узорами или линиями, нанесенными на бересту красной и черной красками. Например, нижняя часть колчана из курганного могильника Новокумакский (северо-западная группа, курган 10), была окрашена красной краской, а верхняя – черной. С обратной стороны этот колчан имеет красную окраску (Бытковский, 2011. С. 13).

Тип 2. Берестяные колчаны, украшенные резными костяными накладками. Тип представлен 37 экземплярами, которые можно разделить на два подтипа по месту расположения пластин на колчане. Подтип I характеризуется накладками, покрывающими полностью верхнюю часть изделия, либо весь футляр (рис. 1: 2), а подтип II – узкими накладками, покрывающими в виде пояса приемник, либо центральную часть колчана (Кригер, 1983. С. 178, 181).

Дополнительным назначением костяных пластин являлось укрепление всей конструкции колчана (Кригер, 2012. С. 30).

Группа 2. Колчаны с железным каркасом. Каркас изготавливался из железных полосок, скрепленных между собой железными заклепками.

Тип 1. Футляр предмета изготовлен из кожи, которую натягивали на железный каркас (рис. 1: 3,4). Подобный тип колчанов известен в курганных могильниках Калиновский курган 54/1, Ченин курган 8/4 и Солодовка I курган 5/4 (Шилов, 1959. С. 400; Лукашов, 1982. С. 28, рис. 88: 10, 11; Мыськов, 1993. С. 82–83). Кожа, как правило, не сохраняется, фиксируются лишь ее небольшие фрагменты.

Тип 2. Футляр предмета, помещенный внутрь железного каркаса, изготовлен из бересты и скреплялся с каркасом железными клепками.

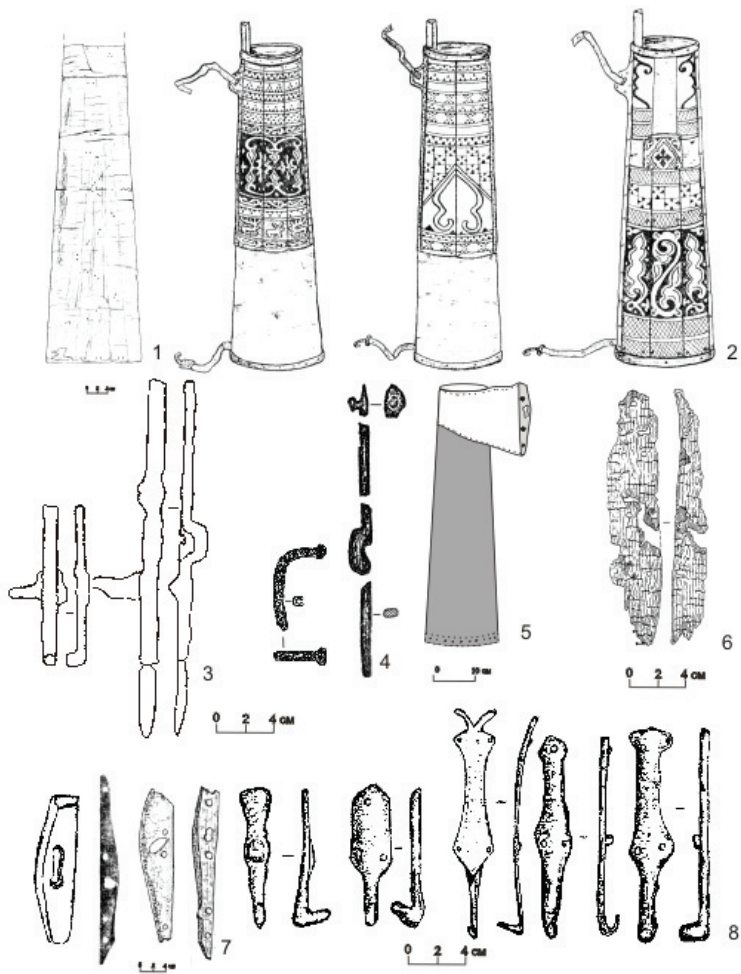

Рис. 1. 1 – берестяной колчан из Новокумакского могильника, III северо-западная группа, курган 6, погребение 1; 2 – реконструкция колчанов, украшенных костными накладками, по Малиновская, 1974.; 3 – железные оковки колчана из курганного могильника Ченин, курган 8, погребение 4; 4 – железные оковки колчана из курганного могильника Солодовка I, курган 5, погребение 4; 5 – реконструкция кожаного колчана из курганного могильника Джангала–Новая Казанка, группа I, курган 1, погребение 1; 6 – фрагменты цельнодеревянного колчана из курганного могильника Атна II, курган 2; 7 – типы костяных колчаных петель; 8 – типы железных колчаных крюков.

Подобный тип колчанов известен в курганном могильнике Калиновский курган 45/2 (Шилов, 1959. С. 395–396).

Группа 3. Бескаркасные колчаны.

Тип 1. Колчаны, целиком сшитые из кожи (4 экземпляра), практически не сохраняются в погребениях. Они представлены в курганных могильниках у с. Курнаевка, курган 1; Бережновка, Южная группа, курган 9/6; Молчановка, Группа I, курган 2 (Синицын, 1959. С. 49-51, 130; Синицын, 1960. С. 117). Хорошо сохранившийся колчан в виде узкого мешка трапецевидной формы был обнаружен в курганном могильнике Джангала – Новая Казанка, группа I, курган 1/1 (рис. 1: 5). Его длина достигает 70 см, ширина верхней части – 15 см; ширина нижней – 20 см. (Синицын, 1949. С. 15). Все колчаны этого типа имели в своей верхней части костяные пластины, которые крепились к поясу или седлу с помощью ремешков.

Тип 2. Цельнодеревянный колчан происходит из курганного могильника Атапа II курган 2 (рис 1: 6). Длина колчана составляет 40 см, на его поверхности имелись отверстия для продевания ремней крепления (Гуцалов, 1993. С. 162).

Датировка колчанов устанавливается в зависимости от наличия сопровождающих их артефактов (стремена, конская упряжь, оружие, монеты и др.) и особенностей погребального обряда, менявшегося на протяжении домонгольского и золотоордынского периода в степях Волго-Уралья. Так, например, берестяные колчаны трапецевидной формы (группа 1, тип 1) встречаются в погребениях кочевников на протяжении всей эпохи средневековья, распространены они были и в Новое время (Рахимов, 2012. С. 99). По письменным источникам известно, что воины защищали колчаны от плохих погодных условий специальными чехлами, о чем свидетельствуют остатки кожи на некоторых берестяных футлярах, например, на изделии из курганного могильника Бережновка I курган 4/4 (История Казахстана, 2006. С. 65; Синицын, 1959. С. 64).

Колчаны, украшенные костяными пластинами (группа 1, тип 2), появляются в степях Волго-Уралья в XIII – начале XIV вв. Изделия были широко распространены от Молдавии до Южной Сибири. По мнению Н.В. Малиновской, повсеместное использование колчанных костяных накладок характерно только для золотоордынского периода XIII-XIV вв., таким образом, они могут выступать в роли датирующего маркера (Малиновская, 1974. С. 158–160).

Колчаны, железный каркас которых обтянут кожей, встречаются в погребениях IX–XI вв. и, по всей видимости, исчезают с приходом кыпчаков. Берестяные футляры с внешним железным каркасом встречаются в захоронениях XIII–XIV вв.

Кожаные колчаны, встречающиеся в погребениях XIII–XIV вв., доходят до нас, как правило, в плохом состоянии. Вполне возможно, что нижняя часть таких артефактов была снабжена округлым деревянным дном. Для крепления футляра к поясу или седлу его могли дополнительно снабдить деревянной планкой с системой отверстий, через которые продевались шнуры для крепления колчана.

Набор стрел, обнаруженных в колчанах, не однотипен. В основном, в них представлены черешковые железные, гораздо реже – костяные наконечники. В рассматриваемых изделиях стрелы помещены наконечниками вверх.

Местоположение колчанов в погребениях различное: вдоль рук, ног или в области таза покойного. В рассмотренных захоронениях колчан лежал в большинстве случаев (80 %) справа от погребенного, в остальных – слева. На основании этого можно предположить, что большинство кочевников носили колчан на правом бедре, либо подвешивали его с правой стороны седла с помощью колчанного крюка. Ношение кочевниками колчанов на правом бедре прослеживается по средневековым половецким каменным изваяниям (Плетнева, 1974. С. 186–187).

Состав предметов крепления колчана почти во всех погребениях стандартен. Речь идет преимущественно о железных кольцах и пряжках, дополненных, в основном, железным крюком, иногда встречаются костяные петли (рис. 1: 7). Колчанный крюк, как правило, представлен одним экземпляром, прямоугольная или фигурная спинка крючка имела 3–4 сквозных отверстия для крепления к ремню, степень изгиба крючка была различной (рис. 1: 8). Костяные петли крепились к широким кожаным ремням, которые охватывали весь колчан, далее через отверстия продевался шнур для ношения колчана (Плетнева, 1958. С. 167). По мнению А. Ф. Медведева, костяные петли-пластинки были постоянной принадлежностью берестяных и лубяных колчанов, обтянутых кожей (Медведев, 1966. С. 20).

Таким образом, датировку колчанов можно определить по их конструктивным элементам и по особенностям погребального обряда

могильников, в которых эти изделия были обнаружены. Сами колчаны вместе с комплексом вещей из погребений также могут служить датирующим материалом.

Список литературы

- Бытковский О. Ф., 2011. Отчет о проведении археологических научно исследовательских работ по Открытому листу №603 в 2011 г. // Архив Археологической лаборатории ОГПУ.
- Гуцалов С. Ю., 1993. Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург. С. 162-166.
- История Казахстана в персидских источниках, 2006. Том 4. Алматы.
- Кригер В. А., 1983. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника // СА. № 3. М. С. 171-188.
- Кригер В. А., 2012. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X-XIV вв.). Уральск.
- Лукашов А. В., 1982. Отчет о работе Палласовского отряда Заволжской экспедиции ВГПИ за 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. №8878.
- Малиновская Н. В., 1974. Колчаны XIII-XIV вв., с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. С. 132-176.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) XIII-XIV вв. // САИ. Е1-36. М.
- Мыськов Е. П., 1993. Погребения кочевников IX-XI вв. на Ахтубе // Древности Волго - Донских степей. Выпуск 3. Волгоград. С. 69-84.
- Плетнева С. А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М. С. 151-227.
- Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-02.

- Рахимов Р. Н., 2012. Эволюция вооружения башкирской конницы в эпоху Наполеоновских войн // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Ч. III. СПб. С. 98-108.
- Синицын И. В., 1949. Дневник археологических раскопок и разведок, проведенных летом 1949 г. Архив ИА РАН. Р-1, д. №319.
- Синицын И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. № 60. М. С. 39-205.
- Синицын И. В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. № 78. М. С. 10 - 168.
- Шилов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60. М. С. 323-353.

Визуальные методы анализа христианской мелкой пластики из металла

*Чуракова А. Ю. (Государственный Эрмитаж,
г. Санкт-Петербург)
Kononovich@hermitage.ru*

Подвески-образки, являющиеся не столь многочисленными находками, как нательные кресты, служат источником информации о христианском культе в эпоху средневековья. Эти изделия можно использовать для уточнения датировки археологического памятника. Анализ представленной на образках иконографии может рассматриваться как исторический источник. Сохранившиеся на отдельных образках надписи являются примерами древнерусской письменности, предметом изучения палеографии, Текст на изделии позволяет определить изображенного на нем святого. Кроме того, иконки-образки служат произведениями художественной металлопластики, позволяющими изучать особенности древнерусского ювелирного дела.

Комплексный подход к изучению подвесок-образков открывает возможности использования таких артефактов в качестве хроноиндикатора. Этот вид христианской металлопластики способен стать источником для изучения различных аспектов древнерусской культуры (художественный, идеологический, бытовой и производственный).

Однако, тематика, связанная с исследованием этой массовой категории находок, разработана слабо, за исключением работ М. В. Седовой, посвящённых отдельным их типам. Последняя её публикация вышла уже после смерти автора в 2006 г. Других попыток обратиться к анализу подвесок-образков, как к самостоятельной категории находок, ни до, ни после нее предпринято не было.

Всё вышеизложенное определяет актуальность выбранной темы. Указанные артефакты можно изучать с нескольких точек зрения: как предмет личного благочестия (произведение христианского искусства) и как ювелирное изделие (произведение прикладного искусства). В зависимости от поставленной задачи могут быть избраны разные методы изучения.

Иконографический метод. Если рассматривать подвески – образки, как предметы личного благочестия и произведения христианского искусства, то необходим анализ различных иконографических схем, представленных на этих изделиях. Все известные экземпляры образков делятся, в соответствии с иконографией конкретного святого или евангельского сюжета, на группы, внутри которых различаются отдельные варианты исполнения той или иной иконографической схемы. В качестве образцов иконографии приняты схемы, отображенные на древнерусских иконах и на синхронных византийских образцах. Иконографические варианты могут различаться формой и техническими особенностями исполнения изображения. Таким образом, можно представить следующую схему деления привесок-образков по иконографии:

Изображение святого или евангельский сюжет

Типологический метод. Каждый вариант исполнения той или иной иконографии может быть разделен по техническим и конструктивным особенностям подвесок-образков. В основе их классификации лежат следующие критерии: форма; размер; способ изготовления; техника исполнения изображения: рельеф, инкрустация, гравировка, тиснение.

Типологические ряды, если их возможно проследить, строятся в зависимости от близости или, наоборот, удаленности от исходного образца, которая устанавливается по редукции элементов изображения, изменению его размера, потере качества изделия.

Картографирование находок образков с различными иконографическими типами было успешно исполнено М. В. Седовой (1974. Рис. 2), которая отметила закономерности их распространения. Однако вне поля ее зрения осталось большинство типов образков, происходящих, в основном, из Поднепровья, Волыни и Днепровского лесостепного левобережья. Распространенные там типы мы нанесли на карту впервые, причем те из них, которые имеют точную привязку – с точностью до памятника, а те, которые ее не имеют – с точностью до района, в тех случаях, когда это возможно. Основой картографирования служит карта древнерусских княжеств с указанием их центров (Кучкин, 1984), что помогает ориентироваться в неустойчивых границах политических образований и земель эпохи формирования отдельных княжеств.

Технологический анализ. Рассматривая привески-образки как предметы прикладного искусства, необходимо выяснить способ их изготовления, который реконструируется по следам, сохранившимся на готовых изделиях, а также по выявленным одинаковым дефектам и браку. Для этого поверхность изделий была изучена под увеличением от 20 до 400 раз, с помощью электронного USB микроскопа DigiMicro 400x и монокулярной ювелирной лупы, причем были получены изображения поверхности образков.

«Нумизматический» метод. Для сравнения подвесок-образков между собой, а также с актовыми печатями необходимо использовать метод наложения сетки квадратов на сравниваемые экземпляры. Данный метод применяется, прежде всего, нумизматами для выявления монет, чеканенных одним штампом, и печатей, изготовленных одним буллотиром (Сотникова, Спасский, 1983. С. 112–113). В основе этого метода лежит сравнение характерных точек изображений предметов, выполненных в едином масштабе, по координатам наложенной масштабной сетки.

Спектральный анализ состава металла. Для выявления подвесок-образков, изготовленных одним мастером или в одной мастерской, следует сравнивать состав металла образков, посредством спектрального анализа. Метод качественного и количественного определения состава веществ,

основанный на исследовании их спектров испускания, поглощения, отражения и люминесценции, разработан в ОНТЭ ГЭ (спектрометр ArtTAX) и ресурсном центре СПбГУ. Работы были выполнены на настольном растровом электронном микроскопе-микроанализаторе ТМ 3000 (НИТАСНИ, Япония). Химический состав образцов был определен рентгеноспектральным анализатором Swift ED 3000, разработанным компанией Oxford Instruments Analytical Ltd специально для данного микроскопа. Анализу подвергнуто 13 изделий, семь из которых хранится в ГЭ, шесть – в ресурсном центре СПбГУ.

Археологический метод датирования. Учитывая особенности археологического контекста, сопровождающего привески-образки, прежде всего захоронений, нужно применять метод датирования рассматриваемых предметов с помощью сопутствующего погребального инвентаря, путем составления корреляционной таблицы для захоронений.

Палеографический анализ основан на выявлении совокупности особенностей начертания букв в надписях на образках, которые затем необходимо сопоставить с известными на сегодняшний день особенностями начертания букв в текстах, имеющих точную хронологическую привязку (Медынцева, 2000. С. 5–6).

Комплексный анализ привесок-образков с использованием всех вышеперечисленных методов, можно выявить закономерности их бытования в культуре Древней Руси.

Список литературы

- Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.
- Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X - первой половины XIII века. М.
- Седова М. В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л. С. 191–194.
- Сотникова М. П., Спасский И. Г. , 1983. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.

Керамический комплекс г. Царевококшайска (Йошкар-Олы): новые подходы

*Яранцева Н. С. (Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола)
natalya300194@mail.ru*

В вещевом материале археологических памятников, особенно периода средневековья, ведущее место занимает керамика. Благодаря ее широчайшему использованию для производства самых различных предметов, она получила распространение у всех народов и во всех слоях общества, что сделало ее важнейшим источником для изучения истории культуры. Наиболее ярко значение керамики проявляется при исследовании городских центров.

Город Царевококшайск основан в 1584 году как типичное военное укрепление, окружённое с четырёх сторон земляными валами и деревянными стенами. Со временем город перестал выполнять функцию крепости, превратившись в ремесленный и торговый центр (Археологическое ..., 2014. С. 43–45). Здесь начали селиться ремесленники, торговцы и крестьяне. Город перешагнул свои прежние границы. При нем возникли посад и слобода. Ныне город, претерпевший ряд переименований, носит название Йошкар-Ола.

Впервые глиняная посуда Царевококшайска детально рассмотрена в коллективной работе В. И. Гордеева и Ю. А. Павленко (2004. С. 171–173). Авторы этого труда, исследуя керамический комплекс города, анализируют его по таким признакам, как цвет сосудов, степень их обжига, состав теста, характер обработки поверхности посуды.

В результате, керамику из раскопок 1992, 1996, 1997, 1998 гг., В. И. Гордеев и Ю. А. Павленко условно делят на пять групп (Там же).

1. Красноглиняная керамика (45,6 %) характеризуется красным цветом черепка с обеих сторон и в изломе, плохим или средним качеством обжигом, значительными примесями песка в тесте, которое недостаточно промешано.

2. Сероглиняная посуда (46,1 %), цвет которой варьирует от серого до темно-серого, имеет хороший обжиг. Она также отличается хорошо заглаженной поверхностью и зачастую очень слабой примесью песка к тесту.

3. Чернолощенная, хорошо обожженная керамика (1 %), выделяется равномерным по интенсивности цветом черепка с обеих сторон, хотя густота краски различна на разных сосудах. Фрагмент такой посуды имеет черный или чаще темно-серый и серый цвет в изломе. Тесто изделий, как правило, хорошо промешано. Оно свободно от грубых примесей, иногда в нем прослеживается добавка мелкозернистого песка.

4. Буроглиняная, как правило, плохо обожженная посуда (1 %) с шероховатой, грубо заглаженной поверхностью характеризуется бурым, серым, серо-коричневым, иногда почти черным цветом черепка внутри и снаружи. В изломе фрагмент данной керамики имеет бурый или темно-серый цвет, Плохо промешанное тесто сосудов отличается примесями крупнозернистого песка, изредка – шамота, в единичных случаях – толченой раковины.

5. Белоглиняная керамика (6,3 %) имеет белый или желтовато-белый цвет с обеих сторон и такой же цвет черепка в изломе. Для теста изделий характерны небольшие примеси песка или органики. Посуда отличается средним по качеству обжигом.

В 2015 г. в результате исследований бывшей посадской части Царево-кокшайска обнаружено более 27 тысяч фрагментов сосудов. При их детальном изучении выяснилось, что прежняя классификация керамики, предложенная В. И. Гордеевым и Ю. А. Павленко, не отражает всех особенностей керамического комплекса средневековой Йошкар-Олы, в связи с чем возникла необходимость пересмотреть систематизацию указанных выше исследователей.

Выяснилось, что они не уделяли должного внимания красноглиняной глазурованной керамике, находки которой составляет примерно 12 % от общего количества обнаруженной посуды. Вероятно, это объясняется малой информативностью таких сосудов, поскольку данный вид керамики был распространен практически повсеместно, и ее характеристики одинаковы во всем ее ареале. Этой посуде свойственны хорошо промешанное тесто с небольшими примесями мелкозернистого песка и однотонный цвет глины без видимых признаков плохого обжига. Цвет глазури варьирует от темно-коричневого до зеленого оттенков.

Серая керамика, на наш взгляд, делится на два типа (сероглиняная русская и сероглиняная грубая). Для первого типа этой посуды характерно тесто с примесью мелкозернистого песка, реже шамота. Цвет сосудов

колеблется от темно-серого (почти черного) до светло-серого. Обжиг, варьирующий от хорошего до плохого, производился, по всей видимости, в горнах. Посуда часто украшена орнаментом или лощением, в редких случаях и орнаментом, и лощением. Это тип керамики воспроизводит серую русскую мореную посуду.

Второй тип данной керамики по качеству похож на бурую посуду, что позволяет предположить его местное производство. Серая грубая керамика имеет плохо перемешанное тесто с пористой структурой, к которому добавляли мелкозернистый песок, изредка шамот или крупнозернистый песок. Нелощеная поверхность сосудов отличается шероховатостью, иногда заглаживанием. Они изредка орнаментированы линейным узором.

В целом, керамический комплекс Царевокошайска относится к русской гончарной традиции и представлен семью группами посуды (красноглиняная; красноглиняная глазурованная; сероглиняная русская; сероглиняная грубая; чернолощенная; буроглиняная; белоглиняная).

Керамику, по всей видимости, производили не только в Царевокошайске, но и привозили из других крупных торговых центров.

Список литературы

Археологическое..., 2014. Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевокошайска (к 430-летию города), Йошкар-Ола.

Гордеев В. И., Павленко Ю. А., 2004. Малый город Поволжья в позднем средневековье // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола. Вып. 2.

Основные итоги изучения древнерусского женского головного убора

*Яскович А. С. (Институт истории НАН Беларуси, г. Минск)
anna.yaskovich@gmail.com*

Головные украшения часто встречаются в погребальных памятниках Древней Руси. Ювелирный головной убор повсеместно отождествляют с женскими украшениям, которые носили девочки, девушки и замужние женщины.

В научных работах чаще встречается только общее описание элементов женского головного убора, в то время как целенаправленное изучение этой категории находок случается крайне редко. В то же время, упомянуть все работы, рассматривающие женский головной убор или отдельные его детали, сложно.

Отметим, что исследования, посвященные непосредственно костюму или женскому головному убору, бытовавшему на территории Беларуси в период Древней Руси, немногочисленны. Большинство работ, в которых анализируются украшения женского головного убора, принадлежит советским и российским исследователям. Непосредственно этим вопросом или изучением всего костюма занимались такие исследователи как В. П. Левашова, Г. Ф. Корзухина, М. А. Сабурова, Н. В. Жилина, Ю. В. Степанова, С. С. Рябцева и другие. Отметим также вклад в развитие этой тематики таких белорусских исследователей как Л. В. Дучиц, Н. Кизюкевич, Н. Пачобут (Пачобут, 2006) и других.

В истории изучения женского головного убора можно условно выделить три этапа. Первый этап (середина XIX – начало XX вв.) характеризуется накоплением материала любителями истории и археологии, а также первыми шагами в описании и систематизации материала. В это время появляются работы В. Б. Антоновича и А. А. Спицына, где представлено не только описание найденных украшений (височные кольца, серьги), но и способы их ношения (Антонович, 1893; Спицын, 1899). А. А. Спицын был одним из первых, кто на основе распространения височных украшений установил расселение упомянутых в летописи восточнославянских племен.

Второй этап (30-е гг. – 90-е гг. XX вв.) отличается первыми классификациями отдельных древнерусских украшений, в том числе и головного убора, систематизацией коллекций и установлением хронологии украшений. Первым подобную классификацию разработал А. В. Арциховский в 30-е гг. XX вв. (1930). Б. А. Рыбаков предложил классификацию и описание височных колец, обнаруженных на территории Восточной Беларуси, и проследил их связь с подобными украшениями на сопредельных территориях (Рыбакоў, 1932). «Расширенный» вариант подобной работы с учётом новых данных и публикаций, посвященных украшениям радимичей провел В. В. Богомольников (2004). Он расширил классификацию находок, уточнил расселение радимичей и предложил реконструкцию наиболее «распространенного» варианта убора радимичанок. В. П. Левашова на основе классификации А. В. Арциховского предложила свой подход к классификации височ-

ных колец. Она подробно описала все их типы, указав датировки украшений, а также предложила новую терминологию и расширила всю классификацию этих колец (Левашова, 1967). Отметим, что до сих пор классификация, разработанная В. П. Левашовой, а также дополнения к ней, актуальны и используются в научных трудах». На втором этапе древнерусские ювелирные украшения и детали костюма наиболее полно освещены в работах Г. Ф. Корзухиной (1954), В. П. Левашовой (1967), М. А. Сабуровой (1974; 1975), М. В. Седовой (1981). Белорусские исследователи Г. В. Штыхов и П.Ф. Лысенко, создавая обобщающие работы по кривичам и дреговичам, также анализировали обширный корпус археологических источников, включая и находки, относящиеся к женскому головному убору (Штыхаў, 1992; Лысенко, 1991). Указанный период можно характеризовать, как время глубокого осмысления нового материала на основе предложенных классификаций и типологий.

На третьем этапе (конец XX/начало XXI вв. – наше время) наблюдается неослабевающий интерес исследователей к костюму населения Древней Руси и ювелирным украшениям этого периода. Основные исследования по данной теме были проведены российскими учеными – Н. В. Жилиной (2002; 2010а; 2010б; 2012), С. С. Рябцевой (2005), Ю. В. Степановой (2002; 2010) и другими. Белорусские исследователи Л. В. Дучиц (Дучыц, 2005), А. Барвенкова (2000), Н. Кизюкевич (Кізіюкевіч, 2006), на основе археологических материалов, происходящих с территории нынешней Беларуси, детально описали обувь, отдельные элементы костюма и головной убор, характерные как для сельского, так и для городского населения Беларуси в X–XIII вв. Белорусские ученые предложили также варианты реконструкции уборов.

Таким образом можно констатировать, что украшения, составляющие древнерусский женский головной убор, уже систематизированы, что дало возможность не только выделить характерные для населения головные украшения, но и ответить на ряд вопросов этнокультурного характера. В то же время дальнейшая систематизация имеющегося корпуса источников позволит решать некоторые слабо разработанные вопросы (реконструкция женских головных уборов, а также их развитие; изучение экономической и социальной эволюции рассматриваемой территории для выявления роста цветной металлообработки в эпоху средневековья и т.д.).

Список литературы

Антонович В. Б., 1893. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян. СПб.

- Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.
- Барвенава Г. А., 2000. Парадна-цырыманяльны княскі строй на Беларусі ў Х—XIII стст. // Весці НАН Беларусі: Сер. гум. навук. № 2. С. 85–91.
- Богомольников В. В., 2004. Радимичи (по материалам курганов X-XII вв.). Гомель.
- Дучыц Л. У., 2005. Касцюм жыхароў Беларусі X-XIII стст. (паводле археалагічных звестак). Мінск.
- Жилина Н. В., 2002. Эволюция древнерусского металлического убора в IX–XI вв. // История и культура Ростовской земли. Ростов. С. 38–49.
- Жилина Н. В., 2010а. Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство) // Stratum plus. № 6. С. 255–267.
- Жилина Н. В., 2010б. История древнерусского металлического убора IX в. // Славяно-русское ювелирное дело. СПб. С. 175–198.
- Жилина Н. В., 2012. Стили в древнерусском ювелирном искусстве IX–XIII вв. // Знание. Понимание. Умение. Русский мир. № 1. С. 92–105.
- Кізіюкевіч Н., 2006. Ювелірныя ўпрыгажэнні з пахаванняў на тэрыторыі Гродзенскага раёна // Stan badan Archeologicznych na pograniczu Polsko-Bialoruskim od wczesnego sredniowiecza po czasy nowozytne: Zb. artykułów // Pod red. Haliny Karwowskiej i Aleksandra Andrzejewskiego. Białystok. S. 147–156.
- Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л.
- Левашова В. П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни. (Тр. ГИМ; № 43). С. 7–54.
- Лысенко П. Ф., 1991. Дреговичи. Мн.
- Пачобут Н., 2006. Матэрыялы раскопак могільнікаў каля в. Курашэва ў фондах ГДГАМ // Stan badan Archeologicznych na pograniczu Polsko-Bialoruskim od wczesnego sredniowiecza po czasy nowozytne: Zb. artykułów // Pod red. Haliny Karwowskiej i Aleksandra Andrzejewskiego. Białystok. S. 157–171.
- Рыбакоў Б. А., 1932. Радзімічы // Працы секцыі археолёгіі Беларускай АН. Москва. С. 81–151.

- Рябцева С. С., 2005. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб.
- Сабурова М. А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2. М. С. 85–97.
- Сабурова М. А., 1975. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. № 144. М. С.18-22.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв). М.
- Спицынъ А. А., 1899. Разселеніе древне-русскихъ племень по археологическимъ даннымъ // Журнал Министерства Народнаго Просвещенія. Ч. CCCXXIV. С. 301-340.
- Степанова Ю. В., 2002. Женский головной убор с височными кольцами X-XIII вв. (по материалам погребальных памятников Верхневолжья) // Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 4. С. 308-312.
- Степанова Ю. В., 2010. Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // Stratum plus. № 5. С. 275-283.
- Штыхаў Г. В., 1992. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.

История науки и использование междисциплинарных методов в археологии

Вклад П. С. Уваровой в развитие отечественной археологии

*Баскова В. А. (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)
varyabaskova@yandex.ru*

Деятельность Прасковьи Сергеевны Уваровой протекала во второй половине XIX – начале XX в., когда археологи от коллекционирования и собирания вещественных материалов переходили к их научному изучению. П.С. Уварова смогла не только сохранить и придать устойчивую форму делам и начинаниям своего супруга – археолога А.С. Уварова, но и сыграть значимую роль в работе по организации археологии в Российской империи. Интерес к личности П.С. Уваровой вызван тем, что на протяжении большей части XX в. деятельность археологов-дворян либо не освещалась, либо сводилась к осуждению, однако именно им принадлежит роль «первопроходцев» в отечественной археологии.

П. С. Уварова (1840–1924) родилась в семье князя С. А. Щербатова. Она получила домашнее образование. Спустя некоторое время после переезда семьи в Москву, в 1859 году Прасковья Сергеевна выходит замуж за археолога графа А. С. Уварова, сына министра народного просвещения С. С. Уварова. Знакомство П. С. Уваровой с археологией началось во время ее путешествия по Европе, в ходе которого А. С. Уваров писал труд по византийскому искусству и попутно знакомил супругу с монументальным искусством Италии, с раскопками Помпей и Геркуланума (Уварова, 2005. С. 24, 43). П. С. Уварова писала о поездке: «Преодо мной открылся совершенно новый чудный мир, с новыми взглядами не только на историю и искусство, но, откровенно говоря, и на всю жизнь. Стали близки и понятны занятия мужа, его увлечения» (Уварова, 2005. С. 53). После возвращения в Россию П. С. Уварова помогала мужу в создании музея русских древностей в Петербурге, ездила с ним на раскопки (Уварова, 2005. С. 93, 94). Можно сказать, что А. С. Уваров стал «вектором» ее жизни. После смерти графа в 1884 г. она решила закрепить и развить достижения супруга. В археологической деятельности П. С. Уваровой можно выделить следующие направления: составление каталога собраний А. С. Уварова, организация работы Московского археологического

общества (далее — МАО), созыв Археологических съездов (далее — АС) и археологические исследования.

Собрания А. С. Уварова. Незадолго до смерти А. С. Уваров поручил супруге составить каталог коллекции рукописного собрания и собрания древностей музея в Поречье, где находилась усадьба Уваровых. Договорившись о составлении каталога рукописей с архимандритом Троице-Сергиевой Лавры Леонидом, П. С. Уварова лично стала присылать ему рукописи графа (Уварова, 2005. С. 130). В 1893–1894 гг. под редакцией П. С. Уваровой был выпущен «Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова» в 4-х томах. В 1917 г. судьба коллекции Поречья, как и других музейных коллекций Российской империи, оказалась под угрозой разграбления, поэтому в этом же году П. С. Уварова вместе с детьми отправляется в родовую подмосковную усадьбу, чтобы упаковать и отправить в столицу семейный архив и коллекции графа. В октябре 1918 г. собрание было передано в Исторический музей (Полякова, Фролов, 1995. С. 60; Уварова, 2005. С. 200).

Московское Археологическое общество и Археологические съезды. А. С. Уваров, будучи председателем МАО, не позволял женщинам вступать в члены общества. Несмотря на это, после смерти графа МАО выбрало П. С. Уварову в члены общества, а в 1885 г. — председателем (Уварова, 2005. С. 132). Уже на первом заседании Общества П. С. Уварова поставила вопрос о VII АС в Ярославле в 1887 г., который, по обычаю, должен был состояться через три года после предыдущего. По ее инициативе также были собраны: VIII АС в Москве в 1890 г., IX АС в Вильне в 1893 г., X АС в Риге в 1896 г., XI в Киеве в 1899 г., XII АС в Харькове в 1902 г., XIII АС в Екатеринославе в 1905 г., XIV АС в Чернигове в 1908 г., XV АС в Новгороде в 1911 г. Последний XVI АС 1914 г. в Пскове не состоялся из-за начавшейся Первой мировой войны. П.С. Уварова принимала непосредственное участие в подготовке каждого из съездов – за один-два года до начала съезда создавался Предварительный комитет, графиня ехала в город, где должен был проводиться съезд, лично знакомилась с губернатором, представителями дворянства и духовенства, руководителями учебных заведений, а также с людьми – любителями древностей. В ходе работы Предварительного комитета П. С. Уварова договаривалась о взаимном сотрудничестве, о предоставлении помещений для проведения заседаний съезда, об организации археологической выставки и собрания для нее находок из частных коллекций. Помимо этого, внимание уделялось развитию или созданию местных музеев. В частности, по итогам VII АС ею было издано пособие с кратким

описанием собраний и коллекций музеев и учебных заведений страны с указанием задач по организации их управления в целях развития (Уварова, 1888). На заседаниях МАО помимо отчетов о деятельности Предварительных комитетов П. С. Уварова зачитывала свои рефераты об археологическом изучении древностей России (Редин, 1905. С. 6, 7).

Говоря о структуре МАО, нужно отметить, что общество состояло из нескольких комиссий, работа которых облегчала задачи общего управления. Во время председательства П. С. Уваровой к уже существующей комиссии по сохранению памятников добавились Восточная, Славянская, Археографическая и комиссия «Старая Москва». Помимо основного периодического издания «Древности. Труды МАО», с 1893 г. издавались «Археологические известия и заметки» и отдельно труды каждой из комиссий. Для публикации трудов общества П. С. Уварова использовала личные средства. Благодаря своему влиянию на высшие круги, она также добивалась выделения государством денежных средств и субсидий (Лебедев, 1992. С. 101, 224).

Археологические раскопки. При подготовке издания «Материалы по археологии Кавказа» П. С. Уварова предприняла раскопки на Кавказе в Осетии, Кахетии, Сванетии и других местах, где были открыты многие могильники (Уварова, 2005. С. 137–140). В 1901 г. она изучила коллекции древностей Кавказского музея в Тифлисе (ныне Тбилиси) для составления каталога археологических находок (Анучин, 1916. С. XVIII). В 1910 г. при строительстве дороги под Муромом был обнаружен могильник племени меря. П. С. Уварова, находясь в это время в Карачарове, предприняла меры по его сохранению – в Москву была срочно отправлена телеграмма, после чего для проведения раскопок приехал археолог В. А. Городцов и музейный служащий. В 1912 г. во время поездки в Волосово П. С. Уварова обнаружила скопление кремневых орудий, названное впоследствии «волосовским кладом». Позднее Волосово было также обследовано П. С. Уваровой и В.А. Городцовым (Уварова, 2005. С. 188–189).

Подводя итог, нужно отметить, что П. С. Уварова стала преемницей своего супруга во многих его начинаниях. Благодаря ей были изданы незаконченные труды графа, сохранена собранная им коллекция древностей, продолжены археологические исследования. Будучи председателем МАО, П. С. Уварова прикладывала все усилия для системного и эффективного проведения АС, возлагая на себя основные организаторские обязанности. Таким образом, П. С. Уварову можно назвать одной из ключевых фигур отечественной археологии второй половины XIX – начала

XX в., которая сыграла значительную роль в развитии отечественной археологии.

Список литературы

- Анучин Д. Н., 1916. Графиня П. С. Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского Археологического общества // Сб. статей в честь графини Уваровой. М. С. XI–XXIV.
- Лебедев Г. С., 1992. История Отечественной археологии 1700–1917 гг. СПб.
- Полякова М. А., Фролов А. И., 1995. Ревнителю московских древностей А. С. Уваров и П. С. Уварова // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М. С. 48–64.
- Редин Е. К., 1905. Графиня П. С. Уварова (К двадцатилетию ее председательства в Императорском Московском Археологическом обществе). Харьков.
- Уварова П. С., 1888. Губернские или областные музеи. М.
- Уварова П. С., 2005. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.

Статистический анализ следов горения на грунте: возможности и перспективы¹

*Бычков Д. А. (Лаборатория гуманитарных исследований НИЧ
НГУ, г. Новосибирск)
bda.nsk@yandex.ru*

Хозяйственная и адаптивная человеческая деятельность носит различный характер, о чем свидетельствуют ее разнообразные проявления. В данной работе рассмотрены следы горения, сохранившиеся на древней дневной поверхности, как свидетельства приспособления человека к природно-климатическим условиям.

Такой подход восходит к работам Д. Н. Анучина (1992. С. 6), который говорил о необходимости сбора и анализа массового статис-

¹ Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К).

тического материала по использованию и добыче огня в древности. К аналогичным выводам пришел Б. Ф. Поршневу, опираясь на свой опыт экспериментального изучения использования огня (1955. С. 11). П. В. Волков открыл новые перспективы и возможности изучения отопительных костров древности (1994. С. 110). Выделение в провалах или прокаленных участках грунта зон интенсивности и закономерностей их образования делает возможным создание классификационных схем следов горения и доказательной реконструкции процесса, в результате которой они сформировались.

Целью работы является обоснование перспективности комплексного изучения следов горения на грунте. Для этого проводится статистический анализ базы данных следов горения, сформированной на основе археологических исследований древних памятников в бассейне среднего течения реки Оби. Их хронологический диапазон охватывает время от 7700 л.н. до 800 л.н. (здесь и далее указываются абсолютные калиброванные даты памятников, а не отдельных следов). Анализ проводился для выявления между объектами качественных различий, которые можно выразить в количественных показателях.

База данных, на основе которой был проведен анализ, включает 63 объекта. Каждый из них представлен следом горения на древней дневной поверхности, возникшим в результате контролируемого использования огня древним человеком и имеющим определенную внутреннюю структуру, для которой характерна зона интенсивности и наличие продуктов горения (зола и угли). Все объекты были разделены на две группы: «очаги» в количестве 16 и «прокалы» в количестве 47. «Очагами» названы те объекты, антропогенное происхождение которых доказывается их находением в структуре археологических комплексов – жилищ и других построек. «Прокалами» названы объекты, расположенные в пространстве между жилищами и другими остатками. Отношение этих следов горения к хозяйственной или адаптивной деятельности человека подвергается сомнению.

Сравнение обеих групп было проведено по количественным показателям. В результате были установлены различия между объектами первой и второй групп. «Очаги» определенно связаны с культурным слоем (94 % случаев), и в них часто фиксируются артефакты (69 %). Соответствующие показатели у «прокалов» составляют 74 % и 49 %. Большая часть «очагов» (44 %) расположена на ровной плоскости или возвышенности (бугорок и т.п.), тогда как «прокалы» (36 %) находятся

на склонах, скалах, стенках ям и т.п. Обе группы объектов имеют в плане неправильную форму. Применяя методику морфологического анализа керамических сосудов А. А. Бобринского (1986. С. 137–157) к формам следов горения, было установлено, что «очаги» тяготеют к округлым, подовальным формам, а «прокалы» имеют более вытянутые, подпрямоугольные формы. В некоторых случаях объект, расположенный на склоне холма или возвышенности, вытянут в том же направлении, в котором спускается склон, причем продольно проведенная линия через след горения имеет отклонение от направления ската не более 15° в каждую сторону. Такое расположение следа горения относительно направления склона именуется автором «симметричной форме микрорельефа». Симметрично расположены 19 % «очагов» и 38 % «прокалов». Большое количество угля характерно для 81% очагов и лишь для 13 % «прокалов». Мощность прокаливания «очага» в среднем равна 16 см, причем 69 % «очагов» имеет толщину прокаливания от 10 до 20 см. «Прокалы» отличаются меньшей мощностью продуктов горения, которая почти в половине случаев (51%) не превышает 10 см. Почти треть «очагов (31 %)» имеет дополнительную конструкцию – преднамеренное углубление в земле, каменная обкладка.

При рассмотрении единого массива объектов, без деления их на группы, было выявлено следующее. Наличие конструкции может указывать на продолжительность функционирования объекта, поскольку наличие средней мощности прокаливания (от 10 до 20 см) фиксируется у 72 % следов горения с конструкциями. Объекты, расположенные симметрично форме микрорельефа, имеют мощность прокаливания до 10 см (48 %), а расположенные ассиметрично – от 10 до 20 см (57 %). Если предположить, что мощность прокаливания пропорциональна продолжительности функционирования теплотехнического устройства, то симметрично расположенные следы горения остались в результате непродолжительного, перманентного использования огня. Объекты же, расположенные ассиметрично форме микрорельефа, возникли в результате продолжительного функционирования теплотехнических конструкций. Анализируя расположение следов горения, было установлено, что объекты, симметричные форме микрорельефа, расположены на ниспадающих формах микрорельефа (62 %). Объекты, расположенные ассиметрично форме микрорельефа, находятся на плоскости (48 %) и на возвышенности (36%). Сравнив абсолютный возраст памятников и мощность следов горения, удалось установить следующее. Горизонтальная проекция точек на графике (рис. 1) показывает типовой набор объектов, характерный для определенного хронологического периода. Каждый

Рис. 1. Соотношение возраста памятников и мощности следов горения

набор характеризуется мощностью прокаливания, взаимосвязь которой с другими характеристиками описана выше. Вертикальная проекция позволяет распределить объекты по мощности на три группы: малая с мощностью до 10 см, средняя с мощностью от 10 до 20 см и большая с мощностью от 20 см.

Приведенные в данной работе количественные параметры различных объектов позволяют заложить основы их классификации, выявить особенности пространственных взаимоотношений с другими комплексами изучаемого пространства. Развитие типологии следов горения, связанной с хронологией определенных территорий, позволит получить новые сведения о механизмах адаптации человека к природно-климатическим условиям. Предполагается, что для определенных природно-климатических условий практика использования огня могла иметь свои отличительные черты. Изучение структуры следов горения и их взаимосвязи с конструкцией теплотехнического устройства, а также особенностей расположения тех и других в культурном пространстве древнего человека позволит доказательно проводить реконструкции его хозяйственной деятельности. Статистический анализ позволяет выделить специфические признаки следов горения, которые могут быть использованы для суждения о степени их «антропогенности».

Список литературы

- Анучин Д. Н., 1922. Открытие огня и способы его добывания. М.
- Бобринский А. А., 1986. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та. С. 137–157.
- Волков П. В., 1994. Экспериментальное изучение отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск. С. 104–112.
- Поршнева Б. Ф., 1955. О древнейшем способе получения огня // Советская этнография. №1. С. 7–28.

Проблема функциональной классификации древних орудий труда в археологии¹

*Вальков И. А. (Алтайский государственный университет,
г. Барнаул)
valkow92@mail.ru*

Классификация исследуемого материала является неотъемлемой частью археологических исследований, что обусловлено необходимостью систематизации массового материала, объектов или явлений, позволяющих проследить культурную или хозяйственную специфику древних обществ. Однако процесс классификации связан с различными трудностями как практического, так и теоретико-методологического характера. В данной работе мы остановимся на проблеме функциональной классификации древних орудий труда.

В середине XX века С. А. Семеновым был разработан трасологический метод, позволяющий выявить функции древних орудий труда по следам утилизации на их поверхности (Семенов, 1957). Постепенно назрела и

¹ Работа выполнена в рамках гранта правительства РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» договор № 14.Z50.31.0010 проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

потребность функциональной классификации орудий труда. Сама идея и разработка такой классификации принадлежат Г. Ф. Коробковой, применившей ее на материалах памятников ранних земледельческо-скотоводческих обществ Средней Азии и Кавказа. Как отмечала исследовательница, «трасологическое изучение коллекций целого ряда регионов заставило обратиться к выработке понятийной сетки, необходимой для систематизации просмотренного материала» (Коробкова, 1987. С. 27).

При составлении классификаций орудий Г. Ф. Коробкова использовала иерархическую структуру, включающую функциональный тип (изделие, обладающее единством признаков изнашивания, характеризующих конкретную трудовую операцию), функциональную группу (совокупность типов с различными признаками износа, объединенных единством производства) и функциональный класс (совокупность групп орудий с разными признаками износа, отражающая хозяйственную структуру общества) (Коробкова, 1987. С. 26).

Второй подход к функциональной классификации представил В. Е. Щелинский, согласно точке зрения которого, имеет смысл выделение только функциональных групп, без вычленения каких-либо других иерархических категорий. Функциональную группу он определяет как совокупность орудий одной функции, одной кинематики, использованных для обработки одного материала, но с разными технико-морфологическими характеристиками (Щелинский, 2001; Коробкова, Щелинский, 1996. С. 23).

Согласно мнению Г. Н. Поплевко, с помощью трасологического анализа нужно уточнять результаты типологического изучения материала, исходя из чего составлять его функциональную классификацию (Поплевко, 2007. С. 283). Однако данный подход, на наш взгляд, является не вполне верным. А.Е. Матюхин справедливо замечает, что недопустимо сочетание морфологических и метрических принципов, лежащих в основе формальной типологии, с функциональным основанием (Матюхин, 2003. С. 96). Иные же исследователи либо придерживались обозначенных выше классификаций (Лоллекова, 1994; Килейников, Юдин, 1993; и др.), либо вовсе не классифицировали изученный трасологическим методом материал.

В результате трасологического изучения костяных предметов из памятников эпохи бронзы нами были выявлены проблемы, связанные с их функциональной классификацией. Сказалось и то, что слабо разработанная методика функциональной классификации костяных орудий применялась

лишь в единичных исследованиях (Килейников, Юдин, 1993; Коробкова, 2001). Трудности возникают при изучении переиспользованных орудий и изделий, которые сложно отнести к одному типу или группе. Аналогичная ситуация складывается и с полифункциональными орудиями, которые могли задействовать зачастую в двух совершенно различных операциях, например, в кожевенном и керамическом производстве (лощила, проколки / орнаменты и пр.). Поэтому, мы считаем оправданным выделение более дробной классификационной единицы – «функциональный вариант».

Следует обратить внимание и на орудия, обладающие единством функции и характера утилизации, но в то же время отличающиеся морфологически. Так среди костяных орудий эпохи бронзы встречаются скребки для снятия мездры, которые изготавливались из различных костей (подвздошные, нижние челюсти, ребра), что обусловило разную морфологию при сходных следах износа.

Нами были рассмотрены основные подходы к функциональной классификации орудий труда, а также обозначены некоторые методологические проблемы построения таких классификаций. Настоящая работа не претендует на решение этих проблем, а лишь заостряет внимание исследователей на их наличии и некоторых путях решения. В то же время следует отметить значимость разработки теоретических проблем функциональной классификации, так как она позволяет обобщить и систематизировать данные о хозяйстве и производственных процессах в древних обществах.

Список литературы

- Килейников В. В., Юдин А. И., 1993. Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // АВ. Вып. 1. Саратов. С. 63–85.
- Коробкова Г. Ф., 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Л.
- Коробкова Г. Ф., 2001. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла / Под. ред. Л.Б. Кирчо. СПб. (МЮТАКЭ. Вып. 5). С. 146–212.
- Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е., 1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч.1. СПб. (Археологические изыскания; Вып. 36).

- Лоллекова О., 1994. Функциональная классификация кремневой индустрии стоянки Сенек // Экспериментально-трассологические исследования в археологии / Под. ред. Г.Ф. Коробковой. СПб. С. 137–143.
- Матюхин А. Е., 2003. О целях, роли и соотношении типологического и технологического подходов в первобытной археологии // Петербургская трассологическая школа в изучении древних культур. СПб. С. 91–111.
- Поплевко Г. Н., 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб. (Тр. ИИМК РАН. Т. XXIII).
- Семенов С. А., 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.-Л. (МИА; № 54).
- Щелинский В. Е., 2001. О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // АВ. № 8. СПб. С. 223–237.

Применение палеорулового метода в археологических исследованиях

*Демаков Д. А. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)
demakov-denis@mail.ru*

Жизнь человеческого общества всегда была тесно связана с реками как источником пропитания, воды и транспортной артерией. Поэтому, решение проблем адаптации древних человеческих обществ к окружающей природной среде, нужно связывать с реконструкцией палеоландшафтов речных долин, в формировании которых активное участие принимали и русловые процессы.

Основным методом исследования эволюции речных русел в голоцене является палеоруловый метод, в основе которого лежит изучение рисунка первичного рельефа поймы и 1-й надпойменной террасы (в случае их сохранности), а также их строения. На меандрирующих реках существует связь между кривизной и некоторыми другими параметрами излучин и водностью реки: чем больше радиус кривизны, шаг и стрела прогиба основной массы излучин, тем больше был расход воды во время формирования поймы.

Следы древних положений русла хорошо сохраняются в рисунке первичного пойменного рельефа в виде изогнутых грив и стариц, маркирующих предельные положения излучин перед их спрямлением. Радиоуглеродный анализ содержащих органику отложений, лежащих в основании старичных толщ, позволяет установить возраст начала зарастания стариц, т.е. время спрямления излучин, достигших критической или предельной кривизны. Сопоставляя эти показатели – кривизну спрямляющихся излучин и время их спрямления, можно восстановить этапы развития русла реки в прошлом и осредненные положения русла в долине на этих этапах (Лычагина и др., 2015).

Подобного рода исследования проводились в бассейне р. Вычегды (Карманов и др., 2013), в долине Верхней Камы :берега озера Чашкинского (Лычагина и др., 2015) и участок от с. Бондюг до устья р. Вишеры (Демаков и др., 2015).

В долине р. Вычегды коллективом исследователей под руководством В. Н. Карманова был исследован участок, вдоль которого располагаются 17 разновременных памятников археологии. Анализ спутниковых снимков и крупномасштабных топографических карт позволил выделить в пойме и на низкой террасе семь разновозрастных генераций. Для определения их абсолютного возраста было проведено радиоуглеродное датирование слагающих их отложений (всего 49 дат). По рисунку пойменных грив и стариц, их взаимному расположению удалось восстановить положение русла реки во время формирования шести из семи выделенных генераций. Этапы в развитии речного ландшафта были сопоставлены с данными спорово-пыльцевого анализа (Голубева, 2010). В результате было установлено пространственно-временное соотношение различных его компонентов и археологических объектов. Однако были выявлены и «подводные камни», которые следует учитывать в подобного рода исследованиях. Это несоответствие временного разрешения археологии и палеорусловедения и корректность заключения о пространственном соотношении археологических объектов и конкретной генерации поймы (в связи с наложением разновременных палеорусел друг на друга).

Микрорегион Чашкинского пойменного образования был изучен коллективом авторов под руководством Е.Л. Лычагиной. На восточном берегу Чашкинского озера компактно расположено около 20 разновременных археологических памятников (Чернов и др., 2014). В ходе проведения палеоруслового анализа, удалось выделить на Чашкинском пойменном массиве останец низкой надпойменной террасы и семь

разновозрастных пойменных генераций. Возраст отложений, сформировавших эти генерации, определен методом радиоуглеродного анализа. Удалось реконструировать положение русла реки во время формирования этих генераций. Были проведены палинологический и карпологический анализы. На базе изменения содержания палиноостатков основных доминантов спорово-пыльцевых спектров выделены три пыльцевые зоны, отражающие изменения в растительном покрове в окрестностях Чашкинского озера в конце атлантического периода, в суббореальном и субатлантическом периодах голоцена (Лычагина и др., 2015). В исследуемом районе со второй половины атлантического периода и по настоящее время существовали хвойные леса с березой, в подлеске встречались бузина, ольха, малина. В травянистом ярусе доминировали осоки и растения лесных болот, что говорит о постоянном почвенном переувлажнении.

Долина Верхней Камы от с. Бондюга до устья р. Вишеры была изучена в 2013–2014 гг. в ходе двух археолого-палеогеографических экспедиций. Вдоль участка исследования располагается более 50-ти разновременных археологических памятников. При проведении палеоруслового анализа, удалось выделить в исследуемом районе Верхней Камы шесть разновозрастных генераций. Были отобраны пробы на радиоуглеродный, палинологический и карпологический анализы (Демаков и др., 2015).

Все вышеизложенное показывает высокую эффективность применения палеоруслового метода в археологических исследованиях. Однако стоит отметить несколько моментов, которые очень важны при выборе данного метода для исследования.

Во-первых, не все речные долины характеризуются высокой изменчивостью ландшафтов, однако большинство рек, особенно в местах впадения притоков, имеют участки с активной динамикой русла, и, следовательно, наш метод может быть применен при их исследовании; во-вторых, наиболее полные и точные данные палеорусловой метод дает в сочетании с другими естественно-научными методами (радиоуглеродный, палинологический и карпологический); в-третьих, приведенные выше примеры показывают, что результаты, полученные в ходе применения палеоруслового метода, могут быть специфичны для отдельных регионов и это следует учитывать при анализе полученных данных.

Исследователи выделяют три основных направления, где данные русловедения найдут свое приложение в археологии: 1) решение проблемы

адаптации человеческих коллективов к изменяющейся природной среде обитания; 2) определение перспективных участков речных долин для поиска памятников; 3) планирование мероприятий по сохранению объектов археологического наследия (Карманов и др., 2013).

Список литературы

- Голубева Ю. В., 2010. Палеогеография и палеоклимат позднеледниковья и голоцена в северной и средней подзонах тайги Тимано-Печоро-Вычегодского региона (по палинологическим данным): Автореф. дис. канд. геол.-мин. наук. Сыктывкар.
- Демаков Д. А., Копытов С. В., Лычагина Е. Л., Назаров Н. Н., Чернов А. В., 2015. Динамика освоения человеком долины Верхней Камы в контексте палеорусловых процессов // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 6-10 апреля 2015 г. Тюмень. Вып. 3. С. 108-111.
- Карманов В. Н., Чернов А. В., Зарецкая Н. Е., Панин А. В., Волокитин А. В., 2013. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский Северо-Восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 2. № 54. С. 83-93.
- Лычагина Е. Л., Чернов А. В., Зарецкая Н. Е. и др., 2015. Чашкинское озеро и древний человек в голоцене // Неолитические культуры восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Мат-лы международной научной конференции. СПб, 12-16 мая 2015 г. СПб. С. 183–188.
- Чернов А. В., Зарецкая Н. Е., Лаптева Е. Г. и др., 2014. Применение естественно-научных методов для реконструкций условий обитания древнего человека в долине верхней Камы (группа Чашкинских стоянок). // Труды IV Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Том IV. Ин-т археологии АН РТ. Казань. С. 380–383.

Мультидисциплинарный подход в региональной археологии (по материалам Оренбургской археологической экспедиции)¹

*Евгеньев А. А. (Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург)
oren-arch@mail.ru*

В 1977 г. Н. Л. Моргунова создала на базе Оренбургского государственного педагогического института Оренбургскую археологическую экспедицию (далее — ОАЭ). Ежегодно ОАЭ проводит раскопки могильников и поселений различных эпох и культур, от мезолита до эпохи средневековья. Полученные материалы введены в научный оборот благодаря публикациям Н.Л. Моргуновой и изданию, начиная с 1996 г., выпусков «Археологические памятники Оренбуржья». На протяжении 1980–1990-х гг. изучение и интерпретация оренбургских археологических памятников производились преимущественно археологическими методами без помощи смежных дисциплин, исключая палеозоологические и антропологические исследования. Начиная с 2000 г., в деятельности ОАЭ археологические методы дополнены обязательным использованием методов естественных наук и смежных дисциплин, что позволило прийти к принципиально новым важным результатам. По комплексной методике изучены одиночный курган Шумаево, курганные могильники Шумаево I и II, Мустаево V, Лабазы, Скворцовка, Боголюбовка. В настоящей работе рассматривается значение мультидисциплинарного подхода для археологии Оренбуржья.

I. Радиоуглеродное датирование. Обязательным условием проводимых в Оренбуржье археологических исследований стало радиоуглеродное датирование, используемое в комплексе с палеопочвоведением (Моргунова и др., 2011). Хотя, в соответствии с научными интересами руководителя ОАЭ, приоритет был отдан разработке хронологии эпохи энеолита – раннего бронзового века, датировались и комплексы других эпох. Датирование проводилось по всем возможным материалам (кость, древесина, керамика, гумус) в лабораториях Москвы (Институт географии РАН), Санкт-Петербурга (ИИМК РАН), Киева (НАН Украины), Познани (Польша) и Гронингена (Нидерланды). При этом была использована методика, позволяющая перепроверять полученные даты: альтернативные определение возраста комплекса по разным материалам,

¹ Работа выполнена при поддержке Задания № 33.1471.2014К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

датировка в нескольких лабораториях. Особый интерес представляет определение возраста с поправкой на изотопное фракционирование, сделанное в лабораториях Гронингена (Й. ван дер Плихт) и Познани (Т. Гослар). Оно позволило получить узкие диапазоны дат для ямных курганных могильников. Радиоуглеродное датирование способствовало решению многих спорных вопросов эпохи энеолита степной зоны Восточной Европы (процесс распространения энеолитических культур, их соотношение, хронология и периодизация) (Моргунова, 2011). Для ямной культуры радиоуглеродное датирование позволило уточнить ее периодизацию в Волго-Уральском междуречье (Моргунова, 2014. С. 164). Для срубной культуры были получены даты по пяти могильникам, что способствовало разработке периодизации этой культуры в Западном Оренбуржье (Купцова, 2011).

II. Палеопочвенные и биоморфологические исследования. К числу задач археологического почвоведения, нового междисциплинарного направления, относятся, по мнению В.А. Демкина, «реконструкция природных условий в эпохи энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья; оценка влияния палеоэкологических условий на хозяйственную деятельность, расселение и миграции древнего и средневекового населения; культурно-исторические реконструкции с использованием данных и методов почвоведения и смежных наук» (Демкин и др., 2006. С. 349). В полном соответствии с этими постулатами палеопочвенные исследования, проводимые д.г.н. О. С. Хохловой и д.и.н. А. А. Гольевой стали неотъемлемым спутником археологических исследований и позволили установить, какие именно природно-климатические условия характеризовали время сооружения могильников раннего и позднего бронзового века, а также раннего железного века (Хохлова и др., 2004. С. 1173–1175). Кроме того была предложена концепция короткого хроноряда, объединяющего палеопочвы курганов одной культуры, благодаря чему выявлена последовательность сооружения курганов в курганных группах, в том числе с опорой на радиоуглеродное датирование погребенного гумуса и карбонатов (Моргунова, 2013. С. 7). Применение микробиоморфного анализа позволило выяснить особенности использования органического сырья в погребальном обряде, а также уточнить взаимное соотношение курганов в могильнике (Гольева, 2008. С. 154). В конечном итоге благодаря данным палеопочвоведения была уточнена хронология и периодизация культур бронзового века Южного Приуралья (Моргунова, 2014).

III. Работа с археологическими артефактами: технико-технологический анализ керамики и металлографический анализ. За время деятельности

ОАЭ была получена богатая коллекция металлических изделий бронзового века, которая стала объектом изучения ведущих российских специалистов по истории металлургии. Уникальные предметы из метеоритного железа (I Болдыревский курганный могильник) были исследованы коллективом ученых во главе с Н. Н. Тереховой (Терехова и др., 1997. С. 33–39). Шлаки с поселений позднего бронзового века Оренбуржья были проанализированы С. А. Григорьевым (Григорьев, 2004), что позволило выяснить роль Каргалинского горно-металлургического центра в металлургии срубной культуры. Медные и бронзовые орудия ямной и срубной культуры подвергла металлографическому анализу А. Д. Дегтярева (Дегтярева, 2003; Моргунова и др., 2010). Были выделены геохимические группы находок, причем для ямной культуры преобладают изделия из чистой меди, для срубной культуры – продукция из оловянной бронзы. Удалось определить также самые характерные технологические схемы изготовления орудий, что позволило установить специфику металлургии Южного Приуралья раннего и позднего бронзового века.

Еще одним ключевым направлением деятельности ОАЭ является технико-технологический анализ керамики. Для анализа посуды бронзового века, найденной как в погребениях, так и на поселениях были привлечены специалисты из других научных центров, работавшие по методике А. А. Бобринского (Салугина, 2003; Мухаметдинов, 2012а, б). Их исследования позволили выяснить особенности гончарства ямной и срубной культур, выявить культурные связи населения бронзового века. Керамика раннего железного века стала объектом исследования сотрудника ОАЭ Л. А. Краевой (Краева, 2003, 2008), причем технико-технологический анализ позволил не только выяснить особенности гончарного производства кочевников-сарматов, но и выявить особенности культурогенеза населения раннего железного века Южного Приуралья.

Таким образом, мультидисциплинарный подход в археологических исследованиях, подразумевающий широкое использование методов естественных наук и смежных дисциплин, способствовал получению ОАЭ данных, которые позволили корректировать и уточнять хронологические и культурогенетические схемы, разработанные традиционной археологией. Сочетание сугубо археологических методов и методов естественных наук является необходимым требованием к научной деятельности в современных реалиях.

Список литературы

- Гольева А. А., 2008. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: Генезис, география, информационная роль. М.
- Григорьев С. А., 2004. Спектральный анализ шлаков эпохи поздней бронзы Поволжья и Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург. С. 46–63.
- Дегтярева А. Д., 2003. Металлические изделия ямной культуры Южного Приуралья // Моргунова Н. Л. и др. Шумаевские курганы. Оренбург. С. 359–377.
- Демкин В. А., Демкина Т. С., Борисов А. В., Алексеев А. О., Хомутова Т. Э., 2006. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Т. II. Новосибирск. С. 349–351.
- Краева Л. А., 2003. Техничко-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Моргунова Н. Л. и др. Шумаевские курганы. Оренбург. С. 332–358.
- Краева Л. А., 2008. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI-I вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Купцова Л. В., 2011. Результаты радиоуглеродного датирования материалов срубной культуры Западного Оренбуржья // Вестник Оренбургского государственного университета. №16 (135). Оренбург. С. 476–478.
- Моргунова Н. Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург.
- Моргунова Н. Л., 2013. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. Вып. 230. С. 5–23.
- Моргунова Н. Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А., 2010. Скворцовский курганный могильник. Оренбург.

- Моргунова Н. Л., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В., 2011. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IX. Оренбург. С. 53–75.
- Мухаметдинов В. И., 2012а. Техничко-технологический анализ керамики Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. X. С. 134–139.
- Мухаметдинов В. И., 2012б. Техничко-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. X. С. 101–111.
- Салугина Н. П., 2003. Техничко-технологическое исследование керамики эпохи бронзы II Шумаевского курганного могильника // Моргунова Н. Л. и др. Шумаевские курганы. Оренбург. С. 314–331.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Хохлова О. С., Хохлов А. А., Чичагова О. А., Моргунова Н. Л., 2004. Радиоуглеродное датирование карбонатных аккумуляций в почвах голоценового хроноряда степного Приуралья // Почвоведение. №10. С. 1163–1178.

О методике создания базы данных амфорного материала

*Жужлов А. А. (Саратовский национально исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Институт археологии и культурного наследия, г. Саратов)
virus_zh@bk.ru*

Коллектив Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета в 2015 году приступил к работе по проекту «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма». Эти музеи располагают колоссальными коллекциями амфор, которые в силу различных обстоятельств обработаны лишь в малой части.

Хорошо известно, что при исследовании античных памятников до 90 % находок приходится на фрагменты амфор, с помощью которых в

полной мере можно установить реальную ситуацию в античном торговом обмене. Амфорный материал относительно легко идентифицируется, является массовым, а значит доступным для статистического анализа, что и позволяет реконструировать торговые связи.

Обработка рассматриваемых находок целесообразна и продуктивна лишь в том случае, если мы имеем полное представление о целых формах сосудов, или, другими словами, располагаем детальными типологическими и хронологическими классификациями амфор основных экспортеров. Усилиями французских, американских, румынских, немецких и отечественных исследователей (П. Дюпон, М. Лаваль, К. Келер, Г. Финкельштейн, К. Беркер, Н. Коновичи, А. Авраам, И. Б. Брашинский, В. И. Кац, С. Ю. Монахов, Н. Ефремов, Н. Ф. Федосеев и др.) в последние десятилетия удалось создать Своды клейм основных центров-производителей керамической тары и детальные типологии амфор некоторых центров производства (Синоп, Родос, Фасос, Книд, Херсонес, Самос, Хиос и др.), дающие возможность надежно реконструировать легенду клейма, определить максимально точную его дату, а также установить хронологию целых форм сосудов. В развитии последнего направления – изучении эволюции форм керамической тары приоритет, начиная с 1930-х гг. (Б. Н. Граков, И. Б. Зеест, И. Б. Брашинский), принадлежит отечественной школе антиковедения. Самые масштабные работы проведены с теми выборками амфор (гераклеийские, синопские, фасосские, родосские, херсонесские и др.), которые широко представлены в греческих городах Северного Причерноморья и варварских некрополях (работы И. Б. Брашинского, В. И. Каца, С. Ю. Монахова, С. В. Полина и др.).

В последние годы появилось несколько детальных типологических и хронологических классификаций амфор основных центров-экспортеров, что позволяет на современном уровне провести систематизацию накопленного материала. Вместе с тем, базы данных, дающие возможность провести быструю сверку находок и поиск существующих аналогий, до сих пор отсутствуют. Подобная работа только началась в зарубежных исследовательских центрах. К примеру, в Афинах, Торонто и Александрии предпринята попытка создания подобной базы на основе коллекции клейм, систематизированной В. Грейс (проект «AMPHOREUS»). Тем не менее, следует признать, что пока эти базы не позволяют работать слишком успешно. Насыщение сайтов происходит медленно, пополнение баз данных не отвечает современным требованиям, кроме того они ограничены локально. По-прежнему ощущается необходимость создания общей базы данных для всех известных на сегодняшний день целых амфор с возможностью ее регулярного обновления.

Целью проекта является введение в научный оборот огромного пласта археологических источников, который до сих пор крайне слабо представлен в научных публикациях. Создаваемая база данных позволит выйти на качественно новый уровень исторического знания. Проект включает находящиеся на хранении во всех крымских музеях амфоры VI–II вв. до н. э. На первом этапе нами были обработаны фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

Коллекция амфор Керченского музея является одной из самых представительных. Нами обработано здесь 240 только целых амфор. В собрании представлены находки, происходящие большей частью с Керченского полуострова, но имеются также амфоры, поднятые из моря или обнаруженные на памятниках из других районов Крыма. Практически все находки относятся к раскопкам послевоенного времени.

Работы начались с составления картотеки уже обработанных амфор из коллекции. Затем была проведена работа с учетными карточками и книгой поступлений музея, где были выявлены интересующие нас находки, уточнены их паспортные данные. Далее мы приступили к непосредственной фиксации материала. Производили измерения амфор, делали их чертежи в натуральную величину, параллельно амфоры и клейма фотографировали и составляли их описание, где фиксировали параметры изделия с указанием известных аналогий. В том случае, если амфора была опубликована, давали отсылку к публикации и, наконец, датировали тару.

Второй этап работы связан с созданием базы данных оцифрованного материала. Для оцифровки картотеки было выбрано программное обеспечение Adobe Illustrator (далее Иллюстратор) CS5 версии 15.0.2., которое предоставляет огромные возможности в процессе оцифровки информации и дальнейшей работы с ней. Ценным преимуществом данной программы является то, что она создает векторное изображение, а не растровое, что позволяет работать с масштабом полученного чертежа без потери его исходного качества. Существенным плюсом Иллюстратора является совместимость его конечных файлов со многими другими системами обработки и систематизации информации. Конечным результатом работы станет база данных, в которой каждая амфора будет представлена в виде картотечного листа, с изображением амфоры в масштабе 1:5. Клейма будут изображены в натуральную величину. Предполагается публикация такой базы в виде каталога (рис. 1), она также будет выставлена на сайте института археологии и культурного наследия СГУ.

Описание: относится к типу I-A гераклейских амфор, вариант I-A-1.

Дата: 70-е гг. IV в. до н.э.

Аналогии: Монахов. 2003: 132. Табл. 90–8.

Размеры:

H=660 мм

H₀=570 мм

H₁=290 мм

D=246 мм

d=63×72 мм

d₁=90×98 мм

Сохранность: целая.

Клеймо:

Ζωδρό

Στόφων

Аналогии клейма: Надлимановское гор. (Дзис-Райко № 46а); Журавки-1 (Гаврилов 2011. С. 210, № 16).

Магистрат Στόφων относится к П-БМХГ.

Датируется: в пределах 70-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, прил. V).

Происхождение: Мирмекий, 1994 г. Яма 142. раскопки Виноградова Ю.А.

Номера хранения: ККТ 919, КП 131163.

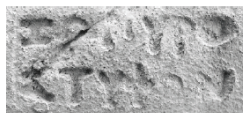

Рис. 1. Образец описания амфоры из Керчи.

Опыт использования ГИС-технологий для пространственного анализа археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (эпоха бронзы – средневековье)¹

Никulina А. В. (Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск)
nikulina_a@ngs.ru

В современных археологических исследованиях изучение закономерностей пространственного размещения памятников имеет важное значение при выяснении характера взаимодействий древнего человека и палеосреды, а также для выявления механизмов адаптации населения к природным условиям. На протяжении ряда лет для территории Обь-Иртышского междуречья ведутся работы по данной тематике, предва-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-35-00409 мол_а. Участие в конференции осуществлено в рамках благотворительной деятельности, на средства, предоставленные Фондом Михаила Прохорова.

рительные результаты которых были опубликованы (Кузьмин и др., 2013; 2014). Автор принимал участие в 2013 – 2016 гг. как в экспедиционных, так и в камеральных исследованиях по данной теме.

Характеристика методики. Источниковедческую базу составляют известные на сегодняшний день 138 датированных памятников эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Для составления базы геоданных использованы своды археологических памятников районов Новосибирской области, дополненные материалами, предоставленными сотрудниками Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, а также многочисленные опубликованные материалы. Каждый культурный горизонт многослойного памятника заносился в базу данных как отдельный объект. Описание геоморфологической ситуации проводилось сотрудниками Института геологии и минералогии СО РАН в ходе полевого обследования памятников. Географические координаты определялись с помощью GPS-приемника Garmin 76Gsx.

Изучение форм и типов рельефа местности проводилось с помощью методики геоинформационного картографирования, разработанной Чупиной Д. А., на основе морфометрического анализа цифровой модели рельефа SRTM с пространственным разрешением 3 арксекунды и точностью по высоте 1 м, которая находится в открытом доступе (<http://srtm.csi.cgiar.org>) (Чупина, 2014). С помощью этой методики Д. А. Чупиной построена схема форм рельефа, включающая: долины р. Омь и ее правобережные притоки (пойма, террасы и озеровидные приречные расширения), гривы и межгривные понижения, озерные и палеозерные котловины, полого-волнистая равнина, в различной степени осложненная холмами и суффозионно-просадочными западинами, а также схема геоморфологического районирования территории. Эти схемы были использованы в настоящей работе с любезного разрешения Д. А. Чупиной.

В ходе геостатистической обработки данных, полученных в результате полевых работ, были вычислены следующие морфометрические показатели: 1) высота памятников над урезом воды; 2) их удаленность от предполагаемых водных ресурсов; 3) отклонение высоты памятника от тренда рельефа; 4) расстояния между всеми памятниками внутри выборок (по эпохам и этапам). Для вычисления морфометрических показателей по цифровой модели рельефа SRTM использовались модули полнофункциональной ГИС ArcGis 10.2AnalysisTools и SpatialAnalysisTools; для построения гистограмм – программный пакет Statistica 10, а

для составления атрибутивной базы данных и построения двумерных диаграмм – MicrosoftExcel.

Каждый археологический этап центральной части Барабинской лесостепи характеризуется определенными климатическими условиями, что являлось одним из основных факторов при выборе людьми мест для поселений или могильников. В аридные этапы пригодными для жизни были ландшафты, которые сегодня являются гидроморфными (долины и котловины палеоозер), а в более влажные этапы наиболее выгодными становились автоморфные территории (полого-волнистая равнина, гривы и бровки). Особенности экономической деятельности населения являлись вторым важным фактором в выборе места проживания. Усложнение хозяйственной деятельности и появление кочевого скотоводства привело к изменению геоморфологической приуроченности памятников. Так, например, культуры с оседлым и придомным типом хозяйствования тяготеют к приречным пространствам, а кочевники осваивают большие территории, в том числе удаленные от речных артерий.

Опыт изучения пространственной локализации археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи позволяет выявить для каждой культуры палеоландшафтные предпочтения и связать их с палеоклиматической динамикой и изменением типов хозяйствования. Таким образом, использование ГИС-технологий для геоархеологических исследований центральной Барабы является перспективным для реконструкции системы расселения в разные археологические эпохи.

Список литературы

- Кузьмин Я. В., Зольников И. Д., Новикова О. И., Глушкова Н. В., Чупина Д. А., Софеев О. В., Ануфриев Д. Е., Дементьев В. Н., 2013. Анализ пространственного распределения археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на основе ГИС-технологий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 12. № 7. С. 87–96.
- Кузьмин Я. В., Софеев О. В., Чупина Д. А., Зольников И. Д., Новикова О. И., Никулина А. В., Ануфриев Д. Е., 2014. Результаты геоархеологических исследований в центральной части Барабинской лесостепи (Новосибирская область) в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии Сибири и

сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Т. XX. С. 202–205.

Чупина Д. А., 2014. Автоматическое выделение форм и комплексов рельефа на основе морфометрического ГИС-анализа (на примере Венгеровского района Новосибирской области) // Геоморфология. №3. С. 43–50.

Аспекты исследования и сохранения Великой Абхазской стены

*Кайтан Ш. Г. (Министерство культуры и охраны
историко-культурного наследия Республики Абхазия, г. Сухум)
shandorikkaitan@mail.ru*

Республика Абхазия, как один из древнейших уголков Кавказа, богата уникальными материальными памятниками историко-культурного значения. Их изучение давно привлекало исследователей-кавказоведов. Эффективное исследование этих памятников, установление охранных зон, проведение консервационных работ является неотложной задачей.

Великая Абхазская стена является самым масштабным и наиболее крупным фортификационным сооружением Кавказа, которое локализуется на территории нынешней Республики Абхазия. Грандиозные руины стены уже долгое время интересуют археологов. Однако этот памятник является одним из самых спорных и загадочных.

Начиная от устья р. Келасур стена тянется по предгорью и спускается к устью р. Ингур. Ее длина составляет 160 км. Основными элементами рассматриваемого памятника являются башни, гарнизонные укрепления, соединяющая их стена и, в отдельных случаях, рвы и валы. Высота стены обычно составляла 4 м, ширина стены у почвы достигала 1,5–2 м. Фундаменты прослеживаются повсеместно. Глубина их подошвы от современного уровня почвы насчитывает 0,5 – 1 м. Стены возведены из речного булыжника, либо из ломаного известняка. В растворе отмечено резкое преобладание извести над отощителем.

У истоков научного изучения данной стены стоит французский путешественник первой половины XIX в. Ф. Дюбуа де Монпере, который отнес её к VI в. до н. э. В. И. Чернявский связал этот памятник с

Юстиниановской эпохой, то есть относил его к VI в. К этой мысли присоединился и А. А. Миллер. Недавно появилась и версия о том, что крепостную стену построили персы. Сторонникам этой гипотезы являются З. Алексидзе и другие исследователи. Однако, по нашему мнению, это предположение не соответствует известным письменным источникам VI в., авторами которых являются Агафий Миринейский и Прокопий Кесарийский. Отдельные ученые в 1970-х гг. высказали мнение о том, что стена была построена лишь в середине XVII вв. (Ю. Н. Воронов, Т. Берадзе). Хочется сказать, что, не смотря на такую датировку, которая была обусловлена, на наш взгляд, отсутствием широкомасштабных археологических раскопок, Ю. Н. Воронов проделал огромную работу по обмеру и сбору первичной информации, которой мы сейчас пользуемся.

Новейшие охранно-изыскательские исследования, проведенные непосредственно экспедицией Государственного Управления Республики Абхазия по охране историко-культурного наследия в соответствии с годовым планом выявления, атрибуции и паспортизации памятников (2013–2014 гг.) у башни № 3, позволяют подтвердить раннюю дату строительства сооружения. Стратифицированный керамический, металлический и каменный материал, а также синхронные строительные остатки этого объекта характеризуются набором артефактов, датирующихся периодом раннего средневековья: VI – X вв.

Нижние стратиграфические слои, залегающие над материком, содержат выразительный керамический комплекс, имеющий очевидные аналогии с посудой ряда памятников Абхазии VI – VIII вв. (Алахадзы, Гагра, Анакопия, Цебельда, Атара). Верхние стратиграфические отложения в соответствии с типологией обнаруженных в них находках относятся к завершающему этапу раннего средневековья, синхронному VIII –X вв. (Пицунда, Лыхны, Анакопия, Гора Баграта). В верхнем пахотном слое, который здесь встречается повсеместно не глубже первого штыка (25 см), представлен и более поздний материал.

В рамках совместного абхазо-российского международного проекта Институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии и ИА РАН начали исследования и объектов Великой Абхазской стены. Результаты работ международной экспедиции, в частности компонентный химический анализ раствора, взятого из строительных швов с фиксацией их по горизонтам, также указывают на раннюю дату начала строительства стены, имеются данные и об этапах развитого средневековья. Первая группа анализов, как и ожидалось, показала,

что состав раствора соответствует позднеантичной традиции, где доля известкового компонента в растворе максимальна. Впоследствии доля строительных наполнителей в виде песка с мелким гравием заметно увеличивается.

Обсуждение проблемы объекта и предмета археологии на заседании теоретической секции Пленума по итогам полевых исследований 1971 г.

*Палиенко С. В. (г. Киев)
svpaliy777@gmail.com*

С 2009 г. автор занимается изучением советской теоретической археологии, которая развивалась в СССР в 1970-х – начале 1990-х гг. Теоретическую археологию можно определить как отдельную отрасль науки, изучающую археологическое познание (Палиенко, 2015. С. 392). При этом центральное значение для советских археологов-теоретиков имела дискуссия по проблеме объекта и предмета археологии, однако до сих пор нет однозначного ответа, какое событие можно считать началом этой полемики.

Автор считал ее началом доклад, сделанный в 1973 г. группой археологов в Самарканде (Генинг и др., 1973; Палиенко, 2014. С. 148). Однако последующая работа с архивными материалами позволила установить, что дискуссия началась в 1972 г. (Палиенко, 2015. С. 392), когда вопрос о предмете археологии обсуждался в Москве на заседаниях теоретической секции Пленума по итогам полевых исследований 1971 г., который проходил с 25 по 28 апреля 1972 года

Секция заседала четыре дня, но интересующая нас проблема обсуждалась в первый день ее работы. Так как в архивных документах не указаны названия докладов, то их пришлось воссоздавать, сопоставляя протоколы и опубликованные тезисы. Проблема объекта и предмета археологии была рассмотрена только в докладе В. Ф. Генинга «Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии». Этот вопрос также затрагивали во время ответов на вопросы и в общей дискуссии по докладам.

В сообщении В. Ф. Генинга рассмотрено соотношение археологии и истории. Исследователь дал дефиниции категориям объекта и предмета

археологии, определив её объектом овеществленные остатки социальной деятельности людей (коллективов, обществ) прошлого, а предметом – основные закономерности процесса овеществления социальной деятельности людей (коллективов, обществ) на различных этапах развития, вскрытие конкретного многообразия путей овеществления этой деятельности в условиях общеисторической закономерности развития общества (Генинг, 1975. С. 12–13).

После того как доклады были заслушаны, началась дискуссия (Архив РАН. Ф. 1909. Ед. хр. № 1063. Л. 5–7). Г. С. Лебедев отметил, что предмет археологии – один из важнейших на сегодняшний день. Определения либо сужали понятия, либо расширяли их: вещь; вещеведение; овеществленный источник объективно существующий. Задача заключается в том, чтобы по предметам деятельности реконструировать саму деятельность, которая не вполне адекватна предмету.

Свое мнение высказал и В. А. Сафронов, указав, что, необходимость теории ясна, но встает вопрос о заимствованиях археологией идей и методов других наук и о том, является ли смена культур основой предмета археологии.

В ответ на это выступил Л. С. Клейн. По его мнению, есть три точки зрения на предмет науки: археология является вещеведческой вспомогательной исторической наукой; археология рассматривается как вторая история, дубликат истории (отражение общих явлений в вещах); археология является исторической наукой (В. И. Равдоникас – 1936 г.). Он также поставил вопрос: возможно ли объединение объектов и предмета в одну группу? Может ли исторический уровень археологии осуществляться чисто археологическими средствами? Часто археологи, ставящие исторические задачи, садятся в лужу, ибо не решают археологические задачи археологическими методами.

В ходе дебатов, Ю. Н. Захарук, отвечая на вопрос А. Н. Рогачева – проводит ли он различие между археологией и историей первобытного общества, отметил следующие: «Здесь следует, наверное, различать предметы наук. Предметы наук различны, следовательно, различаются и науки. В понятие предмета науки входит субъект – (творец) и объект (материальная культура), между ними существует прямая и обратная связь. Археология имеет дело с той частью объекта, которая сохранилась, с субъектом же мы не встречаемся. Структура предметов по составу одна, но построение различно. Объект – предмет для реконструкции.

Предмет археологии – объект (непосредственное изучение) и субъект (конечный итог)» (Архив РАН. Ф. 1909. Ед. хр. № 1063. Л.3).

Итоги дискуссии первого дня теоретической секции Пленума подвел Ю. Н. Захарук, который отметил, что необходимо искать пути к полезной формулировке предмета археологии.

Таким образом, на основании изложенного выше можно заключить, что дискуссия по поводу определения предмета археологии, имевшая место уже в первый день работы Пленума, свидетельствовала об актуальности данной проблемы на то время.

На заседании секции присутствовали основные участники последующей (1972–1992) дискуссии: Ю. Н. Захарук, В. Ф. Генинг, Л. С. Клейн, В. М. Массон, А. Н. Рогачев, Г. С. Лебедев и другие, причем первые три исследователя также озвучили свои взгляды по этому вопросу.

Возникшая стихийно дискуссия по поводу объекта и предмета археологии послужила толчком для «официального» ее начала, так как именно этой проблеме был посвящен упомянутый выше коллективный доклад, зачитанный через год в Самарканде.

Список литературы

Архив РАН. Пленум Института археологии, посвященный итогам полевых исследований 1971 г. Секция теории и методики (25 – 28 апреля 1972 г.) // АРАН. Ф. 1909. Оп. 1. Ед. хр. №1063. 35 л.

Генинг В. Ф., Захарук Ю. Н., Каменецкий И. С., Клейн Л. С., Массон В. М., Федоров-Давыдов Г. А., 1973. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии СССР // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. Ташкент. С. 6–10.

Генинг В. Ф., 1975. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи советской археологии // ВАУ. Вып. 13. Свердловск. С. 5–16.

Палиенко С. В., 2014. Обсуждение книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии» на методологическом семинаре ЛОИА АН СССР: обстоятельства и факты // Гілея: науковий вісник: збірник наукових праць. Вип. 89 (10). Київ. С. 147–152.

Палієнко С. В., 2015. Методологічні семінари наукових установ АН СРСР та УРСР як засіб розвитку радянської теоретичної археології // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 19. С. 392–397.

Полевая методика отечественной археологии во второй половине XIX – начале XX вв.

*Прокопенко Д. Л. (ГБОУ школа № 403, г. Санкт-Петербург)
epipteyya@gmail.com*

Археологи изучают совсем не тот предмет, что существовал в древней культуре. Артефакт проходит через несколько «фильтров». Его изменяют функциональное использование, обстоятельства выпадения из живой культуры, археологизация и процесс обнаружения. Иногда и само исследование вносит в предмет те или иные изменения. Чем «чище» и строже методика извлечения из земли находок, чем она правильнее построена, тем легче восстановить первоначальный вид артефакта, установить его место в культуре.

Изучение полевой археологической методики процесс сложный, он состоит, как минимум, из двух обязательных частей. Во-первых, он включает ознакомление с инструкциями по производству археологических изысканий, а, во-вторых, чтение дневников исследователей, которые непосредственно производили свои раскопки в конкретный период времени. Казалось бы, результаты обоих этапов должны быть идентичны, однако, это далеко не всегда так.

Дело в том, что работа каждого исследователя есть уникальный процесс, который является сплавом в рамках его «творческой лаборатории» главенствующих в археологии на тот момент взглядов на производство тех или иных археологических процедур и мнения самого исследователя на то, как эти процедуры необходимо производить. Кроме того, нередко случается, что условия работ таковы, что методику необходимо видоизменять, совершенствовать, приспособлять к тем конкретным условиям работ, которые имеют место быть на данном памятнике. В настоящем сообщении приводятся результаты первого этапа этого исследования, то есть результаты анализа полевых инструкций конца XIX – начала XX вв.

Современная нам методика полевых исследований сложилась в общем смысле на рубеже XIX–XX вв., когда археология переживала период бурного развития, выразившийся в становлении основных её разделов и формировании концепций, которые надолго определили развитие этой области знания.

Инструкции, о которых идёт речь, не были обязательными для исполнения документами, но носили лишь рекомендательный характер. Даже сами авторы этих Инструкций не всегда придерживались описанных условий проведения работ и обработки материала. Однако эти сочинения всё же могут послужить интересным источником для изучения обозначенной темы, потому что содержат, если допустимо выразиться языком физики, «идеальные условия» для производства работ. Там описано то, как подобные исследования должны проводиться, по мнению авторитетных исследователей и научных обществ. На что необходимо обращать особое внимание и что и как фиксировать.

Рассмотрены следующие работы: Д. Я. Самоквасов – «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов (составлена комиссией назначенной 3 Археологическим Съездом в Киеве и утверждена в общем заседании съезда 21 августа 1874 г.)» (1878а), «Условия научного исследования курганов и городищ» (1878б), «Инструкция для научного исследования курганов Д. Я. Самоквасова и дополнения к ней А. Л. Богданова» (Самоквасов, Богданов, 1878); А. А. Спицын – «Производство археологических раскопок» (1895 г.), «Разбор, обработка и издание археологического материала» (1898 г.).

Сравнение означенных инструкций и руководств считаю целесообразным проводить по следующим критериям: изменение правил привязки памятника на местности, изменение взгляда на конструкцию насыпи, наблюдение за обрядом, формирование понимания курганного могильника как единого комплекса, изменение основных технологических приёмов ведения работ и другим.

Полевая археологическая методика конца XIX в. находилась в стадии формирования. Те изменения, которые в ней происходили, полностью соответствовали общему состоянию археологической науки на тот период, отражали внутренние процессы изменения взглядов на основные вопросы дисциплины, на её предмет и объект.

Если Д. Я. Самоквасов уделял основное внимание извлечению археологического материала из земли, его сбору и обработке, то А. А. Спицын

уже говорит о том что «конечную цель раскопки составляет полное восстановление картины погребения <...> во всех неясных случаях отчёт заканчивается обсуждением вопроса о первоначальном виде могилы и костяка и положенных при нём предметов» (Спицын, 1898. С. 7).

Я вижу в этом два разных подхода к целям археологического исследования и, если говорить несколько более общо, к целям и задачам археологии. Первый подход ближе к традиции, восходящей к коллекционерам-антиквариям (хотя, безусловно, и отличается от неё большим профессионализмом и научностью), в соответствии с которой археология является дисциплиной, чей предмет сводится исключительно к источникам. По этой традиции археолог должен заниматься препарированием материала раскопок как исторического источника. Само познание отводится другим наукам. Поль Курбэн так говорит об этом: «...установление фактов есть истинная роль и миссия археолога, есть то, что отличает его от всяческих «параархеологов», ибо он способен делать эту работу и он тот, кто единственный способен делать её правильно...» (Courbin, 1988. P. 132).

Второй же подход, на мой взгляд, ближе к той позиции, которая, несмотря на специфику археологических источников и особых требований к методике их препарирования, заключается в том, что историческая интерпретация таких источников сравнительно проста и даже предопределена. Археология, сохраняя самобытность, определяется как ещё одна история – отделяемая по специализации на вещественных источниках. Предмет археологии в этом варианте понимается широко, и в нём выделяют два уровня: источниковедческий и интерпретационный. Иногда вводят третий – промежуточный. Под ним понимается история культуры. Некоторые исследователи и вовсе считают его последним этапом исторического исследования. Некоторые из такого двойственного положения науки выводят представление о разделении археологии на две ветви, даже две отрасли, две профессии (Клейн, 2004. С. 44–46). С некоторыми оговорками такой подход называют культурной антропологией, то есть дисциплиной о человеке, которая изучает деятельность человека и общества и следы этой деятельности во всей их полноте.

Конечно, стоит понимать некоторую условность такого соотнесения имён двух археологов XIX в. с означенными традициями, однако, даже, несмотря на эту условность, это соотнесение имеет право на жизнь. Та или иная традиция научного познания не возникает из ниоткуда, как правило,

она является результатом планомерного развития. В вышеописанных инструкциях я и вижу первые шаги такого развития, которые с течением времени обрели новых сторонников и противников, взяли на вооружение новые методические приёмы, стали самостоятельными научными направлениями.

Список литературы

Клейн Л. С., 2004. Введение в теоретическую археологию. Книга I: Мета-археология. СПб.

Самоквасов Д. Я., 1878а. «Инструкция для описания городищ, курганов и пещерь и для производства раскопок курганов (составлена комиссией назначенной 3 Археологическим Съездом в Киеве и утверждена в общем заседании съезда 21 августа 1874 г.)» // Труды III Археологического съезда. Киев. Т.1. с. LXIX – LXXIII

Самоквасов Д. Я., 1878б. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава.

Самоквасов Д. Я., Богданов А. Л., 1878. Инструкция для научного исследования курганов Д. Я. Самоквасова и дополнения к ней А. Л. Богданова. М.

Спицын А., 1895 г. Производство археологических раскопок. СПб

Спицын А. А., 1898. Разбор, обработка и издание археологического материала. СПб.

Courbin P., 1988. What is archaeology? An essay on the nature of archaeological research. Chicago and London.

Изотопные методы в исследовании дольменной культуры эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа

*Ришко С. А., Трифонов В. А., Лохов К. И. (ИИМК РАН,
г. Санкт-Петербург)
spb.simon@gmail.com*

Исследовательская практика последних десятилетий уверено демонстрирует прикладную эффективность изотопных методов в изучении проблем, которые почти невозможно решить в рамках традиционной

археологической методики. К таким проблемам относится оценка уровня мобильности древнего населения. В данном исследовании приведен пример использования изотопов стронция для определения уровня мобильности и путей возможного передвижения древнего населения Северо-Западного Кавказа в эпоху строительства и использования дольменов как семейных склепов.

Летом 2008 г. в окрестностях поселка Агуй-Шапсуг (Туапсинский район Краснодарского края) в долине реки Агой, на берегу ее левого притока речки Колихо, впервые в истории кавказской археологии был открыт и исследован дольмен, в котором находились останки более 80 погребенных. Исключительную ценность дольмену придают уникальные климатические обстоятельства древности, ставшие причиной мощного оползня, перекрывшего мегалитический склеп еще в эпоху бронзы трехметровым слоем глины, песка и гальки. Благодаря этому обстоятельству содержимое погребальной камеры дольмена практически не понесло утрат, связанных обычно с повторными захоронениями или ограблениями в различные исторические эпохи. Результаты радиоуглеродного датирования образцов костей погребенных показали, что как место захоронения дольмен использовался в течение почти 500 лет (Trifonov et al., 2012), после чего он был «запечатан» отложениями. Возник вопрос, все ли захороненные проживали в районе строительства дольмена, или останки некоторых из них были доставлены из других мест. Археологическими методами этот вопрос решить невозможно. В данном случае был использован метод измерения соотношения изотопов стронция в костных останках. Природный стронций Sr состоит из четырех стабильных изотопов ^{88}Sr (82,56 %), ^{86}Sr (9,86 %), ^{87}Sr (7,02 %) и ^{84}Sr (0,56 %). Распространенность изотопов стронция связана с образованием ^{87}Sr за счет распада природного ^{87}Rb . По этой причине точный изотопный состав стронция в породе или минерале, которые содержат рубидий, зависит от возраста и отношения Rb/Sr в данной породе или минерале. По этой причине каждая местность характеризуется определенным отношением изотопов стронция. Обмен стронция в костях происходит в течение всей жизни организма и со временем становится равным фоновым показателям региона, в котором он проживает. Для разных типов костей эта скорость различна, в зависимости от толщины костей и особенностей организма. Например, в ребрах период обмена составляет 2 года, а в бедренных костях 7-10 лет. В зубах же отношение изотопов стронция остается постоянным, после завершения формирования зубной эмали, таким образом, эти показатели являются самыми предпочтительными для анализа места проживания человека.

Для локализации районов происхождения людей, погребенных в дольмене «Колихо», были определены региональные фоновые показатели изотопов стронция, по биологическим образцам. Образцы происходят из окрестностей дольменных групп, расположенных в долинах рек со сбросом в Черное море на участке, протяженностью около 100 км, между Туапсе и Геленджиком на южном склоне хребта, и в бассейне р. Белая – на северном склоне. Образцами служили панцири виноградных улиток HELIX POMATIA, для которых характерен короткий период роста панциря и ограниченная территория миграции.

Анализ изотопного состава стронция в образцах осуществлялся следующим образом. Сначала навески проб массой около 200 мг истирались в агатовой ступке до получения мелкодисперсной субстанции. Затем производилось удаление возможных вторичных загрязнений путем промывания проб в течение 1 часа в растворе 1N HCl. После этого с применением центрифугирования из раствора выделялись чистые субстанции образцов, которые в дальнейшем подвергались разложению в смеси азотной и плавиковой кислот. Степень разложения контролировалась с помощью центрифугирования. По достижении полного разложения образцов из них производилось выделение рубидия и стронция для изотопного анализа путем катионообменной хроматографии на смоле марки AG50W-X8. Изотопный анализ Sr производился на мультиколлекторном масс-спектрометре TRITON в статическом режиме. Нормализованные отношения приводились к значению $87\text{Sr}/86\text{Sr} = 0.71025$ в международном изотопном стандарте NBS-987. Полученные значения приведены на рисунке (рис. 1).

Сравнительный анализ величины отношения $87\text{Sr}/86\text{Sr}$ в костях погребенных с микрорегиональными природными фоновыми показателями (геологические и биологические образцы) показал, что около половины (47 %) погребенных (из числа анализированных), по крайней мере, в последний 7 – 10-летний период жизни были частью постоянного населения долины Агой или соседних долин, расположенных в 50–60 км от Колихо.

Почти половина (53 %) погребенных (из числа анализированных) с величиной отношения $87\text{Sr}/86\text{Sr} > 0,708$, как минимум, последнее десятилетие своей жизни провели за пределами Агойской долины, на территории пока неизвестной области. Высокие показатели отношений изотопов стронция косвенно указывают на области на северном склоне и к ЮВ от Сочи, в зоне расположения более радиогенных геологических структур, характерных для горной системы Западного Кавказа.

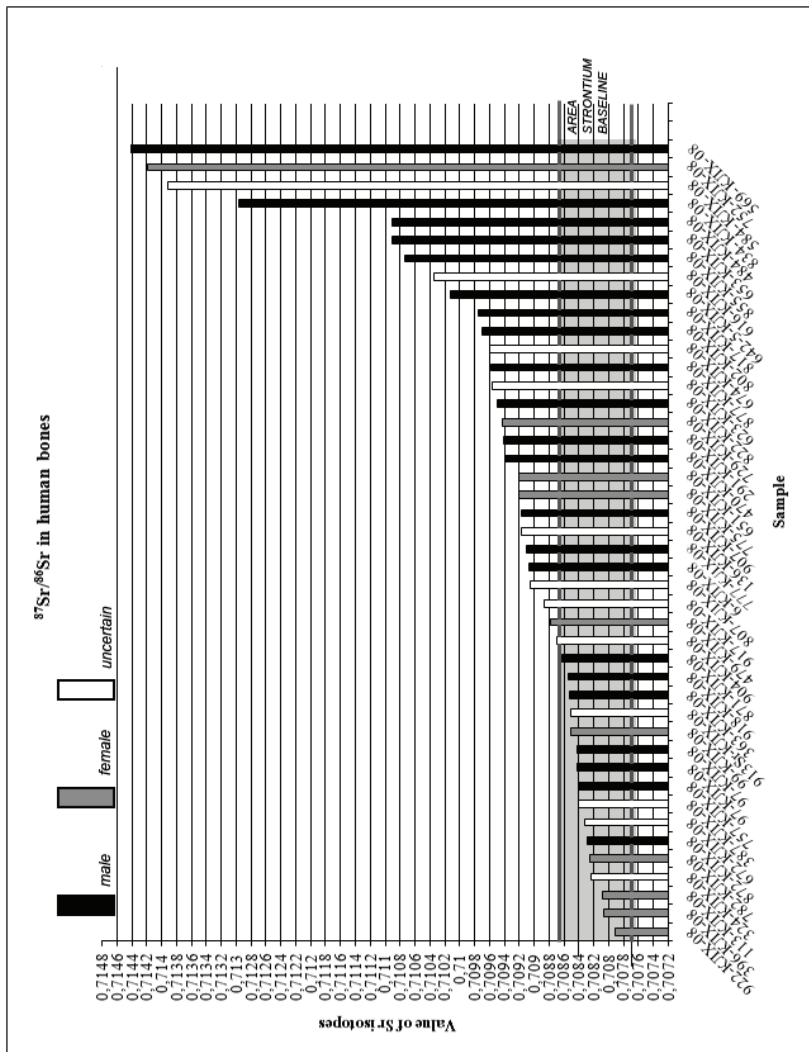

Рис.1. Показатели отношения изотопов стронция в бедренных костях погребенных в долине Колихо

Различия в содержании изотопов стронция этой группы могут указывать как на прижизненный переезд из района в район, так и на посмертное перемещение останков умерших на чужбине в семейный склеп.

Список литературы

Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Burova N. D., Bogomolov E. S., Sementsov A. A., Rishko S. A., 2012. The dolmen "Kolikhо", Western Caucasus: isotopic investigation of funeral practice and human mobility // Radiocarbon. Vol. 54. No. 3–4. P. 761–769.

Литолого-петрографический анализ каменного инвентаря из поселений эпохи бронзы Береговского археологического микрорайона

*Русланов Е.В. ., Русланов В. В. (Музей-заповедник «Древняя Уфа», ООО «Урал Промышленный Полярный -9», г. Уфа)
butleger@mail.ru*

На западных склонах Южного Урала в Мелеузовском районе Республики Башкортостан наиболее изучен в археологическом плане Береговский археологический микрорайон (далее БАМР), выделенный В.С. Горбуновым (1989. С. 30), Микрорайон включает 23 объекта археологии, причем 18 (80 %) из них являются памятники эпохи бронзы, представленными поселениями и могильниками абашевской, срубной, алакульской, черкакульской, межовской и курмантауской культур. Памятники расположены на компактной территории по правому берегу в среднем течении р. Белой.

Материалы и обсуждения. Анализируя каменные изделия из поселений БАМР средствами геологии, можно извлечь информацию, которую археологи не могут получить, используя традиционный типологический метод. Благодаря средствам геологии открываются новые возможности по установлению источников сырья, выявлению возможных путей поступления каменного инвентаря, определению границ освоенной территории, оценки роли местных источников сырья в камнеобработке. С этой целью ведущий геолог Общества с ограниченной ответственностью «Урал промышленный – Полярный № 9» Русланов В. В., применяя

литолого-петрографический анализ с использованием микроскопа Levenhuk 2S NG (двухсоткратное увеличение) просмотрел хранящиеся в кабинете археологии БГПУ им. М. Акмуллы образцы камней из поселений эпохи бронзы БАМР. Из 23 изученных образцов два являются орудиям труда: пест (Юмаковское-3 поселение) и литейная форма (Юмаковское-2 поселение). Остальные образцы представлены различными гальками, песчаником и кусочками руды, причем 12 галек (Береговское-1 поселение), происходящие из построек № 5 и № 6, не имеют следов использования, однако они были включены в выборку, поскольку найдены непосредственно в жилищных котлованах и принесены туда явно преднамеренно. По степени окатанности и близости к коренным выходам пород все образцы были разделены на четыре группы.

Группа I. Два изделия с явными следами использования (пест и литейная форма) изготовлены из изверженных пород: диорита – глубинная магматическая порода, состоящая из плагиоклаза (андезина, реже олигоклаз-андезина) и одного или нескольких цветных минералов, чаще всего обыкновенной роговой обманки; и андезита – эффузивный аналог диорита. Диорит и андезит образуют вместе с базальтом основную массу излившихся пород как в области современного, так и в области древнего вулканизма. Эти породы характерны для зоны палеовулканов Башкирского Зауралья (долгота городов Учалы-Сибай-Баймак).

Группа II. 12 образцов речной полуокатаной гальки из речного аллювия, сложенного осадочными кварцевыми песчаниками, были обнаружены в постройках № 5 и № 6 Береговского-1 поселения. Ближайшие источники добычи этой гальки, каменные пляжи р. Белой и р. Нугуш, находятся в 1,5 и 5 км от поселения.

Группа III. Четыре фрагмента породы были отобраны предположительно в одном обнажении. Эти обломки слагают единый осадочный ритм от тонкозернистых кварцевых песчаников через средне-крупнозернистые-грубозернистые до гравелитов из коренного обнажения. Ближайшие выходы таких пород распложены вблизи поселений, в 3–4 км у отрогов гор.

Группа IV. Пять кусочков руды, содержащей медь (Юмаковское-3 поселение), представляют собой обломки карбонатной жилы и кварцевых метасоматитов, пропитанных солями меди. Руда образовалась при разрушении первичных медных минералов в зоне гипергенеза (зона разрушения и преобразования горных пород). Визуальное содержание меди, которая, скорее всего, имеет зауральское происхождение, составляет 2-3 %.

Выводы. Материал, отнесенный к группам II и III, дает представление о том, что камни для нужд хозяйства собирали на территории в радиусе примерно 3,5–4 км от поселения. Особый интерес представляют образцы групп I и IV, которые могут быть отнесены к маркерам, свидетельствующим о дальних связях обитателей БАМР с населением Башкирского Зауралья. На территорию БАМР образцы групп I попали видимо уже в виде готовых изделий (литейная форма и пест), то есть были принесены людьми явно знакомыми с металлообработкой и знающими, как добывать руду, о чем свидетельствуют образцы группы IV. Изверженная порода, к которой относятся изделия группы I, менее подвержена сколам и не лопается при нагреве. Такие камни имеют высокую механическую прочность и выдерживают нагревание до 1800 °С. Ближайшее Сангалыкское месторождение диорита находится в Учалинском районе Республики Башкортостан. Выходы диорита и андезита распространены также и на севере Присакмаро Вознесенской и Западно Магнитогорской зон, в районе г. Аратау и г. Акмантау (современный Учалинский район) (Белова и др. 2010. Рис.7). Есть они и в районе рудника Бакр-Тау в Баймакском районе Республики Башкортостан (Абдрахманов, 2005, С. 267). Анализ руды из Юмаковского-3 поселения выявил ее состав: хризоколла метасоматит, серицит кварцевый, пропитанный солями гидрокарбоната меди. Эта руда, вероятно, была принесена из зоны гипергенеза медного месторождения, скорее всего из Зауралья. Попадание изделий группы I и руды (образцы группы IV) в БАМР может быть связано с проникновением сюда из Зауралья группы населения, знакомой с металлообработкой (Русланов Е., Русланов В., 2014).

Список литературы

- Абдрахманов Р. Ф., 2005. Гидроэкология Башкортостана. Уфа.
- Горбунов В. С., 1989. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев.
- Белова А. А., Рязанцев А. В., Разумовский А. А., Дегтярев К. Е., 2010. Раннедевонские надсубдукционные офиолиты в структуре Южного Урала // Геотектоника. №4. С. 39–64.
- Русланов Е. В. Русланов В. В., 2014. Геолого-минералогическая характеристика руды и орудий металлообработки с поселений эпохи бронзы западных склонов Южного Урала // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 17-ой научной конференции. Сыктывкар. С. 152–156.

Методические принципы определения охранной зоны Гочевского археологического комплекса (Курская область)

*Симоненков А. В. (ОБУК «Курский государственный музей
археологии», г. Курск)
aexskif@gmail.com*

Гочевский археологический комплекс находится на правом берегу реки Псел около села Гочево Беловского района (ранее Обоянского уезда) Курской области. Два городища («Царский дворец» и «Крутой Курган») расположены на береговом мысу. С напольной стороны они укреплены валами высотой до 6 м и рвами глубиной до 8 м. С напольной стороны за внешними валами городищ располагается обширное поселение. С запада и юго-запада к нему примыкает курганный могильник, насчитывавший в дореволюционное время 3648 насыпей, большая часть которых была уничтожена в результате распашки. Общая площадь комплекса составляла около 50 га.

Первое упоминание о Гочевском городище встречается в документе под названием «Роспись и чертеж, каков подали в Розряде Иван Васильев сын Бутурлин да подъячей Влас Андреянов, своего досмотру, что они в степи городищ досматривали и описывали во 156 году». В 1760-е гг. в анкетах Академии наук по Белгородской губернии упоминалось как об окруженном «земляными валами» городище «в дачех Обоянского уезду в деревни Гочевой...» (Стародубцев, 2012). В начале XX в. сообщения о городищах и курганах регулярно встречаются в различных археологических и краеведческих изданиях (Филиппенко, 1901; Резанова, 1911).

Начиная с исследований Д.Я. Самоквасова в 1909 г., на территории Гочевского комплекса раскопки велись преимущественно на курганном могильнике – П. С. Рыковым в 1912 г., В. С. Львовичем в 1913 г., В. Н. Глазовым в 1913 и 1915 гг. В 1915 г. В. Н. Глазов вскрыл часть площади городища «Крутой Курган». В ходе раскопок было выявлено наличие трех культурных слоев: скифоидного (V – IV вв. до н. э.), роменского (VIII – X вв. н.э.) и древнерусского (X – XIII вв. н. э.) (Рыбаков, 1939).

В 40-80-х гг. XX в. неоднократно проводились разведочные работы, в том числе И. И. Ляпушкиным (1947), Б. А. Шрамко (1958), А. В. Кашкиным (1979), Е. А. Горюновым (1979–1980), Л. Я. Крижевской (1980–1981), В. М. Горюновой (1982), О. А. Щегловой (1983), Н. А. Тихомировым (1986 –

1987). В ходе этих работ был выявлен ряд памятников различных эпох в непосредственной близости от комплекса, уточнено его состояние (Шрамко, 1958; Ляпушкин, 1961; Горюнов, 1980; 1981; Кашкин, 1979; Крижевская, 1981; Горюнова, 1982; Тихомиров, Терпиловский, 1990; Щеглова, Бажан, 1983). В 1989 г. исследования городища «Царский дворец» и поселения проводились экспедицией Института археологии УССР под руководством А. П. Моци (Моця, 1997. С. 125–127). С 1994 г. по настоящее время Гочевская древнерусская экспедиция Курского государственного областного музея археологии ведет охранные раскопки комплекса (Стародубцев, 2006. С. 163; Стародубцев., 2009. С. 101–110; Стародубцев, 2011. С. 17–22).

На основе богатого опыта исследования прошедших лет решено составить полный перечень памятников, входящих в Гочевский археологический комплекс, а также уточнить их современные границы с целью постановки на учет всех объектов культурно-исторического наследия и принятия в установленном порядке органами государственной власти субъекта Российской Федерации решения о включении объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Для этого использованы современные методы исследования и фиксации памятников исторического наследия.

Основным методом являлась пешая археологическая разведка с осмотром почвенных обнажений, сбором подъемного материала, фотофиксацией и съемкой инструментальных топографических планов выявленных памятников археологии при помощи систем глобального позиционирования и спутниковой съемки. В ходе работ были выявлены два новых памятника археологии: «Гочево Грунтовый могильник» и «Гочево Средневековая дорога». Используя портативный навигатор Garmin GPSMAP 62s, по границе распространения подъемного материала зафиксированы примерные площади объектов историко-культурного наследия, которые были нанесены на ландшафтные карты данной местности (рис. 1). Определены границы охранной зоны всех памятников, входящих в единый археологический комплекс.

Для передачи ландшафта местности, в рамках международной школы ландшафтной археологии на базе Гочевской Древнерусской экспедиции, использовался геодезический инструмент для измерения расстояний, горизонтальных и вертикальных углов – Тахеометр Sokkia CX-105. Данный прибор относится к классу неповторительных теодолитов и используется для определения координат и высот точек местности при

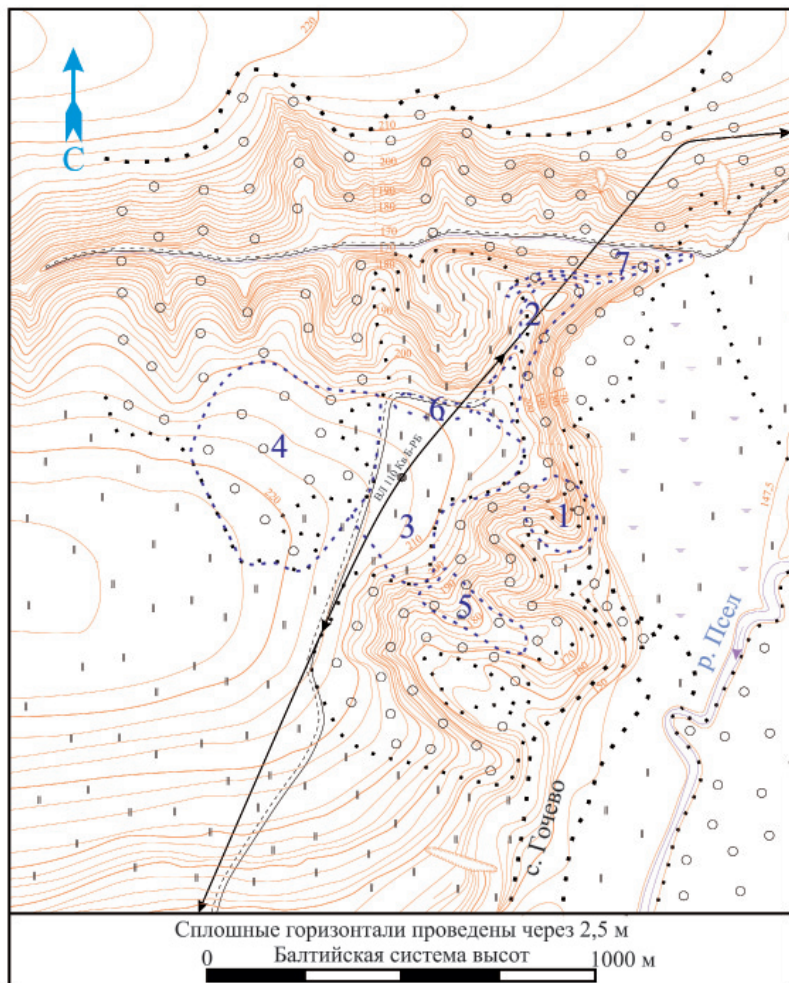

Рис. 1. Топографический план памятников Гочевского археологического комплекса (1 - городище 1 «Крутой Курган»; 2 - городище 2 «Царский Дворец»; 3 - селище 1; 4 - курганный могильник 1; 5 - курганный могильник 2 «Загородье»; 6 - грунтовый могильник; 7 - средневековая дорога

топографической съёмке местности. Итогом работы стало создание подробного плана памятника Гочево «Селище 1», который является высокоточной основой для наложения данных, полученных ранее в ходе магнитометрической съёмки данного объекта историко-культурного наследия (Бездудный, Стародубцев, 2009. С. 73–78).

Итогом археологического обследования в окрестностях с. Гочево Беловского района Курской области в 2015 г. стало выявление двух ранее неизвестных памятников археологии и постановка их на государственную охрану. Определен перечень памятников археологии для объединения в единый комплекс: объект культурного наследия федерального значения «Гочево Селище 1», выявленные объекты культурного наследия «Гочево Городище 1 (Крутой Курган)», «Гочево Городище 2 (Царский дворец)», «Гочево Курганный могильник 1», «Гочево Курганный могильник 2 (Загородье)», «Гочево Бескурганный могильник 3 (Грунтовый)», «Гочево Средневековая дорога». Составлен инструментальный топографический план объектов историко-культурного наследия. Проведена тахеометрическая съёмка памятника «Гочево Селище 1» с составлением подробного плана местности с возможностью наложения аномалий магнитосъёмки, которые соответствуют остаткам жилых домов, хозяйственных построек и иных объектов, находящихся в рамках культурного слоя памятника.

Список литературы

- Бездудный В. Г., Стародубцев Г. Ю., 2009. Итоги геофизических (магнитометрических) исследований северо-восточной части посада Гочевского археологического комплекса и дальнейшие перспективы изучения памятника // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 5. Брянск. С. 73–78.
- Горюнов Е. А., 1980. Исследования в Курской области // АО 1979 г. М. С. 50–51.
- Горюнов Е. А., 1981. Исследования в Курской области // АО 1980 г. М. С. 48–49.
- Горюнова В. М., 1984. Разведочные работы в верховьях Псла // АО 1982 г. М. С. 52–53.
- Кашкин А. В., 1979. Разведки по Сейму, Пслу, Рати // АО 1979 г. М. С. 54–55.
- Крижевская Л. Я., 1981. Раскопки поселения Курочкино 3 // АО 1981 г. М. С. 59–60.

- Ляпушкин И. И., 1961. Днепровское лесостепное левобережья в эпоху железа // МИА. № 104.
- Моця А. П., 1997. Путь из Булгара в Киев и обратно. «Киевская» часть пути // Булгар — Киев. Пути — связи — судьбы. Киев. С. 90–136.
- Резанова Е. А., 1911. О курганах близ с. Гочева, Обоянского уезда // Труды КГУАК. Вып. 1. Курск. С. 49.
- Рыбаков Б. А., 1939. Отчет о раскопках, произведенных в 1937, 1939 гг. на Гочевском городище (Курская область) // Архив ИИМК. Ф. 2, д. 259/1937.
- Стародубцев Г. Ю., 2006. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994–2005 гг. // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 2–3. Брянск. С. 162–169.
- Стародубцев Г. Ю., 2009. Средневековый замок (городище «Царский Дворец») на верхнем Псле // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск. С. 101–110.
- Стародубцев Г. Ю., 2011. Исследование вала городища «Царский Дворец» в 2006–2007 гг. // Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всероссийского семинара. Ноябрь 2009. Тула. С. 17–22.
- Стародубцев Г. Ю., 2012. Римов: проблемы локализации и идентификации памятника // Проблемы сохранения культурного наследия: материалы международного семинара (8 декабря 2011 года). Брянск. С. 106–107.
- Тихомиров Н. А., Терпиловский Р. В., 1990. Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 1. Курск. С. 43–77.
- Филиппенко А., 1901. По губернии. Обоянь // Курские губернские ведомости. № 38.
- Шрамко Б. А., 1958. Отчет о работах в 1958 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1, д. 1843.
- Щеглова О. А., Бажан И. А., 1983. Поселения Курочкин–3 и Картамышево–3 на Верхнем Псле // КСИА. Вып.175. М. С. 62–67.

Применение электронно-зондовой микроскопии к изучению состава формовочных масс глиняной посуды на примере гончарной керамики древних карелов¹

*Сумманен И. М., Чаженина С. Ю., Светов С. А. (ИЯЛИ КарНЦ РАН, Институт геологии Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск)
irina.potashева@mail.ru*

Микрозондовый анализ широко применяется в археологии, в том числе в исследованиях древней посуды. С помощью метода электронно-зондовой микроскопии (SEM – Scanning Electron Microscopy) изучены образцы теста гончарной керамики, обнаруженной при раскопках средневековых городищ Северо-Западного Приладожья. Цель работы заключалась в определении химического и минералогического состава матрицы (пластичная основа формовочной массы) и минеральной фракции (отошитель). Исследования 22 образцов (№ 7–28) осуществлены на сканирующем электронном микроскопе VEGA 11 LSH (Teskan с энергетической анализирующей приставкой INCA Energy Oxford Instruments). Ранее метод был испытан на небольшой серии проб (№ 1–6), включавших образцы теста керамики из древнекарельских городищ и горшка из Великого Новгорода, что показало эффективность выбранной методики для решения поставленных задач (Поташева и др., 2013). В данной работе обобщены результаты изучения обеих серий.

Объектом анализа стали пробы теста гончарных сосудов – фрагментов кухонных горшков, употреблявшихся древними карелами в XIII–XV вв. Большая часть сосудов относится к морфологически дифференцируемым типам I–IX (подробнее о типологии см.: Поташева, 2014. С. 135–138) и найдена на городищах Тиверск и Паасо (на этих памятниках собраны самые многочисленные коллекции керамики).

Для получения данных о химическом составе пластичной основы формовочной массы применялся факторный анализ. Проекция наблюдений на факторную плоскость позволила выделить несколько групп образцов с различными петрохимическими особенностями. Фигуративные точки

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00005 мол_а «Реконструкция технологий гончарного производства средневековой Карелии (X–XV вв.) на основе использования новейших методов геохимического анализа (SEM, ICP-MS, LA-ICP-MS)».

образцов образуют две области (рис. 1: А, Б), отличительным признаком которых стал вид исходного сырья. Для первой группы образцов (рис. 1: А) характерны обогащенные алюминием глины, близкие по составу к каолинитовым (№ 1, 2, 9, 15, 25, 26, 28), для второй (рис. 1: Б) – обогащенные железом глины иллит-монтмориллонитового состава (№ 3–5, 7, 8, 11–14, 16–18, 20–24).

Примечательно, что проба сосуда из Великого Новгорода (№ 6) и образцы № 10, 19, 27 локализованы за пределами полей А и Б. На позицию маркера № 19, возможно, повлияло изменение химического состав образца в результате плавки керамического теста – сосуд пострадал в огне. Причина отчужденности маркера № 10 не ясна: сосуд, от которого взята проба, является почти копией горшка, от которого получен образец № 28 (фактически они изготовлены одним мастером). Маркер № 27 получен от сосуда редкой формы, не включенного в типологию круговой посуды городищ Северо-Западного Приладожья.

Анализ примесной фракции показал, что в тесте гончарной керамики присутствуют минеральные и органические добавки. Как правило, использовался неорганический отощитель: дресва или песок.

Примесные минералы глин представлены преимущественно кварцем и полевыми шпатами песчаной или алевритовой размерности. По данным анализа минерального состава дресвы установлено, что для большинства изделий типов IV и V в качестве отощителя использовался песок: мелкий (тип IV: 13) средний (тип IV: 7) и крупный (тип IV: 11, 14; V: 16, 17, 18, 24; VI: 28). Песок среднего (тип I: 5; II: 4) и крупного (тип II: 4, 19; III: 3) размера зафиксирован в тесте единичных сосудов типов I, II и III. Песчаная примесь представлена зернами кварца, альбита, калиевого полевого шпата, кислых плагиоклазов разной степени окатанности, реже авгитом, гранатами, ильменитом, монацитом и цирконом.

В тесте большинства горшков типа II (№ 20–23), а также изделий типов V (№ 15), VI (№ 10) и VIII (№ 25) примесью служит дресва – обломки пород кварц-двуполевошпатового-биотитового состава. Среди аксессуарных минералов этих пород установлены гранаты разного состава: альмандин, пироп, андрадит и гроссуляр. Это позволяет предположить, что источником дресвы служили метаморфические породы Северо-Западного Приладожья, например, широко распространенные плагиогнейсы Приозерской или Лахденпохской мигматитовых зон. Минеральный состав дресвы в тесте керамики типов IV (№ 12), VII

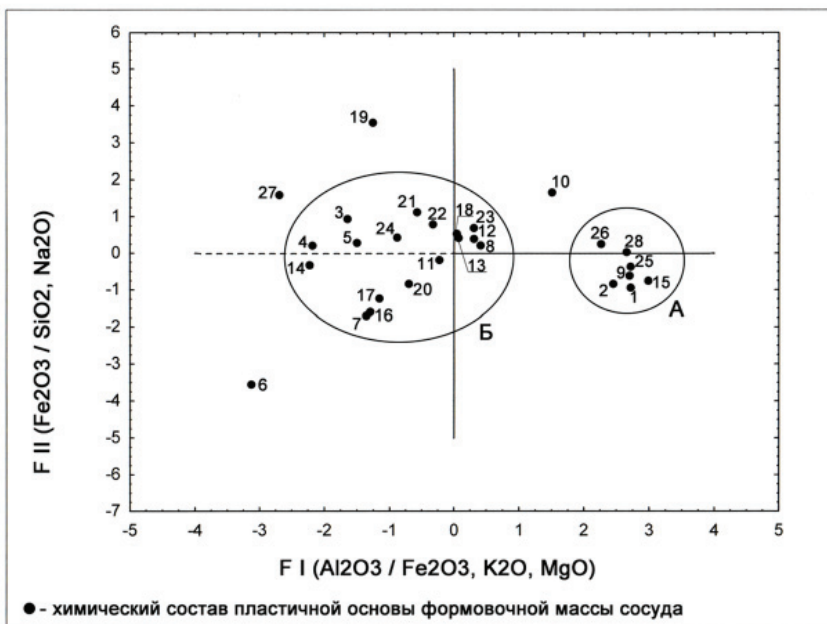

Рис. 1. Группы образцов гончарной керамики (№ 1–5, 7–25, 28 – типы I–IX; № 6 – сосуд из Великого Новгорода; № 26 – тип «Лопотти»; № 27 – без типа), выделенные по химическому составу глинистых минералов формовочной массы с помощью метода главных компонент факторного анализа

(№ 2, 9) и IX (№ 1) представлен преимущественно кварцем, полевыми шпатами, слюдами (мусковитом и биотитом) и авгитом (за исключением образца № 9, полученного от горшка типа VII). В качестве аксессуарных минералов установлены сфен, апатит, монацит и циркон; аксессуарные гранаты для этих образцов не выявлены. Такие данные свидетельствуют о том, что в качестве отощителя использовался элювий (обломки) магматических пород кислого и среднего состава.

Примеси органического происхождения встречаются редко. По химическому составу и особенностям структуры идентифицированы включения древесного угля (№ 6; тип I: 27) и кости (тип IV: 7).

Таким образом, определив химический и минералогический состав компонентов теста сосудов, можно выявить характерные особенности технологии получения формовочных масс гончарной керамики городищ Северо-Западного Приладожья в эпоху Средневековья.

Список литературы

- Поташева И. М., 2014. Гончарство древних карелов: традиционное и новое в методике изучения // Труды Карельского научного центра РАН. № 3. С. 134–140.
- Поташева И. М., Чаженина С. Ю., Светов С. А., 2013. Возможности применения микрондового анализа образцов круговой керамики к изучению технологии древнего гончарства карелов в эпоху Средневековья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 8 (137). С. 44–50.

Опыт применения комплексного подхода при изучении костюма кочевого населения Южной Сибири и сопредельных территорий конца IX–III вв. до н.э. (историографический обзор)

*Усова И. А. (Санкт-Петербургский университет управления и экономики, г. Санкт-Петербург)
irrena23@mail.ru*

История изучения материальной культуры древних кочевников Центральной Азии давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Одной из актуальных проблем археологии является систематизация накопленных материалов по истории костюма населения Южной Сибири I тыс. до н.э. Археологические исследования способствовали становлению комплексного подхода к изучению костюма кочевников. Обобщение опыта ученых позволило выделить три этапа исследования этой проблематики, каждый из которых ознаменован качественными изменениями.

На первом этапе (XVIII в. – конец 30-х гг. XX вв.) происходило научное знакомство исследователей с различными памятниками Южной Сибири. В ходе экспедиций были раскопаны курганы, изучены каменные

изваяния и наскальные рисунки. В созданные музеи поступали разные археологические находки. Важным моментом в истории изучения материальной культуры древних кочевников стала деятельность В.В. Радлова. В 1865 г. им раскопан Большой Катандинский курган, который получил широкую известность благодаря найденной в нем уникальной коллекции одежды довольно хорошей сохранности.

При исследовании других курганов кочевой элиты Алтая М. П. Грязновым, С. И. Руденко и С. В. Киселевым были обнаружены элементы костюма скифо-сакского периода. Эти материалы нашли лишь частичное отражение в довоенных изданиях.

Второй этап (2-я половина 1940-х – конец 1980-х гг.) характеризуется расширением раскопок курганов на Алтае, в Туве и Казахстане. При анализе обнаруженной одежды стал активно использовать комплекс источников, включавший археологические, изобразительные и письменные данные, на основе которых были сделаны некоторые выводы относительно культурных контактов кочевников. На Алтае были продолжены исследования «царских» курганов (Грязнов, 1950; Киселев, 1949; Руденко, 1960).

Масштабными исследованиями в Туве руководил А. Д. Грач, в Казахстане – К. А. Акишев. В «элитных» погребальных комплексах скифо-сакского периода обнаружены не только нашивные украшения, но и предметы костюма кочевников аржано-майэмирского и пазырыкского времени. Тщательная методика раскопок, фиксация находок и чертежи позволили К. А. Акишеву реконструировать парадное облачение так называемого «золотого» человека из кургана Иссык. Начиная с 1974 г., доспех воина из этого памятника экспонировался в различных музеях мира, привлекая качеством исполнения внимание посетителей и реставраторов.

В ходе раскопок рядовых могильников Алтая были обнаружены многочисленные фрагменты одежды. Среди исследованных памятников можно отметить некрополи пазырыкского времени в долинах рек Юстыд и Уландрык (Кубарев, 1987, 1991, и др.).

Исследования обозначенного этапа привели к значительному расширению круга источников. Одним из самых ярких открытий стали результаты изучения кургана Аржан (Грязнов, 1980).

Третий этап (1990-е г. – начало XXI в.) характеризуется увеличением объема археологических источников. В начале 1990-х гг. важным собы-

тием для изучения материальной культуры номадов скифо-сакского периода стало открытие захоронений знатных кочевников Алтая, Тувы и Казахстана.

В рассматриваемый период отечественные исследователи произвели качественные реконструкции костюмов ранних кочевников, опираясь на археологические, письменные и изобразительные источники. Воссоздание внешнего облика по костюму «пазырыкцев» Алтая (Полосьмак, 2001; Полосьмак, Баркова, 2005; Усова, 2010а; 2010б, 2012; Дашковский, Усова, 2010; 2011; Джумабекова и др., 2010), «каменцев» Обь-Иртышья (Тишкин, Чугунов, 2008; Шульга, 2003), «аржанцев» Тувы (Алтынбеков, 2013; Алтынбеков, Алтынбекова, 2010; Чугунов, 2004; Çugunov et al., 2010) и ираноязычных народов Евразии (Яценко, 2006) позволяет по-новому взглянуть на контакты номадов, оценить влияние различных этнических групп на сложение материальной культуры тех или иных народов.

В целом, следует сказать, что рассмотренные этапы изучения элементов костюма населения Южной Сибири и сопредельных территорий конца IX – III вв. до н.э. отражают плодотворный процесс в плане использования естественно-научных методов и осуществления оригинальных реконструкций.

Список литературы

- Алтынбеков К., 2013. Древние кочевники Евразии: собирательные образы номадов в исторических реконструкциях костюма // Вестник Томского государственного университета. История. Вып. № 3 (23) С. 206–210.
- Алтынбеков К., Алтынбекова Д., 2010. Исследования и реконструкция костюма по материалам кургана Аржан 2 // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Часть 1. Казань. С. 253–256.
- Грязнов М. П., 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.
- Грязнов М. П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.
- Дашковский П. К., Усова И. А., 2010. Семантика головных уборов «пазырыкцев» Алтая (по материалам могильника Ханкаринский дол) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань. С. 304–306.

- Дашковский П. К., Усова И. А., 2011. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (47). С. 78–84.
- Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Глушкова Т. Н., 2010. Костюм древних берельцев: попытка реконструкции // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань. Ч. 1. С. 307–310.
- Киселёв С. В., 1949. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л. № 9.
- Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.
- Кубарев В. Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.
- Полосьмак Н. В., 2001. Всадники Укока. Новосибирск.
- Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л., 2005. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV – III вв. до н.э.). Новосибирск.
- Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Тишкин А. А., Чугунов К. В., 2008. Начало исследований курганов на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. С. 86–88.
- Усова И. А., 2010а. Археологические источники для реконструкции женских головных уборов населения пазырыкской культуры Алтая // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск. С. 313–315.
- Усова И. А., 2010б. Внешний облик номадов эпохи раннего железа Центральной Азии на предметах торевтики // Торевтика в древних и традиционных культурах Евразии. Барнаул. С. 162–165.
- Усова И. А., 2012. Костюм кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий периода поздней древности и раннего средневековья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Чугунов К. В., 2004. Аржан – Источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб. С. 10–40.

Шульга П. И., 2003. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул.

Яценко С. А., 2006. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.

Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A., 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. (Archäologie in Eurasien. Band 26; Steppenvölker Eurasiens. Band 3). Mainz.

**Условия обитания поздненеоплейстоценовой мегафауны
Западного Забайкалья по данным С-N изотопного состава
костных остатков из археологических комплексов
Хотык и Каменка**

*Хубанова А. М., Клементьев А. М., Посохов В. Ф.,
Мурзинцева А. Е., Хубанов В. Б. (Геологический институт
Сибирского отделения РАН РАН (Улан-Удэ), Институт земной
коры Сибирского отделения РАН РАН (Иркутск), Геологический
институт Сибирского отделения РАН РАН (Улан-Удэ),
Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН РАН
(Улан-Удэ), Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
hubanova81@mail.ru*

Традиционный метод палеогеографических реконструкций заключается в комплексном изучении осадочных разрезов вместе с их фаунистическим и флористическим материалом. Одним из дополнительных подходов для определения среды, окружающей древних животных и человека является анализ стабильных изотопов углерода и азота в коллагене из захороненного костного материала (Ambrose, 1991; Стабильные..., 2006).

В настоящем сообщении представлены результаты реконструкции условий обитания неоплейстоценовой мегафауны Западного Забайкалья по С-N изотопному составу костных остатков из археологических комплексов Хотык и Каменка, находящихся в бассейне р. Уда, в центральной части Западного Забайкалья.

Ископаемый материал предоставлен музеем БНЦ СО РАН. Osteологическое описание и анализ костных остатков приведено в работах Л. В. Лбовой и ее соавторов (Лбова, 2000; Лбова и др., 2003) и А. М. Клементьева (Клементьев, 2005; 2011). На С-N изотопный состав

исследованы зубные и костные фрагменты *Equus sp.* (лошадь), *Coelodonta antiquitatis* (шерстистый носорог), *Ovis ammon* (аргали) и *Procapra gutturosa* (дзерен) из четвертого (возраст от 70000±13000 л.н. до 63000±9500 л.н.) (Лбова и др., 2003), третьего (32120±340 л.н. и 29310±370 л.н.) (Орлова и др., 2005) и второго (28770±245 л.н. и 26222±550 л.н.) (Там же) уровней археологического комплекса Хотык, а также комплекса «А» археологической стоянки Каменка (35845±695 л.н. и 31060±530 л.н.) (Germonpre, Lbova, 1996). Для неоплейстоценовых отложений Забайкалья нами использована система климатостратиграфических подразделений, рекомендованная МСК (Состояние..., 2008): сувинский горизонт соответствует казанцевскому для средней Сибири, томпинский – муруктинскому, степановский – каргинскому, ошурковский – сартанскому.

Выделение костного коллагена проводилось по модифицированной методике Лонджина (Longin, 1971), которая включала в себя следующие процедуры: деминерализация в 0.5 М растворе HCl, очищение от липидов и гуминовых кислот в 0.125 М растворе NaOH в течение 20 часов и растворение остатка в слабой соляной кислоте при нагревании до 100°C. С помощью центрифугирования отделялась легкая фракция (очищенный коллаген), которая затем выпаривалась до сухого остатка (Арсланов, 1987; Стабильные..., 2006).

Изотопный анализ углерода и азота очищенного коллагена выполнен на масс-спектрометре Finnigan 253 (ГИН СО РАН). Пробы анализировались вместе с международными (USGS 40, IAEA-N-1) и внутрилабораторными стандартами (MCA-7, MCA-8). Погрешность определения изотопных отношений составляла на уровне (1σ) ±0.2‰. Значений δ13C в образце рассчитывалось относительно изотопного состава белемнита PDB и δ15N – атмосферного воздуха. Для оценки степени сохранности коллагена ископаемых костей использовалось соотношение C/N, которое должно находиться в интервале от 2.9 до 3.6 (Brown et al., 1988).

Нужно отметить, что для сопоставления был также исследован изотопный состав костного материала современных животных, который был отобран в бассейнах рек Джида, Уда и Иркут. Речь идет о зубах *Bos taurus* (крупный рогатый скот), *Equus caballus* (лошадь) и *Ovis aries* (домашний баран), для которых получены значения δ13C, которые в среднем составляет около -22.5 ‰, что подтверждает выпас этих животных в луговой степи и лесостепи, причем их рацион состоял преимущественно из растений C3-типа (Bocherens, 2003). Обращает на себя внимание разброс значений δ15N у крупного рогатого скота

(5,5–8,5 ‰), лошадей (4,1–7,1 ‰) и овец (5,2–8,5 ‰), что указывает на разнообразие их диеты (наличие и отсутствие в рационе кустарниковой растительности) и различие условий выпаса (степень увлажнения и истощения пастбищ) (Стабильные..., 2006).

Для фауны томпинского криохрона (уровень 4 археологического комплекса Хотык) и степановского термохрона (уровни 3 и 2 комплекса Хотык и археологический комплекс «А» Каменки) отмечены более высокие значения $\delta^{13}\text{C}$ (в среднем -20.0 ‰), чем для современных травоядных (около -22.5 ‰) Западного Забайкалья. Такое различие предполагает, что в позднем неоплейстоцене в рационе животных доминировала растительность сухих степей и полупустынь с $\delta^{13}\text{C}$ около -25 ‰. Современным примером таких степей является Монголия и Внутренняя Монголия (автономный район на севере современного Китая), где растительные сообщества пастбищных угодий характеризуются близким изотопным составом (Буянтуева и др., 2012).

Минимальные значения $\delta^{15}\text{N}$ получены для коллагена из костных остатков шерстистых носорогов: 4 ‰ из уровня 4 комплекса Хотык и 5.1 ‰ из комплекса «А» [так?] Каменки. Для ископаемых лошадей и аргали значения $\delta^{15}\text{N}$ составляют 5.4–7.3 ‰ и 5,9–6.4 ‰, соответственно. Максимальные значения $\delta^{15}\text{N}$ зафиксированы для дзеренов степановского термохрона (уровни 3 и 2 комплекса Хотык и комплекс «А» Каменки) от 7.3 ‰ до 8 ‰.

Подобные вариации изотопных отношений азота свидетельствуют о различии рациона травоядных видов и их ареалов обитания. В диете носорогов, по-видимому, присутствовала кустарниковая растительность, и они предпочитали относительно влажные места выпаса, возможно пойменные. Рацион лошадей примерно соответствовал питанию аргали, что предполагает общие для них пастбища. В пище дзеренов доминировала травянистая растительность, и они обитали в условиях дефицита влаги – в наиболее сухостепных и полупустынных ландшафтах.

В целом изотопный состав костей представителей томпинской фауны (уровень 4 Хотыка) содержат больше облегченного изотопа азота, чем у образцов фауны степановского горизонта (уровни 3, 2 Хотыка и комплекс «А», Каменки), что подразумевает менее сухой климат в период похолодания.

Таким образом, изотопный состав углерода в зооархеологическом материале свидетельствует, что в позднем неоплейстоцене в Западном

Забайкалье климат был семиаридным. При этом каждый из видов мегафауны имел отличительный рацион питания, свидетельствующий об экологической сегрегации копытных.

Данные изотопного состава азота предполагают, что в томпинское похолодание в степном фитоценозе присутствовала кустарниковая растительность в большем количестве, чем в эпоху последующего потепления, т.е. в степановское время климат был более сухим.

Авторы признательны за помощь в освоении методики изотопного анализа к.х.н Г. И. Зайцевой, Н. Д. Буровой, О. В. Лоховой (ИИМК РАН), а также к.г.-м.н. К. И. Лохову, и д.г.-м.н., к.х.н. Х. А. Арсланову (СПБГУ).

Список литературы

Арсланов Х. А., 1987. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л.

Буйантуева Л. Б., Дамбаев В. Б., Дамдинсүрэн Б., Намсараев Б. Б., 2012. Изотопный состав углерода почвенных и растительных образцов степных пастбищ Центральной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 3. С. 94–98.

Клементьев А. М., 2005. Копытные млекопитающие и мамонт в палеолите Западного Забайкалья // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые факты, методы, гипотезы). Новосибирск. С.126–133.

Клементьев А. М., 2011. Ландшафты бассейна реки Уды (Забайкалье) в позднем неоплейстоцене (по фауне крупных млекопитающих): Автореферат дисс. канд. геог. наук. Томск.

Лбова Л. В., 2000. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ.

Лбова Л. В., Резанов И. Н., Калмыков Н. П., Коломиец В. Л., Дергачева М. И., Феденева И. К., Вашукевич Н. В., Волков П. В., Савинова В. В., Базаров Б. А., Намсараев Д. В., 2003. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). Улан-Удэ.

Орлова Л. А., Кузьмин Я. В., Лбова Л. В., 2005. Радиоуглеродные даты памятников палеолита и мезолита Забайкалья и Монголии // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск. С. 88–92.

- Состояние изученности стратиграфии докембрия и фанерозоя России, 2008. Задачи дальнейших исследований. Постановления межведомственного стратиграфического комитета и его постоянных комиссий. Вып. 38. СПб.
- Стабильные изотопы в палеоэкологических исследованиях, 2006. М.
- Ambrose S. H., 1991. Effects of diet, climate and physiology on nitrogen isotope abundances in terrestrial foodwebs // *Journal of Archaeological Science*. V.18. N. 3. P. 293–317.
- Bocherens H., 2003. Isotopic biogeochemistry and paleoecology of the mammothsteppe fauna. *Advances in mammoth research*. DEINSEA 9. P. 57–76.
- Brown T. A., Nelson D. E., Vogel J. S., Southon J. R., 1988. Improved collagen extraction method by modified Longin method. *Radiocarbon*. Vol. 30. N. 2. P. 171–177.
- Germonpre M., Lbova L., 1996. Mammalian Remains from the Upper Palaeolithic Site of Kamenka, Buryatia (Siberia) // *Journal of Archaeological Science*. N. 23. P. 35–57.
- Longin R., 1971. New method of collagen extraction for radiocarbon dating // *Nature* 230. P. 241–242.

Список сокращений

АА – Археологический альманах

АН – Академия наук

АО – Археологические открытия

АРАН – Архив российской АН

БАН – Библиотека АН

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ГИН СО РАН – Геологический институт СО РАН

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ДВО – Дальневосточное отделение

ИА – Институт археологии

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

ИИ им. А. Дониша АН Таджикской ССР – Институт истории им. А. Дониша
Академии наук Таджикской ССР

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИГУ – Иркутский государственный университет

ИЯЛИ – Институт языка и литературы

КарНЦ – Карельский научный центр

КСИА – Краткие сообщения ИА

Л – Ленинград

МИА – Материалы и исследования по археологии

МЮТАКЭ - Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

М – Москва

НАН – Национальная АН

ОАЭ – Оренбургская археологическая экспедиция

ОГУ – Оренбургский государственный университет

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

РАН – Российская академия наук

РГНФ – Российский государственный научный фонд

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

РЭМ – Российский этнографический музей

СамГУ – Самарский государственный университет

СНЦ – Самарский научный центр

СПб – Санкт-Петербург

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СО – Сибирское отделение

СА – Советская археология

СЭ – Советская этнография

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея

Фонд АНД – фонд археологической научной документации

ЦНА НАНБ – Центральный научный архив НАН Беларуси